1.-

А. Н. Ясинскій.

Очерки и изслѣдованія

по

соціальной и экономической исторіи Чехіи

въ средніе вѣка.

Visum
bibl. univers.
Dorp.

ТОМЪ I.

Основы соціальнаго строя чешскаго народа въ эпоху господства обычнаго права.

Семинарская библіотека
И. Ю. У.
Средней исторіи.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1901.

I-151

А. Н. Ясинскій.

Очерки и изслѣдованія

по

соціальной и экономической исторіи Чехіи

въ средніе вѣка.

Visum
bibl. univers.
Dorp.

Tartu Ülikooli
Raamatukogu

ТОМЪ I.

Основы соціальнаго строя чешскаго народа въ эпоху господства обычнаго права.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1901.

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго Факультета Императорскаго Юрьевскаго Университета.

14 апрѣля 1901 года. Деканъ **Ф. Озе.**

№ 18.

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU
i 31386118

Дорогой памяти

отца моего

Никиты Осиповича

Ясинскаго

посвящаю трудъ мой.

Въ 1896—98 гг. напечатана была „Соціальная исторія Чехіи“ г. Юліуса Липперта, а съ 1897 года въ чешскомъ журналѣ Alétheia началъ печатать свою доселѣ еще неоконченную работу г. Франтишекъ Вацекъ, подъ заглавіемъ: „Развитіе общества и славянскаго права въ Чехіи“. Появленіе въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ двухъ сочиненій, посвященныхъ изученію соціальныхъ отношеній, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ исторіографіи чешской наступаетъ новый періодъ. Очевидно, политическая и отчасти правовая исторія предгуситскаго времени изучены въ достаточной степени. Съ другой стороны, разработка исторіи соціальной и экономической въ сущности только начинается. Дѣло въ томъ, что такой драгоцѣнный матеріалъ, какъ поземельныя описи, до сихъ поръ остается безъ обработки. Изслѣдователи продолжаютъ въ своихъ изысканіяхъ опираться только на источники повѣствовательнаго и актоваго характера и обходятъ источники статистическаго характера. Повидимому, это отношеніе къ поземельнымъ описямъ объясняется въ значительной степени внѣшнею ихъ сухостью. Въ этомъ сочиненіи, первый томъ котораго нынѣ выходитъ въ свѣтъ, я старался указать на то, что безъ привлеченія данныхъ, почерпаемыхъ изъ поземельныхъ описей, не могутъ быть удовлетворительно разрѣшены многіе

чрезвычайно важные вопросы даже по исторіи права. Аграрныхъ же и экономическихъ отношеній нельзя правильно истолковать, пока не будутъ изучены всесторонне эти важные историческіе источники.

Позволяя себѣ кое-гдѣ обращаться къ даннымъ и фактамъ изъ исторіи другихъ народовъ, я руководился при этомъ мыслью, что такимъ образомъ возможно достигнуть лучшаго освѣщенія явленій чешской исторической жизни. Такъ какъ подобнаго рода справки имѣли значеніе только служебное или вспомогательное, то я надѣюсь, что спеціалисты не поставятъ мнѣ въ вину, если я не воспользовался всей соотвѣтствующей литературой.

Второй томъ этого сочиненія уже вполнѣ обработанъ и къ печатанію его я надѣюсь приступить осенью 1901 года. Что же касается третьяго тома, то отдѣльныя его главы также написаны, а одна была предметомъ доклада на Кіевскомъ Археологическомъ съѣздѣ 1899 года.

Принося благодарность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, содѣйствовавшимъ появленію въ свѣтъ этой работы, считаю пріятною обязанностью выразить особенную признательность Александру Николаевичу Шварцу, г. Попечителю Рижскаго Учебнаго Округа, за исходатайствованіе изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія пособія на печатаніе этого тома.

1 декабря 1900 г.
г. Юрьевъ.

Оглавленіе.

Введеніе . . . . . 1—22

I. Поземельныя описи и ихъ значеніе для соціальной исторіи 1

II. Изданія чешскихъ поземельныхъ описей 6

III. Необходимость изученія поземельныхъ описей . . 12

Глава первая. Происхожденіе, составъ и источники древнѣйшихъ чешскихъ поземельныхъ описей . . . . . 23—107

Предварительныя замѣчанія 23

I. Происхожденіе чешскихъ описей 26

II. Содержаніе и форма ихъ 33

III. Процессъ ихъ составленія 56

IV. Источники ихъ 87

Заключеніе 105

Глава вторая. Самобытное развитіе соціальнаго и аграрнаго строя чешскаго села . . . . . 108—243

Предварительныя замѣчанія 108

I. Коллективныя формы быта 111

II. Соотношеніе между кровными и территоріальными союзами 121

III. Освоеніе земель и уѣзды 131

IV. Аграрный строй села 142

V. Сельскія доли и полосы 157

VI. Плугъ или рало 175

VII. Надѣлы крестьянъ 191

VIII. Пользованіе угодьями 230

Заключеніе 242

Глава третья. Развитіе зависимыхъ отношеній . . . . 244—325
Предварительныя замѣчанія 244
I. Составъ зависимаго населенія 250
II. Колонизація государей и крупн. землевладѣльцевъ 265
III. Льгота 281
IV. Поземельныя права зависимыхъ людей 305
Заключеніе 323

Заключеніе . . . . . 326—327
Поправки и дополненія 328

Введеніе.

I. Въ ряду другихъ историческихъ источниковъ особую группу образуютъ матеріалы статистическаго характера [1]), среди которыхъ по своему значенію особенно выдвигаются поземельныя описи, извѣстныя въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи подъ различными наименованіями: полиптики, регистры, урбаріи, инвентари, чиншевыя книги и т. д. Поземельныя описи представляютъ собою письменные памятники, составленные съ соблюденіемъ извѣстныхъ формъ для опредѣленія и установленія фактовъ и данныхъ, относящихся къ состоянію землевладѣнія и землепользованія физическихъ и юридическихъ лицъ. Какъ совершенно справедливо говоритъ Инама-Штернеггъ, „по мѣрѣ извлеченія изъ архивнаго мрака каждаго инвентаря, концепта или замѣтки увеличивается надежда, что исторія народнаго хозяйства установится на совершенныхъ и точныхъ основахъ [2])!“ Огромное значеніе этихъ источниковъ для соціальной исторіи отмѣчено французскимъ академикомъ Гераромъ, обезсмертившимъ свое имя критическимъ изданіемъ и объясненіемъ

1) Въ статьѣ, напечатанной въ журналѣ Archivalische Zeitschrift, Bd. II (1877), Инама-Штернеггъ представилъ классификацію этихъ источниковъ: Ueber Urbarien und Urbarialaufzeichnungen, S. 28—30.

2) Inama-Sternegg, Ueber Urbarien etc., S. 30.

Полиптика аббата Ирминона: „Полиптикъ, составленный Ирминономъ, — говоритъ Гераръ, — указываетъ названія и пространство имѣній аббатства, состояніе и природу земель, входившихъ въ ихъ составъ, а также вообще знакомитъ съ обработкой земли, произведеніями, положеніемъ и управленіемъ ими въ царствованіе Карла Великаго и Людовика, его сына и преемника. Полиптикъ освѣщаетъ бытовую сторону жизни колоновъ и сервовъ, такъ какъ вводитъ въ ихъ хижины или дѣлаетъ насъ непосредственными наблюдателями ихъ полевыхъ работъ. Изъ него мы узнаемъ, изъ сколькихъ членовъ состоитъ семья, какія ихъ имена и къ какому классу населенія они принадлежатъ. Полиптикъ, — продолжаетъ Гераръ, — сообщаетъ данныя о ихъ надѣлахъ, платежахъ и повинностяхъ, возложенныхъ на нихъ; онъ даетъ намъ возможность оцѣнить степень процвѣтанія каждой хозяйственной единицы, благосостояніе и бытъ каждой личности. Кромѣ того, здѣсь указаны поземельныя мѣры и мѣры ёмкости, вычислена цѣна денегъ и предметовъ первой необходимости, освѣщена древняя топографія Франціи; и, наконецъ, предоставленныя въ наше распоряженіе данныя, по сопоставленію ихъ съ тѣми, которыя относятся къ теперешнему быту, могутъ быть положены въ основу сравнительной статистики одной и той же страны, но въ два различные историческіе момента, въ эпохи варварства и цивилизаціи, отдѣленныя промежуткомъ времени свыше тысячи лѣтъ [1]).“

Къ сожалѣнію, не смотря на блестящій починъ Герара, поземельныя описи мало привлекали вниманіе изслѣдователей. Подводя итоги тому, что было сдѣлано къ срединѣ 70-хъ годовъ XIX вѣка по части изданія и разработки этихъ источниковъ, Инама-Штернеггъ упрекалъ представителей нѣмецкой исторической науки въ отсутствіи

1) Guérard, Polyptyque de l'abbé Irminon, Paris 1844, T. I, 1, p. 25—26. — Aug. Longnon (Paris 1895), p. 10—11.

серьезнаго вниманія къ источникамъ, однороднымъ съ Политикомъ аббата Ирминона: „Мы далеко еще, — говоритъ онъ, — не можемъ дать себѣ даже приблизительнаго отчета въ томъ, что могутъ вскрыть намъ урбаріи, такъ какъ мы должны сначала научиться по отношенію къ нимъ правильно ставить надлежащіе вопросы. Впрочемъ, — продолжаетъ онъ, — учиться уже дана возможность. Здѣсь нужно отмѣтить выдающуюся обработку Гераромъ Политика Ирминона, сочиненіе, которое, къ стыду нѣмецкаго ученаго трудолюбія и нѣмецкой основательности, остается несравненнымъ и превосходнымъ образцомъ того, какимъ образомъ слѣдуетъ вести изученіе урбаріевъ . . . Въ томъ же обстоятельствѣ, что примѣръ Герара не вызвалъ въ теченіе почти тридцатилѣтняго періода ни одного выдающагося труда, посвященнаго обработкѣ урбаріевъ, — нельзя, къ сожалѣнію, не видѣть доказательства все-таки недостаточнаго пониманія всей значительности вопросовъ исторіи культуры и народнаго хозяйства [1]).“

Въ дѣлѣ критическаго пониманія поземельныхъ описей значительный шагъ впередъ сдѣлалъ проф. Лампрехтъ въ своемъ капитальномъ сочиненіи, посвященномъ исторіи нѣмецкаго хозяйственнаго быта въ средніе вѣка [2]). Ему удалось вполнѣ выяснить, что описи первоначально составляемы были на основаніи сказокъ или показаній зависимаго населенія. Онъ же указалъ на то, что когда подъ вліяніемъ разныхъ причинъ стали приходить въ забвеніе порядки и традиціи стараго быта, когда въ жизни даже села́ стали получать преобладаніе договорныя начала, то возникъ новый типъ описей, въ основу которыхъ были положены данныя

1) Inama-Sternegg, Ueber die Quellen der deutschen Wirthschaftsgeschichte въ журналѣ Sitzungsberichte der Phil.-hist. Classe der Akademie der Wissenschaften in Wien, Bd. 84, H. I—III, Jahrgang 1876, Wien 1877, S. 181—182.

2) Karl Lamprecht, Deutsches Wirthschaftsleben im Mittelalter, Bd. II, Lpz. 1885, S. 657—675, 650—652.

актоваго характера. Хотя выводы проф. Лампрехта основаны были на изученіи поземельныхъ описей небольшой территоріи (долины рѣки Мозеля и нижняго Рейна), но тѣмъ не менѣе онъ много далъ для критическаго пониманія поземельныхъ описей вообще, какъ источниковъ для соціальной исторіи. Стараясь прослѣдить возникновеніе новыхъ началъ, которыми руководились при составленіи этихъ источниковъ, онъ при этомъ восходитъ до сѣдой древности, а также съ интересомъ отмѣчаетъ сохраненіе старыхъ пріемовъ въ теченіе ряда новыхъ вѣковъ. Свою главную въ данномъ случаѣ задачу, состоявшую въ пониманіи природы и характера поземельныхъ описей въ зависимости отъ источника ихъ происхожденія, онъ выполнилъ вполнѣ образцово.

Однако, и въ настоящее время имѣютъ еще значеніе тѣ упреки и сѣтованія, которые высказаны были Инама-Штернеггомъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно указать на то, что древнѣйшій изъ нѣмецкихъ — Прюмскій урбарій доселѣ не изданъ вполнѣ [1]). При изданіи поземельныхъ описей нѣмецкіе ученые не считаютъ необходимымъ принимать во вниманіе тѣ требованія, которыя указаны были Инама-Штернеггомъ [2]), а, кромѣ того, при отсутствіи опредѣленнаго плана издаютъ или маловажные памятники или такіе, значеніе которыхъ, въ связи съ другими, относящимися къ той же мѣстности и неизданными, оказывается недостаточно яснымъ [3]).

Не лучше обстоитъ дѣло и во Франціи, родинѣ знаменитаго Герара. Хотя недавно скончавшійся проф. А. Жири

---

1) K. Lamprecht, Bd. II, S. 60.

2) Inama-Sternegg, Ueber Urbarien etc., S. 47—52.

3) Всѣ эти недочеты и пробѣлы указалъ проф. Лампрехтъ въ журналѣ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, Neue Folge, Bd. VI, S. 237—240. См. также Jos. Šusta, Zur Geschichte und Kritik der Urbarialaufzeichnungen, Wien 1898, S. 4. Статья Іосифа Шусты напечатана была въ изданіи Вѣнской академіи Sitzungsberichte, Bd. 138. Цитата сдѣлана по отдѣльному оттиску.

жаловался на то, что со времени появленія работъ этого ученаго обращено главное вниманіе на изданіе хартуляріевъ, вслѣдствіе чего появляются сравнительно въ маломъ количествѣ оригинальныя грамоты, столь необходимыя для изученія дипломатики[1]), но достаточно просмотрѣть хотя бы тѣ списки хартуляріевъ и полиптиковъ X—XI вв., которые приложены къ сочиненію Жака Фляша, чтобы убѣдиться въ томъ, что только сравнительно немногіе изъ нихъ напечатаны[2]). Объ успѣхахъ по разработкѣ и изученію поземельныхъ описей во Франціи со времени Герара можно судить по замѣчанію, которое было сдѣлано Августомъ Лоньономъ при переизданіи труда этого знаменитаго академика: „Книга Герара, — говоритъ новый издатель Полиптика аббата Ирминона, — въ цѣломъ есть удивительный памятникъ, а его общіе выводы подверглись незначительному измѣненію въ теченіе полувѣка . . . Не слѣдуетъ ожидать отъ насъ, — продолжаетъ онъ, — работы, подобно той, которую совершилъ нашъ славный предшественникъ; мы думаемъ исполнить удовлетворительно свою задачу второго издателя, давая самое краткое извлеченіе того, что̀ написалъ Гераръ.“ Хотя было бы ошибочно понимать эти слова въ буквальномъ смыслѣ[3]), но все же слѣдуетъ согласиться, что со времени Герара французская наука не сдѣлала особенно значительныхъ успѣховъ въ области изученія поземельныхъ описей и исторіи народнаго хозяйства.

---

1) A. Giry, Manuel de diplomatique, Paris 1894, S. 33.

2) Jacques Flach, Les origines de l'ancienne France, Paris 1886, T. I, p. 25—36.

3) A. Longnon, Polyphique T. I (Paris 1895), p. 11. — Искусно и сжато излагая выводы Герара о топографіи, мѣрахъ, монетѣ, сословномъ дѣленіи и землевладѣніи монастыря, Авг. Лоньонъ часто исправляетъ и дополняетъ ихъ. Кромѣ того, онъ присоединилъ 4 большихъ и цѣнныхъ приложенія: 1) перечень монаховъ монастыря во время Ирминона; 2) списокъ имѣній аббатства; 3) этюды по сравнительной статистикѣ; 4) изслѣдованіе о собственныхъ именахъ. Многіе вопросы при этомъ были пересмотрѣны заново, а нѣкоторые выводы Герара были дополнены и исправлены.

II. Если даже тѣ страны, въ которыхъ разработка исторической науки продолжается уже нѣсколько столѣтій, не могутъ похвалиться особеннымъ обиліемъ изданій и трудовъ, посвященныхъ поземельнымъ описямъ, то положительно приходится только изумляться тому, что въ Чехіи уже давно изданы почти всѣ подобнаго рода древнѣйшіе источники изъ числа сохранившихся.

Въ 1856 году проф. Вл. Томекъ зналъ три поземельныя описи чешскихъ монастырей, а именно: Островскаго, Бревновскаго и Страговскаго монастырей. Кромѣ того, онъ тогда же указывалъ на существованіе инвентаря монастыря Св. Ѳомы, начатаго въ 1391 году и продолжаемаго вплоть до XVI вѣка. Въ виду того, что эти памятники не были еще изданы, а потому не были доступны широкому кругу изслѣдователей, проф. Вл. Томекъ взялъ на себя задачу познакомить ученыхъ съ богатымъ содержаніемъ описи Страговскаго монастыря. Изложеніе содержанія проведено было по такимъ рубрикамъ: 1) обзоръ владѣній монастыря; 2) земли, находившіяся въ непосредственномъ завѣдываніи монастыря; 3) имѣнія и земли зависимыхъ людей; 4) платежи и повинности зависимыхъ людей; 5) управленіе и судъ; 6) доходы монастыря. Эта первая работа, посвященная изученію чешскихъ поземельныхъ описей, не представляетъ собою изслѣдованія въ строгомъ смыслѣ слова, являясь только, какъ и замѣчаетъ самъ авторъ, попыткою дать болѣе или менѣе систематическое обозрѣніе матеріала, находившагося въ изучаемомъ источникѣ [1]).

Къ сожалѣнію, статья эта не способствовала, какъ можно было ожидать, пробужденію въ средѣ чешскихъ ученыхъ особеннаго интереса къ поземельнымъ описямъ. Лучше всего это можно видѣть изъ того, что только спустя четверть вѣка послѣ того появилось первое изданіе одной

1) V. V. Tomek, Urbář kláštera Strahovského složený roku 1410 въ журналѣ Památky Archéologické, díl II, S. 73.

чешской поземельной описи. Пересматривая рукописи въ библіотекѣ Ордена крестоносцевъ, г. Іосифъ Тругляръ отыскалъ прекрасно сохранившуюся рукопись, написанную почеркомъ XIV вѣка. Рукопись на первомъ листѣ имѣла такое заглавіе: Liber censititius et decimalis ordinis crucigerorum cum rubea stella catalogo inscriptus Pragae anno 1732; на первомъ же листѣ второй тетради стояло другое заглавіе: Registrum bonorum domini Vlrici de Rosenbergh. Эту рукопись издалъ г. Тругляръ въ 1880 году подъ заглавіемъ: Registrum bonorum Rosenbergicorum anno 1379 compilatum [1]). Такимъ образомъ, благодаря случайной находкѣ, появилось первое изданіе одного изъ важныхъ регистровъ или поземельной описи предгуситской эпохи [2]). Въ слѣдующемъ году проф. Эмлеръ, недавно скончавшійся (16 февраля 1899 года) извѣстный издатель чешскихъ историческихъ источниковъ и знатокъ палеографіи, рѣшилъ издать всѣ извѣстныя ему

---

1) Объ изданіи этомъ имѣется въ литературѣ суровый отзывъ г. Климеша (J. M. Klimesch) въ журналѣ Mittheilungen d. Vereins für Geschichte d. Deutschen in Böhmen, Jahrg. XX, Lit. Beil., S. 26—28. Дѣлая нѣкоторыя топографическія исправленія къ указаніямъ издателя, рецензентъ высказываетъ при этомъ такія положенія, съ которыми, однако, нельзя согласиться: 1) по его мнѣнію, ланъ и мансъ не одно и то же; 2) ланъ былъ и теперь остается единицею мѣры 60 іоховъ земли (grosse Bodenfläche mit Feld, Wiese und Wald) и т. д. Необходимо впрочемъ сказать, что издатель считалъ себя необязаннымъ разъяснять испорченныя мѣста въ текстѣ и тексты, трудные для пониманія, а ограничивался постановкою въ скобкахъ sic или вопросительнаго знака: laneus de curia Marssow empticus (sic) per rusticos; sed mentitur (?) de porcis; relicta Andree colit cum duabus uticis (?) и т. д. (См. Registrum, p. 15, nr. 109; p. 44, nr. 379; p. 47, nr. 400). Всего удивительнѣе, что издатель напечаталъ такой текстъ: molendinum domini, quod molit aurum et exponitur cum Vibora (ibid., p. 15, nr. 115), и даже не поставилъ послѣ слова Vibora, въ которомъ легко узнать urbora или urbura (См. Codex juris bohemici, t. II. 2, p. 157—159), своихъ излюбленныхъ знаковъ.

2) Registrum bonorum Rosenbergicorum anno MCCCLXXIX compilatum. Urbář zboží Rožmberského z roku 1379. (Pojednání král. české společnosti nauk VI řady díl. 10). V Praze 1880, VII, 1—57, 59—62 str. in —4.

чешскія поземельныя описи предгуситской эпохи, кромѣ изданной г. Тругляромъ и описи монастыря Золотой короны, такъ какъ въ рукописи послѣдней описи постоянно повторялись знаки, смыслъ и значеніе которыхъ оставались загадкою: ни самъ проф. Эмлеръ не могъ ихъ истолковать, ни тѣ лица, къ которымъ онъ обращался за совѣтомъ. Въ изданномъ сборникѣ Decem registra censuum bohemica проф. Эмлеръ напечаталъ 10 чешскихъ поземельныхъ описей, присоединивъ къ нимъ, по совѣту проф. В. Томка, регистръ взиманія берны въ имѣніяхъ Пражскаго архіепископства [1]). Во введеніи къ этому сборнику поземельныхъ

1) Decem registra censuum bohemica compilata aetate bellum Husiticum praecedente. Deset urbářů českých z doby před válkami Husitskými. V Praze 1881. XII, 1—400, 401—436 p. in — 8. — Располагая напечатанныя въ этомъ сборникѣ поземельныя описи и сохраняя данныя имъ заглавія, изслѣдователь получитъ такой ихъ рядъ: 1) Fragmentum urbarii episcopatus Pragensis (p. 1—3); 2) Conscriptio bonorum monasterii S. Mariae Rudnicensis (p. 4—19); 3) Registrum monasterii Aulae Regiae de omnibus proventibus (p. 309—312); 4) Fragmentum urbarii monasterii Vallis S. Mariae (p. 20—22); 5) Urbarium monasterii Chotiessovensis (p. 23—52); 6) Registrum bonorum monasterii S. Johannis Bapt. Ostroviensis (p.53—73, 73—91); 7) Registrum bonorum archiepiscopatus Pragensis (p. 93—150); 8) Registrum bonorum monasterii Brzewnowiensis (p. 151—218); 9) Registrum bonorum monasterii Strahowiensis (p. 219—301); 10) Registrum bonorum praepositurae ecclesiae Pragensis (p. 302—308). Помѣщенный въ этомъ сборникѣ регистръ взиманія берны озаглавленъ: Registrum bernae in bonis archiepiscopatus Pragensis anno MCCCLXXIX° collectae (p. 313—400). Во введеніи къ сборнику (str. III—XII) проф. Эмлеръ сообщаетъ, между прочимъ, краткія свѣдѣнія о рукописяхъ всѣхъ напечатанныхъ имъ памятниковъ. Кромѣ того, къ сборнику присоединенъ былъ указатель (Index personarum et locorum, p. 401—435), гдѣ на соотвѣтствующихъ мѣстахъ всегда указывается въ скобкахъ та страница извѣстнаго списка населенныхъ мѣстъ Чехіи (Palacký, Popis království Českého, V Praze 1848), на которой тамъ помѣщено наименованіе даннаго поселенія. — Необходимо прибавить, что за нѣсколько лѣтъ до выхода въ свѣтъ этого сборника поземельныхъ описей проф. Эмлеръ издалъ регистръ берны Пильзенскаго края: Ein Bernaregister des Pilsner Kreises vom Jahre 1379. Aus den Abhandlungen der k. böhm. Gesellschaft der Wissenschaften, VI. Folge, 8. Band. Prag, 1876. XIV, 1—28, 29—32 p. in — 4.

описей проф. Эмлеръ даетъ свою классификацію чешскихъ источниковъ этого рода. По его мнѣнію, эти источники по содержанію распадаются на два разряда: 1) въ однихъ перечислены всѣ владѣнія крупнаго землевладѣльца, т. е. и тѣ, которыя находились въ непосредственной помѣщичьей эксплуатаціи, и тѣ, которыя на тѣхъ или иныхъ условіяхъ предоставлены были зависимымъ людямъ; 2) въ другихъ составители ограничивались лишь указаніемъ платежей и повинностей зависимыхъ людей. Разсматривая поземельныя описи со стороны способа ихъ составленія или пріемовъ, которыми руководились составители, можно установить, по мнѣнію проф. Эмлера, три рода поземельныхъ описей; 1) однѣ, въ которыхъ указаны объекты владѣнія и число ихъ, а также опредѣленный нормальный платежъ, распредѣляемый пропорціонально размѣру владѣнія, одинаковый для всѣхъ зависимыхъ людей; 2) другія, въ которыхъ перечислены имена владѣльцевъ съ опредѣленіемъ размѣра и титула владѣнія каждаго изъ зависимыхъ людей отдѣльно, количества его платежей и повинностей; 3) третьи, въ которыхъ соединены оба эти способа. „Кромѣ того, — прибавляетъ проф. Эмлеръ, — встрѣчается иногда, напр. въ поземельной описи Страговскаго монастыря, та особенность, что въ составъ описи включены и цѣлыя грамоты, на основаніи которыхъ производились платежи“ [1]).

Хотя вышеизложенная классификація чешскихъ поземельныхъ описей отчасти знакомитъ съ ихъ содержаніемъ и формою, но совершенно является безполезной для критики текста и пониманія ихъ содержанія. Отмѣчая только внѣшніе признаки, проф. Эмлеръ обходитъ молчаніемъ очень важные вопросы о происхожденіи этихъ источниковъ, отношеніи ихъ къ договорнымъ грамотамъ, процессѣ составленія и т. д.

Въ 1884 году количество изданныхъ поземельныхъ описей предгуситской эпохи пополнилось, благодаря тому

1) Decem registra, str. IV.

обстоятельству, что въ библіотекѣ Музея Королевства Чешскаго былъ отысканъ отрывокъ поземельной описи Градищскаго монастыря Авг. Седлачкомъ и тогдашнимъ кустосомъ (нынѣ библіотекаремъ) Музея, извѣстнымъ чешскимъ филологомъ Адольфомъ Патерою. Издавая этотъ отрывокъ, проф. Эмлеръ предпослалъ краткое предисловіе, въ которомъ въ общихъ чертахъ указалъ содержаніе этого источника [1]).

Хотя всѣ чешскія изданія поземельныхъ описей не удовлетворяютъ тѣмъ требованіямъ, цѣлесообразность которыхъ еще въ 1878 году указана была Инама-Штернеггомъ [2]), но въ общемъ слѣдуетъ ихъ признать довольно удовлетворительными: 1) указаны разночтенія въ тѣхъ случаяхъ, когда памятникъ сохранился не въ одномъ только спискѣ; 2) исправленія и дополненія издателя поставлены въ скобкахъ; 3) на поляхъ отмѣчаются страницы рукописи; 4) примѣчанія и замѣтки, сдѣланныя на поляхъ рукописи, напечатаны не въ текстѣ, а внизу, при чемъ всегда указано, гдѣ находилась приписка, и какимъ почеркомъ она сдѣлана; 5) отмѣчены также всѣ исправленія текста и т. д. Самою слабою стороною изданій проф. Эмлера является недостаточно подробное и ясное описаніе рукописей, которыми онъ пользовался для изданія чешскихъ поземельныхъ описей. Далѣе, онъ уклонялся отъ точнаго опредѣленія времени составленія того или другого памятника даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ вопросъ вполнѣ поддавался рѣшенію. Наконецъ, одну изъ древнѣйшихъ — поземельную опись (Рудницкаго монастыря) онъ издалъ по чужому списку, правда провѣренному еще другимъ лицомъ [3]).

Хотя чешскія поземельныя описи не были доселѣ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, но это обстоятельство

---

1) Zlomek urbáře kláštera Hradištského. Pojednání král. české společnosti. nauk. Rada VI, díl. 12. V Praze 1884, I—IV, 1—24 p. in — 4.

2) Inama-Sternegg, Ueber Urbarien etc., S. 47—52.

3) См. подробности въ 1-ой главѣ этого изслѣдованія.

не препятствовало историкамъ пользоваться этими матеріалами въ интересахъ историческаго изложенія. Въ этомъ отношеніи авторы спеціальныхъ монографій по исторіи отдѣльныхъ городовъ и селъ должны были слѣдовать примѣру такого авторитета, какъ проф. В. Томекъ, который въ своемъ капитальномъ сочиненіи „Исторія города Праги“ исчерпываетъ содержаніе описей Пражскаго архіепископства, Пражскаго пробства, Бревновскаго и Страговскаго монастырей въ той мѣрѣ, какая обусловливалась его задачей.

Насколько до настоящаго времени мало пользовались поземельными описями или урбаріями предгуситскаго времени для выясненія соціальной исторіи Чехіи, это лучше всего видно изъ того, что Липпертъ, авторъ двухтомной „Соціальной исторіи Чехіи предгуситскаго времени“ [1]), нашелъ даже, какъ оказывается, возможнымъ оставить въ сторонѣ эти важные матеріалы. Этому обстоятельству нельзя не удивляться, особенно если принять во вниманіе, что Липпертъ въ своемъ сочиненіи всегда подчеркиваетъ значеніе экономическихъ моментовъ при объясненіи историческаго процесса развитія, а цѣлый второй томъ посвятилъ выясненію того соціальнаго вліянія, которое имѣли въ данномъ отношеніи организація христіанской церкви и нѣмецкая колонизація. Между тѣмъ, никакіе источники предгуситскаго времени не даютъ такъ много для ознакомленія съ экономической стороной соціально-историческаго процесса, происхо-

1) Socialgeschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit, Bd. I—II, 1896—98. Объ этомъ сочиненіи заслуживаетъ вниманіе справедливый отзывъ Ф. Рахфаля (Rachfahl): Immerhin bezeichnet der neue Band gegenüber dem ersten einen gewissen Fortschritt; er hält sich frei von verfehlten soziologischen Hypothesen, leidet aber gleichfalls an grosser Breite. Anstatt eine systematische Darstellung zu geben, zählt Lippert der Reihe nach die einzelnen Kloster- und Städtegründungen auf, indem er die darauf bezüglichen Urkk. analysiert. Vom Ideal einer böhmischen Socialgeschichte ist auch der vorliegende Band noch weit entfernt. См. Jahresberichte der Geschichtswissenschaft, Bd. XXI (1898), 1900, II, S. 444.

дившаго подъ вліяніемъ церковной организаціи и колонизаціи, какъ именно поземельныя описи.

III. Отмѣчая довольно поверхностное отношеніе современныхъ ученыхъ къ чешскимъ поземельнымъ описямъ [1]), необходимо сказать, что и въ настоящее время лучшей работой, основанной на знакомствѣ съ поземельными описями и опредѣляющей ихъ значеніе для исторіи соціальной, остается указанная выше статья проф. Томка, хотя со времени ея выхода въ свѣтъ прошло почти пять десятилѣтій.

Въ этой небольшой статьѣ маститый исторіографъ города Праги, не ограничиваясь только ознакомленіемъ читателей съ тѣмъ богатымъ фактическимъ матеріаломъ, который имѣется въ описи Страговскаго монастыря, успѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ правильно въ общихъ чертахъ отмѣтить главные моменты того историческаго процесса, который совершался въ Чехіи въ теченіе XIII—XV вв.

Указывая на то, что полевыя земли однихъ селъ были раздѣлены на ланы, а другихъ на дѣдины (hereditates), проф. Томекъ высказалъ предположеніе, что дѣдина и ланъ были первоначально надѣлами одной сельской семьи. Въ моментъ составленія описи дѣдины и ланы по большей части были раздѣлены между многими держателями, такъ что на долю каждаго приходилось по три четверти, по половинѣ или четверти лана или дѣдины, а нѣкоторые имѣли бо́льшіе надѣлы, чѣмъ ланъ или дѣдина; но всѣ эти измѣненія произошли съ теченіемъ времени [2]). Наряду съ крестьянами,

---

1) Попадаются пріятныя исключенія. Къ числу таковыхъ можно отнести брошюру (O poddanství a robotě v zemích českých. Otisk z Moravské revue. V Brně 1899) г. Карла Кадлеца, приватъ-доцента Пражскаго университета и хорошаго знатока исторіи славянскаго права. Не смотря на то, что брошюра предназначена была для широкаго круга читателей, представляя изданіе публичной лекціи, авторъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ обнаруживаетъ свое хорошее знакомство съ чешскими поземельными описями и даже въ этомъ популярномъ изданіи дѣлаетъ на нихъ ссылки.

2) V. Tomek, Urbář kl. Strahovského, S. 74, 2.

въ селахъ иногда находились подсосѣдки (subsides), неполноправные члены сельскаго общества, владѣльцы небольшихъ клочковъ поля, огородовъ и усадьбъ. Въ общемъ владѣніи всѣхъ жителей села находились выгоны или пастбища для скота (communitas, res publica), а для прогона скота проводимы были такъ называемыя „дороги“ (drahy). Если въ поземельной описи невсегда упоминается объ этихъ общественныхъ выгонахъ, то это обстоятельство, по мнѣнію автора статьи, объясняется тѣмъ, что обыкновенно за пользованіе ими не взималось никакого дополнительнаго платежа[1]). Въ тѣхъ селахъ, гдѣ полевыя земли были раздѣлены на дѣдины, дѣйствовало отечественное право (jus Boemicale), но нельзя сказать, что во всѣхъ тѣхъ селахъ, гдѣ существовало дѣленіе на ланы, введено было право нѣмецкое или эмфитевтическое (jus emphyteoticum, emphyoteticum, Teutunicum, Teutonicale), такъ какъ перемѣръ полевыхъ участковъ на ланы происходилъ иногда и безъ введенія новаго права. По мнѣнію проф. Томка, держаніе надѣла на нѣмецкомъ правѣ предоставляло держателю права не только наслѣдственнаго владѣнія, но права распоряженія и отчужденія, тогда какъ право чешское имѣло въ виду только наслѣдованіе[2]). При введеніи нѣмецкаго права въ старыхъ селахъ происходилъ перемѣръ полевыхъ участковъ по лановой системѣ. Въ этихъ случаяхъ и также при отдачѣ пустопорожнихъ земель для основанія новыхъ селъ землевладѣльцы получали отъ крестьянъ опредѣленную денежную сумму, которая по-чешски называлась podaj, полатыни arra, по-нѣмецки Anleit[3]), вслѣдствіе чего нѣмецкое право называлось правомъ „закупнымъ“ (Kaufrecht). Такъ какъ при такихъ условіяхъ отводили земли и горожанамъ, то это право называлось иногда „городскимъ“ правомъ

1) Ibid., S. 74, 2; 78, 1.
2) Ibid., p. 79.
3) Ibid., S. 80.

(Burgrecht, jus civile). „Правомъ нѣмецкимъ оно называлось не потому, что являлось обычнымъ въ нѣмецкой землѣ и оттуда было перенесено, а потому, что подобныя опредѣленныя условія вошли въ обычай прежде всего при поселеніи нѣмецкихъ колонистовъ въ новоустроенныхъ селахъ." Отечественные крестьяне, желая улучшить свое положеніе и обезпечить себя отъ произвола землевладѣльцевъ, стремились войти въ соглашеніе съ послѣдними для полученія тѣхъ же правъ, которыя удѣляемы были пришельцамъ. Землевладѣльцы охотно шли на встрѣчу такимъ стремленіямъ, такъ какъ подобный переходъ являлся для нихъ источникомъ доходовъ. При заключеніи эмфитевтическихъ договоровъ барщинныя повинности крестьянъ часто подвергались отмѣнѣ или упрощенію, но за то повышаемы бывали платежи. Подобное переустройство барщинныхъ отношеній происходило также подъ вліяніемъ обычаевъ, установившихся при основаніи новыхъ селъ нѣмецкими колонистами [1]).

Такимъ образомъ, изученіе Страговской поземельной описи дало возможность проф. Томку выдвинуть важнѣйшую проблему чешской средневѣковой соціальной исторіи, — вопросъ о переустройствѣ началъ и устоевъ жизни народа подъ вліяніемъ такъ называемаго нѣмецкаго права. Нельзя, однако, не замѣтить, что опредѣленіе характера и сущности этого права отличается большой неясностью. Повидимому, это понималъ и самъ проф. Томекъ, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Мы не можемъ утверждать, что въ селахъ, которыя остались при старомъ правѣ, было совсѣмъ и безъ всякаго возраженія или препятствія поступаемо по произволу съ держателями крестьянскихъ земель. Стародавній обычай и давнія воспоминанія населенія имѣли свой вѣсъ наряду съ новыми договорами, хотя иногда нѣкоторые землевладѣльцы, склонные къ произволу, на все это не обращали вниманія. Особенно интересный примѣръ, — продол-

1) Ibid., S. 79, 1.

жаетъ далѣе онъ, — представляетъ село Трешовица, жители котораго, хотя нѣмецкаго права не имѣли, называются не только вѣчными дѣдичами своихъ земель (diediczones perpetui), но и право продажи было признано за ними въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ (výslovně se jim uznává). Это рѣдкое свидѣтельство о старыхъ сельскихъ отношеніяхъ въ Чехіи (tale jus est in Trzessovicz ab antiquo, — говорится въ описи); и если бы оно не было слишкомъ одиночнымъ, то мы были бы принуждены согласно съ нимъ не признавать права свободной продажи исключительнымъ признакомъ нѣмецкаго права (za výhradný příznak práva německého), а всю сущность послѣдняго усматривали бы только въ положительности письменнаго договора“ [1]).

По поводу этихъ оговорокъ проф. Томка вполнѣ умѣстно пока сказать, что факты произвола и насилія нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ не могутъ быть приводимы какъ доказательства безправнаго положенія населенія, и сами по себѣ не являются правовыми актами, а при всей одиночности или исключительности свидѣтельство Страговской описи о правахъ жителей села Трешовицы остается камнемъ преткновенія для предложенной теоріи о различіи права нѣмецкаго и чешскаго, пока достовѣрность этого свидѣтельства не можетъ быть поколеблена на основаніи правилъ исторической критики [2]).

Однако, въ дѣлѣ правильнаго пониманія различія такъ называемаго нѣмецкаго и чешскаго правъ проф. Томекъ, благодаря изученію поземельной описи Страговскаго монастыря, сдѣлалъ, несомнѣнно, шагъ впередъ, такъ какъ соотвѣтствующія воззрѣнія Палацкаго, его предшественника, были ошибочными: „Главная его, — говоритъ Палацкій о нѣмецкомъ правѣ, — особенность заключалась въ

1) Ibid., 79, 2.

2) Относительно права крестьянъ села Трешовицы продавать надѣлы нельзя говорить съ увѣренностью. См. ниже, въ третьей главѣ этого тома.

томъ, что крестьяне, жившіе на условіяхъ этого права, не были наслѣдственными арендаторами, какъ большинство тогдашнихъ чешскихъ крестьянъ, а эмфитевтическими владѣльцами тѣхъ земель, которыя они могли продать, такъ какъ купили ихъ отъ пановъ на условіяхъ опредѣленнаго годового платежа или урока. Поэтому нѣмецкое право извѣстно было въ Чехіи подъ именемъ закупнаго права. Главное же различіе обнаруживалось въ томъ, что жившіе по нѣмецкому праву освобождены были отъ всѣхъ повинностей и тяготъ не только круговой поруки, но и земскихъ работъ; находясь же подъ юрисдикціей собственныхъ фохтовъ или рихтеровъ по дѣламъ меньшей важности, они подсудны были по уголовнымъ дѣламъ магистратамъ сосѣднихъ королевскихъ городовъ“ [1]).

Прежде всего, вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе противопоставленіе „наслѣдственныхъ арендаторовъ“ (dědiční nájemníci) эмфитевтическимъ владѣльцамъ, такъ какъ эмфитеозисъ есть также только наслѣдственная аренда. Далѣе, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что особой юрисдикціей и освобожденіемъ отъ земскихъ работъ, круговой поруки и т. д. пользовались не только новые поселенцы, но и жители всѣхъ иммунитетныхъ округовъ. Если самъ Палацкій отмѣчаетъ, что древнѣйшее свидѣтельство о нѣмецкомъ правѣ въ чешскихъ селахъ относится къ 1234 году, а сто лѣтъ спустя ни одно почти село не было основано на условіяхъ пользованія инымъ правомъ, кромѣ закупнаго или нѣмецкаго [2]), и если эта же эпоха, какъ извѣстно, была временемъ широкаго распространенія иммунитетныхъ правъ [3]), то самъ собою является вопросъ о томъ, какими преимуществами пользовались нѣмецкіе колонисты по сравненію съ жителями иммунитетныхъ округовъ, сохрани-

1) Dějiny národu Českého, 4 vyd. (1894), d. II, str. 11. Сравни также Ibid., str. 192—193.

2) Ibid., p. 11, 192—193, 455.

3) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 162—166.

вшими нормы стараго отечественнаго права, а отвѣтъ на этотъ вопросъ приводитъ къ необходимости признать ошибочнымъ опредѣленіе Палацкаго сущности такъ называемаго нѣмецкаго права. Можно только удивляться, какъ маститый исторіографъ не успѣлъ подмѣтить правовой среды, существовавшей уже въ странѣ, когда стало въ ней распространяться пресловутое нѣмецкое право, если онъ самъ утверждалъ, что „это право въ Чехіи называлось „нѣмецкимъ“ не потому, что было перенесено въ страну изъ нѣмецкой земли (гдѣ такого права не существовало), а потому, что оно первоначально предоставляемо было нѣмцамъ, переселившимся въ Чехію“ [1]).

Къ сожалѣнію, значительный шагъ впередъ въ пониманіи правовой стороны „нѣмецкаго права“ былъ сдѣланъ только въ послѣднее десятилѣтіе, а ближайшіе преемники Палацкаго повторяли его ошибки. Такъ, напр., Беда Дудикъ, авторъ огромнаго труда по исторіи Моравіи, придерживался воззрѣній, которыя отличаются неясностью и въ общемъ являются повтореніемъ положеній Палацкаго: „Въ тѣхъ обезпеченіяхъ, которыя маркграфъ Владиславъ предоставилъ въ 1204 году нѣмецкимъ поселенцамъ въ Моравіи, обнаруживается достаточно ясно различіе между отечественнымъ славянскимъ правомъ и нововведеннымъ нѣмецкимъ правомъ. Право славянское въ силу патріархальнаго и особеннаго происхожденія имѣло только физіократическій характеръ (sic!): родовой бытъ былъ здѣсь прототипомъ государственнаго быта... Однако, по праву нѣмецкому дѣло стояло совершенно иначе. Патріархальная зависимость должна была уступить въ государствѣ мѣсто свободному гражданству, для чего прежде всего требовалось опредѣленное писанное право, самоуправленіе общины при рихтарѣ, свободно избранномъ, а потому также — освобожденіе отъ славянскихъ судебныхъ порядковъ въ областномъ судѣ (od slovanského

1) Palacký, Dějiny, d. II, str. 193.

soudnictví v cudě) и отъ всѣхъ жупныхъ тяготъ.“ „Мы допустили бы слишкомъ большую погрѣшность, — продолжаетъ далѣе Дудикъ, — если бы подъ именемъ „нѣмецкаго права“ разумѣли опредѣленное народное или племенное право; терминомъ этимъ обозначали только способъ, въ силу котораго имущество было принято во владѣніе, право на него и опредѣленіе привилегій новаго нѣмецкаго поселенца, либо соглашеніе или контрактъ, который новые поселенцы заключали съ основателемъ поселенія. Этимъ терминомъ объединены были всѣ мѣстные обычаи и судебныя установленія, вслѣдствіе чего было бы, можетъ быть, умѣстно перевести jus teutonicum словами: „право нѣмецкихъ дѣдичей“ [1]).

Повидимому, Дудикъ чувствовалъ, что съ понятіемъ „нѣмецкаго права“ невсегда соединяли одно и то же содержаніе, т. е., другими словами, этимъ терминомъ прикрывались отдѣльныя проявленія сложнаго историческаго процесса, совершавшагося въ жизни Чехо-моравскаго народа въ теченіе XIII—XIV вв. Помимо правовой стороны, въ этомъ процессѣ была сторона соціально-экономическая, отчасти намѣченная въ указанной выше статьѣ проф. Томка. Перестраивались всѣ устои государственной и соціальной организаціи по новому плану и на новыхъ основаніяхъ. Хотя это переустройство совершилось подъ этикеткой введенія „нѣмецкаго права“, но, несомнѣнно, это былъ фальшивый или, говоря вѣрнѣе, вульгарный терминъ (vulgariter dicitur, — какъ часто говорилось въ источникахъ), потому что въ этомъ введеніи „нѣмецкаго права“, какъ справедливо и единодушно указывали чешскіе ученые, не было ничего спеціально нѣмецкаго; и начала этого переустройства могутъ быть названы съ такимъ же основаніемъ нѣмецкими, какъ и различные институты христіанской церкви, перенесенные нѣмецкими клириками и монахами въ Чехію.

Правовая сторона этого сложнаго процесса правильно

1) Dudík, Dějiny Moravy, díl VIII (v Praze 1882), str. 81—82.

объяснена въ превосходномъ очеркѣ исторіи чешскаго права проф. Челяковскаго. Со свойственными ему талантомъ и опредѣленностью онъ указываетъ на тотъ институтъ, при отсутствіи котораго было бы совершенно немыслимо введеніе въ странѣ нѣмецкаго права даже на земляхъ, полученныхъ нѣмецкими колонистами: „Въ теченіе XIII вѣка, — говоритъ проф. Челяковскій, — землевладѣльцы, основывая на своихъ земляхъ новыя городскія и сельскія поселенія, пріобрѣтали отъ королей чешскихъ для своихъ поселенцевъ разрѣшеніе на полное изъятіе изъ-подъ юрисдикціи областныхъ администрацій и судовъ, а равно — право вершить патримоніальный судъ надъ зависимыми людьми. При Премысловичахъ большая часть церковныхъ землевладѣльцевъ пользовалась уже надъ зависимымъ населеніемъ этой судебной юрисдикціей. . . У короля, — продолжаетъ проф. Челяковскій, — и его суда оставалась только высшая судебная юрисдикція, хотя и это продолжалось недолго. Слѣдствіемъ предоставленія иммунитетовъ и уступки многихъ королевскихъ правъ въ пользу землевладѣльцевъ было то, что эти послѣдніе получили возможность устанавливать правовыя отношенія зависимаго населенія по своему усмотрѣнію; они устраивали новыя поселенія при помощи чужихъ поселенцевъ, слѣдуя при этомъ примѣру самого короля, который также производилъ успѣшно колонизацію на коронныхъ земляхъ. Новые колонисты, явившіеся по большей части изъ Германіи, получая отъ землевладѣльцевъ, подобно жителямъ укрѣпленныхъ городовъ, письменное изложеніе условій поселенія на землѣ, пріобрѣтали на усадьбы и поля права эмфитевтическаго владѣнія, а равно въ извѣстной степени и общественное самоуправленіе“ [1]). Для опредѣленія различія эмфитевтическаго права, которое „называлось иногда также нѣмецкимъ правомъ“, и „чешскаго или

1) Povšechné české dějiny právní см. Ottův Slovník Naučny, d. VI (1893), str. 516. Сравни Ibid., str. 456—457.

дѣдичнаго права“ проф. Яр. Челяковскій вводитъ также признакъ соціальнаго характера, указывая на то, что владѣніе землей по первому праву было „индивидуальное, отнюдь не коллективное“, тогда какъ въ основѣ владѣнія землею по дѣдичному праву (possessio dědin jure) лежало де прежнее совладѣніе, происходившее изъ условій древняго славянскаго быта. Но, къ сожалѣнію, и проф. Яр. Челяковскій, подобно своимъ предшественникамъ, повторяетъ ихъ положенія о преимуществахъ новаго сельскаго устройства [1]), подчеркивая бóльшую яко-бы прочность правового положенія населенія теперь, по сравненію съ недавнимъ прошлымъ, хотя ему было хорошо извѣстно, что „землевладѣльцы, усматривая въ томъ свой матеріальный успѣхъ, сами старались о введеніи новаго устройства особенно при королѣ Іоаннѣ, насильно принуждая зависимое населеніе отказываться отъ дѣдичнаго права и принимать право закупное или нѣмецкое: доходы ихъ... такимъ образомъ дѣйствительно повышались“ [2]).

Настало, повидимому, время сдѣлать попытку изучить сложный историческій процессъ переустройства основъ соціальнаго быта чешскаго народа, переустройства, проявившагося съ особенной силой въ XIV вѣкѣ, — не только на

---

1) Palacký, d. II., str. 193: „Закупное право первоначально предоставлено было нѣмцамъ, которые переселились въ Чехію, но скоро къ пріобрѣтенію его стали стремиться не только поселяне, но и паны. Низшій классъ населенія пользовался въ Чехіи въ XIV и въ большей части XV столѣтій бóльшимъ благосостояніемъ и бóльшей свободой, нежели въ какой-либо другой странѣ Западной Европы.“ Dudík, Dějiny Moravy, díl VIII, str. 83: „Введеніе нѣмецкаго права въ Моравіи было значительнымъ успѣхомъ культурнаго развитія. Въ страну проникли свободные нѣмецкіе крестьяне, которые опирались на вполнѣ обезпеченное правовое положеніе; такимъ образомъ, указанъ былъ путь для развитія славянскимъ поселянамъ, сидѣвшимъ на чужой землѣ и сдѣлавшимся свободными позже, и — писаннаго права, а потому пріобрѣлъ особую силу главный рычагъ образованности, — торговля. Такъ какъ маркграфъ Владиславъ Владиславовичъ первый способствовалъ этому развитію, то мы должны воздать ему соотвѣтствующую благодарность.“ Объ отзывѣ проф. Вл. Томка была уже рѣчь выше, см. стр. 14.

2) Ottův Slovník Naučný, d. VI, str. 516—517.

основаніи грамотъ и лѣтописей, но и поземельныхъ описей, которыя доселѣ привлекали менѣе вниманія изслѣдователей, чѣмъ онѣ того заслуживаютъ по всей справедливости. Ознакомленіе съ экономической стороной происходившаго въ концѣ среднихъ вѣковъ историческаго процесса въ Чехіи можетъ быть достигнуто, благодаря преимущественно даннымъ и указаніямъ, почерпаемымъ изъ сохранившихся и изданныхъ поземельныхъ описей. Не смотря на отсутствіе предварительныхъ и необходимыхъ подготовительныхъ работъ по изученію этихъ источниковъ, можно, кажется, во всякомъ случаѣ отнестись нѣсколько скептически къ установившемуся въ литературѣ восхваленію результатовъ того соціальнаго процесса, который завершился въ Чехіи гуситскимъ движеніемъ.

Необходимо прибавить, что и въ чешской ученой литературѣ начинаютъ раздаваться пока только робкіе протесты, направленные противъ установившихся оптимистическихъ въ данномъ случаѣ воззрѣній корифеевъ чешской исторической науки: „Въ теченіе XIV вѣка, — говоритъ Ферд. Тадра, — исчезли въ Чехіи села, управляемыя по земскому праву, и всѣ перешли на право нѣмецкое въ силу договора, купли, а иногда и насилія, преимущественно для того, чтобы землевладѣлецъ могъ получать бо́льшій доходъ. При нашемъ недостаточномъ знакомствѣ съ положеніемъ сельскаго населенія трудно рѣшить, пріобрѣтена ли была этимъ особенная свобода сельскаго населенія, какъ о томъ съ большой увѣренностью твердятъ многіе нѣмецкіе писатели. Мы только, — продолжаетъ г. Тадра, — хотимъ обратить вниманіе на то, что . . . трудно понять, почему паны и землевладѣльцы по своей доброй волѣ предлагали зависимому люду бо́льшую свободу, чѣмъ та, которую онъ доселѣ имѣлъ, и даже его насильно принуждали воспользоваться этой свободой, вводя въ старыхъ селахъ нѣмецкое право“ [1])!

1) Ferd. Tadra, Kulturní styky Cech s cizinou až do válek Husitských (V Praze 1897), str. 319.

Соціально-историческій процессъ развитія, совершавшагося въ жизни чешскаго народа въ XIII—XIV вѣкахъ, можетъ быть изучаемъ въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, слѣдуетъ ознакомиться съ тѣми началами, воздѣйствіемъ которыхъ обусловливалось преобразованіе соціальной организаціи чешскаго села, а, съ другой стороны, необходимо представить также характеристику результатовъ или итоговъ этого преобразованія. Такимъ образомъ, предпринятый трудъ совершенно естественно распадается на двѣ большія части, изъ которыхъ первая преимущественно будетъ имѣть характеръ историческаго изслѣдованія, тогда какъ вторая часть окажется работой описательнаго и историко-статистическаго характера.

Глава первая.

Происхожденіе, составъ и источники древнѣйшихъ чешскихъ поземельныхъ описей.

Въ исторической литературѣ до сихъ поръ нѣтъ спеціальной монографіи, посвященной критическому изученію чешскихъ поземельныхъ описей или урбаріевъ, хотя на важное значеніе этихъ источниковъ для соціальной и экономической исторіи было указано болѣе полувѣка тому назадъ. Отсутствіемъ въ литературѣ подобнаго труда можно объяснить то обстоятельство, что г. Іос. Шуста, молодой чешскій ученый, взявшій на себя задачу, на основаніи существующихъ трудовъ и добытыхъ уже наукою данныхъ, прослѣдить исторію и выяснить критическое значеніе поземельныхъ описей и другихъ однородныхъ источниковъ статистическаго характера, — о чешскихъ источникахъ подобнаго рода могъ или нашелъ возможнымъ сказать всего только нѣсколько словъ. Отмѣчая тотъ фактъ, что поземельныя описи возникали въ XII—XIII вѣкахъ преимущественно въ западной и южной частяхъ Германіи, а въ странахъ, расположенныхъ на востокъ отъ рѣки Лабы, были рѣдкимъ явленіемъ, потому что въ нихъ отношенія населенія къ землевладѣльцамъ опредѣлялись главнымъ образомъ договорными грамотами и „не нуждались ни въ какомъ другомъ обезпеченіи,“ г. Шуста продолжаетъ свое изложеніе

такъ: „Исключеніе представляетъ Чехія. Сюда, — говоритъ онъ, — проникло нѣмецкое крупное землевладѣніе черезъ посредство церковныхъ учрежденій. Хотя могущественная власть государей не допустила развитія политической тенденціи нѣмецкаго землевладѣнія, но въ экономическомъ отношеніи оно развивалось вполнѣ аналогично съ нѣмецкимъ, а потому здѣсь мы находимъ въ XIII и XIV вѣкахъ поземельныя описи, которыя по формѣ ничѣмъ не отличаются отъ нѣмецкихъ. То же самое было въ Силезіи. Однако, въ Польшѣ уже, — продолжаетъ авторъ, — дѣло стояло иначе: здѣсь мы встрѣчаемся только съ поземельными описями наиболѣе значительныхъ церковныхъ учрежденій, при чемъ эти источники болѣе похожи на французскіе полиптики, чѣмъ на урбаріи, ибо при составленіи ихъ обращали прежде всего вниманіе на деканаты и приходы, входившіе въ составъ епископства [1]).“

Прежде всего, необходимо сказать, что замѣчаніе г. Шусты объ отсутствіи необходимости въ поземельныхъ описяхъ при наличности договорныхъ грамотъ (Locationsurkunden) является ошибочнымъ. Какъ извѣстно, XII—XIII вѣка въ экономической исторіи Германіи были временемъ развитія арендныхъ и договорныхъ отношеній [2]), но вмѣстѣ съ тѣмъ это время особенно богато количествомъ поземельныхъ описей [3]). Далѣе, если г. Шуста полагаетъ, что возникновеніе чешскихъ поземельныхъ описей слѣдуетъ считать фактомъ проявленія культурнаго вліянія, идущаго

---

1) Josef Šusta, Zur Geschichte und Kritik der Urbarialaufzeichnungen, S. 56. Если къ приведенному отзыву присоединить короткія замѣчанія на стр. 62 и 66, касающіяся нѣкоторыхъ частностей, то этимъ исчерпывается все, сказанное въ статьѣ г. Шусты о чешскихъ поземельныхъ описяхъ.

2) K. Th. Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, Bd. II, S. 202—207; K. Lamprecht, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, Bd. I, Abt. II, S. 932—938.

3) K. Th. Inama-Sternegg, Ueber die Quellen der deutschen Wirtschaftsgeschichte, S. 193—197.

изъ Германіи, то онъ долженъ былъ задуматься надъ вопросомъ, почему въ Чехіи и Силезіи возникаютъ эти источники, хотя имѣлись на лицо многочисленныя договорныя грамоты, тогда какъ въ странахъ Восточной Германіи довольствовались только грамотами. Признавая, что Чехія въ ряду другихъ странъ Средней Европы, подвергнувшихся нѣмецкой колонизаціи, представляла исключеніе (Eine Ausnahme macht Böhmen), изслѣдователь обязанъ былъ не ограничиваться однимъ указаніемъ на культурное вліяніе Германіи, а отыскать въ мѣстныхъ чешскихъ условіяхъ исторической жизни моменты, подготовившіе почву для этого вліянія и благопріятные для воспріятія его. Наконецъ, почему въ Польшѣ, находившейся также въ сферѣ культурныхъ нѣмецкихъ теченій, поземельныя описи походили будто бы болѣе на французскіе полиптики, чѣмъ на нѣмецкіе урбаріи?

Всѣ эти вопросы и недоумѣнія не существовали для г. Шусты: иначе онъ воздержался бы даже въ бѣгломъ очеркѣ отъ слишкомъ рѣшительныхъ и смѣлыхъ заключеній по вопросу о происхожденіи чешскихъ поземельныхъ описей. Впрочемъ, нѣкоторымъ оправданіемъ для молодого чешскаго ученаго можетъ служить почти полное отсутствіе въ литературѣ необходимыхъ подготовительныхъ работъ по изученію этихъ важныхъ историческихъ источниковъ. Всестороннее изученіе ихъ превышаетъ силы одного человѣка. Необходимы спеціальныя архивныя разысканія и цѣлый рядъ отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ критическому изученію каждой древнѣйшей поземельной описи. Можно надѣяться, что подобнаго рода труды будутъ предприняты въ самомъ непродолжительномъ времени. Со стороны чешскихъ историковъ это будетъ справедливой данью уваженія къ историческимъ судьбамъ сельскаго люда, изъ нѣдръ котораго вышла теперешняя благородная и высокоталантливая интеллигенція, умѣющая цѣнить завѣты родной старины и высоко держать знамя народности.

При наличности всѣхъ объективнаго и субъективнаго характера неблагопріятныхъ обстоятельствъ необходимо все таки представить очеркъ, посвященный критическому изученію чешскихъ поземельныхъ описей XIV вѣка, не только во вниманіе къ огромной важности этихъ источниковъ для соціальной исторіи, но и потому, что они представляютъ характерное выраженіе своего вѣка. Исторія XIV вѣка есть исторія ассимиляціи отечественныхъ началъ быта съ новыми правовыми и экономическими началами, заимствованными отъ романо-германскаго міра, а чешскія поземельныя описи представляютъ собою попытку согласовать и соединить въ одно цѣлое грамоты и устную традицію, имѣвшую свое выраженіе въ правѣ населенія давать показанія или такъ называемыя „сказки.“

I. Какъ видно изъ формулъ XIII вѣка, уже въ то время принято было составлять подробные перечни или инвентари движимаго имущества и доходныхъ статей. Послѣ смерти аббата Страговскаго монастыря пріоръ отправился описывать монастырское имущество, находившееся по отдѣльнымъ хуторамъ, чтобы предупредить расхищеніе со стороны управителей. При этомъ онъ описывалъ не только предметы домашняго обихода, но и „все то, что́ имѣлось въ селахъ, хуторахъ и другихъ мѣстахъ.“ Такого рода описи, по распространенному убѣжденію людей того времени, считались полезными и необходимыми трудами [1]). При сдачѣ въ аренду королевскихъ владарьствъ или вилликацій не ограничивались

1) Emler, Regesta, t. II, p. 1142, nr. 2615: ad bona conscribenda singula, que claustrum habet per curias, ne ab hiis substraherentur, quibus ea custodienda commiserat dictus abbas. Ibid., p. 1143, nr. 2616: ut idem prior bona ecclesie conscribi faceret, tam ea, que infra domum erant, quam illa, que in villis, granariis et locis aliis habebantur, ne forte substractis per aliquem dampnum aliquod eidem ecclesie immineret, exivit opus complere utile.

составленіемъ инвентарей, но и ставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы арендаторы указывали поручителей, которые несли отвѣтственность передъ королемъ за сохранность ввѣреннаго имущества [1]).

О содержаніи такихъ описей или инвентарей можно судить по отрывку инвентаря Бревновскаго монастыря, изданному проф. Эмлеромъ въ 1889 году. Этотъ инвентарь былъ составленъ, по желанію аббата Дивиша, въ 1390—1394 гг. Къ сожалѣнію, сохранился только конецъ рукописи, гдѣ помѣщенъ инвентарь имущества церквей въ Незамыслицахъ, Костельцѣ, Хцебузѣ и Бриствѣ. Въ этихъ селахъ были приписные приходы или фары Бревновскаго монастыря; по замѣчанію издателя этого памятника, перечни книгъ, грамотъ, церковной утвари и хозяйственныхъ вещей, принадлежавшихъ каждой изъ этихъ церквей, составляемы были при перемѣщеніи настоятелей или назначеніи новыхъ [2]). Опись составлена была по извѣстной системѣ, о которой можно судить по заголовкамъ отдѣльныхъ рубрикъ въ той ея части, которая относится къ Костелецкой церкви: supra ecclessiam, in comodo lucerno, in celario, in curio, in promptnario, in horreo, utensilia. Каждый изъ этихъ заголовковъ, кромѣ послѣдняго, начинался словами: notantur res [3]). Любопытно отмѣтить, что въ двухъ мѣстахъ, между прочимъ, показаны сборы десятины за текущій годъ [4]). Это послѣднее

1) Ibid., p. 1003, nr. 2313: De bonis autem curiarum nostrarum, quae per Johannem firmum et nuncium domini praepositi — fuerint conscripte, quod si perdiderit vel alienaverit, fidejussores ipsius tenentur in praesentia nostrae statuere majestatis, ut ibidem rebus et persona respondeat de objectis.

2) Emler, Zlomek inventáře kláštera Břěvnovského z let 1390—1394. Этотъ памятникъ помѣщенъ былъ въ изданіи Věstník kral české spol.náuk (Sitzungsberichte der königl. böhm. Gesellschaft d. Wissenschaften), Ročník 1888 (V Praze 1889), Třída filos.-histor., str. 280—305. См. также Ант. Ясинскій, Чешское свидѣтельство XIV вѣка о русскомъ металлическомъ производствѣ, стр. 2—4.

3) Emler, Zlomek, p. 291—292.

4) Ibid., p. 303, 305: Item omnes decime eiusdem anni; item plane decime anni presentis.

обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что въ болѣе старинныхъ описяхъ или инвентаряхъ могли находить себѣ мѣсто свѣдѣнія о платежахъ крестьянъ и ихъ повинностяхъ. На это имѣется нѣкоторое указаніе въ приведенномъ выше свидѣтельствѣ о томъ, что пріоръ Страговскаго монастыря описывалъ „все то, что́ имѣлось въ селахъ[1])...“ Въ селахъ же не могли находиться движимыя вещи монастыря, живой и мертвый инвентарь, такъ какъ для ихъ сохраненія существовали помѣщенія на монастырскихъ хуторахъ. Если въ отрывкѣ инвентаря Бревновскаго монастыря отсутствуютъ чиншеваго или оброчнаго характера замѣтки, то это объясняется тѣмъ, что этотъ инвентарь составленъ былъ въ ту пору, когда уже вошло въ обычай для подобныхъ замѣтокъ избирать другую форму.

Однако, есть основаніе думать, что чиншевыя или оброчныя замѣтки довольно долго входили въ составъ инвентарей и описей королевскихъ имѣній. Владѣнія королевскія въ силу постоянныхъ пожалованій, раздачъ, закладовъ и отчужденій постоянно уменьшались, а только иногда увеличивались отъ присоединенія конфискованныхъ и выморочныхъ земель, т. е. во всякомъ случаѣ находились въ постоянномъ колебаніи въ отношеніи своего состава, вслѣдствіе чего приходилось довольствоваться періодическимъ составленіемъ временныхъ инвентарныхъ описей, въ которыхъ находили себѣ мѣсто данныя о доходности тѣхъ или другихъ земель. Какъ извѣстно, не сохранилось никакихъ сводовъ чиншевыхъ или оброчныхъ замѣтокъ, относившихся къ королевскимъ имѣніямъ. Такимъ образомъ, для полученія свѣдѣній о составѣ, характерѣ и размѣрахъ королевскаго землевладѣнія приходится, какъ это сдѣлалъ Герм. Иречекъ, обращаться за указаніями ко всевозможнымъ источникамъ[2]).

---

1) См. выше, стр. 26, прим. I.

2) Codex juris bohemici, t. II, pars 3, p. 16 sqq: 1) Castra regia per Boemiam; 2) Villicationes regiae per Boemiam; 3) Zřízenie dvoru královského (1412); 4) Feuda regni et coronae; 5) Specimina feudorum boemicorum; 6) Civitates regiae.

Несомнѣнно, въ предгуситскій періодъ не существовало поземельныхъ описей или урбаріевъ королевскихъ владѣній. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ половинѣ XV вѣка раздавались жалобы со стороны представителей интересовъ короны на то, что вассалы пріобрѣтаютъ ленныя имѣнія и заключаютъ другъ съ другомъ частныя сдѣлки, въ обходъ интересовъ короны. Эти сдѣлки приводятъ къ тому, что корона лишается права требовать исполненія службы; и, сверхъ того, даже остается неизвѣстнымъ то, сколько за кѣмъ числится леновъ, и какая слѣдуетъ служба; многія же ленныя имѣнія раздробляются или считаются свободными, потому что, при совершеніи мѣнъ, сдѣлки вассаловъ не записываются въ дворцовые регистры, а все дѣло ограничивается исходатайствованіемъ королевскихъ грамотъ и т. д.[1]). Такимъ образомъ, лучшую гарантію противъ расхищенія феодальныхъ земель даже въ половинѣ XV вѣка усматривали въ правильномъ веденіи дворцовыхъ регистровъ (dsky dvorské), а не въ составленіи поземельныхъ описей.

Благодаря формуламъ второй половины XIII вѣка, хорошо извѣстна практика сдачи владарьскихъ земель въ аренду. Какъ оказывается, если можно было установить тотъ фактъ, что съ нѣкотораго времени въ составѣ земель, приписанныхъ къ извѣстному владарьству или вилликаціи, произошли измѣненія, то съ установившейся арендной платы дѣлали въ пользу арендатора скидку, соотвѣтственно размѣру дохода, получаемаго съ тѣхъ земель, которыми арендаторъ фактически не могъ пользоваться [2]). Конечно,

1) Codex juris bohemici, II, 2, p. 414—416.

2) Formae literarum tempore Ottocari II et Wenceslai II conscriptarum. Emler, t. II, p. 1000, nr. 2307: si quis de bonis aliqua, que ad dictam villicationem tempore patris nostri spectabant, occupata tenuerit, et ad dicti N. regimen — non poterunt pervenire, extunc fructus sive proventus dictorum bonorum de predicta pecunia tenebimur defalcare. Ibid., p. 1001, nr. 2311: et si que villicationes que antea spectaverunt ad ipsam, ad manus ejus non devenerint, pro illis sibi tenebimur id, quod conveniens fuerit, defalcare.

для установленія размѣра скидки необходимо было имѣть свѣдѣнія о доходности земель. Какъ видно изъ постановленія 1412 года, доходность опредѣлялась суммарно, т. е. была показана въ общихъ итогахъ, по статьямъ дохода. Такимъ образомъ, получались такія записи: „Городъ Карльштейнъ приноситъ ежегодно денежнаго чинша 416 копъ 25 грош., хлѣба и куръ, по переложеніи на деньги, на сумму 73 копъ 41 гр., а всего денежнаго чинша съ хлѣбомъ и курами 487 копъ 6 гр.“; „Городъ Глубокая уплачиваетъ денежнаго чинша съ берною, барщиною 1700 копъ, далѣе за пользованіе лѣсами $3^1/_2$ сотни копъ и 3 тысячи куръ, оцѣненныхъ на деньги въ суммѣ 25 копъ, а всего 2075 копъ“ [1]). Подобныя цифровыя показанія могли получиться только, какъ результатъ подсчета цѣлаго ряда данныхъ, относившихся къ доходности отдѣльныхъ земель и угодій, приписанныхъ къ извѣстному замку. Слѣдовательно, если не существовало общей описи всѣхъ королевскихъ земель, то, несомнѣнно, по отношенію къ каждому владарьству и замку ведены были частныя или мѣстныя поземельныя описи, время отъ времени пересматриваемыя. Повидимому, собраніе такого рода статистическихъ матеріаловъ уже въ серединѣ XIII вѣка являлось въ Чехіи обычной и установившейся практикой. Косвенное на это указаніе можно видѣть въ томъ, что правительство Премысла II съ большой энергіей продолжало урбаріальныя работы, начатыя въ Австріи Бабенбергами, и предприняло ихъ также въ Штиріи [2]). Кромѣ того, какъ извѣстно, древнѣйшая чешская сохранившаяся поземельная опись относится къ концу XIII вѣка; и едва-ли можно считать случайностью это совпаденіе по времени. Въ сущности отъ составленія частныхъ описей былъ одинъ только шагъ къ составленію общей поземельной

1) Jireček, Codex juris bohemici, II, 3, p. 26—28, Zřízenie dvoru královského (1412).

2) J. Šusta, Zur Gesch. und Kritik der Urbarialaufzeichnungen, S. 69—70. F. Tadra, Kult. styky, S. 201.

описи, которая въ такомъ случаѣ должна была представлять только соединеніе ряда частныхъ описей. Въ сохранившихся поземельныхъ описяхъ имѣются указанія на такого рода процессъ сложенія или составленія ихъ.

Къ сожалѣнію, сохранилась только самая малая частица той древнѣйшей поземельной описи, въ которой описаны были имѣнія Пражскаго епископа. Остался собственно одинъ пергаментный листъ, употребленный на переплетъ какой-то рукописи. Этотъ отрывокъ рукописи, сохранившійся счастливымъ образомъ, находится нынѣ въ Музеѣ Чешскаго Королевства. Въ этомъ отрывкѣ помѣщены описанія селъ двухъ владарьствъ: Степановскаго и Зерчицко-Бехарскаго, ибо на самомъ началѣ описанія селъ Рѣчицкаго владарьства текстъ обрывается. Основываясь на характерѣ почерка, упоминаніи въ припискѣ сдѣланной той же рукой лицъ, жившихъ въ 1285—1295 гг, — и другихъ соображеніяхъ, проф. Эмлеръ составленіе рукописи относитъ къ концу XIII вѣка [1]). Хотя въ этомъ памятникѣ имѣются прямыя указанія на описаніе епископскихъ владѣній только въ трехъ владарьствахъ, но есть основаніе думать, что тогда же были описаны всѣ епископскія земли. Дѣйствительно, въ позднѣйшей поземельной описи Пражскаго архіепископства, составленной въ концѣ XIV вѣка, дѣлаются неоднократныя ссылки на эту „старинную опись“ [2]). Что при этихъ ссылкахъ имѣлась въ виду та поземельная опись, отрывокъ которой сохранился, благодаря счастливой случайности, въ этомъ можно убѣдиться изъ сравненія текста позднѣйшей описи въ замѣткѣ, относившейся къ селу Хлуму, съ соотвѣтствующимъ текстомъ сохранившейся

1) Decem registra, str. V.

2) Decem registra, p. 94, 100, 103, 104, 107, 111, 121—123, 127, 132, 145, 149—150: in antiquo registro, in antiquo tamen registro, antiquum registrum habet, secundum antiquum registrum, juxta antiquum registrum.

древнѣйшей описи [1]). Такъ какъ подобная же ссылка на „старинную опись“ встрѣчается въ текстѣ поземельной описи Страговскаго монастыря, составленной въ 1410 году [2]), то это обстоятельство даетъ основаніе предполагать, что составленіе поземельной описи Пражскаго епископства не было въ XIII вѣкѣ исключительнымъ явленіемъ. При толкованіи вышеприведеннаго свидѣтельства нельзя не обратить вниманія на употребленіе множ. числа (in antiquis registris). Въ данномъ случаѣ можетъ быть представлено два объясненія. Говоря о „старинныхъ описяхъ“, составитель поземельной описи Страговскаго монастыря хотѣлъ этимъ указать или на существованіе нѣсколькихъ памятниковъ, относившихся къ различнымъ годамъ, или могъ также имѣть въ виду рядъ мѣстныхъ и частныхъ описей. На подобныя частныя описи, послужившія матеріаломъ для составленія одной общей, имѣется вполнѣ опредѣленное указаніе въ поземельной описи владѣній пановъ Розенберговъ. Такимъ образомъ, напр., упоминается поземельная опись владѣній, расположенныхъ около Прибеницы [3]). Въ той же части Розенбергской поземельной описи, гдѣ упоминается о Прибеницкой описи, дѣлается ссылка на какую-то неизвѣстную опись, и, кромѣ того, упоминаются описи, составленныя Ѳомою и Мартиномъ; при этомъ, какъ оказывается, работа перваго изъ этихъ писцовъ служила руководствомъ для второго [4]). Такъ какъ эта часть Розенбергской общей поземельной описи съ внѣшней стороны ничѣмъ не отличается отъ другихъ частей, то нѣтъ

1) Decem registra, p. 111, 2: Villa Chlum secundum antiquum registrum tenet 21 laneos et tamen solum de 20 solvitur . . .; Item in villa dicta Chlum sunt 21 lanei. . .

2) Ibid., p. 286: Item ibidem in Byessna (Běsno Жат. края), prout in antiquis registris continetur.

3) Registrum bonorum Rosenbergicorum, p. 47, nr. 405: Sed registrum de Przebenicz dicit, quod de quolibet manso. . .

4) Ibid., p. 45, 47, 48: noluerunt incole solvere iuxta continentiam registri. . .; Martinus notarius hic non habet III gr., quia hoc habet ex informacione Thome registri de eo; Sed registrum Martini habet per LXXII gr.

никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что при составленіи этихъ послѣднихъ пользовались также частными или мѣстными описями. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что если Розенбергская поземельная опись составлена въ 1379 году [1]), то составленіе работы писца Мартина приходится отодвинуть на нѣсколько десятилѣтій назадъ, а возникновеніе описи писца Ѳомы отнести къ концу XIII или началу XIV вѣка.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, можно прійти къ заключенію, что первыя статистическія работы и труды по записыванію данныхъ для исторіи землевладѣнія въ Чехіи начались со второй половины XIII вѣка, собственно со времени царствованія Премысла Отакара II. По всей вѣроятности, первыя замѣтки или записи подобнаго рода носили частный или мѣстный характеръ, но уже въ концѣ XIII вѣка, какъ видно изъ поземельной описи Пражскаго епископства, эти замѣтки принимаютъ новую и самостоятельную форму: изъ нихъ составляются общіе своды [2]).

II. Какъ извѣстно, нѣмцы называютъ поземельныя описи урбаріями (Urbarien), а чехи заимствовали этотъ терминъ у своихъ сосѣдей (urbář, urbáře). Издавая отрывки поземельныхъ описей Пражскаго епископства и монастырей Погледскаго и Градищскаго, проф. Эмлеръ, слѣдуя установившейся традиціи, называетъ ихъ въ сочиненныхъ имъ латинскихъ и чешскихъ заглавіяхъ урбаріями [3]). Тотъ же

1) См. соображенія г. Тругляра во введеніи къ изданію регистра, стр. 2.

2) При Вацлавѣ I едва-ли существовали даже и мѣстныя описи: о незначительности объема Кладскихъ дѣдинъ въ селѣ Стодѣ, король зналъ только, благодаря „сообщенію лицъ, заслуживающихъ довѣрія.“ См. Erben, Regesta, t. I, p. 410, 426, nr. 870, 917 (1235, 1237): Licet etenim praefatae hereditates paucae sint, et sicut relatu fide dignorum accepimus, in parvo centum jugera excedentes.

3) Такимъ образомъ, получились такія заглавія: Fragmentum urbarii episcopatus Pragensis, Fragmentum urbarii monasterii Vallis S. Mariae, Zlomek urbáře kl. Hradištského.

самый терминъ употребленъ имъ въ заголовкѣ поземельной описи Хотешовскаго монастыря (Urbarium monasterii Chotiessovensis), хотя въ рукописи этотъ источникъ называется просто книгою [1]). Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ проф. Эмлеръ поступилъ вопреки рукописной традиціи, по указанію которой издаваемый памятникъ слѣдовало озаглавить: liber censuum.

Наименованіе источниковъ, вполнѣ согласное съ рукописной традиціей, имѣетъ довольно важное значеніе, потому что въ самомъ наименованіи ихъ часто сказывается взглядъ современниковъ на характеръ, происхожденіе и содержаніе данныхъ источниковъ.

Какъ оказывается, поземельныя описи въ первой половинѣ XIV вѣка назывались различно. Поземельная опись Рудницкаго монастыря въ рукописномъ заглавіи названа была „описью имѣнія," а въ текстѣ — „книжкою" [2]). Поземельная опись Збраславльскаго монастыря названа была также „описью монастырской вотчины" [3]). Поземельная опись Хотешовскаго монастыря, какъ было указано, названа въ заголовкѣ „книгою." Такъ какъ эти три памятника являются древнѣйшими изъ числа сохранившихся въ болѣе или менѣе полномъ видѣ источниковъ этого рода, то наименованіе ихъ поземельными описями имѣетъ слѣдовательно оправданіе въ рукописной традиціи.

Впослѣдствіи устанавливается обычай называть поземельныя описи регистрами. Поземельная книга Островскаго монастыря называется „общимъ регистромъ" [4]). Какъ

---

1) Decem registra, p. 23: factus est iste liber . . .

2) Ibid., p. 4: Conscriptio bonorum monasterii — facta per venerabilem in Christo patrem et dominum, dominum Johannem III-tum, Pragensem episcopum. Ibid., p. 16: suprascripta bona in presenti libello contenta et notata . . .

3) Ibid., p. 309: Nota. Hec est descripcio hereditatis monasterii Aule Regiae.

4) Ibid., p. 53: hoc registrum universale, videlicet posicionum universorum proventuum summatim dicti monasterii conscriptorum, fieri procuravit.

видно изъ заголовка поземельной книги Пражскаго архіепископства, эта послѣдняя также называлась регистромъ [1]; кромѣ того, въ текстѣ ея встрѣчаются частыя ссылки на прежніе регистры, т. е. описи [2]. На первомъ листѣ второй тетради рукописи, на страницахъ которой дошла опись владѣній пановъ Розенберговъ, сохранилось такое заглавіе: Registrum bonorum [3], а въ самомъ текстѣ поземельной описи упоминаются частные или мѣстные регистры или описи [4]. Наконецъ, позднѣйшая часть Хотешовской поземельной описи [5] имѣла слѣдующее подзаглавіе: sequitur registrum de bonis in Enczіewan [6]. Подъ этимъ наименованіемъ регистровъ были извѣстны описи и въ XV вѣкѣ [7].

Поземельныя описи именовались регистрами не безъ основанія. Какъ извѣстно, регистрами назывались такіе сборники грамотъ и актовъ, которые въ интересахъ дѣлопроизводства, а иногда обезпеченія юридическихъ правъ частныхъ лицъ, составляемы были при канцеляріяхъ, судебныхъ и разныхъ административныхъ мѣстахъ [8]. Наименованіе поземельныхъ описей регистрами оправдывается тѣмъ, что грамоты служили однимъ изъ источниковъ при ихъ составленіи, а иногда были включаемы цѣликомъ или въ сокращеніи въ ихъ текстъ [9]. Этого мало. Въ XIV вѣкѣ при чешскихъ монастыряхъ были заведены регистры для записыванія юридическихъ сдѣлокъ зависимыхъ

---

1) W. Tomek, d. III, str. 29: Registrum bonorum archiepiscopatus Pragensis . . .

2) См. выше, стр. 31.

3) См. выше, стр. 7.

4) См. выше, стр. 32, прим. 1 и 2.

5) См. ниже, въ этой же главѣ, стр.45—46.

6) Decem registra, p. 42.

7) Archiv český, d. XIV, p. 86, nr. 1675, ad. an. 1458. Ibid., p. 92, nr. 1691, ad an. 1459. Ibid., p. 95—96, nr. 1702, ad an. 1459. Ibid., p. 96, nr. 1704, ad an. 1459.

8) A. Giry, Manuel de diplomatique, p. 34—36. Jar. Čelakovský, O domácích a cizích registrech, V Praze 1890, str. 1—4, 28—35.

9) См. ниже, въ этой же главѣ.

людей [1]). Если предположить, что поземельныя описи были также включаемы въ составъ этихъ монастырскихъ регистровъ, то наименованіе ихъ этимъ послѣднимъ терминомъ не будетъ вызывать никакого недоумѣнія или удивленія. Какъ будетъ показано ниже, это послѣднее предположеніе оправдывается наблюденіями надъ рукописью поземельной описи Островскаго монастыря.

Насколько можно судить по введеніямъ, предпосланнымъ изданію поземельныхъ описей, большинство рукописей, которыми пользовались издатели, написано было на пергаментѣ. Опредѣленныя указанія относятся къ рукописямъ поземельныхъ описей Пражскаго епископства, Збраславльскаго, Погледскаго и Хотешовскаго монастырей, Розенбергскихъ владѣній [2]). Сюда можно присоединить также рукопись поземельной описи Рудницкаго монастыря. Эта рукопись состоитъ изъ двухъ пергаментныхъ тетрадей, изъ которыхъ первая имѣетъ 4 листа, сложенныхъ пополамъ (quaternio), а вторая тетрадь — три листа, перегнутыхъ также пополамъ (ternio) [3]). Нѣкоторыя же рукописи написаны на бумагѣ, а именно: часть одной рукописи поземельной описи Хотешовскаго монастыря и рукописи описей Пражскаго архіепископства и Градищскаго монастыря [4]). Не всѣ эти рукописи являются подлинниками; нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собою копіи или списки, возникшіе въ позднѣйшее время. Согласно указанію проф. Эмлера, въ видѣ копій дошли поземельныя описи Хотешовскаго, Бревновскаго и Страговскаго монастырей. Описи двухъ послѣднихъ монастырей сохранились въ двухъ рукописяхъ:

---

1) Сохранившійся отрывокъ подобной регистратуры Островскаго монастыря можетъ служить источникомъ для ознакомленія съ монастырскими регистрами. См. Decem registra, p. 73—91. Подробности см. ниже, въ этой же главѣ.

2) Decem registra, str. V, XI, VI—VII. Reg. bon. Rosenberg., str. I.

3) Сообщаемъ эти данныя на основаніи личнаго изученія рукописи описи Рудницкаго монастыря.

4) Decem registra, str. VII, VIII. Zl. urb. kl. Hradišt., str. I.

одна рукопись описи Хотешовскаго монастыря составлена была въ 1510 году, а другая — около того же времени или нѣсколько ранѣе [1]); одна рукопись поземельной описи Бревновскаго монастыря была написана въ серединѣ XV вѣка, а другая — въ 1553 году. Единственная рукопись поземельной описи Страговскаго монастыря также позднѣйшаго происхожденія, ибо была изготовлена во второй половинѣ XV вѣка [2]). Что же касается остальныхъ древнѣйшихъ поземельныхъ описей, то онѣ дошли въ рукописяхъ, которыя, кажется, являются подлинниками, какъ можно видѣть изъ того, что въ текстѣ почти всѣхъ ихъ имѣются поправки, подчистки и замѣчанія на поляхъ. Говоря о рукописи поземельной описи Градищскаго монастыря, проф. Эмлеръ указываетъ, что она написана была на узкихъ и длинныхъ листахъ, а подобная форма, по его мнѣнію, сдѣлалась обычной впослѣдствіи для такого рода источниковъ [3]). Однако, въ предгуситскую пору эта форма не была обязательной для рукописей поземельныхъ описей. Это обстоятельство можно объяснить тѣмъ, что въ теченіе XIII—XIV вв. не успѣлъ вполнѣ опредѣлиться типъ чешскихъ поземельныхъ описей, а потому не могли сложиться и внѣшнія формы, всегда соотвѣтствующія опредѣлившемуся содержанію.

Въ текстѣ поземельныхъ описей далеко невсегда находятся указанія, кто былъ составителемъ ихъ. Однако, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ подобныя указанія имѣются. Владѣнія пановъ Розенберговъ были описаны въ разное время различными писцами, по именамъ которыхъ иногда получали названія и самыя описи: напр., опись Ѳомы, опись Мартина [4]).

1) Decem registra, str. VII.

2) Ibid., str. IX—X.

3) См. введеніе къ изданію описи, стр. I: Urbář . . . . skládal se, jak to u register podobných skoro pravidlem bývalo, z úzkých dlouhých listů papírových, z nichž vždy osm činilo jednu složku.

4) Reg. bon. Rosenberg., p. 47, nr. 407—408: Martinus notarius hic non habet III gr., quia hoc habet ex informacione Thome registri de eo. . . Sed registrum Martini.

Поземельная опись Страговскаго монастыря была написана и скрѣплена подписью монастырскаго нотарія Станислава изъ Ичина [1]). Запись данныхъ, относившихся къ землевладѣнію Островскаго монастыря, производилась въ присутствіи монастырскаго пробста Генриха, писцемъ или нотаріемъ Николаемъ, горожаниномъ Новой Праги [2]). Вошедшія въ поземельную опись Бревновскаго монастыря записи о доходахъ, поступавшихъ на содержаніе монастырской братіи и монастырской лѣчебницы, составлены были лицами, стоявшими во главѣ этихъ отраслей монастырской администраціи: монахами Вацлавомъ и Георгіемъ [3]). Значительная часть поземельной описи Рудницкаго монастыря составлена была основателемъ монастыря, послѣднимъ Пражскимъ епископомъ Іоанномъ IV, въ декабрѣ 1338 года [4]), а 18 іюня 1341 года онъ же подвелъ итоги чиншевыхъ доходовъ, получаемыхъ монастыремъ [5]).

Такимъ образомъ, составителями поземельныхъ описей были лица, невсегда принадлежавшія къ составу администраціи имѣнія, но во всякомъ случаѣ заинтересованныя въ правильности поступленій чиншевыхъ платежей и другихъ

---

1) Decem registra, p. 220: diligenter procuravimus annotari et per Stanislaum de Giczin, nostri monasterii publicum notarium, mandavimus conscribi et consignari.

2) Ibid., p. 58: incepte sunt connotari ville — in presencia domini Henrici prepositi sub notariatu Nicolai de Nova civitate Pragensi.

3) Ibid., p. 215, 217: Anno domini 1406 conscripta est pitancia fratrum ex mandato Divissii abbatis per fratrem Wenceslaum, tunc sacristanum et pitanciarium; conscripta est pitancia pro infirmaria fratrum ex mandato domini Divissii abbatis per fratrem Georgium tunc infirmarium.

4) Ibid., p. 4: Conscriptio bonorum — facta per venerabilem in Christo patrem et dominum, dominum Johannem IIII-tum Pragensem episcopum. . .

5) Ibid., p. 16: Summa census denarialis omnium bonorum predictorum sunt 323 marce censuales et $2^1/_2$ ferto preter minuta et araturas. . . Que quidem bona per ipsum dominum episcopum sunt summata anno domini millesimo CCCXL° primo feria secunda proxima post festum beati Viti martiris.

доходовъ, уплачиваемыхъ зависимыми людьми. Что дѣйствительно подобная цѣль имѣлась въ виду при составленіи поземельныхъ описей, въ этомъ можно убѣдиться изъ указаній, находящихся въ ихъ текстѣ. Во введеніи къ поземельной описи Хотешовскаго монастыря сказано такъ: „эта книга составлена для того, чтобы всѣ вообще и отдѣльныя въ частности повинности и обязательства населенія, записанныя въ ней, были нерушимо отправляемы всякимъ человѣкомъ и вполнѣ согласно съ тѣмъ, какъ это отмѣчено въ ней на соотвѣтствующихъ мѣстахъ“ [1]). Во введеніи къ описи Страговскаго монастыря послѣ указанія на недостаточность и слабость человѣческой памяти, напоминающаго аренгу грамотъ, включенныхъ въ текстъ этого же памятника [2]), прибавлено было, что аббатъ поэтому пожелалъ дать представителямъ монастырской администраціи такое надежное руководство, къ которому они „могли обращаться за справками всякій разъ, какъ только возникнетъ какое-либо сомнѣніе при взиманіи или платежѣ чинша и исполненіи слѣдуемыхъ въ пользу монастыря съ зависимыхъ людей другихъ повинностей“ [3]).

Въ заголовкахъ или текстѣ многихъ изъ сохранившихся поземельныхъ описей отмѣчается дата ихъ составленія. Благодаря этому обстоятельству, извѣстенъ цѣлый

---

1) Decem registra, p. 23: factus est iste liber, ut omnia et singula, que inter homines geruntur, in ipso conscripta inviolabiliter per quempiam observentur sub omni colore, prout sub suis clausulis notantur in eodem.

2) Ibid., p. 240, 246, 254, 261, 267. Всѣ эти грамоты относятся къ семидесятымъ годамъ XIV вѣка. См. также подобнаго же содержанія аренги, но иначе выраженныя Ibid., p. 233, 234, 258, 272, 274, 276.

3) Ibid., p. 220: tam presentibus quam futuris dicti monasterii provisoribus ac procuratoribus — industriam procurare et instillare volentes specialem, omnes et singulos fructus — et emolimenta quecumque — diligenter procuravimus annotari — quatenus ad ea omnes et singuli provisores dicti monasterii temporibus oportunis, cum se aliquod dubium obtulerit in census percepcione seu solucione vel aliis emolimentis per homines censuales dicto monasterio faciendis, informandum recurrant.

рядъ хронологическихъ датъ, указывающихъ моментъ возникновенія отдѣльныхъ описей. Описаніе имѣній Рудницкаго монастыря начато было основателемъ монастыря, Пражскимъ епископомъ Іоанномъ IV, 7 декабря 1338 года[1]). Опись всѣхъ доходовъ Збраславльскаго монастыря была написана въ 1342 году[2]). Поземельная опись или книга Хотешовскаго монастыря была составлена въ 1367 году[3]). Краткое или суммарное описаніе доходныхъ статей монастыря Островскаго предписалъ произвести аббатъ Мстиславъ въ 1388 году, а два года спустя начато было подробное описаніе чиншевыхъ платежей и повинностей въ отдѣльныхъ селахъ[4]). Поземельная опись Пражскаго архіепископства составлена была въ 90-хъ годахъ XIV вѣка[5]). Поземельная опись Бревновскаго монастыря написана была въ 1406 году[6]). Въ томъ же году, по приказанію аббата Дивиша, составлена была вошедшая сюда же опись доходныхъ статей монастырской больницы[7]). Поземельная опись Страговскаго монастыря изготовлена была въ 1410 году[8]).

1) Decem registra, p. 4: Conscriptio bonorum monasterii S. Marie canonicorum regularium in Rudnicz in anno domini M° CCCXXXVIII°, VII° Idus Decembris facta per venerabilem in Christo patrem et dominum, dominum Johannem IIII-tum, Pragensem episcopum XXVII-um, anno vero ordinacionis sue XXXVIII°.

2) Ibid., p. 310: In Psar 30 sexag. hoc anno scilicet MCCCXLII°.

3) Ibid., p. 23: Anno domini millesimo trecentesimo sexagesimo septimo factus est iste liber.

4) Ibid., p. 53, 58: Anno dominice incarnacionis millesimo trecentesimo octuagesimo octavo venerabilis pater dominus Mstislaus abbas monasterii Insule Pragensis dioc . . . . hoc registrum universale — fieri procuravit; Anno domini millesimo trecentesimo nonagesimo — incepte sunt connotari ville monasterii Ostrowyensis cum suis censibus et aliis utilitatibus. См. также ниже.

5) Ibid., p. 92: Registrum bonorum archiepiscopatus Pragensis anno millesimo trecentesimo nonagesim . . . conscriptum. См. Ibid., str. VIII—IX и W. Tomek, Dějepis města Prahy, d. III, str. 39.

6) Decem registra, p. 151: Registrum bonorum monasterii Brzewnowiensis anno MCCCCVI° conscriptum.

7) Ibid., p. 217: Anno domini M° CCCC° VI° conscripta est pitancia pro infirmaria fratrum ex mandato domini Divisii abbatis per fratrem Georgium, tunc infirmarium.

8) Ibid., p. 221: omnia et singulariter singula inferius sunt

Хотя въ текстѣ остальныхъ изъ сохранившихся древнѣйшихъ поземельныхъ описей [1]) нѣтъ прямыхъ указаній на время ихъ составленія, но различныя косвенныя свидѣтельства и соображенія доказываютъ ихъ принадлежность предгуситской эпохѣ. Къ числу такихъ относится прежде всего древнѣйшая изъ всѣхъ сохранившихся поземельная опись Пражскаго епископства. Сохранился собственно ничтожный отрывокъ этой описи въ видѣ листа пергамента, отклееннаго отъ переплета какой-то рукописи. Основываясь на характерѣ почерка, упоминаніи въ сдѣланной той же рукой на другомъ листѣ записи такихъ лицъ, которыя жили въ 1285—1295 гг., и принимая во вниманіе тѣ измѣненія въ составѣ епископскихъ владѣній, которыя произошли въ 1295 году, проф. Эмлеръ совершенно правильно относилъ составленіе этого источника къ концу XIII вѣка [2]). Поземельная опись имѣній пановъ Розенберговъ составлена была въ 1379 году, какъ видно это изъ того, что изъ включенныхъ въ текстъ хронологическихъ помѣтъ позднѣйшія относятся къ этому году [3]), а замѣтка о селѣ Ларенбехерѣ или Млынцѣ [4]), отчужденномъ 25 января 1380 года, нашла еще себѣ мѣсто въ составѣ описи [5]). Отрывокъ поземельной описи Погледскаго монастыря сохранился въ рукописи хартулярія середины XIV вѣка. Хотя самый текстъ описи на-

---

annotata, et hoc de anno domini M° CCCC° decimo. Et primo bona in Zachlum, deinde alia bona.

1) См. выше, стр. 7—10.

2) Decem registra, str. V.

3) Registrum bon. Rosenberg., p. 32, nr. 277: Pessek Bobr de mensura Gebhardi de III jug. Paczowiensis mensure ante Nativitatem s. Marie anno LXXIX mensurati dabunt. . . . Ibid., p. 55, nr. 466: Villa Hwozdecz scripta ante Nicolay Anno LXXIX°. . . . Помѣты, относящіяся къ 1390 и 1382 годамъ (p. 38, 42, nr. 320, 360), не могутъ быть приняты во вниманіе, такъ какъ сдѣланы позднѣйшимъ почеркомъ.

4) Ibid., p. 3, nr. 9.

5) См. другія соображенія г. Тругляра на второй страницѣ его введенія, предпосланнаго изданію памятника.

писанъ другой рукой, но все-таки почеркомъ, относящимся къ тому же времени, какъ и тотъ почеркъ, которымъ исписаны прочіе листы хартулярія [1]). Это включеніе поземельной описи въ составъ сборника грамотъ середины XIV вѣка даетъ основаніе думать, что и самая опись составлена была въ ту же пору. Поземельная опись пробства Пражской церкви, несомнѣнно, была написана въ предгуситскій періодъ, такъ какъ въ рукописи имѣются подробныя приписки о совершенныхъ императоромъ Сигизмундомъ отчужденіяхъ отдѣльныхъ имѣній [2]). Наконецъ, опись Градищскаго монастыря по времени составленія должна быть отнесена къ тому же времени, потому что самый монастырь былъ разрушенъ въ началѣ гуситскихъ войнъ [3]).

Вообще необходимо прибавить, что съ момента наступленія гуситскаго движенія должна была прекратиться та энергическая хозяйственная дѣятельность монастырей и церковныхъ учрежденій, благодаря которой сохранилось достаточное число статистическихъ матеріаловъ, важныхъ для исторіи народнаго хозяйства, а прежде всего цѣлый рядъ вышеперечисленныхъ поземельныхъ описей. Когда же при императорѣ Сигизмундѣ началось систематическое расхищеніе или передача церковныхъ имѣній во владѣніе представителей чешской аристократіи [4]), минула пора для составленія описей.

Сохранилась, однако, только незначительная часть чешскихъ поземельныхъ описей предгуситской поры. Въ этомъ можно убѣдиться по одному тому, что монастырей Цистеріанскаго ордена, извѣстнаго своей хозяйственной дѣятель-

---

1) Decem registra, str. VI.

2) Ibid., str. X.

3) См. введеніе проф. Эмлера, предпосланное изданію отрывка урбарія Градищскаго монастыря, стр. 1.

4) См. регистры записей въ изданіи Archiv český, d. I, str. 494—546; d. II, str. 175—208, 444—481, а также приложеніе второе къ изслѣдованію проф. Яр. Челяковскаго: O domácích a cizích registrech (V Praze 1890), str. 106—122.

ностью, было въ Чехіи свыше 10 въ XIV вѣкѣ [1]), вслѣдствіе чего однѣхъ только Цистеріанскихъ описей должно было существовать почти столько, сколько дошло всѣхъ памятниковъ подобнаго рода; между тѣмъ, въ числѣ сохранившихся описей извѣстно всего четыре Цистеріанскія описи, принадлежавшія монастырямъ Збраславльскому, Погледскому, Градищскому и Златокоронскому [2]).

Ни одна древнѣйшая опись, къ сожалѣнію, не представляетъ полнаго перечня всѣхъ имѣній и доходныхъ статей, принадлежавшихъ извѣстному землевладѣльцу или юридическому лицу. Даже относительно самыхъ полныхъ описей, къ каковымъ можно отнести описи Розенбергскихъ владѣній, описи Страговскаго и Бревновскаго монастырей и Пражскаго пробства, — необходимо сказать, что въ составъ ихъ не занесено описаніе тѣхъ хуторовъ и земель, на которыхъ ведено было хозяйство господское, подъ наблюденіемъ приказчиковъ и уполномоченныхъ. Сверхъ того, отъ нѣсколькихъ поземельныхъ описей сохранились только отрывки. Въ такомъ видѣ дошли описи Пражскаго епископства и архіепископства, Погледскаго и Градищскаго монастырей [3]).

Что же касается остальныхъ описей, то въ нихъ замѣчаются также огромные пропуски. Неполнота описи Збраславльскаго монастыря обнаруживается при сравненіи текста ея съ содержаніемъ учредительной грамоты короля Вацлава II, выданной 21 мая 1304 года. Изъ земель, пожалованныхъ королемъ, въ поземельной описи не упоминаются: 1) села Липенецъ и Жабоврески, расположенныя въ окрестностяхъ города Праги; 2) села Новая Весь, Льгота, Буша, Преставльки,

---

1) Lippert, Socialgeschichte Böhmens, Bd. II, S. 62—74.

2) Въ Музеѣ Королевства Чешскаго сохраняется отрывокъ какого-то Литомышльскаго урбарія, написаннаго по-чешски. См. Emler, Regesta, t. III, p. 380, nr. 972 (1324): Ex urbario Litomysslensi.

3) Decem registra, str. V, VI, VIII, XI. См. также введеніе къ изданію описи Градищскаго монастыря, стр. 1.

Лечица и Крамы, находившіяся въ Камыцкой жупѣ; 3) села Страдовнь и Чбановъ, лежавшія около Высокаго Мыта; 4) села Банинъ и Новая Бѣла, находившіяся въ Полицкой жупѣ; 5) всѣ тѣ монастырскія села, которыя расположены были въ окрестностяхъ пожалованныхъ королемъ городовъ Устья надъ Орлицей, Требовы Чешской, Ландскрона и Яблонной [1]). Какъ можно видѣть изъ „регистра записей", напечатанныхъ Палацкимъ въ первыхъ двухъ томахъ „Архива Чешскаго", нѣкоторыя изъ этихъ имѣній и селъ находились и въ послѣдующее время послѣ составленія поземельной описи во владѣніи монастыря. Въ самомъ дѣлѣ, въ вышеупомянутыхъ записяхъ находятся свидѣтельства о томъ, что въ руки различныхъ лицъ перешли впослѣдствіи слѣдующія монастырскія села: Жабоврески, Буша, Преставльки, Новая Весь, Крамы, Лечица, Льгота, Страдовнь [2]). Такимъ образомъ, умолчаніе объ этихъ селахъ въ поземельной описи нельзя объяснить измѣненіями, происшедшими въ составѣ владѣній монастыря въ теченіе тѣхъ 38 лѣтъ, которыя протекли со времени выдачи учредительной грамоты до момента составленія описанія монастырскихъ земель. Кромѣ того, въ опись попали не всѣ имѣнія и доходы, которые, какъ извѣстно изъ грамотъ, были пожертвованы Збраславльскому монастырю до 1342 года [3]).

Систематическое составленіе поземельной описи Рудницкаго монастыря пріостановилось 18 іюня 1341 года, когда были подведены итоги чиншевыхъ доходовъ [4]). Впослѣдствіи эта опись была дополнена двумя записями: 1) о покупкѣ угодій въ селѣ Долинѣ, совершенной монастыремъ 9 октября 1341 года; 2) о пріобрѣтеніи селъ Домашицы и

---

1) Emler, Regesta, t. II, p. 866. См. Ibid., IV, p. 745.
2) Archiv Český, d. I, str. 508; d. II, str. 450, 184, 180.
3) Emler, Regesta, t. III, p. 267, 430, 537, 628; t. IV, p. 304.
4) Decem registra, p. 16: summata anno domini millesimo CCCXL° primo feria secunda proxima post festum beati Viti martyris.

Оброка 12 сентября 1377 года[1]). Однако, сюда же не включены были записи о тѣхъ пріобрѣтеніяхъ, которыя произошли въ этотъ же промежутокъ времени и выразились въ устройствѣ села Вѣтранъ въ 1347 году и покупкѣ угодій села Постовицы въ 1358—59 гг.[2]). Такимъ образомъ, послѣ 1341 года не слѣдили, очевидно, за правильностью записей. Необходимо также замѣтить, что и послѣ 1377 года совершаемы были монастыремъ пріобрѣтенія новыхъ имѣній, и происходили перемѣны въ составѣ монастырскихъ владѣній, но всѣ эти свѣдѣнія не попали на страницы поземельной описи: 1) въ 1387 году были пріобрѣтены угодія въ селѣ Уѣздцѣ; 2) въ томъ же году произошелъ обмѣнъ села Либерца на село Берлогъ; 3) въ 1392 году совершилась мѣновая сдѣлка съ архіепископомъ Іоанномъ относительно чиншеваго дохода на сумму 80 грошей; 4) въ 1397 году пріобрѣтено было село Радчица и т. д.[3]).

Поземельная опись Хотешовскаго монастыря состоитъ изъ двухъ частей, составленныхъ разновременно. Древнѣйшая часть, написанная по-латыни, была изготовлена около 1367 года[4]), а потому въ текстъ ея не вошла запись о селѣ Робчицѣ, пріобрѣтенномъ вмѣстѣ съ лѣсомъ Высокимъ за 740 копъ въ 1373 году[5]). Описаніе Литомерицкихъ селъ монастыря, а именно: Грушованъ, Трновы, Энцованъ, Сѣдлеца, Свареницы, Врутицы и Полепъ, которыя всѣ, кромѣ третьяго, принадлежали монастырю съ 1271 года[6]), — сохранилось въ чешской редакціи поземельной описи. Эта часть Хотешовской поземельной описи — позднѣйшаго происхожденія,

---

1) Decem registra, p. 16—17.

2) См. въ напечатанномъ въ Věstník král. České společnosti Náuk (Prag 1894) дипломатаріи монастыря въ Рудницѣ, Nr. 8, 15, 16.

3) См. Рудницкій дипломатарій, Nr. 18, 21, 25, 26.

4) См. выше, стр. 40.

5) Köpl, Das ehemalige Prämonstratenser-Chorfrauen-Stift Chotieschau (Prag 1840), S. 18.

6) Emler, Regesta, t. II, p. 313, nr. 781. Köpl, p. 11. Энцованы были куплены въ 1335 году за 556 копъ. См. Köpl, S. 16.

т. е. составлена была въ послѣгуситскій періодъ, какъ это видно не только изъ того, что она написана чешскимъ языкомъ, но и обнаруживается также такой редакціонной особенностью, какъ подробное указаніе при имени каждаго крестьянина размѣра его барщины, и, наконецъ, сказывается въ употребленіи нѣкоторыхъ терминовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить чешскую часть Хотешовской описи съ напечатанной г. Дворскимъ описью Глубоцкаго имѣнія 1490 года [1]).

Въ поземельную опись Островскаго монастыря не введено описаніе Тоховицкаго имѣнія, въ составъ котораго входили слѣдующія села: Тоховица, Горычабское, Старавода, Гореяны, Клетица и Лисовица [2]), отчужденныя только при императорѣ Сигизмундѣ [3]).

Такимъ образомъ, древнѣйшія чешскія поземельныя описи оказываются недостаточными источниками для исторіи крупнаго землевладѣнія не только потому, что большинство ихъ не даетъ полнаго списка владѣній, но главнымъ образомъ потому, что въ составъ ихъ не внесены данныя о земляхъ, находившихся въ непосредственной эксплуатаціи землевладѣльцевъ. Въ сущности, чешскія поземельныя описи по справедливости могутъ быть названы чиншевыми книгами, такъ какъ даютъ богатый матеріалъ преимущественно для исторіи зависимаго люда.

На страницахъ поземельныхъ описей матеріалъ размѣщался въ порядкѣ топографическомъ; и такимъ образомъ, описанія селъ, составлявшихъ одну топографическую группу, образовывали часто отдѣльную главу поземельной описи.

Епископскія имѣнія въ XIII вѣкѣ составляли нѣсколько владарьствъ (villicationes) или сельско-хозяйственныхъ округовъ. Названіе свое владарьство получало по имени одного изъ торговыхъ селъ или мѣстечекъ. Какъ видно изъ под-

1) Archiv český, d. XVII, st. 184—274.

2) Emler, Regesta, t. III, p. 675, nr. 1723 (1331).

3) Archiv český, d. II, str. 187. J. Čelakovský, O registrech, str. 107.

заглавій, въ отрывкѣ поземельной описи Пражскаго епископства села описаны были по владарьствамъ [1]) или вилликаціямъ. Въ позднѣйшей архіепископской поземельной описи владарьства названы уже округами (districtus). Здѣсь при описаніи имѣній указаны слѣдующіе округа: Рудницкій [2]), Бехарскій и Зерчицкій [3]), Гельфенбургскій [4]), Чешско-Бродскій [5]), Рокицанскій [6]), Рожмитальскій [7]), Степановскій [8]), Кривсудовскій [9]), Рѣчицкій [10]), Хиновскій [11]), Тынско-Вльтавскій или Бехинскій [12]), Прибрамскій [13]). Владѣнія пановъ Розенберговъ раздѣлялись также на округа. Какъ видно изъ Розенбергской поземельной описи, эти округа были слѣдующіе: Розенбергскій [14]), Новоградскій [15]), Прибеницкій [16]), Ховстницкій [17]), Вильдштейнскій [18]), Жижелицкій [19]), Гаслахскій [20]), Виттингштейнскій [21]), Фридбургскій [22]), Кру-

1) Подзаголовки эти таковы: Possessiones et redditus earum in villicacione Scepanowiensi; Possessiones et redditus earum in villicacione Rechycensi (Decem registra, p. 2—3). Названіе того владарьства, села котораго перечислены въ началѣ отрывка описи, не сохранилось. Какъ видно по сравненію отрывка съ позднѣйшей архіепископской описью (Decem registra, p. 98—100), это было Бехарско-Зерчицкое владарьство.

2) Decem registra, p. 92—98,
3) Ibid., p. 98—100.
4) Ibid., p. 100—104.
5) Ibid., p. 104—106.
6) Ibid., p. 107.
7) Ibid., p. 107—110.
8) Ibid., p. 110—112.
9) Ibid., p. 112—113.
10) Ibid., p. 113—133.
11) Ibid., p. 133—137.
12) Ibid., p. 137—145.
13) Ibid., p. 145—150.
14) Reg. bon. Rosenberg., p. 1—11, nr. 1—77.
15) Ibid., p. 11—14, nr. 78—94.
16) Ibid., p. 14—17, 43—48, nr. 95—132, 379—411.
17) Ibid., p. 18—21, nr. 134—165.
18) Ibid., p. 21—22, nr. 166—178.
19) Ibid., p. 22—24, nr. 179—196.
20) Ibid., p. 24—25, 28—29, nr. 197—205, 235—256.
21) Ibid.. p. 25—26, nr. 206—222.
22) Ibid., p. 26—28, nr. 223—234.

мловскій [1]), Мейдштейнскій [2]), Подегусскій [3]), Гельфенбургскій [4]), Буковскій [5]), Миличинскій [6]), Седльчанскій [7]), Страшицкій [8]), Требоньскій [9]).

Въ другихъ поземельныхъ описяхъ выдѣленіе топографическихъ группъ не такъ подчеркивается, какъ въ этихъ трехъ вышеперечисленныхъ; и даже невсегда приводятся въ текстѣ заглавія отдѣльныхъ частей описи, а потому часто остается неизвѣстнымъ названіе той или другой топографической группы или владарьства.

Въ первой части описи Рудницкаго монастыря, составленной 7 декабря 1338 года и занимающей въ печатномъ изданіи менѣе первыхъ 4 страницъ, выдержана такая послѣдовательность изложенія: 1) сначала приведено описаніе селъ Сланскаго края; 2) потомъ — селъ, расположенныхъ между городами Литомерицей и Устьемъ; и, 3) наконецъ, селъ Жатецкаго края. Въ какой степени составитель этой части Рудницкой описи руководился своимъ планомъ, можно видѣть изъ того, что послѣ перечисленія ряда селъ, онъ всегда прибавляетъ, гдѣ они находились [10]). Въ поземельной описи Хотешовскаго монастыря перечислены сначала села, расположенныя вблизи монастыря, въ Пильзенскомъ краѣ [11]), а потомъ Литомерицкія села, центромъ которыхъ

1) Reg. bon. Rosenberg., p. 30—35, nr. 257—300.
2) Ibid., p. 35—36, nr. 301—313.
3) Ibid., p. 37—39, nr. 314—332.
4) Ibid., p. 39—41, nr. 333—359.
5) Ibid., p. 41—43, nr. 360—378.
6) Ibid., p. 48—50, nr. 412—426.
7) Ibid., p. 50—52, nr. 427—445.
8) Ibid., p. 53—54, nr. 446—464.
9) Ibid., p. 54—56, nr. 465—480.
10) Conscriptio bon. mon. Rudnic.: Suprascripte ville sunt in provincia Slanensi (p. 5); suprascripte 4 ville sunt inter Vsk et Luthomericz site (p. 6); item in villa Luborzicz in Zacensi provincia. . . . Item in villa Oczihow Minori, que est in provincia, que vocatur Rotytensko (p. 7).
11) Нѣкоторая часть этихъ селъ выдѣлена въ особую группу съ заглавіемъ: Sancti Georgii, S. Galli census. См. Decem registra, p. 28.

было село Энцованы [1]). Въ поземельной описи Островскаго монастыря могутъ быть отмѣчены такія территоріальныя группы: 1) села Сазавскія; 2) села Вльтавскія [2]); 3) села Сланскія; 4) села Затонскія [3]).

Въ коротенькой описи Збраславльскаго монастыря также замѣчается слѣдующая топографическая группировка: 1) ближайшія къ монастырю села, въ которыхъ насчитывалось 72 чиншевыхъ лана [4]); 2) земли около села Слапа, гдѣ было 55 лановъ [5]); 3) Беровнскія села, — Ревница и Леты [6]); 4) одиночныя села, расположенныя въ послѣдовательности, обусловленной ихъ разстояніемъ отъ монастыря [7]); 5) села, лежавшія около города Ландсберга, на самомъ западѣ Чехіи [8]); 6) два моравскихъ села [9]). Однако, эта топографическая система въ описи Збраславльскаго монастыря не вполнѣ строго проведена; и можно указать нѣсколько отъ нея отступленій. Описанія селъ Косоря, Клинца, Голина и Коморанъ находятся не на своемъ мѣстѣ [10]). Если первое изъ этихъ четырехъ селъ лежало особнякомъ, то три прочія

---

1) Decem registra, p. 42: Sequitur registrum de bonis in Enczie-wan. Эта часть Хотешовской описи — позднѣйшаго происхожденія. См. выше, стр. 45—46.

2) Ibid., p. 53—70. Подробности объ этомъ см. ниже, въ этой же главѣ.

3) Двѣ послѣднія группы имѣютъ особыя заглавія: Iste sunt ville in districtu Slanensi; Iste ville secuntur in Zaton. См. Ibid., p. 70—71.

4) Ibid., p. 309: Primo circa monasterium sunt 72 lanei — videlicet. . .

5) Ibid., p. 310: Summa omnium laneorum circa Slaps 55.

6) Ibid., p. 310: Summa ovorum de Rsebenicz (et de Leth). Выдѣленіе этихъ двухъ селъ можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что оба эти села лежали въ ближайшемъ сосѣдствѣ, на берегахъ рѣчки Беровнки, вдали отъ сосѣднихъ съ монастыремъ имѣній.

7) Села эти слѣдующія: Псары, Водоходы, Ярпица и Котовнь.

8) Ibid., p. 311: Summa census in Landsperk. . .

9) Ibid., p. 311: Ruchwan solvit cum villa Priskowicz. . .

10) См. Ibid., p. 310—311. Нельзя ничего сказать о другихъ двухъ селахъ монастыря (Pyesna, Selczen), такъ какъ мѣстоположеніе ихъ остается неизвѣстнымъ.

находились вблизи отъ монастыря, а потому нужно было бы ожидать включенія ихъ въ составъ первой группы монастырскихъ владѣній (primo circa monasterium). Также точно представляется страннымъ, почему упоминаніе о доходѣ съ мельницы въ селѣ Видинѣ помѣщено отдѣльно и значительно ниже общей замѣтки, касавшейся этого села, хотя о всѣхъ доходныхъ статьяхъ въ каждомъ селѣ составитель описи говоритъ всегда на соотвѣтствующихъ мѣстахъ, а не группируетъ эти данныя по однородности ихъ характера и природы. Задумываясь надъ объясненіемъ этихъ отступленій отъ обычнаго плана, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что всѣми доходами или частью ихъ въ трехъ изъ этихъ селъ пользовались сторонніе лица, а именно: 1) въ селѣ Косорѣ изъ чиншевой суммы получалъ 4 копы нѣкій Конрадъ; 2) въ селѣ Клинцѣ 5 копъ получала вдова какого-то Велислава; 3) село Комораны находилось въ пользованіи какой-то Генофеты [1]). Такимъ образомъ, составитель описи, имѣя въ виду подобнаго рода пользованіе сторонними лицъ доходами въ нѣкоторыхъ мо-

1) Decem registra, p. 310—311: In Cossors $12^1/_2$ sexag. in censu, de quibus Conradus de Lawitz recepit 4 sexag; In Glincz 5 sexag. in censu, quas tollit relicta Welizlai ad spacium 5 annorum . . .; De Commorsan 12 sexag. post obitum Genofete. Это предоставленіе доходовъ съ имѣній въ пользу сторонихъ лицъ являлось результатомъ прекарныхъ сдѣлокъ монастыря. Относительно Генофеты имѣется ясное свидѣтельство въ одной сохранившейся грамотѣ. Какъ оказывается, Генофета, вдова Матвѣя de Oberzis, подарила Збраславльскому монастырю свои земли въ селѣ Ярпицѣ въ 1333 году, а монастырь уступилъ ей въ пожизненное пользованіе село Комораны (Emler, Regesta Bohemiae, t. III, p. 789, nr. 2034). Что же касается Конрада и Велислава, то догадка о заключеніи ими съ монастыремъ прекарныхъ сдѣлокъ представляется весьма правдоподобной. Какъ видно изъ ихъ прозвищъ: Conradus de Lawitz, Welislaus de Glincz, они имѣли владѣнія въ селахъ Лаговицѣ и Клинцѣ, т. е. были совладѣльцами монастыря. Завѣщая свои земли монастырю, они, подобно Генофетѣ, могли выговорить въ пользу свою и своихъ женъ право пользованія частью дохода въ другомъ монастырскомъ селѣ или въ томъ, котораго только часть имъ принадлежала.

настырскихъ селахъ, считалъ необходимымъ въ данномъ случаѣ отступить при размѣщеніи матеріала отъ топографическаго принципа. Такъ какъ поля села Голина оставались безъ обработки и не приносили никакого дохода [1]), то и это село удобно было включить въ число временно бездоходныхъ или малодоходныхъ имуществъ.

Итакъ, нѣкоторыя отступленія поземельной описи Збраславльскаго монастыря отъ строгаго топографическаго распредѣленія матеріала могутъ быть объяснены финансовыми соображеніями составителя этой описи.

Описанія селъ въ поземельныхъ описяхъ Бревновскаго и Страговскаго монастырей расположены также по топографической системѣ. Составители этихъ памятниковъ не находили, однако, нужнымъ указать наименованія отдѣльныхъ сельско-хозяйственныхъ округовъ и только въ исключительныхъ случаяхъ отмѣчали какими-либо редакціонными замѣтками начало и конецъ того или другого отдѣла или части описи [2]), вслѣдствіе чего довольно трудно съ полной увѣренностью указать число этихъ округовъ и наименованія ихъ. Составитель поземельной описи Бревновскаго монастыря располагалъ описанія отдѣльныхъ округовъ, начиная съ ближайшихъ къ монастырю и переходя къ отдаленнымъ, а составитель описи Страговскаго монастыря придерживался обратнаго порядка.

Территоріальныя группы, на которыя раздѣлялись имѣнія Бревновскаго монастыря, какъ можно видѣть изъ описи, были слѣдующія: 1) Бревновскія или ближайшія къ монастырю села [3]); 2) села, расположенныя около города Лито-

---

1) Decem registra, p. 311: De agris in Holin 3 sexag. . . agri autem ad praesens sunt deserti et de eis nihil datur.

2) Ibid., p. 155, 189, 199—200, 220: Primo monasterium Brzewnowiense . . .; omnes incole villarum in districtu predicto . . .; in toto districtu Policz . . . in toto districtu Policzensi . . .; Et primo bona in Zachlum, deinde alia bona.

3) Ibid., p. 155—165.

TARTU ÜLIKOOLI

мерицы[1]); 3) правобережныя Вльтавскія села, расположенныя между рѣками Лабой и Сазавой[2]); 4) южныя правобережныя Вльтавскія села или Костелецкія[3]); 5) Незамыслицкія села въ Прахенскомъ краѣ[4]); 6) Брумовскія села[5]); 7) Полицкія села[6]); 8) Райградскія села въ Моравіи[7]).

Въ поземельной описи Страговскаго монастыря отмѣчены могутъ быть такія топографическія группы: 1) Захлумскія села, вблизи города Крумлова[8]); 2) Пацовскія села въ Бехинскомъ краѣ[9]); 3) Беровнскія села[10]); 4) Колинскія села[11]); 5) южныя Огрскія села, расположенныя главнымъ образомъ въ Раковницкомъ краѣ[12]); 6) правобережныя Вльтавскія села, вблизи Праги[13]); 7) ближайшія къ монастырю села[14]).

Наконецъ, въ описи Пражскаго пробства сначала описаны 20 селъ, расположенныхъ около мѣстечка Волыни въ

1) Decem registra, p. 166—169.
2) Ibid., p. 175—179.
3) Ibid., p. 180—184.
4) Ibid., p. 184—188.
5) Ibid., p. 189—199.
6) Ibid., p. 199—207.
7) Ibid., p. 207—214.
8) Ibid., p. 221—228.
9) Ibid., p. 228—230.
10) Ibid., p. 230—239.
11) Ibid., p. 239—251.
12) Ibid., p. 251—286. Проф. Томекъ эти села раздѣляетъ на два сельско-хозяйственныхъ округа (Dějepis města Prahy, d. III, str. 101—103), причисляя села Станьковицу и Бѣсно къ числу Патецкихъ селъ (Патекъ, Радоница, Страдоница, Оленица и т. д.). Такъ какъ въ поземельной описи подробныя замѣтки объ этихъ двухъ селахъ помѣщены послѣ описанія селъ (Кревица, Мнетешъ, Врачкова, Бучина и т. д.), расположенныхъ на востокъ отъ Патецкихъ и составлявшихъ, по мнѣнію проф. Томка, отдѣльную группу, то эта послѣдовательность въ расположеніи описаній позволяетъ усматривать существованіе не двухъ группъ, а только одной.
13) Ibid., p. 286—288.
14) Ibid., p. 288—301.

Прахенскомъ краѣ [1]), а потомъ 30 другихъ селъ или ихъ частей, расположенныхъ въ различныхъ краяхъ [2]).

Такимъ образомъ, хотя во всѣхъ древнѣйшихъ поземельныхъ описяхъ придерживались при расположеніи матеріала довольно строгаго топографическаго порядка, но при этомъ въ однѣхъ изъ нихъ каждую топографическую группу выдѣляли въ видѣ особой главы или отдѣла и предпосылали ей заглавіе, а въ другихъ не считали необходимымъ это дѣлать. Кромѣ того, въ однѣхъ поземельныхъ описяхъ располагали топографическія группы, начиная съ ближайшихъ отъ центра управленія, каковымъ являлся монастырь, и переходили къ болѣе отдаленнымъ, а въ другихъ придерживались совершенно противоположной послѣдовательности. Слѣдовательно, въ теченіе предгуситскаго времени и въ отношеніи расположенія матеріала въ поземельныхъ описяхъ не успѣла выработаться какая-либо опредѣленная система. Что же касается отмѣченнаго топографическаго порядка, то примѣненіе его въ поземельныхъ описяхъ было естественнымъ послѣдствіемъ существовавшаго раздѣленія земель крупнаго землевладѣнія на владарьства или округа административнаго управленія. Впрочемъ, ближайшимъ образомъ могло повліять здѣсь то обстоятельство, что общимъ поземельнымъ описямъ XIV вѣка предшествовали мѣстныя или частныя описи, составлявшіяся еще въ половинѣ предыдущаго вѣка [3]).

Еще большая неустойчивость наблюдается въ способѣ составленія чиншевыхъ и барщинныхъ замѣтокъ объ отдѣльныхъ селахъ. Эти описанія селъ или чиншевыя замѣтки съ внѣшней стороны имѣютъ не одинаковый видъ въ поземельныхъ описяхъ. Въ однѣхъ изъ нихъ даны суммарныя или общія замѣтки о чиншевомъ и барщинномъ обложеніи жителей

1) Decem registra, p. 302: primo Wolyna cum aliis villis ad eandem spectantibus.

2) Ibid., p. 304—308. См. W. Tomek, d. III, str. 50.

3) См. выше, стр. 32—33.

каждаго села, одинаковомъ для всѣхъ и пропорціональномъ размѣру надѣла [1]), а въ другихъ описяхъ къ общей присоединяется иногда подробная замѣтка, въ которой указывается размѣръ надѣла каждаго жителя, называемаго поименно [2]). Нѣкоторой разновидностью второго способа составленія поземельныхъ описей можно считать такія описи, въ которыхъ отсутствуютъ общія замѣтки, а перечисляются поименно всѣ жители села, при чемъ по отношенію къ каждому изъ нихъ опредѣляются размѣры его надѣла, чинша, барщины и другихъ повинностей [3]). Обыкновенно, если при описаніи какого-либо села приведены общая и подробная замѣтки, то первая всегда предшествуетъ второй, но въ описи Хотешовскаго монастыря наблюдается обратный порядокъ въ одной ея части [4]), обычный порядокъ въ другой [5]) и смѣшанный въ третьей [6]).

1) Въ качествѣ примѣра можно привести замѣтку, относившуюся къ селу Хлуму (Decem registra, p. 111): Villa Chlum secundum antiquum registrum tenet 21 laneos et tamen solum de 20 solvitur; quilibet laneus solvit 40 gr. annuatim usque domini voluntatem, prius tamen solvebantur de quolibet laneo 80 gr. Item fumales quelibet domus $^1/_2$ gr. Item de berna laneus 32 gr. et unum delenciales. Item burgravius tollit culpas. Item rabote quilibet laneus duos dies metere. Item quilibet laneus excolit 18 sulcos. Item fenum debent ducere. Item ligna pro structura castri debent ducere. Item devoluciones dominus tollit.

2) Для примѣра можно привести изъ описи Страговскаго монастыря замѣтку, относившуюся къ селу Брежаны (Decem registra, p. 243): Villa Brzezany. Item ibidem sunt 25 lanei solventes, et de quolibet laneo pro festo S. Galli solvunt 44 gr. et pro festo S. Georgii 64 gr. Item de quolibet laneo debent dare duos messores ad mandatum abbatis vel procuratoris. Et predictos laneos tenent layci infrascripti jure boëmicali locatos. Item Genyn habet $5^1/_2$ quart. Item Matieg habet 1 lan. Item Pessek Krupa habet $2^1/_2$ quartale etc.

3) См., напр., описаніе села Нагорубы въ поземельной описи Островскаго монастыря (Decem registra, p. 66): Villa Nahoruby. Sysska de 1 laneo 32 gr., pullos 4, ova 20, messis 4 dies et 20 gr., ad festum Scti Johannis Baptiste 1 gr., dwa oblaczie, duas tinas avene. Mitlync de 1 laneo 32 gr., pullos 4, ova 20, messis 4 dies et 20 gr., ad festum prius nominatum 1 gr., 2 tinas avene, dwa oblaczie etc.

4) Decem registra, p. 23—28.

5) Ibid., p. 28—32.

6) Ibid., p. 33—42.

Къ числу поземельныхъ описей съ общими или суммарными замѣтками должны быть отнесены слѣдующія описи, а именно: Пражскаго епископства, Збраславльскаго и Рудницкаго монастырей, Розенбергскихъ имѣній, Пражскаго архіепископства, Бревновскаго монастыря и Пражскаго пробства. Къ числу же поземельныхъ описей, въ которыхъ къ общимъ присоединены подробныя замѣтки или имѣются только эти послѣднія, могутъ быть причислены слѣдующія описи, какъ-то: Погледскаго, Хотешовскаго, Островскаго, Страговскаго и Градищскаго монастырей. Необходимо, однако, прибавить, что въ нѣкоторыхъ поземельныхъ описяхъ первой категоріи встрѣчаются иногда подробныя замѣтки. Такимъ образомъ, въ поземельной описи Рудницкаго монастыря даны двѣ замѣтки о селѣ Слапаницѣ [1]), а въ поземельной описи Бревновскаго монастыря подробныя замѣтки о селахъ Бревновѣ, Велеславинѣ, Михлѣ, Ицковицахъ, Блшанахъ [2]). Съ другой стороны, въ описяхъ второй категоріи нѣкоторыя села описаны въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, а именно; 1) въ поземельной описи Хотешовскаго монастыря села Тынецъ, Швиговъ, Чернотинъ, Льгота, Скашова, Тлучна, Литица и мѣстечко Добраны [3]); 2) въ поземельной описи Страговскаго монастыря села Вадковъ, Братрица, Голоноги, Хейно, Небушица, Сендражица, Перуцъ, Сѣдлецъ, Трисковица [4]); 3) въ поземельной описи Градищскаго монастыря села Жидловъ, Втельно и Рождаловица [5]).

Не входя даже въ разсмотрѣніе того, какія особенности представляли общія и подробныя замѣтки отдѣльныхъ поземельныхъ описей, необходимо все-таки указать, что въ этомъ

---

1) Conscriptio bonorum mon. Rudnic., p. 6—7. См. Ibid., p. 10, 14.

2) Reg. bon. mon. Brzewnow, p. 155—156, 160—161, 179, 183. См. отчасти также замѣтки о селахъ Русинѣ, Надбинѣ, Суходолѣ (Ibid., p. 160, 165, 205).

3) Urbarium mon. Chotiessov., p. 31, 41—42.

4) Reg. bon. mon. Strahow., p. 228, 230, 232. 236, 239, 242 — 243, 275—276, 287.

5) Zl. urb. kl. Hradišt., p. 18, 22.

отношеніи поземельная опись Градищскаго монастыря въ ряду другихъ отличается тѣмъ, что при именахъ всѣхъ крестьянъ въ замѣткахъ о всякомъ отдѣльномъ селѣ поставлены нумера. Благодаря этому обстоятельству, при указаніи повинностей и платежей каждаго крестьянина можно было для сокращенія обходиться простыми ссылками [1]).

III. На предыдущихъ страницахъ приходилось изучать поземельныя описи съ ихъ внѣшней стороны. Хотя результаты подобнаго изученія даютъ сравнительно мало для критики этихъ источниковъ [2]), но все-таки нѣкоторые выводы и наблюденія надъ ихъ содержаніемъ и формой могутъ служить опорными точками при разрѣшеніи ряда вопросовъ, проливающихъ свѣтъ на практику составленія поземельныхъ описей и на соотношеніе подробныхъ и краткихъ описей. Продолжать изслѣдованіе въ этомъ направленіи сдѣлалось возможнымъ, благодаря главнымъ образомъ тому обстоятельству, что при изученіи состава той рукописи, въ которой дошла поземельная опись Островскаго монастыря, удалось обнаружить признаки близкой связи описей съ монастырской регистратурой и слѣды вліянія на редакцію описей вида и характера предварительныхъ или черновыхъ работъ.

Рукописная книга, на страницахъ которой находится опись Островскаго монастыря, сохраняется теперь въ библіотекѣ Музея Королевства Чешскаго. Рукопись эта имѣетъ въ настоящее время 132 листа. Она сохранилась въ не-

---

1) См. слѣдующій примѣръ, взятый изъ описанія села Мукарова: I. Item Kytle I zahon, solvit XVI gr. secundo tantum, pro messe IX dies et $^1/_2$ currum pro feno destinare etc. . . II. Item Pawel 1 zahon, solvit ut Kytle I. — III. Item Gyra 1 zaton, solvit ut Kytle I. — V. Item Antoss $^1/_2$ zahon solvit VIII gr. secundo tantum, alia omnia per $^1/_2$ ut Kytle I. — VI. Item Maress $^1/_2$ zahon solvit ut Antoss V. . . См. Zl. urb. kl. Gradišt., p. 8.

2) На это было уже указано выше, см. стр. 9.

полномъ составѣ, такъ какъ въ началѣ, гдѣ помѣщаются чиншевыя и барщинныя замѣтки, отсутствуетъ достаточное число листовъ. Поземельная опись помѣщена на первыхъ 20-ти листахъ рукописи, а присоединенныя къ описи записи и замѣтки на 47—54-омъ и 98-омъ листахъ. Кромѣ описи въ рукописи находятся записи и копіи грамотъ, относящихся къ тому позднѣйшему времени, когда монастырь перенесенъ былъ на новое мѣсто. Такъ какъ листы рукописи были нѣсколько разъ перенумерованы, то на этомъ основаніи издатель совершенно справедливо заключаетъ, что рукопись была многократно переплетаема, и при этомъ ея листы бывали перекладываемы [1]). Такимъ образомъ, въ рукописи не могъ сохраниться тотъ первоначальный порядокъ, въ какомъ размѣщены были чиншевыя и барщинныя замѣтки. О своихъ же соображеніяхъ въ дѣлѣ расположенія листовъ при печатаніи поземельной описи издатель, къ сожалѣнію, ничего не сообщаетъ въ своемъ предисловіи. Несомнѣнно только одно: онъ отступилъ отъ той послѣдовательности, въ какой находились чиншевыя и барщинныя замѣтки въ рукописи. Отступленія эти были слѣдующія: 1) послѣ страницы 10 a слѣдуетъ страница 11 a; 2) послѣ страницы 11 a — страница 10 b; 3) послѣ страницы 10 b — продолженіе страницы 11 a. Всѣ эти отступленія произошли отъ того, что издатель считалъ необходимымъ помѣстить одну страницу (10 b) на другомъ мѣстѣ. Кромѣ того, издатель не указалъ на то, оставлены ли были двѣ страницы (1 b, 6 b) неисписанными, или на нихъ находились замѣтки посторонняго содержанія. Нельзя также не пожалѣть, что не дано подробнаго описанія рукописи, вслѣдствіе чего остается неизвѣстнымъ, одинаковаго ли размѣра были ея листы.

Такимъ образомъ, издатель въ значительной мѣрѣ обезцѣнилъ свое изданіе и создалъ трудно преодолимыя затрудненія для рѣшенія съ полной очевидностью вопросовъ

1) Emler, Decem registra, p. VII—VIII.

о времени происхожденія поземельной описи и ея первоначальномъ раздѣленіи. Однако, при изученіи памятника даже въ томъ видѣ, какъ онъ изданъ, нельзя не усмотрѣть недостаточности тѣхъ положеній, къ которымъ въ данномъ случаѣ приходитъ издатель. Такъ, напр., при рѣшеніи вопроса о времени возникновенія поземельной описи онъ ограничивается замѣчаніемъ, что она начата была въ 1388 году [1]). Дѣйствительно, въ самомъ началѣ описи сказано, что въ 1388 году аббатъ Мстиславъ „приказалъ составить общую опись о состояніи всѣхъ доходовъ монастыря въ краткомъ изложеніи“ [2]). Повидимому, эта краткая опись показалась аббату недостаточной, такъ какъ въ 1390 году, въ самомъ началѣ Великаго поста, т. е. въ половинѣ февраля, предпринято было описаніе монастырскихъ селъ, при чемъ въ каждомъ изъ послѣднихъ были указаны чинши и всѣ прочія доходныя статьи. Описаніе производимо было подъ наблюденіемъ пробста Генриха и при участіи писца Николая изъ города Праги [3]). Въ изданномъ вмѣстѣ съ описью отрывкѣ монастырскаго регистра имя пробста Генриха не встрѣчается. Какъ видно изъ этого регистра, въ 1388 году и въ теченіе ряда послѣдующихъ лѣтъ эту должность занималъ Іоаннъ Скречекъ, а преемниками его были Франкъ и Мстиславъ [4]). На этомъ основаніи можно было бы усомниться

1) Emler, Decem registra, str. VII.

2) Decem registra, p. 53: Anno dominice incarnationis millesimo trecentesimo octuagesimo octavo venerabilis pater dominus Mstislaus — hoc registrum universale, videlicet posicionum universorum proventuum summatim dicti monasterii conscriptorum, fieri procuravit. — Аббатъ Мстиславъ стоялъ во главѣ монастыря еще въ февралѣ 1395 года (Decem registra, p. 87), но въ 1399 году аббатомъ былъ уже Іоаннъ (ibid., p. 75, 89).

3) Ibid., p. 58: Anno domini millesimo trecentesimo nonagesimo in capite jejunii incepte sunt connotari ville cum suis censibus ac aliis utilitatibus universis in presencia domini Henrici prepositi sub notariatu Nicolai de Nova civitate Pragensi.

4) Ibid.: Johanne dicto Sczrba, protunc monasterii preposito (p. 91, ad. an. 1388). Изъ лицъ, занимавшихъ эту же должность впослѣдствіи, упоминаются: Франкъ въ 1408—1411 гг. (p. 79, 82) и Мстиславъ въ 1414—1416 (p. 83, 80).

въ правильности свидѣтельства поземельной описи, если бы не было извѣстно, что Іоаннъ Скречекъ не занималъ должности пробста непрерывно: такъ, напр., оказывается, что 21 іюня 1402 и 18 дек. 1407 гг. пробстомъ былъ Мстиславъ [1]). Слѣдовательно, есть нѣкоторое основаніе думать, что въ 1390 году былъ пробстомъ Генрихъ. Такъ какъ 16 мая 1395 года въ званіи пробста упоминается уже Іоаннъ [2]), то отсюда вытекаетъ, что описаніе монастырскихъ селъ, производимое подъ наблюденіемъ пробста Генриха, было окончено не позже мая 1395 года.

Привели ли эти работы къ составленію поземельной описи или только предварительныхъ и черновыхъ замѣтокъ, послужившихъ матеріаломъ для нея, этотъ вопросъ остается открытымъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что поземельная опись Островскаго монастыря въ томъ видѣ, какъ она сохранилась и нынѣ напечатана, занесена была на страницы сохранившейся рукописи даже и не въ 1395 году, а значительно позднѣе. Въ самомъ дѣлѣ, въ замѣткѣ о повинностяхъ жителей села Мезны Будеёвскаго края сказано, что аббатъ Франкъ переложилъ нѣкоторыя натуральныя повинности крестьянъ на денежныя [3]). Такъ какъ аббатъ Франкъ былъ преемникомъ аббата Николая и въ этой должности дѣйствовалъ уже 15 іюня 1416 года [4]), въ свидѣтельствѣ же поземельной описи при имени аббата Франка упущенъ титулъ dominus, а подобную небрежность не могъ допустить писецъ при жизни главы монастыря, то отсюда слѣдуетъ, что поземельная опись была вписана въ рукопись уже послѣ 1416 года. Далѣе, такъ какъ монастырь былъ разрушенъ до основанія въ

1) Decem registra, p. 75, 78.

2) Ibid.. p. 74: Coram nolis Johanne preposito.

3) Ibid., p. 72—73: isti omnes homines pullos et ova non solvunt, quia applicati sunt ad censum per abbatem Franconem.

4) Ibid., p. 81. Сравни Frind, Die Kirchengeschichte Böhmens (Prag 1872), Bd. III, S. 255.

1422 году, а въ 1421 году въ монастырѣ предчувствовали уже приближеніе грозы и принимали различныя мѣры для охраны монастырскихъ драгоцѣнностей[1]), то такимъ образомъ выходитъ, что поземельная опись Островскаго монастыря была занесена на страницы рукописной книги почти наканунѣ катастрофы 1422 года. Подобный выводъ оправдывается, между прочимъ, и тѣмъ, что замѣтка объ аббатѣ Франкѣ сдѣлана тѣмъ же почеркомъ, какимъ написаны всѣ прочія замѣтки, а слѣдовательно не можетъ быть объясняема, какъ позднѣйшая вставка[2]).

---

1) Frind, Bd. III, S. 255. — Въ 1421 году пріоръ монастыря отдалъ около 100 монастырскихъ рукописей на сохраненіе (въ надежныя, какъ онъ думалъ, руки) одному рыбаку, жившему около Щеховицы, но, какъ оказалось, послѣдній не оправдалъ довѣрія и выдалъ драгоцѣнныя рукописи врагамъ: Anno domini millesimo CCCCXXI domino priori de insula facta sunt dampna non modica in libris, bene valentibus in estimatione fere centum satis, quia multi originales et autentici fuerunt; qui libri pro tesauro monasterii Ostrowiensi comparati sunt precio magno et labore in aquisicione exemplarium non modico; qui prior tempore persecutionis crudelisque insanie secte wiclefie heresis — circumseptus tribulacionibus gladiisque inimicorum, nesciens quo diverti cum illis libris, cuidam piscatori prope opidum dictum Stiechowicz dedit servare ad fideles manus (Ad. Horčička, Ein Chronicon breve regni Bohemiae saec XV въ журн. Mitth. d. Ver. für Gesch. der Deutschen in Böhmen, Bd. XXXVII, 1899, S. 316). — На пергаментной оберткѣ рукописи, изданной г. А. Горчичкой, имѣется чешская надпись, которую отказался объяснить этотъ ученый (ibid., S. 313), а именно: „pomny namye umedle przisko me se hyble," т. е. „помяни насъ и отврати (замедли) близкую мою гибель!" Это, по всей вѣроятности, обращеніе отъ имени монастыря къ заступничеству Пресвятой Богородицы, какъ это видно изъ другой надписи, сдѣланной той же рукою по-латыни: nativitas tua dei genetrix virgo gaudium. Эти надписи и мѣропріятія по охранѣ монастырской библіотеки свидѣтельствуютъ о томъ, что въ 1421—22 годахъ не могло быть рѣчи о составленіи и перепискѣ новыхъ рукописей. Заслуживаетъ, кромѣ того, вниманія, что мѣры предосторожности предприняты были не аббатомъ, а пріоромъ. Можетъ быть, въ ту смутную пору послѣ смерти или удаленія аббата Франка не могли состояться выборы, и монастыремъ управлялъ пріоръ.

2) Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ проф. Эмлеръ всегда указываетъ, сдѣланы ли исправленія и дополненія современнымъ или позднѣйшимъ почеркомъ. См., напр., Emler, Decem registra, p. 61, 65.

При разсмотрѣніи той части изданной проф. Эмлеромъ рукописи, которая озаглавлена: Obligatio debitorum et recognitio, и является остаткомъ регистратуры Островскаго монастыря [1]), получается возможность еще точнѣе опредѣлить время, когда поземельная опись включена была въ составъ рукописи.

Большинство записанныхъ въ монастырскомъ регистрѣ сдѣлокъ касается установленія опеки надъ малолѣтними сиротами какъ для охраны интересовъ ихъ, такъ и для обезпеченія правильности поступленія чиншевыхъ платежей въ пользу монастыря. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что эти сдѣлки составляли часть монастырскаго регистра: 1) во многихъ записяхъ сохранились слѣды явки, т. е. указаны время и тѣ члены монастырскаго капитула, передъ которыми объявлена была сдѣлка; 2) въ другихъ записяхъ сохранились слѣды эсхатокола [2]), а 3) въ записяхъ 1415 и 1412 годовъ — даже нотификація [3]). Къ сожалѣнію, въ теперешнемъ расположеніи матеріала не наблюдается признаковъ ни хронологической, ни топографической послѣдовательности. Принимая во вниманіе, что среди регистратурныхъ записей, сохранившихся во второй половинѣ изданной части рукописи, позднѣйшія относятся къ 1419 году [4]), можно утверждать, что не ранѣе этого года рукопись приняла тотъ видъ, въ которомъ она дошла. Тогда уже существовала поземельная опись, такъ какъ при ея перепискѣ небрежный писецъ текстъ ея соединилъ съ текстомъ монастырскаго регистра. Двѣ регистратурныхъ записи перенесены были въ ту часть рукописи, гдѣ помѣщена была поземельная опись: одна запись, находящаяся на первомъ листѣ рукописи, относится къ 1390 году и свидѣтельствуетъ о передачѣ аббатомъ одному

1) Decem registra, p. 73—91.
2) Ibid., p. 75, 78, 79, 82, 83, 87, 90.
3) Ibid., p. 74, 83.
4) Ibid., p. 86—87.

крестьянину права владѣнія двумя опустѣвшими ланами, а въ другой записи, помѣщенной на 4-мъ листѣ, сообщается о пріобрѣтеніи въ 1417 году двумя крестьянами у третьяго его дѣдины [1]).

Указанное выше соединеніе частей монастырскаго регистра съ текстомъ поземельной описи свидѣтельствуетъ прежде всего о томъ, что переписчикъ и его современники считали опись и регистръ однороднымъ матеріаломъ [2]). По-видимому, поземельную опись считали нѣкоторымъ дополненіемъ или приложеніемъ къ монастырскому регистру, а потому помѣстили ее вмѣстѣ съ послѣднимъ и разными грамотами позднѣйшаго времени на страницахъ одного рукописнаго сборника.

Это же соединеніе регистра и описи позволяетъ довольно точно опредѣлить моментъ включенія поземельной описи въ составъ рукописнаго сборника. Выше было указано, что это включеніе произошло не позже 1421 года [3]). Съ другой стороны, если въ текстъ поземельной описи попали части монастырскаго регистра, законченнаго не ранѣе 1419 года, то это обстоятельство доказываетъ, что поземельная опись была переписана въ томъ видѣ, какъ она сохранилась, не ранѣе вышеуказаннаго года. Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, когда была составлена опись Островскаго монастыря, можно все-таки утверждать, что она переписана была въ 1419—1421 годахъ.

Хотя поземельная опись Островскаго монастыря дошла въ спискѣ и не представляетъ оригинала, но въ ней со-

---

1) Decem registra, p. 53, 56.

2) Необходимо отмѣтить, что это соединеніе произошло отнюдь не вслѣдствіе такой случайности, какъ перекладываніе или смѣшеніе листовъ, а было результатомъ сознательнаго плана, которымъ руководился переписчикъ: регистратурная запись 1390 года находится на лицевой сторонѣ перваго листка, а другая запись 1417 года помѣщена была на оборотной сторонѣ четвертаго листка. См. Decem registra, p. 53, 56.

3) См. выше, стр. 60.

хранились слѣды или признаки, благодаря которымъ возможно установить рядъ данныхъ, освѣщающихъ практику составленія поземельныхъ описей.

Какъ извѣстно [1]), кромѣ селъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Вльтавы и притока послѣдней Сазавы, въ предѣлахъ Беровнскаго и Куримскаго краевъ, Островскому монастырю принадлежали издавна села его двухъ пробствъ: Сланскаго въ Раковницкомъ краѣ и Затонскаго около Крумлова въ Будеёвскомъ краѣ [2]). Бо́льшая часть поземельной описи посвящена описанію монастырскихъ владѣній, сосредоточенныхъ по обѣимъ сторонамъ рѣкъ Вльтавы и Сазавы [3]). Описанію группы Сланскихъ селъ отведено 4 страницы рукописи (17 a, 17 b, 18 a, 18 b), на каждой изъ которыхъ находилось приблизительно одинаковое количество строкъ, какъ въ томъ нетрудно убѣдиться даже при разсмотрѣніи печатнаго текста [4]). Подобной равномѣрности не наблюдается уже въ той части рукописи, которая посвящена описанію Затонскихъ селъ (19 a, 19 b, 20 a, 20 b). Повидимому, это зависѣло отъ того, что къ составу этихъ селъ неправильно присоединены села Мезнье и Добричъ, изъ которыхъ первое хотя находилось въ Будеёвскомъ краѣ, но вдали отъ Затона, а второе въ Пильзенскомъ краѣ [5]). Если составитель рукописи для каждой группы селъ удѣлялъ опредѣленное количество страницъ, то по необходимости ему приходилось на нѣкоторыхъ страницахъ писать слишкомъ убористо. Оставляя открытымъ вопросъ о томъ, сколько страницъ составитель рукописи отводилъ для каждой группы селъ, можно замѣтить однако, что для описанія Сланскихъ и Затонскихъ селъ употреблено было по 4 страницы.

---

1) См. ниже, въ этой же главѣ.

2) Frind, Bd. I (Prag 1864), S. 111—112. Decem registra, p. 70—71.

3) Decem registra, p. 53—70.

4) Ibid., p. 70—71.

5) Palacký, Popis, str. 309, 408.

Какъ было упомянуто выше, главная часть поземельной описи посвящена описанію Вльтавскихъ и Сазавскихъ владѣній монастыря. Собственно говоря, для этихъ селъ сохранилось два описанія. Еще въ 1388 году, по приказанію аббата Мстислава, составлена была „общая опись о состояніи всѣхъ доходовъ монастыря въ краткомъ изложеніи“ [1]). Эта общая опись сохранилась далеко не въ полномъ видѣ: 1) имѣется только описаніе нѣкоторыхъ селъ, расположенныхъ по берегамъ Вльтавы; и совершенно отсутствуетъ описаніе селъ, лежавшихъ къ сѣверу отъ рѣки Сазавы; 2) изъ всѣхъ замѣтокъ о доходныхъ статьяхъ дошла только опись барщинныхъ повинностей и то не въ полномъ составѣ. Предпринятое въ 1390 году подробное описаніе монастырскихъ селъ было задумано шире: въ каждомъ селѣ были перечислены поименно владѣльцы крестьянскихъ надѣловъ и для каждаго изъ нихъ указанъ размѣръ его чинша, натуральныхъ платежей и барщины.

Отрывки „общей описи въ краткомъ изложеніи“, перепутанные въ рукописи съ частями подробнаго описанія и извлеченіями изъ регистра Островскаго монастыря [2]), помѣщены на трехъ страницахъ рукописи (3 a, 3 b, 6 a). Въ этой части поземельной описи сохранилось два неполныхъ списка монастырскихъ селъ. При разсмотрѣніи послѣдовательности, въ какой перечисляются села въ этихъ спискахъ, можно замѣтить слѣды опредѣленной топографической группировки. Дѣйствительно, въ спискѣ, помѣщенномъ на двухъ вышеуказанныхъ страницахъ (3 a и 6 a), сначала перечисляются села, лежавшія на правомъ берегу рѣки Вльтавы, а потомъ — села на лѣвомъ берегу. Разсматривая на картѣ расположеніе перечисленныхъ правобережныхъ селъ, нетрудно усмотрѣть двѣ топографическія группы: 1) южныя села (Бѣлица, Блажимъ и Нагорубы),

1) См. выше, стр. 40.
2) См. выше, стр. 61—62.

перечисленныя въ направленіи отъ сѣвера къ югу; 2) сѣверныя села (Крнаны, Требсинъ, Брнишовъ и Градище). Эти двѣ группы раздѣлены селомъ Нещедицей, которое, вѣроятно, вмѣстѣ съ другими входило въ составъ третьей, восточной группы. Изъ лѣвобережныхъ селъ названы только три (Братриновъ, Бояновица и Масечинъ), перечисленныя въ направленіи отъ юга къ сѣверу.

Въ другомъ же (барщинномъ) спискѣ, помѣщенномъ на одной страницѣ рукописи (3 b), села названы въ такомъ порядкѣ: 1) Градище, 2) Требсинъ, 3) Пиковица, 4) Брнишовъ, 5) Либень, 6) Округла, 7) Загораны, 8) Бояновица, 9) Братриновъ, 10) Брезова, 11) Гвоздница, 12) Требеница, 13) Мѣхница, 14) Слупъ, 15) Сазава, 16) Олешенъ, 17) Крнаны, 18) Петровъ. Изъ этихъ селъ на правомъ берегу Вльтавы расположено было только пять, на лѣвомъ — шесть, а остальныя семь лежали на сѣверномъ или правомъ берегу рѣки Сазавы. Такимъ образомъ, этотъ списокъ былъ значительно подробнѣе другого списка, вошедшаго въ составъ краткой описи. Всѣ названныя въ немъ правобережныя Вльтавскія села (№№ 1—4, 17) относятся къ сѣверной топографической группѣ, какъ она опредѣляется по первому списку, но только эта группа дополнена здѣсь присоединеніемъ села Пиковицы.

При разсмотрѣніи порядка, въ которомъ перечислены села въ этомъ барщинномъ спискѣ, до того трудно подмѣтить принятую систему расположенія, что можно даже усомниться въ ея существованіи. Въ самомъ дѣлѣ, одно изъ правобережныхъ селъ (№ 17) отдѣлено въ этомъ спискѣ отъ другихъ правобережныхъ длиннымъ рядомъ селъ, расположенныхъ за рѣкою Сазавою и на лѣвомъ берегу рѣки Вльтавы. Далѣе, перечень Сазавскихъ селъ прерывается трижды: въ двухъ мѣстахъ вставкою лѣвобережныхъ селъ (№№ 8—9; 11—14), а потомъ — одного правобережнаго села (№ 17). Однако, система, несомнѣнно, была; и она обнаруживается не только на порядкѣ составленія всего списка, но и отдѣльныхъ его

частей. Дѣйствительно, при разсмотрѣніи, съ одной стороны, топографической группы правобережныхъ Вльтавскихъ селъ (Градище, Требсинъ, Пиковица и Брнишовъ), а, съ другой стороны, группы лѣвобережныхъ Вльтавскихъ селъ (Гвоздница, Требеница, Мѣхница и Слупъ), бросается въ глаза то обстоятельство, что на первомъ и четвертомъ мѣстахъ стоятъ села сосѣднія, а третьемъ и четвертомъ — села наиболѣе удаленныя другъ отъ друга. То же самое наблюдается и по отношенію къ четыремъ селамъ, стоящимъ въ концѣ списка (№№ 15—18). Что же касается шести остальныхъ селъ (№№ 5—10), то и здѣсь проведена такая же система расположенія: села Либень и Брезова, будучи сосѣдними, образуютъ собою въ спискѣ какъ бы рамки, въ которыя вставлены села, соединенныя по системѣ взаимнаго противостоянія (Округла и Братриновъ, Загораны и Бояновица). Наконецъ, подобная же система проведена и по отношенію ко всему списку въ цѣломъ его составѣ. Въ самомъ дѣлѣ, села, стоящія въ началѣ и концѣ списка, считая по четыре съ каждаго конца, находятся, какъ оказывается при разсмотрѣніи карты, въ ближайшемъ сосѣдствѣ, образуя какъ будто одну топографическую группу селъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Сазавы. Села, составляющія середину списка, расположены были по обѣимъ сторонамъ рѣки Вльтавы, но принадлежали къ двумъ разнымъ группамъ. Такимъ образомъ, списокъ распадается на двѣ части. Каждая же изъ этихъ частей слагается изъ двухъ половинъ, а именно: села, расположенныя на южномъ берегу рѣки Сазавы (№№ 1—4), и села, расположенныя главнымъ образомъ на сѣверномъ берегу той же рѣки (№№ 15—18); села, расположенныя на западномъ берегу рѣки Вльтавы (№№ 11—14), и села, расположенныя преимущественно на восточномъ берегу той же рѣки (№№ 5—10). Нельзя не поражаться при видѣ той выдержанности или послѣдовательности, какая обнаруживается при расположеніи наименованій селъ въ каждой изъ двухъ частей списка: то

мѣсто, которое среди одной части Сазавскихъ селъ занимаетъ село Крнаны, принадлежащее къ группѣ Вльтавскихъ селъ, выпадаетъ на долю Вльтавскихъ селъ Бояновицы и Братринова въ средѣ другой части Сазавскихъ селъ.

Описанная система расположенія наименованій селъ въ барщинномъ спискѣ поражаетъ не только своей строгостью и выдержанностью, но и необычайной искусственностью или виртуозностью. Эту систему расположенія можно назвать системой перекрестной или перекрестнаго противостоянія. Очевидно, такая система не могла прійти въ голову никакому составителю поземельной описи. Несомнѣнно, она является какъ отраженіе или искаженіе болѣе естественнаго и простого расположенія, какое существовало въ матеріалахъ, находившихся въ рукахъ составителя изучаемаго списка.

Какъ усматривается изъ указаннаго „противостоянія“, въ этихъ матеріалахъ описанія селъ помѣщаемы были на обѣихъ сторонахъ листа и при томъ такъ, что на одной сторонѣ находились преимущественно описанія селъ одной территоріальной группы, а на оборотной сторонѣ описанія селъ другой группы на мѣстахъ строго соотвѣтствующихъ и противоположныхъ. Впослѣдствіи, исписанный такимъ образомъ листъ можно было разрѣзать вдоль короткой или длинной стороны листа такъ, что на каждомъ отрѣзкѣ оказывалось описаніе 4-хъ селъ, по 2 на каждой сторонѣ. Когда же такой исписанный листъ не разрѣзая перегибали или складывали на четыре равныя части, то получалась въ описаніи селъ та послѣдовательность, которая выше была названа послѣдовательностью перекрестнаго противостоянія. На каждой сторонѣ такого перегнутаго вдоль и поперекъ листа образовывалось 4 страницы, каждая изъ которыхъ являлась достаточной для помѣщенія чиншевой и барщинной замѣтки, относившейся къ одному селу. Въ пользу существованія такого именно способа описанія (на каждой сторонѣ листа по 4 села) говоритъ прежде всего отмѣченное уже раздѣленіе барщиннаго списка на части, двѣ изъ

которыхъ состояли изъ соединенія четверыхъ селъ, а двѣ другихъ, какъ будетъ показано ниже, хотя и состояли изъ соединенія бо́льшаго числа селъ, но слагались собственно каждая изъ двухъ группъ такого же количественнаго состава. Кромѣ того, нельзя также не припомнить, что въ подробной описи Островскаго монастыря для описанія Слапскихъ и Затонскихъ селъ употреблено было по 4 страницы [1]). Подобное соединеніе селъ при ихъ описаніи въ группы по 4 села въ каждой едва ли было простой случайностью. Такъ какъ слѣды такого соединенія усматриваются и въ краткой, и въ подробной описяхъ, то является вполнѣ естественнымъ дѣломъ отыскивать объясненіе этой особенности въ видѣ и формѣ первоначальныхъ матеріаловъ, которыми пользовались составители описей [2]).

Послѣ всѣхъ этихъ замѣчаній и соображеній, основанныхъ на изученіи состава рукописи вообще и въ частности барщиннаго списка, вошедшаго въ краткую опись Островскаго монастыря, остается при посредствѣ схематическихъ таблицъ объяснить ту искусственную систему расположенія названій селъ, которая выше была установлена.

---

1) См. выше, стр. 63.

2) Говоря о видѣ этихъ первоначальныхъ или черновыхъ матеріаловъ, должно замѣтить, что нѣтъ никакой необходимости предполагать, что они писаны были на пергаментѣ или бумагѣ. Весьма возможно, что работы по описанію селъ (incepte sunt connotari ville monasterii Ostrow.) исполняемы были на дощечкахъ, покрытыхъ воскомъ (tablettes de cire, Wachstafeln). Какъ извѣстно, пользованіе такими таблицами было довольно распространено въ средніе вѣка для записыванія денежныхъ поступленій, расходовъ и другихъ дѣловыхъ счетовъ, которые впослѣдствіи бывали переписываемы на пергаментъ (W. Wattenbach, Das Schriftwesen im Mittelalter, Lpz. 1896, 3. Auflage, S. 80, 84—87). Здѣсь будетъ своевременно припомнить, что соединеніе нѣсколькихъ навощенныхъ таблицъ было извѣстно подъ наименованіемъ полиптиковъ (πολύπτυχον, polyptychon), откуда произошло употребительное у французовъ и прославленное названіе французскихъ поземельныхъ описей. См. Reusens, Éléments de paléographie, p. 380; Aug. Longnon, Polyptyque de l'abbaye de Saint-Germain des Prés, T. I, p. 6.

Какъ было указано, къ числу селъ, сближенныхъ по взаимному противостоянію, относились тѣ села, которыя въ спискѣ, приведенномъ на стр. 65, стоятъ подъ №№ 1—4, 15—18. Если на одной сторонѣ листа находилось описаніе первыхъ четырехъ, а на другой — послѣднихъ четырехъ въ такомъ порядкѣ, какъ это ниже изображено (см. таблицы 1 и 2), то нужно только сложить каждый листъ

Брнишовъ	Градище
Пиковица	Требсинъ

Табл. 1.

Петровъ	Сазава
Крнаны	Олешенъ

Табл. 2.

сначала по линіи, обозначенной непрерывною чертою, а потомъ по линіи, обозначенной точками, и въ послѣднемъ случаѣ часть листа, приходящуюся противъ лѣвой руки, отогнуть назадъ, чтобы получилась та послѣдовательность, въ какой эти села слѣдуютъ другъ за другомъ въ барщинномъ спискѣ, а именно: 1) Градище, Требсинъ, Пиковица и Брнишовъ; 2) Сазава, Олешенъ, Крнаны и Петровъ. То же самое оправдается и по отношенію къ группѣ Вльтавскихъ селъ, стоящихъ въ спискѣ подъ №№ 11—14 (Гвоздница, Требеница, Мѣхница и Слупъ), какъ это видно на таблицѣ, помѣщенной здѣсь (см. таблица 3).

Слупъ	Гвоздница
Мѣхница	Требеница

Табл. 3.

Относительно состава селъ, входившихъ въ двѣ послѣднія группы, необходимо сказать нѣсколько словъ. Село Крнаны, какъ было указано[1]), наряду съ селами Требсиномъ, Брнишовомъ и Градищемъ, относилось къ группѣ Вльтав-

1) См. выше, стр. 65.

скихъ селъ, но теперь оно поставлено въ связи съ тремя Сазавскими селами. Это обстоятельство только подтверждаетъ, что при описаніи селъ соединяли ихъ по четыре на одной сторонѣ листа. Во всякомъ случаѣ, при такомъ соединеніи описаніе села Крнаны заняло обособленное положеніе, такъ какъ было оторвано отъ своей естественной группы и включено въ ту группу, которая являлась для него чуждою въ топографическомъ отношеніи. Присоединеніе села Требеницы къ группѣ сѣверныхъ лѣвобережныхъ Вльтавскихъ селъ и въ частности тѣсное его сближеніе съ селомъ Мѣхницей можетъ быть объяснено тѣмъ, что остальныя села того же района описаны были на другихъ листахъ.

Въ средней части барщиннаго списка (№№ 5—10: Либень, Округла, Загораны, Бояновица, Братриновъ, Брезова) сохранились слѣды примѣненія той же вышеописанной системы, но съ нѣкоторымъ отступленіемъ. Если на исписанномъ листѣ отсутствовала верхняя лѣвая страница или на ней нельзя было писать по той или другой причинѣ [1]), то тогда приходилось на каждой сторонѣ помѣстить только три описанія селъ въ томъ порядкѣ, какой показанъ ниже (см. табл. 4 и 5). Если только сложить каждый изъ этихъ

	Либень
Загораны	Округла

Табл. 4.

	Бояновица
Брезова	Братриновъ

Табл. 5.

листовъ по вышеописанному способу, то получится та же послѣдовательность, въ какой названія селъ слѣдуютъ въ изучаемомъ спискѣ.

Сущность дѣла нисколько не измѣнится, если даже допустить, что каждая изъ сторонъ этого листа была исписана

1) W. Wattenbach, Das Schriftwesen im Mittelalter, S. 128, 149.

по той же системѣ, какъ на таблицѣ 2-ой, гдѣ къ составу трехъ селъ присоединено четвертое село, чуждое первымъ въ топографическомъ отношеніи. По соотвѣтствію съ группой селъ, топографически сближенныхъ, а именно: Либень, Округла, Загораны и Брезова, существовала, несомнѣнно, такая же другая группа, въ составъ которой наряду съ двумя селами (Бояновица и Братриновъ), помѣщенными въ спискѣ, входили села Масечинъ и Щеховица. Полнымъ оправданіемъ для такого утвержденія можетъ служить установленное уже [1]) наблюденіе, что село Масечинъ входило въ ту же группу, какъ и села Братриновъ и Бояновица. При условіи принятія этого положенія, на основательности котораго съ увѣренностью можно настаивать, — описанія селъ Масечина и Щеховицы должны были находиться на тѣхъ мѣстахъ, которыя въ таблицахъ 4 и 5 показаны пустыми. Такимъ образомъ, эти послѣднія таблицы приняли бы видъ, однохарактерный съ тѣмъ, какой усматривается на таблицѣ 3-ей, съ той только разницей, что описаніе села, чуждаго въ топографическомъ отношеніи тремъ остальнымъ, находилось бы на верхней половинѣ листа.

Далѣе, принимая во вниманіе строгую послѣдовательность, которая обнаруживается въ барщинномъ спискѣ при расположеніи названій селъ, можно съ нѣкоторой увѣренностью утверждать, что на томъ листѣ, на которомъ помѣщены были на одной сторонѣ описанія селъ Слупа, Гвоздницы, Мѣхницы и Требеницы (см. табл. 3), на другой сторонѣ находились описанія монастырскихъ селъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ рѣки Сазавы. Эти села, какъ-то: Каменный Привозъ, Чаковица, Обора и Каменныя Врата [2]), — при-

1) См. выше, стр. 65.

2) Три послѣднія села упоминаются въ поземельной описи Островскаго монастыря. См. Decem registra, p. 64, 68. Что же касается села Каменнаго Привоза, то принадлежность его къ составу монастырскихъ владѣній засвидѣтельствована регистромъ монастыря. См. Decem registra, p. 81, 82, 85.

надлежали къ топографической группѣ Сазавскихъ селъ, а слѣдовательно должны были находиться въ такомъ же отношеніи къ селамъ, помѣщеннымъ на таблицѣ 3-ей, въ какомъ находились одни къ другимъ села, помѣщенныя на таблицахъ 1-ой и 2-ой. Если же это такъ, то въ барщинномъ спискѣ былъ, значитъ, пропускъ, который можно теперь восполнить вставкою названій вышеуказанныхъ селъ (Каменный Привозъ, Чаковица, Обора и Каменныя Врата) на соотвѣтствующее мѣсто, т. е. между селами Брнишовомъ и Либенью[1]). Въ пользу такого дополненія барщиннаго списка говоритъ также и то обстоятельство, что при этомъ получится полное соотвѣтствіе въ расположеніи отдѣльныхъ частей этого списка и при томъ въ ихъ первоначальномъ видѣ, по системѣ „перекрестнаго противоположенія“: 1) четыремъ Вльтавскимъ селамъ, описаніе которыхъ было помѣщено на лицевой сторонѣ одного изъ листовъ (табл. 1), соотвѣтствовало описаніе четырехъ же Сазавскихъ селъ на оборотной сторонѣ этого же листа (табл. 2); 2) описанію же предполагаемыхъ четырехъ Сазавскихъ селъ, помѣщенному на лицевой сторонѣ другого листа, соотвѣтствовало на оборотной сторонѣ описаніе четырехъ Вльтавскихъ селъ (табл. 3).

Объясненіемъ расположенія названій селъ въ отдѣльныхъ частяхъ барщиннаго списка нельзя ограничиться. Для полной убѣдительности въ значительной основательности предложеннаго толкованія необходимо остановиться на разъясненіи того, какъ произошелъ указанный уже порядокъ въ расположеніи этихъ частей[2]), т. е. другими словами какъ составился весь барщинный списокъ. Если только исписанные листы разложить въ слѣдующей послѣдовательности въ направленіи отъ лѣвой руки къ правой: 1) сначала листъ, на сторонахъ котораго описаны были села, пока-

1) См. № 4 и 5 барщиннаго списка, помѣщеннаго выше, на стр. 65.

2) См. выше, стр. 66.

занныя на таблицахъ 1-ой и 2-ой; 2) потомъ листъ, на оборотѣ котораго были описаны села, показанныя на таблицѣ 3-ей и 3) наконецъ листъ, на лицевой сторонѣ котораго описаны были села, показанныя на таблицѣ 4-ой, а на оборотной — села, показанныя на таблицѣ 5-ой, — а тогда прочитывать названія селъ въ указанномъ уже порядкѣ [1]), т. е. начиная съ помѣщеннаго вверху на правой сторонѣ, переходя къ стоящему подъ нимъ и затѣмъ находящемуся рядомъ на лѣвой сторонѣ и оканчивая, наконецъ, помѣщеннымъ вверху, на лѣвой же сторонѣ, то получится тотъ рядъ названій селъ, который стоитъ въ барщинномъ спискѣ на первыхъ семи мѣстахъ (подъ №№ 1—7). Если же послѣ этого переворотить всѣ листы, сохраняя ту же послѣдовательность въ ихъ расположеніи, и прочитывать названія селъ въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде, то получится окончаніе списка селъ (№№ 8—18).

Для бо́льшей ясности будетъ умѣстно привести схематическое изображеніе расположенія листовъ сначала съ ихъ лицевыхъ сторонъ [2]), а потомъ съ ихъ оборотныхъ сторонъ.

Брнишовъ	Градище
Пиковица	Требсинъ

Табл. 1.

Чаковица?	Привозъ Каменный?
Обор...?	Врата Каменныя?

Табл. 6.

Щеховица?	Либень
Загораны	Округла

Табл. 4.

Масечинъ?	Бояновица
Брезова	Братриновъ

Табл. 5.

Слупъ	Гвоздница
Мѣхница	Требеница

Табл. 3.

Петровъ	Сазавъ
Крнаны	Олешенъ

Табл. 2.

1) См. выше, стр. 69.

2) На таблицѣ 6-ой приведены названія селъ, пропущенныхъ въ барщинномъ спискѣ. Выше были приведены соображенія о томъ,

Истолкованіе порядка, въ которомъ были расположены названія селъ въ барщинномъ спискѣ, имѣетъ самостоятельное значеніе, такъ какъ даетъ возможность ознакомиться съ пріемами, примѣнявшимися на практикѣ при записи чиншевыхъ и барщинныхъ замѣтокъ, которыя служили потомъ матеріаломъ для составленія сводовъ или поземельныхъ описей.

Такъ какъ видъ этихъ матеріаловъ, схематически изображенныхъ на вышеприведенныхъ таблицахъ, былъ возстановленъ на основаніи изученія краткой описи, то было бы неосновательно въ качествѣ рѣшительнаго аргумента указывать на вліяніе вида этихъ матеріаловъ на порядокъ изложенія въ краткой описи [1]). Въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что слѣды такого вліянія можно указать во второмъ подробномъ описаніи монастырскихъ селъ, не смотря на то, что рукопись представляетъ собою только списокъ поземельной описи, не сохранившейся въ первоначальномъ видѣ.

Переписчикъ подробной описи Островскаго монастыря руководился, повидимому, размѣромъ страницъ своей рукописи, вслѣдствіе чего въ тѣхъ случаяхъ, когда описаніе села было велико [2]), оно помѣщаемо было имъ на одной страницѣ (описанія селъ Небриха, Бояновицы, Братринова, Либня, Округлы, Брезовы, Олешна, Петрова, Нещедицы, Нагорубъ) [3]), а въ другихъ случаяхъ на одной страницѣ соединяемо было описаніе двухъ селъ (Брнишовъ и Пико-

---

въ какой части списки должны были находиться эти села (см. выше, стр. 72). На таблицахъ же 4 и 5 поставлены съ знакомъ вопроса названія селъ, также пропущенныхъ въ барщинномъ спискѣ. См. выше, стр. 71.

1) Такой способъ доказательства прекрасно характеризуется простой формулой: idem per idem.

2) По печатному изданію 20—28 строкъ.

3) Decem registra, p. 53—54, 54, 56—57, 58—61, 64—65, 66. Этимъ печатнымъ страницамъ соотвѣтствуютъ слѣдующія страницы рукописи: 2 a, 2 b, 5 a, 7 a, 7 b, 8 a, 8 b, 11 a, 11 b, 13 a.

вица, Заичье и Уштица, Вшетица и Кельца, Обора и Каменныя Врата, Гвоздница и Слупъ, Мѣхница и Требеница) [1]). Такимъ образомъ, на описаніе 10 селъ Куримскаго и Беровскаго краевъ употреблено было десять же страницъ, а на описаніе 12 другихъ селъ пошло только шесть страницъ рукописи, потому что описанія двухъ селъ соединяемы были на одной страницѣ. Разсматривая эти соединенія и сопоставляя ихъ съ вышеуказанными таблицами, можно установить тотъ фактъ, что обыкновенно переписчикъ соединялъ описанія селъ, стоявшихъ рядомъ въ горизонтальномъ (Гвоздница и Слупъ, Мѣхница и Требеница) [2]) или вертикальномъ направленіи (Требсинъ и Градище, Брнишовъ и Пиковица). Уже въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть указаніе на то, что подробная поземельная опись, которую переписчикъ переписывалъ въ 1419—1421 гг. [3]), дѣйствительно имѣла такую же послѣдовательность изложенія, какая схематически изображена на вышеуказанныхъ таблицахъ.

Кромѣ того, имѣются и другія указанія, свидѣтельствующія въ пользу этого же положенія. Въ рукописи встрѣчаются короткія описанія селъ, которыя все-таки, вопреки всякому ожиданію, помѣщены на одной страницѣ. Таковы описанія слѣдующихъ селъ: Блажима, Масечина, Крнанъ, Чаковицы, Мирина и Малчанъ [4]). Подобному раз-

1) Decem registra, p. 63, 65—66, 68—70. Этимъ печатнымъ страницамъ соотвѣтствуютъ слѣдующія страницы рукописи: 11 a, 12 a, 12 b, 15 b, 16 a, 16 b. Въ данномъ случаѣ на описаніе двухъ селъ требовалось (по печатному изданію) 18—23 строки. Исключеніе въ послѣднемъ отношеніи представляютъ описанія селъ Заичьяго и Уштицы, ибо онѣ умѣстились на 12 печатныхъ строкахъ. Что касается соединенія на одной страницѣ (10 a) описаній селъ Требсина и Градища, то этотъ фактъ, если въ данномъ случаѣ не пропущено въ изданіи обозначеніе новой страницы противъ описанія села Градища, является какимъ-то исключеніемъ, не поддающимся объясненію. См. Decem registra, p. 62—63.

2) Сюда можно отнести также испорченное въ рукописи соединеніе описаній Петрова и Сазавы. См. Decem registra, p. 61—62.

3) См. выше, стр. 62.

4) Decem registra, p. 56, 57, 62, 64, 66—68.

мѣщенію приходится удивляться потому, что на оборотѣ тѣхъ страницъ, на которыхъ написаны короткія чиншевыя и барщинныя замѣтки объ этихъ селахъ, находились длинныя описанія. Такимъ образомъ, страницы исписывались неравномѣрно на обѣихъ сторонахъ; и на тѣхъ страницахъ, на которыхъ переписчикъ помѣстилъ короткія замѣтки, онъ оставлялъ слѣдовательно значительные пробѣлы. Какъ видно, переписчикъ рабски слѣдовалъ своему оригиналу (exemplar) или надѣялся впослѣдствіи восполнить оставленные пробѣлы вставкою пропущенныхъ чиншевыхъ замѣтокъ. Во всякомъ случаѣ возможность такихъ пробѣловъ въ самомъ подлинникѣ поземельной описи можетъ быть выяснена довольно удовлетворительно при помощи вышеуказанныхъ таблицъ. Дѣйствительно, описанія селъ Масечина и Крнанъ находились на листахъ въ связи съ тремя другими, имъ чуждыми въ топографическомъ отношеніи (см. табл. 2 и 5), а описаніе села Чаковицы должно было стоять въ такомъ же соединеніи съ описаніемъ села Каменнаго Привоза, въ какомъ находились описанія селъ Оборы и Каменныхъ Вратъ [1]), т. е. ихъ описанія должны были умѣститься на одной страницѣ. Такимъ образомъ, составитель поземельной описи, разсчитывая помѣстить на одной страницѣ описанія селъ Чаковицы и Каменнаго Привоза, долженъ былъ для описанія послѣдняго села оставить мѣсто, но потомъ почему-то не осуществилъ своего намѣренія, какъ это видно изъ пропуска этого села въ поземельной описи [2]). Что же касается селъ Масечина и Крнанъ, то относительно ихъ составитель описи находился въ затрудненіи: усматривая въ своихъ матеріалахъ, что ихъ описанія помѣщены не на своемъ мѣстѣ, а въ ряду селъ, чуждыхъ имъ въ топографическомъ отно-

1) Ихъ описанія были помѣщены на одной страницѣ. См. выше, стр. 75.

2) Можетъ быть, замѣтка о селѣ Каменномъ Привозѣ оказалась слишкомъ велика и не могла умѣститься рядомъ.

шеніи, онъ описаніе каждаго изъ нихъ помѣстилъ на отдѣльной страницѣ, въ расчетѣ впослѣдствіи присоединить къ нимъ описанія двухъ другихъ селъ, но, очевидно, расчеты его почему-то не были осуществлены.

Наконецъ, имѣются и другія доказательства въ пользу того положенія, что составитель поземельной описи Островскаго монастыря располагалъ матеріаломъ, имѣвшимъ видъ, возстановленный на вышеприведенныхъ схематическихъ таблицахъ. Въ подробномъ описаніи монастырскихъ владѣній села размѣщены въ такомъ порядкѣ: 1) Либень, 2) Округла, 3) Брезова, 4) Олешенъ, 5) Петровъ, 6) Сазава, 7) Крнаны, 8) Требсинъ, 9) Градище, 10) Чаковица, 11) Брнишовъ, 12) Пиковица, 13) Петровъ, 14) Нещедица, 15) Заичье, 16) Уштица, 17) Вшетица, 18) Кельца, 19) Нагорубы, 20) Миринъ, 21) Либчица, 22) Кренична, 23) Малчаны, 24) Обора, 25) Каменныя Врата, 26) Гвоздница, 27) Слупъ, 28) Мѣхница, 29) Требеница. При разсмотрѣніи этого списка прежде всего невольно бросается въ глаза то обстоятельство, что описаніе села Петрова помѣщено дважды на двухъ мѣстахъ. Въ первомъ случаѣ описаніе села Петрова было поставлено вполнѣ правильно, какъ это можно видѣть изъ таблицы 2-ой. Однако, переписчикъ исполнялъ свою работу безъ достаточнаго вниманія, а потому кое-что пропустилъ, вслѣдствіе чего пришлось это первое описаніе перечеркнуть [1]). Когда пришлось вторично помѣщать описаніе села Петрова, то переписчикъ нашелъ возможнымъ поставить его въ связи съ описаніемъ селъ Пиковицы и Брншова, такъ какъ описаніе этихъ послѣднихъ находилось на томъ-же листѣ, на которомъ и замѣтка о селѣ Петровѣ, но только на другой сторонѣ [2]).

Такъ какъ составители поземельныхъ описей въ раз-

1) Decem registra, p. 61: Quae hic de villa Petrow sequuntur cancellata sunt.

2) См. выше, стр. 69, табл. 1—2.

мѣщеніи матеріала руководились топографическимъ принципомъ [1]), то является дѣломъ вполнѣ естественнымъ, что расположеніе въ поземельной описи Островскаго монастыря чиншевыхъ и барщинныхъ замѣтокъ о селахъ Беровскаго и Куримскаго краевъ было основано на томъ же принципѣ. Такихъ топографическихъ группъ въ данномъ случаѣ было четыре: 1) села, расположенныя къ сѣверу отъ рѣки Сазавы (№№ 1—6); 2) села, расположенныя къ югу отъ рѣки Сазавы, между этой послѣдней и рѣкой Вльтавой (№№ 7 до 9, 11—12); 3) села, расположенныя на правомъ берегу рѣки Вльтавы (№№ 14—20); 4) села, расположенныя на лѣвомъ берегу рѣки Вльтавы (№№ 21—23, 26 –29). Села, принадлежавшія къ составу всѣхъ этихъ группъ, перечисляются въ направленіи отъ периферіи къ центру монастырскихъ владѣній, каковымъ былъ монастырь, построенный на островѣ рѣки Вльтавы, при впаденіи въ нее притока Сазавы.

Такимъ образомъ, въ первой группѣ села перечислены въ послѣдовательности отъ сѣвера къ югу, во второй — отъ юга къ сѣверу, въ третьей — отъ востока къ западу и въ четвертой — отъ юга къ сѣверу. Хотя составитель описи, какъ видно, хотѣлъ распредѣлить описанія селъ въ топографическомъ порядкѣ, но онъ не вполнѣ успѣшно справился со своей задачей потому именно, что располагалъ матеріалами, представлявшими видъ, схематически изображенный на вышеуказанныхъ таблицахъ. Промахи составителя описи были таковы: 1) описаніе села Чаковицы (№ 10), расположеннаго на сѣверномъ берегу рѣки Сазавы, помѣщено въ ряду описаній лѣвобережныхъ Сазавскихъ селъ; 2) Обора и Каменныя Врата (№№ 24, 25), правобережныя Сазавскія села, описаны въ связи съ селами Гвоздницей и Слупомъ и такимъ образомъ прерываютъ естественный рядъ селъ четвертой группы; 3) описанія селъ Мѣхницы и Требеницы (№№ 28, 29) поставлены непосредственно вслѣдъ

1) См. выше, стр. 46—50.

другъ за другомъ, хотя они не были сосѣдними и между ними находился цѣлый рядъ другихъ селъ, такъ что, сообразно принятой составителемъ системѣ, описаніе села Требеницы должно было слѣдовать за описаніемъ села Малчанъ. Хотя рукопись дошла не въ подлинникѣ, а въ копіи, но тѣмъ не менѣе всѣ промахи составителя можно объяснить довольно удовлетворительно: 1) описаніе села Чаковицы, вѣроятно, находилось рядомъ съ описаніемъ села Градища, при расположеніи листовъ въ томъ порядкѣ, какой указанъ на страницѣ 73; 2) описанія селъ Оборы и Каменныхъ Вратъ находились на томъ листѣ, на другой сторонѣ котораго помѣщались описанія селъ Гвоздницы, Слупа и т. д. [1]); 3) непосредственное соединеніе описаній селъ Мѣхницы и Требеницы обусловливается тѣмъ, что замѣтки объ этихъ селахъ помѣщены были на одной сторонѣ листа (см. табл. 3).

Довольно удовлетворительное объясненіе расположенія замѣтокъ о селахъ въ подробной поземельной описи Островскаго монастыря, на основаніи данныхъ, обусловленныхъ видомъ и состояніемъ первоначальныхъ матеріаловъ, — является наилучшимъ доказательствомъ того положенія, что эти самые матеріалы дѣйствительно имѣли первоначально такой или почти тождественный видъ съ тѣмъ, какой представленъ схематически на вышеприведенныхъ таблицахъ. Установленіе этого факта проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на практику составленія поземельныхъ описей. Прежде всего, оказывается, что ранѣе составленія краткой или тѣмъ болѣе подробной описи предпринимаемы были работы по описанію селъ. Эти подготовительныя работы исполняемы были на цѣлыхъ листахъ слѣдующимъ образомъ: на каждой сторонѣ листа описываемо было по 4 села, принадлежавшихъ преимущественно къ одной топографической группѣ,

1) См. выше, стр. 73.

но этотъ топографическій принципъ не былъ строго проведенъ, а потому въ число селъ, описанныхъ на лицевой или обратной сторонѣ листа, включалось иногда село, чуждое прочимъ въ топографическомъ отношеніи (см. табл. 2, 3).

Что замѣтки чиншеваго и барщиннаго характера, касавшіяся отдѣльныхъ селъ, были писаны первоначально на отдѣльныхъ листахъ, на это имѣется указаніе и въ рукописи поземельной описи Страговскаго монастыря. Самой рукописи предпослано нѣчто въ родѣ оглавленія, гдѣ рядомъ съ названіями первыхъ 10 селъ стоятъ помѣты: A primo, A II^0, A III^0 etc., — а при именахъ слѣдующихъ семи селъ: B primo, B II^0, B III^0 etc.[1]). Эти помѣты не имѣютъ никакого отношенія къ самой рукописи, такъ какъ въ текстѣ ея на соотвѣтствующихъ мѣстахъ нѣтъ никакихъ помѣтъ, сдѣланныхъ буквами и римскими цифрами. Въ данномъ же случаѣ случайно сохранились помѣты, относившіяся къ матеріаламъ, находившимся въ распоряженіи составителя или переписчика описи, какъ это можно видѣть хотя бы изъ того, что описаніе села Затона и половина описанія села Велеславицы, противъ которыхъ находились помѣты: A X^0 и B primo, помѣщены на одной и той же оборотной третьей страницѣ рукописи[2]). Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ, что могли въ первоначальныхъ матеріалахъ означать эти помѣты римскими цифрами и буквами A и B. Если буквы употреблены были для мѣты тетрадей или кватерновъ, согласно средневѣковому обычаю[3]), то въ такомъ случаѣ римскими цифрами помѣчены были, какъ это стало обычнымъ особенно съ XIV вѣка, не страницы, а листки тетрадей[4]). Однако, какого бы ни была малаго

1) Decem registra, p. 219.

2) Decem registra, p. 225—226.

3) W. Wattenbach, Das Schriftwesen im Mittelalter, S. 179. Emler, Reliquiae tabularum Boemiae, T. I, p. XIII, str. XXII.

4) W. Wattenbach, S. 180. Reusens, Éléments de paléographie, Louvain 1899, p. 459.

формата первая тетрадь, помѣченная буквою А, все-таки являлось бы полною несообразностью съ точки зрѣнія средневѣковаго переписчика, дорожившаго письменнымъ матеріаломъ, отводить цѣлый листокъ или двѣ страницы на описанія селъ Тисовки или Дѣтошина, которыя въ печатномъ изданіи занимаютъ всего 8—9 строкъ [1])! Такимъ образомъ, если буквами А и В не были обозначены тетради, то, значитъ, это были помѣты отдѣльныхъ цѣлыхъ листовъ. Весьма вѣроятно, что при этомъ употреблены были листы такого большого формата, что каждый изъ нихъ могъ послужить матеріаломъ для тетради или кватерна, если бы былъ сломленъ на четыре равныя части и разрѣзанъ по продольной или поперечной линіи. При этомъ условіи совершенно стало бы понятнымъ, почему эти отдѣльные листы помѣчены были такимъ же образомъ, какъ тетради. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ буквами помѣчены были, несомнѣнно, листы, а не тетради, то римскими цифрами обозначены были слѣдовательно отдѣльныя чиншевыя и барщинныя замѣтки, послужившія матеріаломъ для составителя поземельной описи Страговскаго монастыря.

Ознакомившись съ характеромъ и видомъ, какой имѣли подготовительныя или черновыя замѣтки, едва ли можно удивляться тому обстоятельству, что составители подробныхъ и краткихъ поземельныхъ описей, хотя и считали для себя обязательнымъ распредѣленіе матеріала въ топографической послѣдовательности, но невсегда удовлетворительно разрѣшали свою задачу. По небрежности и отсутствію способности критически относиться къ своему матеріалу они часто механически списывали свои источники, отчего и происходили въ составленныхъ ими описяхъ промахи и отступленія отъ строгой топографической послѣдовательности въ изложеніи матеріала [2]).

1) Decem registra, p. 222—224.

2) Если же предположить, хотя для этого нѣтъ основаній, что листы съ черновыми или подготовительными набросками, разрѣзан-

Засвидѣтельствованное въ текстѣ поземельной описи Островскаго монастыря точными хронологическими датами указаніе, что ранѣе составленія подробныхъ поземельныхъ описей составляемы были краткія или суммарныя описи, подтверждается также фактами, почерпаемыми изъ изученія рукописи, въ которой сохранилась опись Рудницкаго монастыря. Въ этой рукописи на первыхъ страницахъ (2—5)[1]) помѣщены были краткія или суммарныя описанія селъ и среди нихъ такое же описаніе села Слапаницы. Находящаяся же на страницахъ 6—7 рукописи[2]), которыя первоначально оставлены были чистыми, — подробная чиншевая замѣтка о томъ же селѣ Слапаницѣ написана была позднѣе, какъ это видно изъ того, что она написана небрежнымъ размашистымъ почеркомъ, въ этомъ отношеніи рѣзко выдѣляющимся отъ почерковъ, которыми написаны не только первыя страницы рукописи, но и большая часть послѣдующихъ, за исключеніемъ только трехъ послѣднихъ страницъ (23, 25—26), исписанныхъ только въ концѣ XIV и началѣ XV вѣковъ[3]).

Знакомство съ практикою составленія чешскихъ поземельныхъ описей является плодотворнымъ для критики текста этихъ источниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если подробныя описи составляемы были уже по изготовленіи краткихъ, то естественнымъ послѣдствіемъ этого было нѣкоторое несоотвѣтствіе между показаніями тѣхъ и другихъ. Это несоотвѣтствіе происходило по разнымъ причинамъ. Прежде всего, въ теченіе того промежутка времени, какой протекалъ между моментами составленія описей подробной и краткой,

---

ные по одной изъ линій (продольной или поперечной), складываемы были въ тетради о 4 страницахъ, то въ такомъ случаѣ уже совершенно терялась всякая топографическая послѣдовательность, а слѣдовательно возникали еще бо́льшія затрудненія для составителя описи.

1) Decem registra, p. 4—6.

2) Ibid., p. 6—7.

3) Всѣ эти наблюденія основаны на самостоятельномъ изученіи рукописи (Ms. latina in quarto 318), любезно предоставленной въ распоряженіе автора администраціей Берлинской Придворной Библіотеки.

совершались измѣненія въ составѣ и характерѣ землепользованія и чиншеваго обложенія. Впослѣдствіи переписчики, совершенно лишенные критическаго такта, механически соединяли въ рамкахъ одного памятника разнородныя и противорѣчивыя замѣтки.

Если же подробныя и краткія поземельныя описи возникали почти одновременно и составляемы были на основаніи однихъ и тѣхъ же подготовительныхъ или черновыхъ набросковъ, то и тогда возможны были въ ихъ показаніяхъ несогласія и противорѣчія. Въ послѣднемъ случаѣ это происходило отъ того, что составители краткихъ и подробныхъ замѣтокъ руководились не одинаковымъ планомъ при исполненіи работы. Для выясненія этой стороны дѣла можно привести рядъ указаній на несоотвѣтствія между показаніями краткой и подробной поземельныхъ описей Островскаго монастыря: 1) въ барщинномъ спискѣ относительно села Олешенъ сказано, что тамъ находилось 7 земель безъ половины квартала, но въ подробной замѣткѣ показано цѣлыхъ 8 земель [1]); 2) согласно съ подробной замѣткой, въ селѣ Бояновицѣ было 12 лановъ, но въ краткой описи показано тамъ только $6^1/_2$ лановъ [2]); 3) согласно съ подробной описью, въ селѣ Братриновѣ было $8^1/_2$ лановъ, а въ краткой описи показано 8 [3]); 4) въ селѣ Масечинѣ по первой описи считалось 8 лановъ, а во второй показано только $4^1/_2$ лана [4]); 5) въ селѣ Крнанахъ по первой описи считалось $9^1/_2$ лановъ, а во второй показано $5^1/_2$ [5]); 6) въ селѣ Требсинѣ по первой описи считалось 13 лановъ, а во второй показано 9 лановъ [6]); 7) въ селѣ Мѣхницѣ по первой описи крестьяне обязаны были во время жатвы поставить

1) Decem registra, p. 55, 60.
2) Ibid., p. 54, 58.
3) Ibid., p. 56—57, 58.
4) Ibid., p. 57, 58.
5) Ibid., p. 62, 57.
6) Ibid., p. 62, 58.

192 копны хлѣба и, кромѣ того, жать 12 дней, а въ барщинномъ спискѣ указано 182 копны и 16 дней [1]); 8) въ селѣ Градищѣ по первой описи крестьяне обязаны были жать 16 дней, а во второй показано 17 барщинныхъ дней [2]). Такъ какъ къ составленію подробной описи приступили вскорѣ послѣ изготовленія краткой, то несоотвѣтствіе въ показаніяхъ подробной и краткой редакцій невозможно объяснять реальными измѣненіями. Почти всѣ отмѣченныя несоотвѣтствія находятся въ зависимости отъ того обстоятельства, что составители краткой или суммарной и подробной поземельныхъ описей имѣли неодинаковый планъ: въ краткой описи указано было количество только чиншевыхъ участковъ и подведены итоги чиншевыхъ платежей и повинностей, а въ подробной описи наряду съ чиншевыми участками отмѣчены были надѣлы служилыхъ людей или министеріаловъ. Слѣдовательно, несоотвѣтствія въ показаніяхъ были редакціоннаго свойства. Дѣйствительно, въ селѣ Бояновицѣ изъ 12 лановъ $5^1/_2$ не были введены въ чиншевой окладъ, въ селѣ Крнанахъ въ такомъ же положеніи находилось 4 лана, а въ селѣ Требсинѣ 4 изъ 3 лановъ не платили чинша [3]). Если теперь изъ общаго числа лановъ, показанныхъ въ подробной описи, вычесть число лановъ, не включенныхъ въ чиншевой окладъ, то получатся итоги, показанные въ краткой описи. Само собою понятно, что составитель этой же описи считалъ также излишнимъ показывать въ общемъ числѣ чиншевыхъ надѣловъ тѣ изъ нихъ, которые оставались безъ обработки, а потому дохода не приносили. Такимъ образомъ, если въ селѣ Братриновѣ показано было на полъ лана менѣе, чѣмъ въ подробной описи, то это произошло потому, что одинъ надѣлъ соотвѣтствующей мѣры былъ оставленъ безъ обработки [4]). Въ селѣ Олешнѣ,

1) Decem registra, p. 69, 55.
2) Ibid., p. 63, 58.
3) Ibid., p. 54, 62.
4) Ibid., p. 57.

какъ видно изъ помѣтъ, сдѣланныхъ на поляхъ, было два опустѣвшихъ надѣла [1]), вслѣдствіе чего платежи поступали только съ 6½ надѣловъ. Эта послѣдняя цифра почти тождественна съ той, которая указана въ барщинномъ спискѣ. Что же касается несоотвѣтствія въ показаніяхъ, относившихся къ селу Масечину, то таковое произошло, повидимому, по винѣ переписчика или издателя. Въ самомъ дѣлѣ, согласно съ подробной замѣткой, въ этомъ селѣ было 8 лановъ, изъ которыхъ полъ лана было покинуто (desertum) [2]); поэтому въ краткой описи слѣдовало показать 7½ лановъ, но, вопреки ожиданію, показано только 4½ лана. Несомнѣнно, въ данномъ случаѣ сдѣлана была ошибка, происшедшая вслѣдствіе того, что начертаніе римской цифры V было смѣшано съ цифрой II.

Другія несоотвѣтствія въ показаніяхъ происходили отъ того, что въ краткую опись были заносимы цифровыя данныя, получаемыя на основаніи исчисленія огуломъ, т. е. вслѣдствіе умноженія барщинной повинности, слѣдуемой съ одной единицы обложенія, на общее число такихъ единицъ, тогда какъ въ подробныхъ чиншевыхъ и барщинныхъ замѣткахъ принимались въ разсчетъ всѣ отступленія отъ общаго положенія. Такимъ образомъ, разница, обнаруживающаяся въ исчисленіи количества дней жатвы съ селѣ Мѣхницѣ, произошла отъ того, что 2 крестьянина, владѣльцы лановаго надѣла, обязаны были отрабатывать въ дѣйствительности по 2 дня, а не по 4, какъ это слѣдовало бы ожидать, соотвѣтственно принятой въ этомъ селѣ нормѣ обложенія [3]). Прибавка одного дня въ барщинномъ спискѣ сверхъ показанныхъ въ подробной замѣткѣ, относившейся къ селу Гвоздницѣ, объясняется тѣмъ, что не было принято во вниманіе въ этомъ спискѣ освобожденіе отъ бар-

1) Decem registra, p. 61.
2) Ibid., p. 57.
3) Ibid., p. 69.

щинной работы по уборкѣ хлѣба двухъ крестьянъ, владѣвшихъ надѣлами мѣрою каждый по одному кварталу [1]).

Такое же несоотвѣтствіе между показаніями подробнаго описанія и суммарнаго обнаруживается и въ записяхъ, касавшихся села Слапаница, принадлежавшаго Рудницкому монастырю. Въ этомъ селѣ, какъ сказано въ общемъ описаніи, было 38 земельныхъ надѣловъ, и съ каждаго изъ нихъ поступало чинша по 5 фертоновъ, а, кромѣ того, корчмарь уплачивалъ за свои три югера 14 грошей, т. е. почти фертонъ. Слѣдовательно, всего чинша монастырь получалъ 193 фертона или 47 марокъ 3 фертона [2]). Очевидно, эта сумма была исчислена огуломъ. Такъ какъ половина земельнаго надѣла, какъ это видно изъ подробной замѣтки, находилась во владѣніи министеріала (famulus — pro servicio) и съ нея чинша не поступало, то исчисленіе размѣра чиншеваго дохода, опредѣленнаго въ подробной замѣткѣ въ суммѣ 47 копъ 1 гроша, болѣе соотвѣтствовало дѣйствительности [3]).

Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ указаній [4]), подробныя чиншевыя и барщинныя замѣтки даютъ болѣе точныя и надежныя свѣдѣнія, чѣмъ краткія замѣтки, особенно когда дѣло идетъ о составѣ и числѣ земельныхъ единицъ въ селѣ. Такимъ образомъ, встрѣчая несогласія въ этомъ отношеніи между показаніями краткихъ и подробныхъ замѣтокъ, необходимо отдавать предпочтеніе показаніямъ послѣднихъ. Съ другой стороны, для исчисленія дѣйствительнаго дохода указанія краткихъ описей представляютъ данныя болѣе реальныя, хотя иногда и здѣсь случаются ошибки вслѣдствіе примѣненія огульнаго способа

1) Decem registra, p. 63.
2) Ibid., p. 6.
3) Ibid., p. 7.
4) Количество ихъ нетрудно было бы увеличить, если бы привлечены были и другія поземельныя описи. Ниже, въ этой же главѣ (стр. 95—97), указаны примѣры такого же рода, взятые изъ поземельной описи Страговскаго монастыря.

исчисленія (summatim). Составители сводовъ или поземельныхъ описей въ томъ видѣ, въ какомъ дошли описи Хотешовскаго, Островскаго и Страговскаго монастырей, механически соединяли на страницахъ своихъ рукописей двѣ въ сущности неодинаковыя работы. Основываясь на томъ, что краткія описи составляемы были ранѣе подробныхъ, что въ текстъ первыхъ иногда только впослѣдствіи вставляли подробныя чиншевыя и барщинныя замѣтки[1]), приходится отказаться отъ мысли, что краткія описи представляли собою сокращеніе подробныхъ. Кромѣ того, нельзя оставить при этомъ безъ вниманія то обстоятельство, что древнѣйшія поземельныя описи (Пражскаго епископства, Рудницкаго и Збраславльскаго монастырей) изъ числа сохранившихся имѣютъ видъ и форму краткихъ описей. Далѣе, если при составленіи подробныхъ описей могло обнаруживаться вліяніе краткихъ описей, то таковое сводилось къ заимствованію только топографическаго принципа при распредѣленіи матеріала, т. е. краткія описи служили какъ бы канвою для подробныхъ. Матеріалами и источниками для тѣхъ и другихъ служили частныя или мѣстныя описи. Эти же послѣднія, по всей вѣроятности, писаны были на отдѣльныхъ цѣлыхъ листахъ и вообще имѣли видъ черновыхъ или подготовительныхъ работъ, о характерѣ и особенностяхъ которыхъ уже приходилось говорить на предыдущихъ страницахъ.

IV. Источниками чиншевыхъ и барщинныхъ замѣтокъ являлись грамоты, „сказки“ или показанія достовѣрныхъ свидѣтелей, современниковъ извѣстнаго факта, и традиція или давность[2]). Въ сущности два послѣдніе источника

1) См. выше, стр. 82.

2) Urbarium monasterii Chotiessoviensis, p. 52: Item v těch všech ve Vrutici a v Svařemicich dávají aurok z zahrad na vánocě a

одного и того же характера и могутъ быть просто названы „сказками.“ Вся разница въ данномъ случаѣ заключается только въ томъ, что при показаніяхъ удостовѣряется наличность извѣстнаго права или отношеній, а при ссылкѣ на давность подчеркивается ихъ неоспоримость и обязательность.

Составители поземельныхъ описей не только ссылаются на грамоты, но довольно часто приводятъ ихъ цѣликомъ. Указанія на пользованіе грамотами, какъ источниками, можно отыскать почти во всѣхъ сохранившихся поземельныхъ описяхъ. Составитель описи Збраславльскаго монастыря имѣлъ въ своемъ распоряженіи грамоты и собирался внести ихъ въ текстъ цѣликомъ, но почему-то не осуществилъ своего намѣренія [1]). Въ описи Хотешовскаго монастыря встрѣчаются неоднократно указанія на грамоты. Какъ видно изъ этихъ текстовъ, содержаніе грамоты часто не соотвѣтствовало дѣйствительности, ибо на самомъ дѣлѣ существовали такія права крестьянъ, которыя въ грамотахъ не были показаны, а, съ другой стороны, въ поземельныя описи не попадали указанія на извѣстную повинность въ виду того, что таковая подробно была описана въ грамотѣ, выданной крестьянамъ [2]). Чиншевая и барщинная замѣтка, относившаяся къ селу Збирову, составлена была на осно-

---

vo svatý duch. To v jich listě psáno nenie, památnikuow není, kterak sú jim ty zahrady přidány, než vod starodávna aurok z nich dávají groše rázu pražského, jakoz doleji psáno, kto co platí.

1) Reg. mon. Aulae Regiae, p. 312: De istis sunt duo privilegia in Sedlicz de verbo ad verbum sicut hic.

1) Urbarium non. Chotiessoviensis, p. 42, 44, 47, 48, 51: Item v Hrušovanech mají deset lánuov vysazených, jakož list jich anebo hamfest ukazuje; jakož list jich ukazuje; také v jich listě nenie psáno, aurokú neplatí, než rabotují z toho; Item v té vsi v Svařemicích jest 16 lánuov vysazených, jakož list jich aneb hantfešt vysvědčuje; item v tee vsi ve Vruticě vedle ukázánie jich listu aneb hanfestu má byti...; Také mají chmel česati z chmelnice Hrušovanské, jakož v jich listě šíře psáno jest.

ваніи грамоты, какъ указано въ текстѣ поземельной описи владѣній пановъ Розенберговъ [1]).

Въ поземельной описи Пражскаго пробства нѣсколько разъ говорится объ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ платежахъ зависимыхъ людей, по сравненію съ прежнимъ порядкомъ. Такъ какъ извѣстно, что перемѣны въ характерѣ обложенія крестьянъ происходили вслѣдствіе введенія въ селахъ эмфитевтическаго или нѣмецкаго права, то во всѣхъ такого рода свидѣтельствахъ нельзя не видѣть указанія на грамоты, которыя обыкновенно выдаваемы были крестьянамъ землевладѣльцами при введеніи въ селахъ новыхъ порядковъ [2]), — тѣмъ болѣе, что въ самой описи не отмѣчаются эти перемѣны и такимъ образомъ составитель описи какъ будто приглашаетъ читателей навести справки въ самихъ грамотахъ [3]).

Слѣдовательно, грамоты были не только источниками чиншевыхъ и барщинныхъ замѣтокъ, но сохраняли свое практическое значеніе даже послѣ составленія поземельной описи, такъ какъ довольно часто не всѣ подробности заносимы были на страницы послѣдней. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить, почему въ иныхъ случаяхъ составитель описи Градищскаго монастыря отмѣчаетъ, что тотъ или другой крестьянинъ или цѣлая ихъ группа имѣютъ грамоты [4]). Впрочемъ, иногда это были грамоты на право низшей юрисдикціи [5]), но въ тѣхъ случаяхъ, когда обла-

---

1) Registrum bonorum Rosenberg, p. 51, nr. 442: Hec suprascripta sunt annotata de ipsorum privilegio incolarum.

2) См. ниже, въ IV главѣ.

3) Reg. bon. praepositurae Pragensis, p. 306—307: et censum isto tempore immutaverunt aliter, quam prius fuit; ibidem eciam nunc census sunt immutati; et census dandos transposuerunt aliter, quam fuerunt dati.

4) Zlomek urbáře kláštera Hradištského, p. 2, 4, 5, 7, 13, 19: privilegium habet; illi quatuor habent privilegium; litteram habet privilegialem; privilegium habet.

5) Ibid., p. 13: item Radslaw judex IX virg.; privilegium habet.

дателями грамотъ въ одномъ селѣ являются нѣсколько крестьянъ, нужно видѣть указанія на грамоты другого содержанія. Если составитель описи Градищскаго монастыря только кое-гдѣ отмѣчаетъ фактъ существованія грамотъ, то это не даетъ основанія думать, что обладаніе грамотами являлось исключительнымъ фактомъ. Въ данномъ случаѣ пропускъ могъ произойти не только по винѣ составителя или переписчика, но и по отсутствію необходимости указывать на существованіе грамоты, когда ея содержаніе изложено было полностью въ описаніи извѣстнаго села.

Впрочемъ, при краткости замѣчаній, вставленныхъ въ текстъ описи Градищскаго монастыря, сказать что-либо вполнѣ опредѣленное о содержаніи грамотъ — дѣло трудное. Дѣйствительно, это могли быть грамоты о передачѣ на правахъ эмфитевтическаго владѣнія опустѣлыхъ лановъ или грамоты о куплѣ-продажѣ крестьянскаго эмфитевтическаго участка земли. Подобнаго содержанія грамоты, какъ оказывается, были включены въ составъ поземельной описи Островскаго монастыря [1]). Если тамъ не помѣщено было болѣе грамотъ, то это обстоятельство отчасти объясняется тѣмъ, что въ составъ того же рукописнаго сборника, на страницахъ котораго дошла эта опись, включены были два сборника грамотъ [2]).

Составитель поземельной описи Страговскаго монастыря считалъ необходимымъ приводить грамоты цѣликомъ или, какъ онъ выражается, „отъ слова до слова“ (de verbo ad verbum) [3]). Такимъ образомъ, онъ помѣстилъ въ текстѣ описи 28 грамотъ. Почти всѣ эти грамоты, кромѣ одной, въ которой излагается мѣновая сдѣлка [4]), представляютъ

---

1) См. выше, стр. 61—62.

2) Decem registra, p. 73—90, 90—91. См. выше, стр. 57, 61—62.

3) Reg. bon. mon. Strahow., p. 240, 244, 270, 272, 289. Иногда употребляется въ такомъ случаѣ другая формула: in hec verba. Ibid., p. 233, 246, 261, 276.

4) Ibid., p. 233—234.

собою договоры монастыря съ крестьянами и другими лицами о сдачѣ въ аренду на условіяхъ эмфитевтическаго права полевыхъ участковъ, корчмъ, виноградниковъ и правъ низшей юрисдикціи. Болѣе двадцати изъ этихъ грамотъ относится ко второй половинѣ XIV вѣка; только двѣ изъ нихъ выданы были въ первой половинѣ этого вѣка [1]), а остальныя 4 грамоты — въ началѣ слѣдующаго столѣтія [2]). Текстъ всѣхъ этихъ грамотъ составляетъ почти половину всего памятника [3]). Однако, въ составъ описи были включены не всѣ грамоты, относившіяся такъ или иначе къ содержанію чиншевыхъ и барщинныхъ замѣтокъ. Такъ, напр., на одной изъ первыхъ страницъ составитель поземельной описи ссылается на грамоту, но не приводитъ ее [4]). Этого упущенія нельзя объяснять тѣмъ, что по первоначальному плану не предполагалось помѣщать грамоты въ текстѣ описи, а думали ограничиваться только ссылками на нихъ: такого же рода простыя ссылки безъ приведенія самой грамоты встрѣчаются и въ той части поземельной описи, гдѣ текстъ постоянно прерывается вставками грамотъ [5]). Невсегда можно подобные пропуски истолковывать въ качествѣ редакціонныхъ промаховъ, ибо они иногда дѣлаемы были преднамѣренно. Въ селѣ Овчарахъ, напр., одинъ житель пріобрѣлъ на правахъ эмфитевтическаго владѣнія два лана земли и получилъ отъ монастыря грамоту, но эта послѣдняя

1) Reg. bon. mon. Strahow., p. 297, 273. Одна грамота выдана въ 1323, а другая въ 1340 году.

2) Ibid., p. 296, 298, 234, 301.

3) Ibid., p. 233—235, 240—242, 244, 246—248, 249—250, 254—260, 261—265, 267—270, 271, 272—273, 274—275, 276—278, 281—283, 290—291, 294—295, 297—301.

4) Ibid., p. 226: item solvit eciam de predicta curia 3 pullos pro domino abbate, prout in littera emphiotesi continetur.

5) Ibid., p. 239, 260, 284: prout in ipsorum privilegio continetur; item ibidem thabernator habet secundum privilegium super una area subsidiali et solvit de ea 6 gr, singulis annis divisim, prout in ipso privilegio continetur; et predictum censum sub penis, prout in privilegio super dicto censu confecto continetur.

не была включена въ текстъ потому, что была составлена въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и помѣщенная уже тамъ грамота всѣхъ прочихъ жителей, его односельчанъ [1]).

Въ поземельныхъ описяхъ Островскаго и Страговскаго монастырей грамоты не были тѣсно слиты съ текстомъ самого источника, а составляли какъ бы самостоятельную часть, которую можно было удобно выдѣлить и образовать изъ нея отдѣльный сборникъ грамотъ или хартулярій.

Во всякомъ случаѣ присоединеніе грамотъ къ тексту поземельныхъ описей не было непреложнымъ условіемъ или отличительной чертою этихъ источниковъ; и даже возможно, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ составителей описей особенно первой половины XIV вѣка, подобное присоединеніе грамотъ являлось нарушеніемъ чистоты ихъ содержанія. Въ справедливости этого можно убѣдиться хотя бы изъ того, что въ первой части поземельной описи Рудницкаго монастыря, составленной Пражскимъ епископомъ Іоанномъ, не встрѣчается ни самихъ грамотъ, ни упоминанія о нихъ, т. е. не усматривается слѣдовъ пользованія ими [2]), тогда какъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, не отличающемся выдержанностью плана и строгостью содержанія, съ очевидностью обнаруживается вліяніе актоваго матеріала. Въ поземельной описи Пражскаго архіепископства также не замѣчается пользованія актовымъ матеріаломъ; по всей вѣроятности, это произошло отъ того, что эта поземельная опись была переработкой старинныхъ описей, составленныхъ еще въ ту пору, когда грамоты играли крайне маловажную роль въ жизни жителей селъ [3]). Также точно въ описи Бревновскаго мо-

1) Reg. bon. mon. Str., p. 239, 242: cum illis duobus laneis Andreaczkonis, prout pro se habet privilegium super emphiotesi; item Andreas quoad duos laneos per se emptos in simili forma habet privilegium et debet omnia et singula jura dare et solvere ad instar aliorum censualium ipsius wille Owczar, prout in privilegio superiori continetur.

2) Conscriptio bon. mon. Rudnicensis, p. 4—7.

3) См. выше, стр. 31—33. Можно, однако, указать въ Пражской описи текстъ, который съ нѣкоторой натяжкой можетъ быть истол-

настыря, составленной подъ наблюденіемъ опытнаго аббата Дивиша, встрѣчается только одна ссылка на грамоты [1]), сдѣланная при этомъ не для дополненія или поясненія текста поземельной описи, а для опроверженія неосновательныхъ притязаній представителей низшей юрисдикціи [2]).

Необходимо, однако, сдѣлать оговорку. Если въ составъ нѣкоторыхъ поземельныхъ описей (Пражскаго архіепископства и Бревновскаго монастыря) не включены грамоты, и почти отсутствуютъ ссылки на нихъ, то это обстоятельство не можетъ служить основаніемъ для утвержденія, что при составленіи такихъ описей оставлены были безъ вниманія договорныя грамоты землевладѣльцевъ съ крестьянами. Напротивъ, самый бѣглый пересмотръ текста поземельныхъ описей убѣждаетъ въ томъ, что большая часть зависимыхъ людей состояла съ землевладѣльцами въ договорныхъ отношеніяхъ, скрѣпляемыхъ въ XIV вѣкѣ выдачей грамотъ. При такомъ положеніи дѣла совершенно невозможно допустить мысли, что грамоты не вліяли на содержаніе поземельныхъ описей. Можно даже сказать, что своды или сборники договорныхъ грамотъ подобнаго рода, если бы они существовали, значительно облегчали бы трудъ составленія поземельныхъ описей [3]). Не лишено, впрочемъ, въ данномъ

кованъ, какъ указаніе или ссылка на грамоту: Item de quadam libertate perit census. См. Reg. bon. arch. Prag., p. 102.

1) Reg. bon. mon. Brzewnow., p. 191: Notandum, quod omnes lanes judicum tenentur robotas facere ad mandatum prepositi sicut alii lanei, licet ipsi contra privilegia sua sibi sextum laneum ad serviendum in omnibus iniuste usurpant; quia solum sextum denarium de jure debent habere, sed non aliud.

2) Слѣдуетъ замѣтить, что въ поземельной описи Погледскаго монастыря также не встрѣчается ссылокъ на грамоты, но отъ этого источника сохранился только небольшой отрывокъ.

3) Въ главѣ IV этого изслѣдованія будетъ предложено объясненіе, почему не существовало подобныхъ сборниковъ договорныхъ грамотъ. — Вообще же сборники грамотъ существовали въ Чехіи. Въ качествѣ образца можно указать сборникъ грамотъ Рудницкаго монастыря. Подъ заглавіемъ: Diplomatář kláštera blahoslavené Panny Marie řeholních kanovníků řádu sv. Augustina v Roudnici, — онъ

случаѣ интереса то обстоятельство, что къ дѣлу составленія поземельныхъ описей или собиранія необходимыхъ для этого матеріаловъ были привлекаемы писцы или нотаріи [1]). Ни въ Страговскомъ, ни въ Островскомъ монастыряхъ не могло быть недостатка въ людяхъ грамотныхъ [2]). Если же тѣмъ не менѣе обращались къ содѣйствію нотарія, то значитъ простой грамотности было недостаточно, а необходимы были спеціальныя познанія и опытность въ обращеніи и пользованіи грамотами. Такимъ образомъ, это обстоятельство является косвеннымъ доказательствомъ того положенія, что при составленіи поземельныхъ описей грамоты служили однимъ изъ источниковъ.

Данныя, извлекаемыя изъ грамотъ, не входили цѣликомъ въ текстъ поземельныхъ описей, а подвергались нѣ-

---

былъ изданъ проф. Эмлеромъ въ 1893 году (Věstník král. České Společnosti Náuk. Třída filosoficko-historicko-jazykozpytná, 1893. Sitzungsberichte der königl. böhm. Gesellschaft d. Wissenschaften. Prag. 1894). Въ этомъ хартуляріи помѣщено 36 грамотъ, относившихся ко времени 1333—1421 гг. (pp. 1—56), но въ числѣ ихъ (nr. 31, p. 48—49) находится только одна грамота, представлявшая договорный актъ монастыря съ крестьяниномъ. Въ такихъ сборникахъ главный интересъ собирателя сосредоточивался на грамотахъ, объяснявшихъ происхожденіе того или другого титула владѣній и правъ, принадлежавшихъ учрежденію. Можетъ быть, самые сборники возникли потому, что было необходимо наиболѣе важный актовый матеріалъ имѣть подъ рукою для составленія такъ называемыхъ панкартъ, подтвержденіе которыхъ избавляло отъ скучнаго и утомительнаго процесса предъявленія, чтенія и выслушиванія многихъ грамотъ: Ideo nos tam ipsis abbati et conventui (Ossecensis monasterii) quam nobis et aliis legentibus et audientibus a taedio et fatiga, producendi et legendi ac audiendi plura huiusmodi privilegiorum paria volentes parcere in hac parte, de ipsis recollegi et fieri fecimus unum corpus, quod in se sub compedio premissarum libertatum, graciarum, donacionum et iurium diversos articulos et clausulas specifice comprehendat. См. Emler, Regesta, t. IV, p. 350, nr. 883 (1341).

1) См. выше, стр. 37—38.

2) Въ Островскомъ монастырѣ была довольно значительная библіотека; и монахи этого монастыря усердно занимались перепискою рукописей: libri pro tesauro — comparati sunt precio magno et labore in aquisicione exemplarium non modico. См. выше, стр. 60, прим. 1.

которой переработкѣ. Для сужденія о характерѣ этой переработки необходимо сдѣлать нѣсколько сопоставленій. Въ краткой замѣткѣ о селѣ Льготѣ сказано, что тамъ было 23 лана безъ 1 квартала, находившихся въ обработкѣ, и 4 лана 1 кварталъ опустѣлыхъ, т. е. всего 27 лановъ земли [1]). Это опредѣленіе размѣра подтверждается также свидѣтельствомъ подробной замѣтки: хотя согласно подсчету частныхъ данныхъ, изъ которыхъ состоитъ эта послѣдняя, выходитъ 22 лана $1^1/_2$ квартала, но разница по сравненію съ итогомъ краткой замѣтки, опредѣляемая въ $1^1/_2$ квартала, могла получиться отъ того, что въ подробной замѣткѣ не указанъ размѣръ надѣловъ 6 подсосѣдковъ [2]). Впрочемъ тождество въ показаніяхъ выходитъ только потому, что къ общему числу чиншевыхъ лановъ присчитаны были два лана земли, находившіеся во владѣніи представителя сельской юрисдикціи. Согласно же свидѣтельству грамоты, въ селѣ было только 26 лановъ [3]). Такъ какъ поземельная опись составлена была въ 1410 году, а грамота относится къ 1373 году, то увеличеніе количества крестьянской земли въ селѣ Льготѣ на 3 квартала можетъ быть объяснено измѣненіями, происшедшими въ теченіе почти сорокалѣтняго промежутка времени, протекшаго послѣ выдачи грамоты. Въ краткой замѣткѣ о селѣ Хращанахъ показано 8 чиншевыхъ лановъ [4]), а въ подробной замѣткѣ — $7^1/_2$ лановъ и $^1/_2$ лана луговой земли. Причисленіе луговой земли въ первомъ случаѣ къ составу чиншевыхъ лановъ объясняется тѣмъ, что она была отдана крестьянамъ на тѣхъ же чиншевыхъ условіяхъ, какъ и другія земли. Согласно же сви-

1) Reg. bon. mon. Strahov., p. 245: Item ibidem sunt 23 lanei minus 1 quartali solventes et 4 lanei cum uno quartali sunt deserti.

2) Ibid., p. 245: Item subsides sunt 6. . .

3) Ibid., p. 246, ad an 1373: in dicta villa sunt 26 lanei cum illis duobus laneis minus uno quartali, quos dominus Hersso dictus Epik tenet et possidet.

4) Ibid., p. 248: Item ibidem sunt 8 lanei solventes.

дѣтельству грамоты, полученной жителями села Хращанъ, въ этомъ селѣ должно было числиться 7½ лановъ 2 югера полевой земли и 38 югеровъ луговой, т. е. бóльшее количество обработываемой земли, чѣмъ было въ дѣйствительности [1]). Какъ оказывается, въ этомъ селѣ за 5 десятилѣтій, предшествовавшихъ времени составленія поземельной описи, произошло уменьшеніе площади обработываемой земли на 4 югера [2]). Произошли измѣненія также и въ способѣ обложенія. По свидѣтельству грамоты, съ каждаго лана взималось по 64 гроша, 4 каплуна, 40 лицъ, 4 гроша за сыры, по 6 грошей за освобожденіе отъ извозной повинности; сверхъ того, каждый владѣлецъ лана долженъ былъ высылать 4 жнеца, два раза въ годъ пахать барскую запашку и за освобожденіе отъ всякихъ другихъ взысканій платить по 3 гр. [3]). По свидѣтельству же поземельной описи, крестьяне отъ каждаго лана взносили по 84 гроша, 4 каплуна и 42 яйца. Повышеніе денежнаго чинша произошло отъ того, что переложены были на деньги различныя статьи оброка и барщины [4]). Въ селѣ Свареницѣ сроками уплаты чинша были дни св. Юрія и св. Галла, во-

1) Reg. bon. mon. Strahow., p. 249—250, ad an 1366: septuaginta duo jugera pro laneo computando, quorum laneorum 7 cum dimidio et duo jugera in dicta villa. . . Item pratum penes insulam dictam wlgariter luh tenebunt dicti nostri homines — eo jure, ut est expressum, quod se extendit ad 38 jugera, de quo nobis tantum sicut de alia hereditate — per omnia, exceptis pullis dumtaxat, solvere tenebuntur.

2) Въ селѣ Хращанахъ на ланъ приходилось по 72 югера.

3) Ibid., p. 250: de quolibet laneo — 64 gr. monete . . ., 4 pullos, 40 ova, 4 gr. pro caseis, sex pro vectura, 4 messores annis singulis dare et solvere tenebuntur bisque arrabunt . . . liberi erunt ab omnibus exaccionibus particularibus sive steuris, pro quibus solvent nobis singulis annis tres gr. de laneo cum censu S. Georgii. . . .

4) Ibid., p. 248—249: de quolibet laneo pro festo S. Galli solvunt 42 gr. et pro festo S. Georgii similiter 42 gr. Item de quolibet laneo pro festo S. Galli solvunt 4 pullos et pro festo S. Georgii 42 ova. Et nota, quod predicti homines ex eo solvunt magnum censum, quia includuntur caseales, vectura et contribucio particularis cum messe.

преки установленію грамоты, въ которой опредѣленъ былъ однократный въ теченіе года платежъ въ день св. Вацлава[1]).

Всѣ эти факты доказываютъ, что условія соглашенія крестьянъ съ землевладѣльцами, первоначально установленныя и записанныя въ грамотахъ, подвергались съ теченіемъ времени измѣненію даже въ такихъ пунктахъ, какъ составъ владѣнія, система обложенія и сроки платежей. Слѣдовательно, если грамоты дѣйствительно служили цѣннымъ матеріаломъ при составленіи поземельныхъ описей, то во всякомъ случаѣ онѣ не были единственнымъ источникомъ. Необходимо даже прибавить, что грамоты постепенно теряли значеніе въ глазахъ какъ землевладѣльцевъ, такъ и крестьянъ, вслѣдствіе того обстоятельства, что съ теченіемъ времени жизнь выдвигала такого рода измѣненія и факты, которые не находили себѣ подтвержденія въ грамотахъ и даже расходились съ указаніями и опредѣленіями послѣднихъ. Всѣ подобныя новыя явленія опирались на устное соглашеніе обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, а существованіе этого устнаго договора обезпечивалось уваженіемъ къ старинѣ или къ установившемуся порядку [2]).

Очевидно, предпринятая въ XIII—XIV вв. попытка нормировать жизнь народа при помощи письменныхъ памятниковъ такого рода, какъ грамоты, потерпѣла неудачу, а потому по необходимости приходилось обращаться къ устнымъ показаніямъ или „сказкамъ“ зависимаго населенія [3]).

---

1) Urb. mon. Chotiessov., p. 47: Měli by vedle svého listu ukázání dávati úrok vo S. Václav jednú v rok.

2) Въ поземельной описи Глубоцкаго имѣнія (1490 г.) находится такой текстъ, свидѣтельствующій о столкновеніи показаній грамотъ и „сказокъ“ зависимыхъ людей: ale v té smlúvě nic o kúřiech ani o podymniem žádné zmienky nenie, by toho neměli platiti, než lidé z té vsi tak praví. См. Archiv Český, d. XVII, p. 316 a.

3) Борьба устнаго преданія съ указаніями грамотъ была явленіемъ давнимъ. Какъ видно изъ грамоты, относящейся къ концу XII вѣка, уже тогда отдавали предпочтеніе свидѣтельству грамотъ: Insuper agros quosdam, de quibus Modlibous villicus noster, cum quibusdam rusticis originariis nostris eos impetebat, asserentes eos

Какъ извѣстно, показанія жителей околицы играли чрезвычайно важную роль въ рѣшеніи вопросовъ о размежеваніи земель и имѣній [1]). Подобному же опросу жители околицы или села подвергались и въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо было рѣшить вопросъ о правовомъ положеніи и повинностяхъ населенія тѣхъ или другихъ селъ [2]).

Опросъ или допросъ населенія совершался въ обстановкѣ судебнаго собранія; отсюда проистекало требованіе присяги. Въ грамотахъ, написанныхъ по-латыни, опросъ извѣстенъ былъ подъ именемъ реквизиціи или инквизиціи [3]).

---

esse nostri juris, quanquam ad praedictos fratres ex donatione fratris nostri jure spactabant (Erben, t. I, p. 200, nr. 445, cc. 1199). Хотя Палацкій считаетъ эту грамоту сомнительной (dubiae fidei), но это обстоятельство нисколько не умаляетъ достовѣрности приведеннаго свидѣтельства. Такъ какъ Іоанниты уже въ серединѣ XIII в. владѣли селомъ Тынцомъ (Emler, Regesta, t. II, 1075, nr. 2498), то фальсификація, если даже ее допустить, могла возникнуть въ началѣ XIII вѣка; слѣдовательно, уже въ то время господствовало представленіе о возможности столкновенія устныхъ показаній со свидѣтельствами актовъ.

1) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 50—52. См. также Emler, Regesta, t. II, p. 681—682, nr. 1583, (1292): abbas — cum suis, et nos cum nostris utrinque personaliter in unum convenientes viros fide dignos et longeaevos de vicinia evocavimus ad utriusque possessionis certas limites fideliter distinguendos . . .; Ibid., t. II, p. 695, nr. 1620, (1293): Assumptis abbatibus de Sar et Zmilenheim multisque aliis tam de clero quam de populo nobiscum comitantibus — circumgiravimus.

2) Emler, Regesta, t. III, p. 233, nr. 555, (cc. 1320): Nos qui villicacionis ipsius curam gerimus, super ipsorum villarum iuribus et oneribus solerti cum vicinis earundem incolis villarum inquisicione habita conferimus, et ex publica vicinie fama clarius informati ipsos homines ad nulla premissa onera fore et fuisse umquam obligatos . . . Ibid., t. III, p. 380, nr. 972, (1324): i jiní muži viry hodní z Litomyšli slyšeli jsme o privilegium rychtáře — i porozuměli jsme (Ex urbario Litomyssiensi). — Archiv český, d. XIV, p. 373 (Popis odcizených statků duchowenstva, 1454): v Kuniticích — v Hradeckém kraji, a tak pravie, že sami majie ten plat vydávati, jakož od starodávna předci jich jsú vydávali.

3) Emler, Regesta, t. II, p. 782, nr. 1820, (1298): materiam de metis et limitibus — inquirentes — et circumsedentibus vicinis hominibus senioribus iuramento prius ab eisdam recepto. Ibid., p. 728, nr. 1695, (1295): incolis eiusdem ville convocatis diligenter

Какъ производился самый опросъ населенія, это можно видѣть изъ одной грамоты 1295 года. Нѣкій Альбертъ, купившій въ Моравіи село Дукованы, желалъ знать, на какомъ основаніи уплачивалась десятина въ пользу церкви св. Петра, находившейся въ селѣ Дубнѣ. Для рѣшенія этого вопроса онъ созвалъ жителей села Дукованъ. Приведенные къ присягѣ, они заявили, что мѣстная ихъ церковь была приписной къ церкви св. Петра, и что они должны въ пользу этой послѣдней уплачивать десятину. Не ограничиваясь этимъ, крестьяне добровольно и безъ принесенія присяги добавили, что они уплачивали также десятину отъ всѣхъ доходныхъ статей. Желая провѣрить достовѣрность этихъ показаній, землевладѣлецъ тайкомъ сталъ разспрашивать стариковъ околицы. Эти „почетные“ люди, какъ они названы въ грамотѣ, заявили, что показанія жителей села Дукованъ вполнѣ правильны и подтверждаются ихъ собственными воспоминаніями и словами ихъ отцовъ и предшественниковъ [1]). Какъ видно изъ изложенія дѣла, опросъ крестьянъ производился на сходкѣ, созванной землевладѣльцемъ, при чемъ этотъ послѣдній въ качествѣ предсѣдателя ставилъ вопросы. Отвѣты или показанія при этомъ даваемы были подъ присягой; къ присягѣ приводили каждаго кресть-

requisivi. . . Qui singillatim sub iuramento fidei — inquisitione autem secrete facta a senibus. Ibid. III, p. 233, nr. 1555, (cc. 1320): inquisicione habita conperimus. . . . Registrum bon. Rosenberg., p. 41, nr. 360: diligentem ab antiquis personis habentes requisicionem. . .

1) Emler, Regesta, t. II, p. 758—729, nr. 1695, (1295): incolis eiusdem ville convocatis diligenter requisivi et cepi sagaciter indagare, si de jure ab antiquo tenerent solvere ad ecclesiam s. Petri de Dubna Superiori et si ecclesia de Thocwan ad ecclesiam s. Petri de Dubna Sup. tanquam filia jure omni integraliter pertineret? Qui singillatim sub iuramento fidei confessi sunt. . . Sunt eciam spontanee fassi, quod de — inquisicione autem secrete facta a senibus circumsedentibus, si hec eadem, que villani de Thocwan, sicut fassi fuerant, se haberent, responderunt, ut ab antiquo recordari poterant et a suis antecessoribus audivissent sic esse, ut villani dixerant, sue sub testimonio veritatis. . . Quod ego audiens et veridice a tam honestis viris cognoscens. . .

янина отдѣльно (singillatim). Всѣ же дополнительныя разъясненія, какія считали необходимымъ сдѣлать жители села, были даваемы по ихъ доброй волѣ. Такимъ образомъ, показанія приводили къ установленію фактовъ и положеній, которыми долженъ былъ руководиться землевладѣлецъ въ своихъ отношеніяхъ даже къ третьимъ лицамъ. Если онъ почему либо сомнѣвался въ правильности данныхъ крестьянами показаній, онъ могъ, конечно, прибѣгнуть къ опросу населенія околицы и уличить крестьянъ въ искаженіи истины. Однако, въ такомъ случаѣ ему приходилось дѣйствовать крайне осторожно и опрашивать сосѣднихъ старыхъ землевладѣльцевъ (honesti viri) околицы тайкомъ (secrete). Очевидно, къ формальному опросу околицы обращались неохотно и въ крайнихъ случаяхъ: къ нему неумѣстно было прибѣгать, не заручившись достовѣрными данными и свѣдѣніями, собранными частнымъ образомъ. Заслуживаетъ вниманія, что представители всѣхъ слоевъ общества долголѣтнее существованіе извѣстныхъ фактовъ считали высшей санкціей, передъ которой оставалось только преклониться. Въ самомъ дѣлѣ, и крестьяне села Дуковань, и „почетные люди“ околицы припоминаютъ старину, ссылаются на то, что извѣстные факты существовали „съ давнихъ поръ“ (ab antiquo). Въ самой постановкѣ вопроса (si de jure ab antiquo) нельзя усматривать признаковъ какого-либо противоположенія старины и права, нельзя видѣть даже косвеннаго выраженія сомнѣнія въ законности старины: какъ видно изъ показанія крестьянъ, дѣло шло не о провѣркѣ права церкви св. Петра на полученіе десятинъ, а объ установленіи факта филіальности мѣстной Дукованской церкви по отношенію къ церкви св. Петра въ Дубнѣ. Это же послѣднее обстоятельство доказано было тѣмъ, что съ давнихъ поръ десятины уплачиваемы были въ пользу Дубенской церкви. Въ данномъ случаѣ право (de jure) и старина (ab antiquo) являлись понятіями тождественными: всякая старина была правомъ, а самая наличность извѣстнаго права оправдывалась и санк-

ціонировалась стариною съ достаточной прочностью, не взирая на отсутствіе какого-либо письменнаго акта. Этимъ отождествленіемъ старины и права можно объяснить, почему невсегда ссылались и на право, и на старину одновременно, а иногда ограничивались только указаніемъ одной старины, ибо она и была правомъ [1]).

Разумѣется, землевладѣлецъ могъ не обратить никакого вниманія на старину и нарушить ее, но подобный поступокъ съ его стороны былъ насиліемъ, самоуправствомъ и неуваженіемъ къ правовому порядку. Пробстъ Ульрихъ не принадлежалъ, очевидно, къ числу такихъ самоуправцевъ и насильниковъ, а потому не могъ повысить размѣръ чиншевыхъ платежей въ двухъ селахъ, находившихся въ Пильзенскомъ краѣ, такъ какъ жители, по ихъ словамъ, были дѣдичами, т. е. вѣковѣчными владѣльцами участковъ на условіяхъ опредѣленнаго и освященнаго стариною платежа [2]).

Выше было указано, какъ положенія грамотъ подвергались пересмотру въ зависимости отъ измѣненій, происходившихъ въ селахъ съ теченіемъ времени [3]). Всѣ измѣненія эти оправдывались не грамотой, а дѣйствительностью, которая удостовѣрялась показаніями крестьянъ. Это сопоставленіе или сравненіе данныхъ грамоты съ дѣйствитель-

---

1) Emler, Regesta, t. III, p. 223, nr. 541, (1319): ad metas et terminos per seniores cives nostros Luthomericenses limitandos et sub fide sua designandos, quod de jure et de antiqua consuetudine ad ipsam civitatem Luth. ipse campus debeat pertinere. Если бы въ этомъ текстѣ подъ правомъ разумѣлось что-либо, по своей природѣ обоснованное не на старинѣ, то не было бы надобности при рѣшеніи вопроса обращаться только къ престарѣлымъ горожанамъ, дававшимъ свои показанія подъ присягою (sub fide sua). — Ibid., p. 193, nr. 469, (1318): agros, quos homines eiusdem ville tenent et colunt, cum pratis, rivis, rubis et pascuis, viis quoque et aliis libertatibus et communitatibus, quas homines predicte ville ab antiquo habuerunt tempore cum villa Borek et nunc habent.

2) Emler, Registra, II, p. 719, nr. 1675, (1295): ad majorem censum locare nequivimus propter incolas ipsarum villarum, qui se heredes, quod proprio vocabulo deditz dicitur, affirmabant.

3) См. выше, стр. 95—97.

Tartu Ülikooli Raamatukogu

нымъ положеніемъ довольно ясно отразилось въ одномъ текстѣ (описи Хотешовскаго монастыря), относившемся къ селу Врутицѣ. Въ этомъ селѣ, какъ оказывается, должно было находиться, по свидѣтельству грамоты, 16 лановъ, но на лицо было только 15 чиншевыхъ лановъ безъ половины квартала или четверти. Основываясь на разсказахъ и указаніяхъ стариковъ, своихъ предшественниковъ, жители села объяснили это несоотвѣтствіе тѣмъ, что въ чиншевомъ окладѣ корчма и мельница посчитаны были каждая отдѣльно за полъ лана, а половина квартала оставалась необработанной, потому что отходила подъ прогонныя дороги для скота. Эти показанія крестьянъ, основанныя на старинѣ и направленныя къ объясненію дѣйствительнаго положенія, были въ глазахъ составителя описи столь важны, что онъ занесъ ихъ въ текстъ подробной замѣтки о селѣ Врутицѣ [1]). Заслуживаетъ вниманія, что въ этомъ селѣ показанія давали не всѣ жители, а только рихтарь и старики, которые считались людьми вполнѣ свѣдущими въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ установленіи стародавнихъ фактовъ [2]). Хотя ихъ показанія расходились со свидѣтельствомъ грамоты, но тѣмъ не менѣе имъ было отдано предпочтеніе: иначе они не были бы записаны въ поземельной описи.

Располагая данными, извлеченными изъ договорныхъ грамотъ, и свѣдѣніями, основанными на показаніяхъ жителей, составители поземельныхъ описей по бо́льшей части

---

1) Urbarium monast. Chotiessow, p. 48: v tee vsi ve Vruticě vedle ukázánie jich listu aneb hanfeštu má býti 16 lánuov vysazených, ale nemuože sě vyhledati nežli bez puol čtvrti 15 lánuov vornych. Tak praví rychtář té vsi a jiní, že sú slýchali od starších svých, že jesti krčma výsadná položena za $^1/_2$ lána v aurocě a mlyn také za $^1/_2$ lána, a puol čtvrti leží pusto, mají přěs ně průhon s dobytkem, a tak s krčmú i se mlýnem bude 16 lánuov bez $^1/_2$ čtvrti, přěs kterúž mají průhon.

2) Ibid., p. 49: item v té vsi ve Vrutici jest krčma výsadná za puol lána pod aurok, jakož rychář a starší praví.

встрѣчали согласіе въ своихъ источникахъ, вслѣдствіе чего не имѣли надобности ссылаться ни на грамоты, ни на показанія или „сказки“ населенія. Дѣйствительно, подобныя ссылки въ поземельныхъ описяхъ встрѣчаются въ исключительныхъ случаяхъ. Если даже встрѣчались несоотвѣтствія въ показаніяхъ источниковъ, то составителямъ описей приходилось отдавать предпочтеніе живому слову, показаніямъ жителей. Весьма вѣроятно, что въ такихъ случаяхъ происходило новое соглашеніе, создавалась новая или средняя норма; только въ тѣхъ случаяхъ, когда соглашенія было невозможно достигнуть, или достиженіе его встрѣчало непреодолимыя трудности, составители описей, смотря по обстоятельствамъ, ссылались или на одинъ изъ источниковъ, или на оба, и этимъ подчеркивали ихъ разноголосицу.

Помимо вышеприведеннаго свидѣтельства, взятаго изъ поземельной описи Хотешовскаго монастыря, необходимо привести свидѣтельства и изъ другихъ описей въ доказательство того положенія, что показанія или „сказки“ зависимыхъ людей служили источникомъ при составленіи подробныхъ и краткихъ чиншевыхъ замѣтокъ: иначе можетъ возникнуть сомнѣніе въ существованіи такой практики въ предгуситское время, сомнѣніе, основанное на томъ, что свидѣтельство Хотешовской описи взято изъ той ея части, которая составлена была въ позднѣйшее время[1]). Свидѣтельства подобнаго рода встрѣчаются чаще всего въ поземельной описи Розенбергскихъ владѣній. Такъ, напр., по свидѣтельству этой описи, при составленіи таможеннаго тарифа, въ основу изложенія положены были показанія старыхъ людей, дополненныя свѣдѣніями, почерпнутыми изъ старинныхъ записей или памятниковъ[2]). Въ данномъ случаѣ

1) См. выше, стр. 45—46.

2) Reg. bon. Rosenberg., p. 41, nr. 360: Nos Petrus et Johannes de Rosenbergh recognoscimus, quia diligentem ab antiquis personis habentes requisicionem et eciam in antiquis scriptis reperimus, quod theloneum seu muta in opido Bukowska dari debet modo infrascripto.

разнородные источники взаимно дополняли другъ друга; когда же обнаруживалась разноголосица въ ихъ указаніяхъ, то составитель Розенбергской поземельной описи всегда склоненъ былъ отдавать предпочтеніе свидѣтельствамъ письменныхъ памятниковъ, а потому рѣзко отзывался о характерѣ и значеніи устныхъ показаній [1]). Подобное подозрительное отношеніе къ достовѣрности показаній или сказокъ вызывало протесты со стороны крестьянъ. Столкновеніе завершалось обыкновенно тѣмъ, что побѣда оставалась на сторонѣ крестьянъ; и землевладѣльцамъ приходилось уступить и преклониться передъ авторитетомъ устныхъ показаній или сказокъ [2]). Впрочемъ, необходимо прибавить, что эта склонность подозрительно относиться къ показаніямъ или сказкамъ населенія не была субъективной чертой составителя Розенбергской описи, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ свидѣтельства описи Пражскаго архіепископства: хотя жители села Кошетицы утверждали, что они не обязаны чинить строенія господскаго хутора, но составитель поземельной описи считалъ все-таки необходимымъ указать и на эту повинность [3]).

Торжеству устныхъ показаній способствовало два обстоятельства. Съ одной стороны, въ грамотахъ не могли

---

1) Ibid,, p. 44, nr. 379: item molendinum sub castro in civitate solvit LX tinas siliginis, $2^1/_2$ sexag. XVI gr. et nutrit duos porcos et molit ad castrum, sed mentitur de porcis. Ibid., p. 45, nr. 395: item Budislaw silvanus tenet curiam a dominis, que habet III quartalia minus III jug. Dubitant ubi sint.

2) Ibid., p. 45, nr. 394: Post hoc noluerunt incole solvere juxta continentiam registri, quibus dominus Petrus de quolibet laneo per LXXXVII gr. dare mandavit. Ibid., p. 47, nr. 405: Nunc vero quilibet solvit LII gr. et pratum. Sed registrum de Przibenicz dicit, quod de quolibet manso predictorum solvit annuatim per LVII gr. et de prato annuatim XII gr.. Ibid., p. 47, nr. 406: Lhota superior habet IIII laneos, quorum quilibet censuat annuatim per XLVI gr. pro toto. Sed registrum de Przibenicz dicit, quod de ibidem veniant annuatim III sex. XXIIII gr.

3) Reg. bon. archiep. Prag., p. 114: item in curia Sluzetycz tenentur singula rupta edificia relevare; dicunt tamen hoc non esse de jure.

быть записаны всѣ подробности относительно уплаты чинша деньгами и натурою, а также не могли найти мѣста всѣ необходимыя указанія относительно исполненія барщинныхъ повинностей. Съ другой же стороны, составители поземельныхъ описей едва ли были способны точно и послѣдовательно изложить всѣ обязательства и повинности зависимыхъ людей, часто чрезвычайно мелочныя и всегда очень сложныя, такъ какъ для удовлетворительнаго исполненія этой задачи требовалось не только умѣніе ясно и точно излагать свои мысли, но и необходимо было прекрасное знакомство со всѣмъ обиходомъ и постановкою сельско-хозяйственнаго дѣла. Въ средніе вѣка только въ исключительныхъ случаяхъ обоими этими качествами обладали отдѣльныя лица. По большей части составители чиншевыхъ и барщинныхъ замѣтокъ съ большимъ трудомъ справлялись со своей задачей, а потому въ ихъ изложеніе вкрадывались ошибки, которыя потомъ приходилось исправлять. Такъ, напр., въ поземельной описи Хотешовскаго монастыря записано было, что крестьяне села Линья обязаны возить сѣно въ Добржанскій хуторъ съ луга, называемаго Подкамыцкимъ, а съ луга, расположеннаго около мельницы, — въ монастырь. Такъ какъ на самомъ дѣлѣ было наоборотъ, то составителю описи пришлось оговорить эту ошибку [1]).

Какъ видно изъ этого очерка, посвященнаго изученію чешскихъ поземельныхъ описей предгуситскаго времени, эти памятники по своей формѣ, отношенію къ источникамъ

1) Urb. mon. Chotiessov., p. 28—29: ad curiam in Dobrzano — et deducunt in dictam curiam monasterii fenum prati, quod vulgariter dicitur Pod Kamaykem. Item fenum prati sub molendino Horzechowecz . . . . ducunt in monasterium . . . Item nota. Fenum sub Kamayk ducitur in monasterium et fenum subtus molendinum ducitur in Dobrzanum. Istud est correctum.

и даже названію не были похожи другъ на друга. На этомъ основаніи можно сказать, что въ теченіе предгуситскаго времени поземельныя описи находились въ стадіи своего нарожденія или развитія. Хотя сохранилось только небольшое количество предгуситскихъ описей, но изученіе даже этихъ описей, относящихся по времени составленія къ различнымъ десятилѣтіямъ XIII—XV вѣковъ, позволяетъ усматривать въ исторіи ихъ развитія два періода, гранью которыхъ была середина XIV вѣка. Поземельныя описи перваго періода, называемыя обыкновенно описями, состояли изъ краткихъ чиншевыхъ и барщинныхъ замѣтокъ, а главнымъ ихъ источникомъ были устныя показанія населенія [1]). Поземельныя описи позднѣйшаго времени, называемыя регистрами, состояли изъ подробныхъ чиншевыхъ и барщинныхъ замѣтокъ. Въ составъ однѣхъ изъ этихъ описей включаемы были грамоты цѣликомъ или въ извлеченіи, а другія изъ ихъ числа вписаны были въ рукописные сборники наряду съ грамотами. Эти факты доказываютъ, что составители и переписчики описей позднѣйшаго времени придавали значительно бо́льшее значеніе актовому матеріалу, чѣмъ ихъ предшественники.

Если бы форма чешскихъ поземельныхъ описей заимствована была извнѣ, то уже древнѣйшіе источники этого рода отличались бы опредѣлившимися и установившимися чертами. Въ дѣйствительности этого не было [2]); а, на-

---

1) Если описи владѣній Пражскаго архіепископства и пановъ Розенберговъ, составленныя въ концѣ XIV вѣка, состоятъ также изъ краткихъ замѣтокъ, то это обстоятельство объясняется тѣмъ, что обѣ эти описи представляютъ, какъ было доказано, сборники или извлеченія изъ несохранившихся древнѣйшихъ частныхъ или мѣстныхъ описей. Относительно поземельной описи Бревновскаго монастыря этого сказать съ увѣренностью нельзя, такъ какъ въ текстѣ ея подобныхъ указаній не встрѣчается.

2) Здѣсь умѣстно сказать, что въ текстъ описи Рудницкаго монастыря включена была даже замѣтка лѣтописнаго характера. См. Decem registra, p. 8—9.

противъ, могутъ быть отмѣчены факты, свидѣтельствующіе о постепенномъ развитіи и усовершенствованіи формъ чешскихъ поземельныхъ описей. Во всякомъ же случаѣ, пока не представляется еще возможнымъ говорить о чешскихъ поземельныхъ описяхъ, какъ о фактѣ культурнаго вліянія Германіи тѣмъ болѣе, что нѣмецкіе источники подобнаго рода до сихъ поръ недостаточно изучены.

Глава вторая.

Самобытное развитіе соціальнаго и аграрнаго строя чешскаго села.

При объясненіи происхожденія и исторіи землевладѣнія ученые придерживаются двухъ направленій. Основателями до сихъ поръ господствующей теоріи коллективныхъ формъ землевладѣнія были датчанинъ проф. Олуфсенъ и извѣстный изслѣдователь русской общины нѣмецъ Августъ Гакстгаузенъ. Приверженцы этой теоріи полагаютъ, что первоначально главная масса народа состояла изъ свободныхъ людей, которые постепенно въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ теряли свою свободу и попадали въ зависимость отъ землевладѣльцевъ. Защитники другой теоріи, которую можно назвать теоріей индивидуальнаго или частнаго землевладѣнія, полагаютъ, что на первоначальной ступени развитія въ народной массѣ преобладали рабы и зависимые люди, что самыя формы общаго владѣнія полями и угодьями возникли впослѣдствіи подъ вліяніемъ финансовыхъ и экономическихъ соображеній самихъ землевладѣльцевъ. Къ числу выдающихся приверженцевъ этой послѣдней теоріи можно отчасти причислить извѣстнаго французскаго ученаго Фюстель-де-Куланжа, австрійскаго политико-экономиста и историка Инама-Штернегга и англійскаго ученаго Сибома. Въ по-

слѣднее время представителями такого же направленія являются нѣмецкіе ученые В. Виттихъ и проф. Рих. Гильдебрандъ. По ошибочному мнѣнію перваго изъ нихъ, въ Германіи, описанной Тацитомъ, свободные люди, будучи мелкими землевладѣльцами, обрабатывали свои земли исключительно при помощи рабовъ [1]). Проф. Гильдебрандъ поставилъ вопросъ значительно шире, чѣмъ кто-либо изъ защитниковъ теоріи индивидуальнаго землевладѣнія. Въ своей книгѣ: „Право и обычай на различныхъ ступеняхъ культуры“ [2]), онъ пытается создать общую теорію развитія права и обычая въ зависимости отъ экономическихъ интересовъ, которые съ одинаковой силой сказываются на всѣхъ трехъ ступеняхъ или стадіяхъ развитія человѣческихъ обществъ (охотничій, пастушескій и земледѣльческій бытъ). Въ теченіе первыхъ двухъ стадій развитія преобладающимъ состояніемъ была полная индивидуальная свобода, но все-таки уже при пастушескомъ бытѣ сталъ образовываться классъ рабовъ или зависимыхъ людей, состоявшій преимущественно изъ обѣднѣвшихъ соплеменниковъ. Обѣднѣвшіе члены общества по нуждѣ должны были заняться земледѣліемъ. Нуждаясь для пропитанія и обработки земли въ скотѣ, который былъ въ ту пору капиталомъ (Vieh = pecunia), они получали скотъ въ ссуду отъ богатыхъ и уплачивали послѣднимъ долю продукта, получаемаго при сборѣ плодовъ земледѣлія. Такъ какъ земля тогда не представляла цѣнности, то не могло возникнуть понятіе земельной собственности, а суще-

---

1) W. Wittich, Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland. Lpz. 1896. Anlage VI. Über den Ursprung der Grossgrundherrschaft, S. 108*—112*. Къ какимъ заключеніямъ приходитъ приватъ-доцентъ Страссбургскаго университета, можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ (S. 111*): Die Existenz des Freien beruhte nicht auf den Erträgnissen seiner Landwirtschaft, sondern auf den Abgaben seiner auf seinem Grundbesitz angesiedelten Sklaven. Der freie Deutsche war zur Zeit des Tacitus ein Grundherr, der Unfreie aber war ein zinspflichtiger selbstständiger Ackerbauer.

2) Rich. Hildebrand, Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen. Jena 1896.

ствовало только право на плоды и пользованіе. При такихъ условіяхъ не могло быть рѣчи ни о поземельной собственности, ни о коллективныхъ формахъ собственности, но только о мѣстѣ и характерѣ полеводства. Въ предѣлахъ кочеванія племени право обработки земли принадлежало соплеменникамъ. Для посѣвовъ ежегодно избирали новыя мѣста на возвышенностяхъ [1]). Эту общую теорію проф. Гильдебрандъ старается по отношенію къ германцамъ оправдать текстами изъ извѣстныхъ сочиненій Цезаря и Тацита, а его послѣдователь I. Пейскеръ фактами изъ исторіи славянскихъ народовъ [2]).

Главной заслугой представителей индивидуальной теоріи слѣдуетъ признать критику слабыхъ сторонъ господствующей теоріи коллективныхъ формъ землевладѣнія, благодаря чему въ настоящее время большинствомъ ученыхъ признана неизбѣжность нѣкоторыхъ поправокъ и сознана необходимость болѣе точнаго научнаго отношенія къ вопросу [3]). Тѣмъ не менѣе главныя основы господствующей теоріи остаются до сихъ поръ непоколебленными: исходнымъ пунктомъ развитія аграрныхъ отношеній германскихъ и славянскихъ народовъ были коллективныя формы землевладѣнія (Gesammteigenthum an Grund und Boden), а исторія соціальнаго развитія народовъ обѣихъ расъ представляла движеніе отъ свободы къ зависимости и крѣпостничеству [4]).

---

1) Rich. Hildebrand, Recht und Sitte, S. 38, 46—48, 50—51, 54—56.

2) J. Peisker, Zur Socialgeschichte Böhmens, II: Die altslavische župa. Weimar 1897. J. Peisker, Východisko Meitzenova líčení agrárních dějin germanských a slovanských въ журналѣ Český časopis historický, ročn. IV, str. 26—59.

3) Въ этомъ смыслѣ высказался пятый съѣздъ нѣмецкихъ историковъ (Deutsche Historikertag) при обсужденіи реферата г. Готейна (Wie ist die Grundherrschaft in Deutschland entstanden?), прочитаннаго въ пятницу, 15 апр. 1898 года. См. отчетъ въ журналѣ Historische Vierteljahrschrift.

4) П. Виноградовъ, Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка (СПБ. 1888), стр. 1—33. — Воззрѣнія гг.

I. Кромѣ г. І. Пейскера, въ чешской исторіографіи въ лицѣ г. Іосифа Шусты имѣется другой послѣдователь теорій проф. Гильдебранда и Инамы-Штернегга. Въ статьѣ, озаглавленной „Рабство и крупное землевладѣніе въ Чехіи“, онъ дѣлаетъ попытку объяснить ходъ историческаго развитія въ Чехіи, примѣнительно къ построенію, предложенному въ извѣстномъ сочиненіи Инамы-Штернегга объ экономической исторіи Германіи[1]). Теоретическія воззрѣнія г. І. Шусты, помимо ссылки на сочиненіе Гильдебранда, обнаруживаются изъ слѣдующихъ его словъ, являющихся повтореніемъ теоретическихъ положеній этого ученаго: „Нынѣ уже мы, — говоритъ г. І. Шуста, — не вѣримъ въ чисто демократическое расчлененіе народовъ, стоящихъ на первой стадіи развитія. Имущественное неравенство въ сильной степени обнаружилось у кочевыхъ и пастушескихъ народовъ. При занятіи почвы для пашни оно сдѣлало еще болѣе значительный шагъ впередъ. Богатый владѣлецъ стадъ и выдающійся воинъ занималъ съ помощью своихъ рабовъ съ самаго начала болѣе значительный участокъ, чѣмъ бѣдный и слабый его соплеменникъ. Число свободныхъ членовъ народа, выступавшихъ въ походъ, было невелико; но эти

В. Виттиха, Гильдебранда и Пейскера подвергнуты были основательной и подробной критикѣ въ статьѣ г. Ф. Рахфаля: Zur Geschichte des Grundeigenthums, напечатанной въ журналѣ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, III. Folge, 19. Band (Jena 1900), S. 1—33, 161—216. Какъ видно изъ второго экскурса, озаглавленнаго Zur Entstehung des Grundeigenthums bei den Slaven, г. Рахфаль мало знакомъ съ русской литературой по исторіи землевладѣнія въ Россіи. Попытка г. І. Пейскера приложить общую схему проф. Гильдебранда для объясненія аграрнаго и соціальнаго развитія славянскихъ народовъ встрѣтила сильное и остроумное опроверженіе со стороны проф. Львовскаго университета Освальда Бальцера. См. O zadrudze słowiańskiej въ журналѣ Kwartalnik Historyczny, roczn. XIII (1899), str. 205—221.

1) Статья г. Іосифа Шусты Otroctví a velkostatek v Čechách напечатана въ журналѣ Český časopis historický, ročn. IV (1899) str. 34—43, 86—97.

свободные люди имѣли огромное количество рабовъ“ [1]). Склонность молодого чешскаго историка къ заимствованію нормъ и построеній, предложенныхъ Инама-Штернеггомъ для выясненія исторіи нѣмецкаго экономическаго развитія, объясняется тѣмъ, что, по его мнѣнію, культурное развитіе чешскаго народа совершалось по западно-европейскому образцу [2]). Хотя въ свидѣтельствахъ XI—XII вв. чешскій ученый не нашелъ данныхъ, доказывающихъ существованіе въ Чехіи крупнаго землевладѣнія [3]), но это обстоятельство

---

1) Josef Šusta, p. 40. См. также, стр. 24.

2) Josef Šusta, p. 25: Průběh české kulturní historie jest přičleněn k světu zapadnému (sic!). Proto nelze užívati památek jihoslovanských jako pramenů pro dějiny české. — Конечно, гораздо проще взять готовые шаблоны гг. Инама-Штернегга и Гильдебранда, чѣмъ заниматься изученіемъ строя другихъ славянскихъ народовъ! Въ качествѣ передового европейца г. І. Шуста отворачивается отъ славянскаго Востока и Юга; и до того онъ лишенъ пониманія славянской исторіи, что совершенно серьезно приравниваетъ эпоху чешскихъ Болеславовъ ко времени Петра Великаго: Byla to doba podobná době Petra Velkého na Rusi (str. 39).

3) Въ доказательство существованія крупнаго землевладѣнія онъ ссылается на такіе факты: 1) Нѣмой, членъ рода Вершовцевъ, въ началѣ XII вѣка владѣлъ пятью селами (въ грамотѣ сказано: omnem suberam meam — scilicet V villas), которыя по смерти его и его жены должны были перейти во владѣніе Вышеградской церкви (сравни I. Šusta, p. 40 и Erben, Regesta, t. I, p. 85, nr. 190); 2) Іоаннъ, епископъ Оломуцкій, купилъ у князя Кромежирское имѣніе, состоявшее изъ 9 цѣлыхъ селъ и частей 4 другихъ селъ, и Іешутборицкое имѣніе, въ составъ котораго входило 4 цѣлыхъ села и двѣ части пятаго села (Сравни I. Šusta, p. 42 и Erben, Regesta, t. I, p. 96, nr. 214); 3) Оломуцкая церковь владѣла (по исчисленію г. Шусты) 15 цѣлыми селами, частями 19 другихъ селъ и въ 19 еще другихъ селъ только по одному плугу или сохѣ (Сравни I. Šusta, p. 42 и Erben, Regesta, t. I, p. 96, nr. 214). — Хотя г. І. Шуста не опредѣляетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ крупнымъ землевладѣніемъ, но во всякомъ случаѣ едва ли владѣнія Вершовца Нѣмаго могутъ быть отнесены къ разряду крупныхъ владѣній. Что же касается двухъ другихъ фактовъ, извѣстныхъ изъ грамоты епископа Генриха, то не слѣдуетъ забывать, что дѣло идетъ о землевладѣніи второй епископіи Чехо-моравскаго государства. Если бы г. Шуста внимательнѣе вчитался въ источники XI—XII вв., то онъ могъ бы убѣдиться въ томъ, что единственными крупными земле-

не помѣшало ему нѣсколько разъ повторить фразу о великомъ значеніи для историческаго развитія въ Чехіи крупнаго землевладѣнія[1]). Бо́льшую часть своей работы авторъ статьи: „Рабство и крупное землевладѣніе въ Чехіи", посвящаетъ изученію фактовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи въ странѣ рабовъ. Новаго вклада въ науку здѣсь нѣтъ. Никто изъ ученыхъ, занимавшихся исторіей Чехіи въ X—XII вв., не отрицалъ существованія рабовъ и рабства. Всѣмъ были извѣстны факты, приводимые авторомъ статьи. Новое можно усмотрѣть только въ томъ, что г. Шуста преувеличиваетъ, въ угоду предвзятой теоріи, степень распространенія рабства и значеніе этого института. Давая совершенно правильное теоретическое опредѣленіе рабства[2]), авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи не различаетъ рабства отъ зависимости, рабовъ отъ зависимыхъ людей[3]).

владѣльцами въ странѣ первоначально были князь и потомки бывшихъ племенныхъ князей. Хотя въ XII вѣкѣ начинаетъ образовываться крупное землевладѣніе свѣтское и церковное, но только въ концѣ этого вѣка оно стало пріобрѣтать значительное политическое и экономическое вліяніе (Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 169—170, 175—179, 165—166, 132). — Тенденція г. І. Шусты проглядываетъ въ его замѣчаніи о распоряженіи Вершовца Нѣмого (str. 40, n. 3): Listina ta svědčí také o tom, že statky Vršovické netvořily nedílné jednoty, nýbrž že svazek rodu toho byl jen ideální. Ничего подобнаго нельзя сказать, такъ какъ запись относительно владѣній Нѣмого сохранилась въ подтвердительной грамотѣ князя Собеслава. Положительныя данныя свидѣтельствуютъ болѣе о правдоподобности другого толкованія, ибо въ числѣ лицъ, упомянутыхъ въ записи, наряду съ княземъ и епископомъ, названы Мутина и Божей, два Вершовца (H. Jireček, Slovanské právo, d. II, str. 65).

1) Ios. Šusta, p. 40: Velkostatek stal se jedním z nejdůležitejších faktorů společenského třídění, stal se základem vysokého postavení vládnoucích tříd a rámcem života pro třídy nižší. Ibid., p. 43: Hlavním faktorem kulturního pokroku doby té jest velkostatek, tvořící zvlášní svět pro sebe.

2) Ibid., p. 37.

3) Примѣровъ подобнаго смѣшенія и даже разныхъ противорѣчій въ статьѣ г. Шусты можно указать множество. Пока только отмѣтимъ совершенно превратное толкованіе нѣкоторыхъ свидѣ-

Можно только удивляться тому, что онъ не рѣшился зачислить въ ряды рабовъ новопоселенцевъ, извѣстныхъ въ источникахъ подъ именемъ гостей (hospites) [1]).

Лучшіе представители чешской исторіографіи были и остаются защитниками того положенія, что начальнымъ пунктомъ аграрнаго и соціальнаго развитія чешскаго народа были коллективныя формы быта и землевладѣнія. Съ полнымъ знаніемъ дѣла, отчетливо и ясно эти господствующія воззрѣнія были высказаны проф. Яр. Челяковскимъ въ его краткомъ очеркѣ исторіи права чешскаго народа. По его мнѣнію, въ пользу того положенія, что заселеніе Чехіи и основаніе поселеній совершено было кровными союзами, свидѣтельствуетъ многое, а именно: древнія патронимистическія названія селъ, сохранившіеся термины для наименованія степеней отдаленнаго родства, имущественная общность, удержавшаяся въ средѣ шляхетскихъ родовъ, господство родовыхъ воззрѣній въ сферѣ междукняжескихъ отношеній, институтъ круговой поруки и юридическіе термины гражданскаго права (дѣдина и отчина). Вслѣдствіе этого собственность, которая въ древнее время была понятіемъ, тождественнымъ съ держаніемъ и пользованіемъ, не была первоначально у насъ, — говоритъ маститый чешскій

тельствъ, извѣстныхъ изъ грамотъ, выданныхъ въ концѣ XI вѣка Опатовицкому монастырю (Erben, t. I, p. 72—73, nr. 166), въ серединѣ XII вѣка Страговскому монастырю (Erben, Regesta, t. II, p. 1154—1155, nr. 2635) и въ 1115 году Кладорубскому монастырю (Erben, Regesta, t. I, p. 89—91, nr. 202). См. I. Šusta, p. 88, 93—94.

1) I. Šusta, p. 94—96. Откуда же брались поселенцы-гости? Вопроса этого, къ сожалѣнію, не касается авторъ статьи; между тѣмъ, разрѣшеніе этого вопроса поставило бы его на правильный путь. По справедливости слѣдуетъ сказать, что въ статьѣ г. I. Шусты встрѣчаются нѣкоторыя дѣльныя замѣчанія, напр.: о древнѣйшихъ грамотахъ, о раннемъ возникновеніи колонизаціи (str. 35—37, 94). Поэтому, можно пожелать, чтобы молодой ученый поскорѣе освободился отъ увлеченія новѣйшими и модными теоріями. Тогда онъ, дастъ Богъ, перестанетъ въ свидѣтельствахъ источниковъ находить то, чего въ нихъ нѣтъ.

ученый, — какъ и у остальныхъ народовъ арійскаго происхожденія, личной, индивидуальной, а коллективной. Племя и подъ защитою его родъ или семья, — продолжаетъ онъ, — были первыми владѣльцами земли; племени или племенному князю и его роду принадлежали градъ и земля до тѣхъ поръ, пока части ея не перешли во владѣніе кровныхъ союзовъ. При осѣданіи ихъ образовывались поселенія, которыя были заняты семьей (у южныхъ славянъ называемой инокощиной), состоящей изъ родителей и дѣтей, или родомъ (называемымъ у южныхъ славянъ задругой), въ составъ котораго входили также родственники разныхъ степеней родства, потомки общаго предка, дѣда, прадѣда и т. д.“ Во избѣжаніе смѣшенія подобнаго рода-задруги съ родомъ вообще, проф. Яр. Челяковскій указываетъ признакъ территоріальности и общности владѣнія: „Мѣстомъ поселенія кровнаго союза былъ домъ съ дворомъ, стоявшимъ особнякомъ, или село, въ которомъ проживало нѣсколько семействъ или родовъ. Сначала обычной формой поселенія, — продолжаетъ онъ, — былъ дворъ, который, оставаясь въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній во владѣніи родоваго союза, становился вмѣстѣ съ воздѣланной вокругъ почвою отчиною и дѣдиною его.“ Когда родъ-задруга разростался и изъ своего состава выдѣлялъ отдѣльныя семьи или колѣна, которыя ставили по близости отъ прадѣдовскаго двора свои особые дворы, когда вслѣдствіе этого съ теченіемъ времени кровныя узы ослабѣвали, родовой строй постепенно превращался въ общинный строй: „Родовой строй, который мы можемъ, — говоритъ проф. Яр. Челяковскій, — назвать также задружнымъ, потому что онъ основывался какъ на кровномъ родствѣ, такъ и на общемъ владѣніи землей (вполнѣ согласно съ порядками, существующими доселѣ въ южно-славянскихъ задругахъ), заключалъ въ себѣ зародыши дальнѣйшаго развитія, а потому уступилъ мѣсто вполнѣ или о т ч а с т и общинному строю.“ Первоначально вся земля находилась въ общемъ владѣніи членовъ общины, но съ

теченіемъ времени подъ вліяніемъ различныхъ причинъ воздѣланная земля была раздѣлена; и все-таки пустоши долго еще оставались въ общемъ владѣніи и пользованіи [1]).

Юл. Липпертъ, авторъ извѣстной „Соціальной исторіи Чехіи“, не только признаетъ задругу (Hauscommunion) первоначальной формой соціальнаго быта чеховъ, но отчасти даже злоупотребляетъ этой совершенно справедливой идеей и обнаруживаетъ излишнюю склонность къ теоретическимъ построеніямъ, невсегда находящимъ оправданіе въ свидѣтельствахъ источниковъ [2]). Франтишекъ Вацекъ, авторъ другого неоконченнаго еще труда по соціальной исторіи Чехіи [3]), также считаетъ первоначальной соціальной единицей родъ, скрѣпленный узами общаго совладѣнія [4]). Хотя „Липпертъ обосновываетъ свою гипотезу о задругѣ болѣе вѣскими соображеніями, чѣмъ Вацекъ“ [5]), но за то послѣдній не впадаетъ и въ крайности, не выходя изъ замкнутаго круга своихъ источниковъ: характерной чертою его сочиненія является полное игнорированіе существующей литературы.

Приходится, однако, признать, что ученіе о задругѣ, какъ первичной единицѣ славянскаго соціальнаго быта, разработано не во всѣхъ своихъ частяхъ съ одинаковымъ успѣхомъ. Это обстоятельство обнаружилось, благодаря полемикѣ, возгорѣвшейся по поводу написанной съ большой эрудиціей книги прив.-доцента Пражскаго университета

---

1) Jar. Čelakovský, Povšechné české dějiny právní см. Ottův slovník naučný, d. VI, str. 482—483.

2) См. выше, стр. 11, прим. 1. — Съ удовольствіемъ можно отмѣтить основательную рецензію г. І. Шусты, въ которой указаны пробѣлы и промахи въ 1-омъ томѣ сочиненія г. Юл. Липперта. См. Český časopis historický, d. III, str. 48—57.

3) Это сочиненіе, озаглавленное Vývoj society a prava slovanského v Čechách, печатается уже давно въ журналѣ Alétheia, который сталъ выходить въ свѣтъ съ марта 1897 года.

4) Alétheia, 1897, ročn. I, str. 15—17.

5) Jos. Pekař, K sporu o zádruhu staroslovanskou въ журналѣ Český časopis historický, ročn. VI (1900), str. 253.

Карла Кадлеца: „Общность родоваго имущества или задруга въ славянскомъ правѣ“ [1]). Дѣло въ томъ, что литература, посвященная изученію задруги, наиболѣе разработана у южныхъ славянъ и русскихъ, благодаря тому обстоятельству, что у этихъ народовъ до настоящаго времени сохранился отчасти и кое-гдѣ этотъ институтъ. Что же касается западныхъ славянъ, то у нихъ задружный бытъ исчезаетъ довольно рано, уступая мѣсто другимъ коллективнымъ формамъ землевладѣнія. Проф. Освальдъ Бальцеръ совершенно справедливо объясняетъ скудость польской и чешской литературы, посвященной изученію задруги, отсутствіемъ этого института въ современной жизни западно-славянскихъ

---

1) Karel Kadlec, Rodinný nedíl čili zádruha v právu slovanském (V Praze, 1898), 1—136 str. — Съ полемикой по вопросу о задругѣ можно познакомиться по статьямъ г. Іос. Пекаря, одного изъ редакторовъ журнала Český časopis historický, и проф. Львовскаго университета Освальда Бальцера. Любопытно отмѣтить, что въ числѣ наиболѣе горячихъ оппонентовъ противъ основного тезиса г. К. Кадлеца о стародавности задруги у всѣхъ славянъ выступилъ г. І. Пейскеръ, который нѣкогда и самъ открывалъ задругу въ южной Чехіи (см. его статью Zádruha na Prachensku въ журналѣ Athenaeum, ročn. V, 1888, № № 9 и 10), а теперь совершенно отрекался отъ прежнихъ своихъ взглядовъ въ своихъ статьяхъ: Slovo o zádruze (Narodopisný sborník československý, seš 4—5, r. 1899, str. 38—110) и Die serbische Zadruga (Zeitschrift für Social- und Wirthschaftsgeschichte, Jahrg. VII, (1900), s. 211—326). Разсужденія г. І. Пейскера были основательно опровергнуты г. Карломъ Кадлецомъ. Ему съ очевидностью удалось доказать, что г. І. Пейскеръ совершенно неправильно понималъ труды нѣкоторыхъ ученыхъ (Новаковича и проф. И. В. Лучицкаго), на которые онъ ссылался (Karel Kadlec, K slovu o zádruze въ журналѣ Národopisný sborník československý, r. 1900, seš. 1—2, str. 50—93 и отдѣльно). Проф. Освальдъ Бальцеръ въ своей статьѣ O zadrudze słowiańskiej (Kwartalnik historyczny, roczn. XIII, 1899, str. 183—256) выступилъ защитникомъ основныхъ тезисовъ г. К. Кадлеца. Онъ намѣренъ былъ придать своей статьѣ характеръ рецензіи на книгу г. Карла Кадлеца (str. 183—199), но вышеуказанная статья г. І. Пейскера (Slovo o zádruze) побудила его подвергнуть всестороннему и основательному критическому разбору гипотезы и смѣлыя теоріи этого послѣдняго. Особенно цѣнна та часть статьи проф. Осв. Бальцера, въ которой онъ дѣлаетъ указанія на пробѣлы въ изложеніи г. К. Кадлеца о задругѣ польской и дополняетъ эту часть его труда на

народовъ [1]). При такомъ состояніи литературы ученіе о задругѣ, какъ первичной формѣ древнѣйшаго общеславянскаго быта, остается только гипотезой, для прочнаго обоснованія которой пока необходимо еще подыскивать данныя и факты въ источникахъ исторіи западныхъ славянъ, а слѣдовательно отнюдь нельзя опираться на нее для освѣщенія и объясненія историческихъ явленій прошлаго, какъ поступилъ Іос. Липпертъ въ первомъ томѣ своей „Соціальной исторіи Чехіи“ [2]).

Кромѣ того, даже тогда, когда задружная теорія будетъ вполнѣ равномѣрно разработана въ исторической литературѣ всѣхъ славянскихъ народовъ, когда станетъ вполнѣ неоспоримымъ то положеніе, что задруга была первоначальною формою соціальнаго строя всѣхъ славянскихъ народовъ, — осторожные изслѣдователи будутъ имѣть основаніе воздерживаться отъ попытки весь древнѣйшій процессъ развитія славянскихъ народовъ объяснять вліяніемъ началъ задруж-

---

основаніи самостоятельнаго изученія польскихъ источниковъ (str. 190—199). Что же касается статьи г. Іос. Пекаря K sporu o zádruhu staroslavanskou (Český časopis historický, roč. VI, 1900, str. 242—267), то въ ней заслуживаетъ вниманія не въ такой степени полемическія и методологическія замѣчанія, какъ изложеніе самой полемики по вопросу о задругѣ. Впрочемъ, попытка автора этой статьи возникноваіе ученія о задругѣ поставить въ зависимость отъ содержанія знаменитой Зеленогорской рукописи является тенденціозной. Равнымъ образомъ совершенно напрасно утруждалъ себя г. Іос. Пекарь выписками изъ извѣстнаго учебника по исторіи нѣмецкаго права проф. Рих. Шрёдера (str. 263—265). Нѣкоторое сходство славянскихъ и нѣмецкихъ средневѣковыхъ институтовъ было естественнымъ послѣдствіемъ того обстоятельства, что исходнымъ пунктомъ развитія этихъ арійскихъ народовъ были коллективныя формы быта. Несомнѣнно, что эта статья г. Іос. Пекаря не останется безъ отвѣта со стороны прежде всего г. К. Кадлеца.

1) O zadrudze słowiańskiej, str. 184—185.

2) Много лѣтъ тому назадъ неудачная попытка изъ задруги объяснить развитіе формъ русскаго землевладѣнія была сдѣлана ученикомъ проф. Ѳ. И. Леонтовича, г. Блюменфельдомъ въ сочиненіи „О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи“ (Одесса 1884). См. основательную и подробную рецензію русскаго маститаго ученаго, проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1884, № 11, стр. 283—304.

наго строя. Изслѣдователи задруги не отрицаютъ, что въ ея организаціи скрыты были элементы разложенія, обусловливавшіе возможность (при благопріятныхъ обстоятельствахъ экономическаго и правового характера) возникновенія другихъ высшихъ формъ жизни. Такимъ образомъ, можно считать фактомъ несомнѣннымъ, что разложеніе задруги или перерожденіе ея въ другія коллективныя формы началось еще въ періодъ догосударственнаго быта и продолжалось въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. Если у западныхъ славянъ этотъ процессъ совершенно завершился, то у южныхъ славянъ и русскихъ онъ продолжается по настоящее время. Подобная частичная устойчивость южно-славянской и русской задруги объясняется тѣмъ, что общія условія жизни были менѣе благопріятны для развитія индивидуализма у южныхъ славянъ и русскихъ, чѣмъ у западно-славянскихъ народовъ. То же было повсюду въ древности: однѣ задруги разлагались и переходили въ другія формы соціальнаго быта, а наряду съ этимъ возникали новыя задруги и продолжали существовать старыя.

Хотя надлежащая точка зрѣнія на задачи и обязанности изслѣдователя стариннаго быта высказана была уже давно однимъ русскимъ ученымъ, но необходимо теперь привести его слова, такъ какъ и въ послѣднее время изслѣдователи довольно часто склонны всѣ историческія явленія послѣдующаго развитія объяснять вліяніемъ одной какой-либо излюбленной ими формы соціальнаго быта. „Изслѣдователямъ старины, — говоритъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, — предлежитъ еще разобраться среди весьма сложной и притомъ двойной лѣстницы первобытныхъ формъ, такъ какъ изъ кровнаго начала развиваются: семья, изъ нея — родъ и союзъ родовъ — племя; изъ территоріальнаго начала исходятъ: дворъ (задруга), община и волость, наконецъ земля [1]).

1) Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ предложилъ для наименованія задруги ввести древнерусскій юридическій терминъ

Оба порядка идутъ не параллельно одинъ другому; въ дѣйствительной жизни общества образуются большею частью изъ смѣшенія элементовъ того и другого порядка. Сверхъ того, — продолжаетъ проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, — никакъ не слѣдуетъ думать, что послѣдовательность этихъ формъ располагается хронологически, что онѣ смѣнялись одновременно повсюду одна другою. Напротивъ, каждая изъ нихъ могла оставаться и въ своемъ чистомъ видѣ. И въ наши дни существуютъ и семьи, и роды, и задруги, и общины — простыя и сложныя. Широкая сфера государственной жизни заключила въ себѣ всѣ зачаточныя низшія формы, не уничтожая ихъ. Задача правильнаго историческаго изслѣдованія, — замѣчаетъ на основаніи этихъ наблюденій проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, — будетъ заключаться въ томъ, чтобы (не теряя изъ виду того, какая изъ этихъ древнѣйшихъ формъ сообщила тому или другому государству его особенныя, типическія черты) не приписывать, однако, одной изъ нихъ исключительнаго значенія и указывать въ послѣдующихъ юридическихъ явленіяхъ дѣйствіе каждой формы, какой дѣйствительно онѣ принадлежатъ; въ противномъ случаѣ всякія наши теоріи, при примѣненіи къ дѣйствительнымъ

„дворъ“. Въ сущности можно пожалѣть о томъ, что это предложеніе, какъ кажется, не нашло послѣдователей, такъ какъ природа института лучше характеризуется терминомъ русскимъ, чѣмъ хорватскимъ. Для уясненія природы института задруги-двора нельзя не обратить вниманія на слѣдующія слова проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Понятіе двора (задруги) нельзя смѣшивать съ семьей, ибо онъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько семействъ, хотя съ семьей задруга имѣетъ то общее, что члены задруги живутъ въ одномъ дворѣ и пользуются всѣми имуществами сообща. Нельзя смѣшивать ее съ родомъ, ибо связь членовъ задруги основывается столько же на сожительствѣ и совладѣніи, сколько на родствѣ, хотя съ родомъ она имѣетъ еще болѣе общаго, именно въ своемъ составѣ, который выходитъ за предѣлы семьи и обнимаетъ боковыхъ, допуская большую примѣсь и чужеродныхъ элементовъ“. См. Унив. Изв., 1884, № 11, стр. 290.

фактамъ исторіи, или вовсе останутся безжизненными, или значительно дискредитируются [1]).“

II. Установленіе соотношенія между формами, развившимися въ Чехіи изъ кровнаго и территоріальнаго началъ, представляетъ весьма трудную задачу вслѣдствіе недостаточности ясныхъ историческихъ свидѣтельствъ. Чешское государство составилось вслѣдствіе объединенія племенъ, совершеннаго усиліями Премысловичей. Слѣды подобнаго происхожденія государства сохранились въ раздѣленіи государственной территоріи въ историческое время на края или племенныя территоріи (provinciae). Такъ какъ еще вплоть до XIII вѣка судебное, финансовое и сельско-хозяйственное управленіе государства пріурочено было къ раздѣленію территоріи, основанному на племенной основѣ, то это обстоятельство даетъ основаніе предполагать, что каждое племя первоначально составляло отдѣльное государство. Еще во время Косьмы Пражскаго, писавшаго хронику въ началѣ XII вѣка, сохранялось воспоминаніе о подобномъ племенномъ государствѣ Лучанъ, которое раздѣлялось на 5 округовъ (regiones, civitates) [2]). Какъ назывались эти подраздѣленія племенной территоріи въ глубокой древности, остается неизвѣстнымъ, но впослѣдствіи эти округа были

---

1) Университетскія Извѣстія, 1884, № 11, стр. 293—294.

2) Cosmae chronica I, 10, p. 18: et Luczanos, qui nunc a mopernis ab urbe Satec vocitantur Satcenses. Unde autem antiquitus nuncupetur ea natio Luczano, nolumus praeterire sub silentio. Quippe illa distinguitur provincia quinque regionibus locorum per compendia. Prima regio est sita circa rivum nomine Gutna. Secunda ex utraque parte est fluvii Uzka. Tertia extenditur per circuitum torrentis Broc-nica. Quarta, quae et silvana dicitur, sita est infra terminos fluminis Msa. Quinta, quae in medio est, dicitur Luka. Ibid. I, 13, p. 24: intrantes terram illam et nullo resistente devastantes eam, civitates destruxerunt, villas combusserunt.

извѣстны подъ именемъ каштеляній [1]). Весьма возможно, что многіе изъ подобныхъ округовъ-каштеляній также возникли на племенной основѣ, долгое время имѣли независимое существованіе и представляли собою небольшія государства. Можетъ быть, самое ихъ латинское названіе (civitates) является нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствомъ о прежней ихъ обособленности и независимости. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что подобно тому, какъ чехи, объединившіе всѣ племена, обитавшія на территоріи, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, дали имъ свое имя, такъ точно и жители всѣхъ пяти округовъ, составившихъ впослѣдствіи Жатецкій край, получили наименованіе по имени одного изъ округовъ, расположеннаго въ серединѣ, — что въ томъ и другомъ

---

1) А. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 90—94, 98—105. — Мишенская область также раздѣлялась на племенныя территоріи, каждая изъ которыхъ слагалась изъ извѣстнаго числа округовъ (burgwardum, pagus). По мнѣнію г. Эд. Щульце, эти округа соотвѣтствовали нѣмецкимъ сотнямъ. Кромѣ того, села и части селъ соединяемы были въ жупы (supania). См. E. O. Schulze, Die Kolonisierung und Germanisierung der Gebiete zwischen Saale und Elbe (Lpz. 1896), S. 61—69, 310—316, 98. — Силезія также раздѣлялась на 6 племенныхъ территорій, а каждая изъ нихъ распадалась на округа, извѣстные въ латинскихъ текстахъ подъ именемъ civitates. По мнѣнію г. Ф. Рахфаля, эти подраздѣленія племенныхъ территорій назывались жупами. Въ доказательство справедливости своей мысли нѣмецкій ученый ссылается на извѣстные тексты Константина Порфиророднаго о жупахъ и жупанахъ южныхъ славянъ и на то обстоятельство, что будто бы „въ Мишенской области вплоть до новыхъ вѣковъ жупанъ оставался начальникомъ (Vorsteher) жупы.“ На этомъ основаніи онъ полагаетъ, что „жупа соотвѣтствовала древнегерманскому пагу (Gau), а жупанъ — древнегерманскому принцепсу“ (Felix Rachfahl, Die Organisation der Gesamtstaatsverwaltung Schlesiens, Lpz. 1894, S. 4—5, 9—11). Въ сущности въ данномъ случаѣ г. Ф. Рахфаль послѣдовалъ примѣру чешскихъ изслѣдователей, которые жупами называли исторически извѣстныя каштеляніи. Между тѣмъ, оставляя даже въ сторонѣ филологическое объясненіе слова жупа, согласно съ которымъ жупаномъ назывался первоначально глава дома, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что у разныхъ славянскихъ народовъ слова жупанъ и жупа употреблялись въ различныхъ значеніяхъ.

случаѣ объединеніе шло отъ центра къ окраинамъ [1]). Князья подобныхъ маленькихъ племенныхъ территорій, соотвѣтствующихъ позднѣйшимъ каштеляніямъ, въ числѣ 14 человѣкъ со своими спутниками приняли въ 845 году крещеніе въ Регенсбургѣ [2]).

У южныхъ славянъ племенная территорія называлась жупою, а начальникъ послѣдней — жупаномъ (F. Krauss, Sitte und Brauch der Südslaven, Wien 1885, S. 18). Въ польскихъ грамотахъ жупаномъ назывался вообще княжескій чиновникъ, иногда земскій чиновникъ, облеченный судебною властью, и даже представитель частно-владѣльческой администраціи (Osw. Balzer, O zadrudze słowiańskiej, str. 209—210). Въ чешскихъ источникахъ слово жупанъ употреблялось для наименованія не только земскихъ и придворныхъ чиновниковъ, но и людей высшаго класса (Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 97). Въ Мишенской области жупанами (въ грамотѣ 1181 года сказано: seniores villarum, quos lingua sua supanos vocant) назывались крестьяне славянскаго происхожденія, исполнявшіе обязанности судей и сборщиковъ крестьянскихъ платежей и взносовъ, непремѣнные участники административныхъ и судебныхъ собраній (Landdingen), созываемыхъ три раза въ годъ государями или ихъ фохтами (Herm. Knothe, Die verschiedenen Klassen slavischer Höriger in den wettinischen Landen während der Zeit vom 11. bis zum 14. Jahrhundert въ журналѣ Neues Archiv für Sächsische Geschichte, Bd. IV, S. 3—8, 34). Наконецъ, въ славянскихъ селахъ Штиріи и Зальцбурга населеніе состояло изъ крестьянъ и жупановъ, имѣвшихъ сравнительно съ первыми бо́льшіе надѣлы и нѣкоторыя права наблюденія надъ веденіемъ полевого хозяйства (I. Peisker, Východisko Meitzenova líčení agrárních dějin germ. a slovanských въ журналѣ Český časopis historický, ročn. IV, 1898, str. 42—43. См. критическія замѣчанія относительно толкованія Пейскера старославянской жупы въ статьѣ г. Ф. Рахфаля, Zur Geschichte des Grundeigenthums, S. 206—213). Такимъ образомъ, едва ли возможно утверждать съ увѣренностью, что части племенной территоріи, соотвѣтствующія позднѣйшимъ каштеляніямъ, назывались въ древности жупами.

1) Cosmae chronica I, 10, p. 18—19: Unde autem antiquitus nuncupetur ea natio Luczano, nolumus praeterire sub silentio . . . Quinta, quae in medio est, dicitur Luka . . . Et quoniam haec regio primum, longe antequam Satec urbs condita foret, est inhabitata hominibus, recte eius incolae sunt a regione Luczane nuncupati. His praefuit dux nomine Wlaztizlaw . . .

2) Annales Fuldenses Rudolfi, ad an. 845: Hludowicus 14 ex ducibus Boemanorum cum hominibus suis christianam religionem desiderantes suscepit et in octavis theophaniae baptizari iussit. См. спра-

Племенныя территоріи большого и малаго размѣра (provinciae, civitates) раздѣлялись въ Чехіи на околицы (vicinatus, vicinia), которыя соотвѣтствовали польскимъ ополь-ямъ и древне-русскимъ вервямъ. Жители околицы связаны были узами круговой поруки, обязанностью наблюдать въ предѣлахъ своей территоріи за сохраненіемъ мира и порядка. Если же на землѣ ихъ околицы совершено было преступленіе, то они обязаны были отыскать виновнаго и выдать его въ руки правосудія [1]). Въ составъ околицы входило нѣсколько селъ [2]); и такъ какъ она составляла опредѣленную территоріальную единицу, то къ ея содѣйствію при-

---

ведливыя соображенія г. Юл. Липперта, приведенныя въ доказательство того, что эти князья были изъ западной Чехіи: частью князья Лучанской территоріи, частью сосѣднихъ племенъ (Socialgeschichte Böhmens, Bd. I, S. 139—140. Сравни F. Vacek, Vývoj etc. въ журн. Alétheia, ročn. III, str. 207). — Наряду съ этими каштеляніями племеннаго происхожденія впослѣдствіи по образцу ихъ возникали, несомнѣнно, каштеляніи искусственныя, по мѣрѣ построенія княжескихъ городовъ или бурговъ. Равнымъ образомъ, наряду съ древними краями или племенными территоріями, съ теченіемъ времени въ зависимости отъ заселенія страны, возникали, несомнѣнно, края административнаго происхожденія, организованныя по образцу старинныхъ. Поэтому мнѣніе г. Фр. Вацка, что Чехія раздѣлялась на края и „подкрая“ (sit venia verbo!), изъ которыхъ первыхъ было по его счету 15, а вторыхъ 8, — представляется недостаточно убѣдительнымъ. См. Fr. Vacek, Vývoj society въ Alétheia, ročn. I, str. 359—361.

1) Herm. Jireček, Codex juris bohemici, t. I, p. 56, 63, 70. Statuta ducis Ottonis, § 10: Quando ducitur, quod dicitur zuod, debet adesse castellani nuntius, judicis et villici et camerarii, et unus vel duo de vicinatu illo, et ultra tres non ducatur, sed in tertio remaneat. См. также J. Čelakovský, Povšechné dějiny právní въ изданіи Ottův slovník, d. VI, str. 483 и V. Brandl, Glossarium illustrans bohemico-moravicae historiae fontes (Brünn 1876), подъ словами Osada и Svod.

2) Нѣкоторая часть такихъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о тяготѣніи къ одному селу другихъ поселеній, можетъ быть объяснена сохраненіемъ единства околицы. Erben, Regesta, t. I, p. 169, nr. 376, (1183): hominibus de Ivvanoviz et omnibus villis ad eandem villam pertinentibus, et hominibus de Grebnik et omnibus villis illic spectantibus. Ibid., p. 410, nr. 869, (1235): nec non et villam Borotiz cum omnibus villulis ad eam pertinentibus, scilicet

бѣгали при введеніи отдѣльныхъ лицъ во владѣніе, при размежеваніи и при установленіи нормъ обычнаго права [1]). Первоначально каждая околица составляла отдѣльный приходъ; а то село, въ которомъ находилась церковь, являлось такимъ образомъ ея естественнымъ центромъ. Какъ видно изъ разсказа Каноника Вышеградскаго, перваго продолжателя хроники Косьмы, женщинѣ, разбитой параличемъ и получившей чудесное изцѣленіе въ базиликѣ, построенной паномъ Младотой въ селѣ Слапахъ, приказано было принести всенародно благодарность за исцѣленіе въ храмѣ села Бествина, куда стекалось населеніе всей околицы [2]).

Superowize, Drahtesicz. Ibid., p. 609, nr. 1323, (1253): Hlupetin cum villulis, scilicet Humenz, Hnidoschitz. Ibid., p. 118, nr. 319, 1261: totum districtum Hulyn cum ipsa forensi villa Hulyn et aliis villis, ad ipsam spectantibus Praweziz, Nemeziz et Altendorf cum omnibus attinentiis suis. Впрочемъ, нѣкоторые изъ подобныхъ фактовъ иной разъ, можетъ быть, должны быть пріурочены къ сельско-хозяйственной системѣ управленія, примѣнявшейся на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. См. объ этомъ ниже, въ этой же главѣ.

1) Erben, Regesta, t. I, p. 225, nr. 492, (1205): cum eis omnis vicinatus . . . et omnis vicinatus. Ibid., p. 355, nr. 753, (cc. 1229): Testes huius rei sunt vicinatus, et nobiles, et milites et plebs de Pozcepic. Ibid., p. 176, nr. 388, (1186): Vicinatus etiam adfuit, scilicet Movrichani, Olesnichani, Borowani, Nichowani, Tornani. Emler, Regesta, t. II, p. 681—682, nr. 1583, (1292): viros fide dignos et longaevos de vicinia evocavimus ad utriusque possessionis certos limites fideliter distinguendos. Itaque d. abbas pro sua parte ad hoc opus viros assumpsit idoneos, videlicet — singulos de Pritlucch, — singulos de Potowariz, et Bartoldum, iudicem de Rakuviz; nos vero in id opus pro parte nostra deputavimus — de Thonicz, — de Eisgruoeb, Saclonem de Langenzeil. Ibid., p. 782, nr. 1820, (1298): et circumsedentibus vicinis hominibus senioribus juramento prius ab eisdem recepto. Другіе тексты см. выше, стр. 98—99.

2) Fontes rerum bohemicarum, t. II, p. 225—227. Can. Wys., ad an. 1137: In partibus Caslaw est quaedam villa Beztwina vocata. Factum est autem, ut solemnia dominicae nativitatis, atque uti moris nostrae gentis est communibus vacare conviviis, praedicta mulier officio destituta, sola domi jacebat. Igitur vicinae mulieres convenientes ad eam, rogaverunt, ut delata ab eis, et si sedere nequiret, saltem in conventu eorum utcumque accumberet. . . Deportata ergo inter convivantes tamdiu iacuit, donec murmur multus et strepitus, uti inter convivas fieri solet, oriri coepit. Advocans itaque quendam fa-

Весьма возможно, что околица, эта второстепенная территоріальная группа, первоначально основывалась и скрѣплялась узами кровнаго родства. Подобно тому, какъ задруга-дворъ въ силу выселенія отдѣльныхъ семей иногда превращалась въ село-общину, такъ точно въ силу постепеннаго основанія отдѣльныхъ задругъ-дворовъ и селъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ села-метрополіи, основанія, обусловленнаго хозяйственными соображеніями, — естественно образовывалась околица. Всѣ эти новые выселки тянули къ прародительскому селу въ томъ смыслѣ, что они основывались на территоріи родного села и сохраняли съ ними общность пользованія угодьями и пустошами. Въ пользу подобнаго процесса образованія околицы, границы которой первоначально совпадали съ границами села-метрополіи, свидѣтельствуетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что территоріальное выдѣленіе селъ и поселеній происходило при участіи жителей всей околицы, и было фактомъ позднѣйшаго времени, про-

---

miliarem, petiit, quatenus domum deportaretur, quod et factum est. . . Dum haec geruntur, maritus suus veniens de conventu vicinorum, non inventa uxore, aliqua maligni temptatione seductam aestimavit; et convocatis vicinis omnem circa villam per paludes et frutices quaerebant eam. Sed non invenientes, congregati domum lamentabantur sedentes. . . Illa vero laeta domum suam ingressa invenit plorantes, narransque eis potentiam dei, ostendit, quae et quanta deus in illa operatus fuisset. At illi mutata vice non tantum de reditu suo, quantum de sanatione gaudentes fleverunt. Cumque crastina dies illuxisset, et tota vicinia mysteria missarum auditura concurreret, praedicta mulier — cuncta ordine, quae in ea divinitas gesta fuerant, enarravit. Qui haec audientes, illanque sanam videntes, immensas deo et sanctis eius gratias egerunt. — Въ этомъ разсказѣ жители села называются сосѣдями (vicini, vicinae mulieres), но не они одни составляли населеніе всей околицы (tota vicinia): это видно изъ того, что женщина должна была разсказать на другой день о своемъ исцѣленіи, хотя наканунѣ сообщила уже объ этомъ односельчанамъ. Изъ всего хода изложенія видно, что на другой день были многочисленные новые слушатели, жители всей околицы. Юл. Липпертъ толкуетъ совершенно неправильно это свидѣтельство, смѣшивая жителей села съ населеніемъ околицы. См. Socialgeschichte, Bd. I, p. 414.

явленіемъ усиливающагося духа индивидуализма. Имѣя въ виду, что задруга-дворъ, село-община и околица представляли собою территоріальныя общества, скрѣпленныя первоначально узами кровнаго родства, можно сказать, что члены задруги-двора, села-общины и околицы составляли родъ, понимаемый каждый разъ въ болѣе широкомъ или узкомъ смыслѣ слова. Съ этой точки зрѣнія станутъ совершенно понятными слова древняго русскаго лѣтописца: „Живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ“ [1]).

Такимъ образомъ, вся страна была подѣлена между племенами, а въ предѣлахъ племенныхъ территорій между родами въ извѣстномъ смыслѣ этого слова или, точнѣе говоря, между союзами родовъ. Вся воздѣланная и невоздѣланная земля находилась первоначально во владѣніи коллективныхъ союзовъ. Воспоминаніе объ этихъ условіяхъ быта сохранялось еще въ началѣ XII вѣка, когда писалъ свою хронику Косьма Пражскій [2]). Долго сохранявшееся въ историческое время право общаго пользованія пустошами [3]) является доказательствомъ первоначальнаго отсутствія индивидуальнаго права владѣнія.

Въ малонаселенной странѣ, какова была Чехія, околицы и села со всѣхъ сторонъ долгое время окружены были вѣковымъ или дѣвственнымъ лѣсомъ, зарослями и

---

1) Несомнѣнно, заслуживаетъ особеннаго вниманія мнѣніе г. Ф. Рахфаля, что польское opole соотвѣтствуетъ братству южныхъ славянъ, φρήτρη древнихъ грековъ, gens римлянъ и Sippe германцевъ (Die Organisation der Gesamtstaatsverwaltung Schlesiens, S. 8, n. 1, 2; S. 9). Также точно г. Юл. Липпертъ чешскую околицу постоянно называетъ фратріей (Socialgeschichte, Bd. I, S. 218—219, 319, 372, 414).

2) Cosm. chr., I, 3, p. 6: Nec quis quam meum dicere norat, set ad instar monasticae vitae, quicquid habebant, nostrum ore, corde et opere sonabant. Ibid., p. 7: Proh dolor! prospera in contraria, communia in propria cedunt.

3) Факты указаны ниже, въ этой же и въ IV-ой главахъ.

болотами [1]). Въ странѣ, сплошь почти покрытой лѣсами, эти послѣдніе не могли служить рубежами или границами между околицами и даже впослѣдствіи выдѣлившимися изъ ихъ состава селами и уѣздами (circuitus). Какъ извѣстно, если въ лѣсу не было никакихъ естественныхъ граней, привозили огромные камни, которые могли быть сдвинуты только нѣсколькими парами быковъ, ставили такъ называемые межевые знаки или копцы, дѣлали зарубки на деревьяхъ и т. д. [2]). Едва ли кому приходила въ ту пору мысль считать лѣсъ границей между двумя поселеніями или околицами. Такими границами въ древности еще болѣе, чѣмъ впослѣдствіи, были рѣки, рѣчки, потоки, горы, болота и дороги [3]). Впрочемъ, самый вопросъ о рубежахъ и граняхъ околицы могъ возникнуть только тогда, когда поселки одной околицы подходили къ поселкамъ другихъ сосѣднихъ околицъ. Пустоши, не освоенныя отдѣльными околицами, составляли земельное богатство, принадлежавшее тому племени, въ составъ котораго входило населеніе разсѣянныхъ по племенной территоріи околицъ. Нѣтъ основанія предполагать, что подобныя племенныя пустоши находились исключительно на окраинахъ племенныхъ территорій. Въ данномъ случаѣ все зависѣло отъ того обстоятельства, въ какой степени умножалось число членовъ того или другого племени. Племена, сильныя своей численностью, успѣвали освоивать не только внутреннія пустоши, но и лежавшія на окраинахъ, а затѣмъ начинали тѣснить и своихъ сосѣдей. Съ другой стороны, слабыя и малочисленныя племена, не успѣвшія освоить тѣ

---

1) См. выше, стр. 125, прим. 2.

2) Emler, Regesta, t. II, p. 682, nr. 1583, (1292). При разграниченіи открытыхъ мѣстностей ставили также копцы и проводили плугомъ борозду. Ibid., p. 782, nr. 1821, (1298).

3) Erben, Regesta, t. I, p. 73, nr. 166, (cc 1086). Ibid., p. 140, nr. 319, (1169). Ibid., p. 156, nr. 354, (1176). Emler, Regesta, t. II, p. 261—262, nr. 672, (1269). Ibid., p. 523, nr. 1207, (1280). Ibid., p. 782, nr. 1820, (1298).

пустоши, которыя лежали внутри племенныхъ территорій, вынуждены были для защиты отъ натиска сильныхъ сосѣдей оставлять на окраинахъ защитную полосу лѣсовъ [1]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда на окраинахъ племенной территоріи дѣйствительно находилась защитная полоса лѣсовъ, она какъ племенное достояніе находилась въ распоряженіи племенного князя, такъ какъ на немъ прежде всего лежала обязанность заботиться объ охранѣ земли отъ нашествія

---

1) Iordanis Getica, V, 34: paludes silyasque pro civitatibus habent. Mauricii Strategicum, lib. XI, c. 5 (Šafařik, Slowanské starožitnosti, w Praze, 1837, Přilohy, Str. 967—968): Ἐν ὕλαις δὲ καὶ ποταμοῖς καὶ τέλμασι καὶ λίμναις δυσβάτοις οἰκοῦνται . . . φιλοῦσιν ἐν τοῖς δασέσι καὶ στενοῖς καὶ κρημνώδεσι τόποις τὰς κατὰ τῶν ἐχθρῶν αὐτῶν ἐγχειρήσεις ἐργάζεσθαι . . . προστρέχουσι δὲ ταῖς ὕλαις, πολλὴν ἐκεῖθεν βοήθειαν ἔχοντες, ὡς γινώσκοντες ἁρμοδίως ἐν τοῖς στενώμασι μάχεσθαι . . . Τῶν γὰρ χωρίων τῶν Σκλάβων καὶ Ἀντῶν κατὰ τοὺς ποταμοὺς ἐφεξῆς διακειμένων καὶ συνημμένων ἀλλήλοις, ὥστε μὴ διάλειμμα εἶναι μεταξὺ αὐτῶν ἄξιον λόγου, ὕλης τε ἢ παλουδίων ἢ καλαμεώνων ἐγγιζόντων αὐτοῖς ὡς ἐπίπαν συμβαίνει ἐν ταῖς κατ' αὐτῶν γινομέναις ἐφόδοις, ἅμα τοῦ τῷ πρώτῳ αὐτῶν χωρίῳ ἐπιστῆναι . . . Leonis imp. Tactica sive de Re militari Liber, c. XVIII, § 107 (Šafařik, S. 972): Denique in densis et aditu difficillimis locis habitare, atque in ea confugere gaudent. Извѣстные тексты Цезаря о свевахъ доказываютъ, что защитную полосу земли и лѣсовъ должны были оставлять слабые сосѣди этого многочисленнаго германскаго племени: 1) Publice maximam putant esse laudem, quam latissime a suis finibus vacare agros . . . Itaque una ex parte a Suevis circiter milia passuum 600 agri vacare dicuntur (Caesar, de bello Gallico, III, 3); 2) Civitatibus maxima laus est, quam latissimas circum se vastatis finibus solitudines habere. Hoc proprium virtutis existimant, expulsos agris finitimos cedere, neque quemquam prope audere consistere: simul hoc se fore tutiores arbitrantur, repertinae incursionis timore sublato (VI, 23). См. также проф. Макс. Ковалевскій, Экономическій ростъ Европы, т. I (Москва 1898), стр. 34—35. — Мысль о существованіи въ Чехіи между племенными территоріями пограничныхъ или „помежныхъ“ лѣсовъ высказана была впервые, какъ кажется, г. І. Пейскеромъ въ его статьѣ Die Knechtschaft in Böhmen (Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 46). Идея эта, на которой лежитъ штемпель ученія проф. Авг. Мейтцена о маркѣ, была довольно односторонне развита г. Юл. Липпертомъ (Socialgeschichte, Bd. I, S. 27—60).

враговъ. Князь строилъ тамъ укрѣпленія или города, селилъ людей, обязанныхъ нести сторожевую службу, и предпринималъ другія мѣры, направленныя къ наилучшему устройству дѣла охраны и защиты подвластной ему страны [1]). Въ данномъ случаѣ практика племенныхъ князей едва ли значительно отличалась отъ той практики, которой впослѣдствіи придерживались чешскіе государи по отношенію къ полосѣ пограничнаго лѣса, окружавшаго со всѣхъ сторонъ Чехію и служившаго надежною защитою отъ нападеній внѣшнихъ враговъ [2]). Вплоть до XIII вѣка, а отчасти и позднѣе, государи оберегали эту защитную полосу лѣсовъ, запрещая производить тамъ произвольную порубку деревьевъ и основаніе новыхъ поселеній [3]). Эти позднѣйшіе факты вполнѣ освѣщаютъ времена сѣдой древности, когда въ борьбѣ племенъ нарождалось чешское государство.

---

1) Косьма говоритъ о князѣ лучанъ слѣдующее: Hic condidit urbem, quam appellavit nomine suo Wlaztizlaw, inter duos montes Meduez et Pripek, scilicet in confinio duarum provinciarum Belina et Lutomerici, et posuit in ea viros iniquos, ob insidias utriusque populi, quia hii adiuvabant partes Boemorum (I, 10, p. 19). — Совершенно ошибочно г. Юл. Липпертъ считаетъ предполагаемую защитную полосу res nullius: Ursprünglich konnte man auch die Gaumark als res nullius bezeichnen (Socialgeschichte, Bd. I, S. 219). Вообще ученіе о res nullius фальшиво въ самой своей основѣ. Что же касается защитныхъ пустошей, то, какъ видно изъ разсказа лѣтописца Ярлоха, онѣ бывали даже предметомъ спора между представителями государственной власти двухъ народовъ: Zobezlaus — questionem movet de terris super magnam et finalem silvam cultis, quam mediam et interjacentem silvam Boemi dicunt esse totaliter suam, Austriensibus e contrario affirmantibus, quod ad eos pertineat ex parte sua, sicut ad nos ex nostra. Legatis — respondent ille et sui, quod super questione tam nova, tam inaudita nichil sciant respondere, sed sive nemus sive terram cultam in nemore sic velint in pace possidere, sicut ea patres eorum sine interpellatione possederunt (Gerlaci annales, ad an. 1175, p. 470).

2) H. Jireček, Slovanské právo, d. I, str. 3—9; d. II, str. 1—6.

3) Тексты приведены ниже, въ слѣдующей главѣ. То же самое было и въ Силезіи, какъ видно изъ свидѣтельства поземельной описи Генриховскаго монастыря: Ista praescripta preseca . . . circuibat totam terram Zlesie. Unde duces antiqui nulli omnino in hac

III. Право князя распоряжаться пустошами было только частнымъ случаемъ проявленія той власти, которая ему принадлежала на территоріи племени и государства въ силу его положенія главы этихъ общественныхъ союзовъ. Въ сферѣ племенныхъ и государственныхъ отношеній онъ являлся такимъ же распорядителямъ общаго достоянія, какъ глава рода былъ распорядителемъ родоваго имущества [1]). Въ селахъ и околицахъ были, несомнѣнно, также лица, которыя въ качествѣ представителей этихъ общественно-территоріальныхъ группъ являлись распорядителями пустошей, общаго земельнаго достоянія, не сдѣлавшагося еще объектомъ освоенія отдѣльныхъ дворовъ-задругъ и частныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу извѣстной группы [2]). Такимъ образомъ, пустоши не только никогда не были res nullius, но находились въ распоряженіи различныхъ юридическихъ и физическихъ лицъ. Это было въ полномъ смыслѣ слова „наслоеніе субъектовъ правъ на одну и ту

---

preseca permiserunt quicquam secare, et hec est ratio, quare tunc temporis non est longius mensuratum nisi ad metas huius presece. Cum autem ibidem agricultores et destructores silvaram multiplicarentur, Johannes villicus iussit eosdem rusticos al durch den Hach, silvas delere . . . dicens, quia milites in circuitu secant et delent ipsam presecam. См. Osw. Balzer, O zadrudze, str. 250. Если г. Ф. Рахфаль имѣлъ въ виду этотъ текстъ, когда говорилъ о существованіи защитныхъ лѣсовъ между племенными территоріями (Die Organisation, S. 10, N. 2), то его толкованіе слѣдуетъ признать ошибочнымъ. — Подобныя просѣки были также и въ Чехіи (Erben, Regesta, t. I, p. 139, nr. 319, 1167: Dedi et silvam totam a loco, qui vocatur Preseka, cum pratis omnibus usque ad fluvium, qui dicitur Zuitava).

1) Gr. Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte (2. Aufl., 1887), S. 158—159, 155—156, 363—364, 165—166. Свидѣтельства и факты, доказывающіе огромныя имущественныя права чешскихъ государей, указаны въ литературѣ (Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 54—55, 142, 147, 169—170).

2) Преемниками такихъ лицъ были жупаны въ тѣхъ славянскихъ странахъ, которыя довольно рано захвачены были иноземцами-завоевателями, а потому застыли или остановились на извѣстной стадіи развитія. См. выше, стр. 122, прим. 1.

же вещь“ [1]). При господствѣ подобныхъ юридическихъ воззрѣній право каждаго высшаго субъекта имѣло въ сферѣ поземельныхъ отношеній бо́льшую силу, чѣмъ право любого изъ низшихъ субъектовъ, составлявшихъ своего рода іерархическую лѣстницу соціальнаго строя. Съ другой же стороны, право даже самаго высшаго субъекта отодвигалось или устранялось вовсе, какъ только произошло освоеніе земли со стороны любого изъ низшихъ субъектовъ вещныхъ правъ [2]). Это послѣднее юридическое положеніе вытекало изъ необходимости предоставить каждому члену общественныхъ союзовъ полное обезпеченіе въ пользованіи плодами его трудовой дѣятельности. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ оно же прокладывало широкую дорогу для постепеннаго развитія и торжества принциповъ индивидуальнаго владѣнія.

Борьба между отдѣльными племенами еще въ древнѣйшее время приводила къ разоренію однихъ соціальныхъ союзовъ и къ обогащенію другихъ. Она же способствовала возвышенію и уничиженію отдѣльныхъ личностей. Иноплеменники, взятые въ плѣнъ, становились рабами, а разоренные соплеменники попадали въ экономическую зави-

---

1) Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права (изд. 3, Кіевъ 1900), стр. 537.

2) Monachi Sazaviensis continuatio Cosmae (Fontes rer. boh., t. II), p. 244: Brazizlaus primo quidem donationem, quam pater suus eidem patri adhuc ante susceptionem abbatiae fecerat, flumen videlicet subterfluentem a Milobuz usque ad speluncam, quae vulgo Zacolnica dicitur, cum pratis et silva circumjacente, principali corroboravit auctoritate; dein etiam hanc eandem donationem supervenientibus heredibus et eam suo juri usurpative vendicare molientibus, nolens paterna cassare statuta, semet opposuit, litem diremit, et eidem patri Procopio omnem utilitatem in aqua et silva a praedictis terminis redonavit, agros vero et prata ex utraque parte adiacentia sub testimonio et confirmatione filii sui Wratizlai et principum suorum DC denariorum pretio redemit, et abbati Procopio scriptis et legitimis testibus reconsignavit. — Это классическое свидѣтельство, сохранившееся въ записи XII вѣка, совершенно неудачно пытается истолковать съ точки зрѣнія своей теоріи г. І. Пейскеръ. См. Východisko Meitzenovo líčení agrárních dějin, str. 56—57.

симость, которая часто низводила ихъ также въ ряды рабовъ. Задруги-дворы и отдѣльныя личности при помощи рабскаго труда получали возможность освоить большія площади земли на территоріи села и околицы. Къ созданію экономическаго неравенства приводило также развитіе торговли, способствовавшей обогащенію отдѣльныхъ лицъ. Когда же сложилась государственная организація, то приближеніе къ государю и отправленіе различныхъ административныхъ обязанностей содѣйствовало выдѣленію изъ народной среды многочисленнаго класса людей, умѣвшихъ въ своихъ интересахъ воспользоваться прерогативами высшей власти, принадлежавшей государю. Съ введеніемъ христіанства въ такое же положеніе становятся представители духовенства и церковныя учрежденія. Однимъ словомъ, постепенно, въ силу различныхъ причинъ, выдѣлялись въ составѣ общества классы населенія, стремившіеся къ освоенію земель и обладавшіе возможностью производить таковое освоеніе въ широкихъ размѣрахъ.

Процессъ этого освоенія пустошей совершался въ двухъ направленіяхъ, сверху и снизу. Сильные члены задруги-двора, общины и околицы опирались при этомъ на право, принадлежавшее имъ въ силу принадлежности ихъ къ составу этихъ территоріальныхъ группъ. Служилая же аристократія, духовенство и церковныя учрежденія съ успѣхомъ могли воспользоваться съ выгодою для себя тѣмъ обстоятельствомъ, что государи были высшими субъектами вещныхъ правъ. Въ силу „наслоенія субъектовъ правъ“ происходили иногда продолжительные юридическіе споры. Государь жертвовалъ извѣстный участокъ земли въ увѣренности, что онъ еще не освоенъ, является пустошей въ полномъ смыслѣ слова, но когда оказывалось наоборотъ, то не въ состояніи былъ помочь лицу, получившему даръ или пожалованіе, вступить во владѣніе. Такъ, напр., отъ князя Собеслава епископъ Фридрихъ получилъ участокъ земли около Рокицанъ въ качествѣ выслуги, но нѣкій Прибиславъ объ-

явилъ, что участокъ пожалованной земли принадлежитъ по праву ему. Возникъ процессъ, который нѣсколько разъ восходилъ на судъ князя и его совѣтниковъ. Такъ какъ вещныя права Прибислава въ данномъ случаѣ основывались не на пожалованіи государя, а на фактѣ болѣе ранняго освоенія, то дѣло нельзя было рѣшить судебнымъ порядкомъ въ пользу епископа. Однако, подъ вліяніемъ давленія или, какъ сказано въ грамотѣ, „по любви къ Богу“, Прибиславъ отказался въ пользу князя отъ своихъ правъ. Князь тогда передалъ спорный участокъ епископу, но при этомъ посовѣтовалъ послѣднему дать матеріальное вознагражденіе бывшему владѣльцу, во избѣжаніе и предотвращеніе какихъ бы то ни было исковъ и притязаній, возможныхъ въ будущемъ. На первый взглядъ можетъ показаться, что гораздо проще завершился бы этотъ споръ, если бы Прибиславъ отказался отъ своихъ правъ непосредственно въ пользу епископа. Однако, то обстоятельство, что при этомъ избранъ былъ совершенно другой путь, свидѣтельствуетъ о желаніи епископа получить титулъ владѣнія отъ князя, а для этого послѣдній долженъ былъ пріобрѣсти сначала вещныя права на спорный участокъ [1]).

Освоенная пустошь называлась уѣздомъ, потому что границы ея были опредѣлены межевыми знаками, а отводъ совершался посредствомъ объѣзда (circuitіe) границъ освоеннаго участка [2]). Отводъ участка совершала обыкновенно

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 158, nr. 358, (1177): Ego Fridericus — a domino duce Sobezlao circuitum juxta Rokican deservivi: sed quidam miles suus Pribizlaus nomine suum esse dicebat. Et haec causa saepius coram duce et primatibus ejus multotiens ventilata fuerat, nec determinata. Tandem praedictus Pribizlaus, zelo dei ductus, — in manum ducis resignavit. Duce vero eum mihi et ecclesiae meae in haereditatem conferente, ipsius ducis consilio, conventu meo in id ipsum consentiente, ut haec querela sopiatur per omnia, villam ecclesiae Lazi nomine hereditario jure ei possidendam contuli.

2) По-латыни уѣздъ назывался circuitus, ambitus, а по-нѣмецки Meringe (Mehrung). Erben, Regesta, t. I, p. 137, nr. 315, (1165):

коммиссія, состоявшая изъ одного или нѣсколькихъ чиновниковъ, преимущественно принадлежавшихъ къ уряду ловчихъ, и населенія околицы [1]). Какъ видно изъ одной грамоты, лица, обращавшіяся къ государю съ просьбой о разграниченіи ихъ земельныхъ владѣній, должны были уплачивать извѣстную денежную сумму или преподносить цѣнные подарки [2]). Такъ какъ и частныя лица впослѣдствіи имѣли право и даже обязанность при отчужденіи своихъ владѣній производить самолично отводъ земель [3]), то, несомнѣнно, такое же право въ древности принадлежало жителямъ околицы, какъ коллективной группѣ: это видно изъ того, что даже при отводѣ участка или выправкѣ его границъ самимъ государемъ или коммиссіей, имъ посланной, необходимо было согласіе жителей околицы [4]). Пока

---

ambitum, quod sclavonice ugezd dicitur. Ibid., p. 166, nr. 373, (1181): quendam ambitum Ugiez boemice appellatum, theutonice nomine Meringe. Ibid., p. 177, nr. 389, (1186): circuitum, quod vulgo vocatur Vgezd.

1) Erben, Regesta, t. I, p. 168, nr. 376, (1183). Ibid., p. 224—225, nr. 492, (1205). Ibid., p. 240, nr. 523, (1210). Ibid., p. 275, nr. 585, (1218). Ibid., p. 451, nr. 975, (1239). Emler, Regesta, t. II, p. 105, nr. 272, (1260). Ibid., p. 576, nr. 1335, (cc. 1284). Ibid., p. 725, nr. 1687, (1295). Ibid., p. 1070, nr. 2486. См. выше, стр. 125, прим. 1. Сравни F. Vacek, Vývoj etc., Alétheia, roč. I, str. 465. — Въ одной грамотѣ члены коммиссіи названы perambulatores terrarum. Erben, Regesta, t. I, p. 451, nr. 975, (1239).

2) Emler, Regesta, t. II, p. 105, nr. 272, (1260): Dedit eciam idem Ch. nobis dextrarium pro decem marcis argenti estimatum, quod terminos dicte ville distingui sive circui faceremus eidem. . . Idem dedit idem Ch. karissime uxori nostre domine Margarete similiter pro distinguendis terminis dicte ville decem marcas argenti.

3) Erben, Regesta, t. I, p. 469, nr. 1011, (1241): filius suus Zdeslaus, cujus autem favorem super emptione villae praelibatae (Komin) habuimus, et cui partem pecuniae solvimus pro villa saepedicta, ad monitionem et petitionem nostram saepius iteratam noluit circuire villam Komyn — sicut tenebatur de justitia circuire. См. также Emler, Regesta, t. II, p. 412, nr. 987, (1275); Ibid., p. 649, nr. 1508, (1290); Ibid., p. 1226—1227, nr. 2798, (1274).

4) Erben, Regesta, t. I, p. 163, nr. 366, (1178): Flumen Zasawa praesentibus vicinis de circuitu eorum (fratrum eccl. Wissegr.)

въ предѣлахъ околицы было обиліе пустошей, отводъ и заимка ихъ не могли вызывать протеста со стороны сосѣдей или жителей околицы тѣмъ болѣе, что сохраненіе этой практики было въ интересахъ всѣхъ и особенно наиболѣе вліятельныхъ и зажиточныхъ изъ ихъ числа. Однако, съ теченіемъ времени количество пустопорожнихъ земель постепенно уменьшалось и такимъ образомъ наступалъ моментъ, когда околица должна была запретить устройство новыхъ уѣздовъ. Подобныя запрещенія не могли возымѣть надлежащаго воздѣйствія, такъ какъ люди сильные въ экономическомъ отношеніи всегда имѣли возможность обратиться за санкціей къ государю, высшему представителю вещныхъ правъ въ государствѣ. Такимъ образомъ, естественно въ распоряженіи территоріальныхъ союзовъ осталось такое лишь количество пустошей, которое необходимо было для выпаса скота, а иной разъ, можетъ быть, и того меньше. По отношенію къ этихъ остаткамъ бывшихъ пустошей, обычное право выработало впослѣдствіи принципъ нераздѣльности [1]).

---

emendavi, et stabilivi (ego, Sobezlaus, dux Bohemiae) coram nobilibus, qui praesentes ibi erant, ita ut nullus habeat in eodem flumine potestatem infra circuitum eorum praeter ipsos canonicos et eorum homines. Ibid., p. 240, nr. 523, (1210): Insuper villa, quae vocatur Malomieritz, cum omnibus ejus appendiciis et adjectis, eo modo, quo metae sunt per venatores assignatae, vicinis non contradicentibus. — Можетъ быть, въ пользу околицы, какъ и въ пользу короля, при отводѣ земли поступали какіе-либо платежи. По крайней мѣрѣ, въ иммунитетной грамотѣ, выданной въ пользу Оломуцкой церкви, упоминается, наряду съ штрафомъ за нарушеніе межи (venditio), еще какое-то взысканіе, имѣвшее особый характеръ и извѣстное подъ именемъ „межнаго вола“. Emler, Regesta, t. II, p. 41, nr. 106, (1256): in occupatione metarum, si aliqui in iudicium fuerint vocati et judicati, ad ecclesiam venditio redeat simul cum eo, quod vulgo dicitur meznjvol, et conquerenti satisfaciat. См. слово mezní въ словарѣ Брандля.

1) H. Jireček, Codex juris bohemici, t. II, pars 2, p. 93. Kniha starého pána z Rožmberka, § 198: Obec ne právo měřiti podle dědiny v kúpi, ač viece súsědóv jmá, než ten, jenž prodal; proto že súsěd má též právo, a móže obrániti rozoránie. Ibid., § 200: Ale když prodá dědinu, obce nejmá právo měřiti, proto že to zvole, a kúpil se vší zvolí.

Уѣздъ въ Чехіи и Моравіи представлялъ собою обыкновенно лѣсистый участокъ земли, а потому въ грамотахъ назывался „лѣснымъ уѣздомъ“ [1]). На первыхъ порахъ уѣздъ былъ пущей, въ которой велось лѣсное хозяйство [2]). На полянкахъ или, какъ говорили чехи, „на поличкахъ“ этихъ пущъ можно было съ успѣхомъ выкармливать стада и вести вообще луговое хозяйство [3]). Несомнѣнно, одновременно съ этимъ въ предѣлахъ уѣзда заводили поля и устраивали цѣлыя села, если площадь уѣзда была велика [4]).

Первоначально уѣзды по своимъ размѣрамъ были невелики, такъ какъ возникали на территоріи околицы или села и при томъ въ то древнѣйшее время, когда имущественное неравенство только начинало сказываться. Въ самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ учредительной грамоты Кладорубскаго монастыря, въ числѣ мелкихъ жертвователей, владѣльцевъ уѣздовъ, упоминаются, наряду съ высшими представителями администраціи, такія лица, которыя готовы были поступить въ ряды зависимыхъ людей новаго монастыря [5]). Всѣ эти небольшіе уѣзды расположены были на

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 51, nr. 119, (1037—1055): circuitum silvae, quod dicitur Zaton. Ibid., p. 52, nr. 124, (cc. 1057): circuitum silvae ante urbem, cum agris eidem silvis adjacentibus.

2) Erben, Regesta, t. I, p. 157, nr. 357, (cc. 1176): pro patrimonio suo, quod habuit in Crawar, et tota silva adtinente, quae vulgari vocabulo circuitus vocatur.

3) Erben, Regesta, t. I, p. 140, nr. 319, (1167): circuitum et ego Wladizlaus eidem ecclesiae contuli, qui dicitur Na lubnem, cum pratis omnibus, quae vocantur Na policah. Ibid., p. 155, nr. 352, (1175): circuitum — cum pratis et aquis, quae sunt infra eundem circuitum. Ibid., p. 156, nr. 354, (1176): qui circuitus — et ea, quae infra haec flumina sunt, claudens — cum pratis et aquis et omnibus, quae sunt infra eundem circuitum.

4) Erben, Regesta, t. I, p. 87, nr. 194, (1107): terram ad octo mansos — in circuitu, qui dicitur Na glubcich. Ibid., p. 91, nr. 212, (1115): Conradus dedit ad quatuor aratra de suo vgezd. Ibid., p. 458, nr. 985, (1240): circuitum quendam — cum omnibus appendiciis suis villis, agris etc. — contulimus.

5) Erben, Regesta, t. I, p. 89—91, nr. 212, (1115): In Sztoceh ecclesiam cum dote sua et cum tribus ugezd. . . Item dedit

территоріи отдѣльныхъ селъ. Таковы же по размѣрамъ были уѣздъ матери князя Собеслава, расположенный въ посадѣ города Праги [1]), уѣздъ церкви св. Николая, упомянутый въ грамотѣ короля Премысла [2]), и уѣздъ, пріобрѣтенный княземъ Собеславомъ у шута Койаты [3]). Довольно большихъ размѣровъ былъ уѣздъ села Опатовицы, простиравшійся отъ рѣки Лабы до дороги, которая шла изъ Хрудима на Градецъ. Такъ какъ поля села расположены были внѣ уѣзда, то это даетъ основаніе думать, что въ составъ уѣзда вошла почти вся пустопорожняя земля, находившаяся вблизи села [4]).

Когда въ государствѣ сталъ образовываться сильный классъ служилой аристократіи, въ средѣ которой растворилась аристократія племеннаго происхожденія [5]), когда появились съ введеніемъ христіанства различныя церковныя учрежденія, то подъ уѣзды стали занимать огромныя пространства земли преимущественно на окраинахъ государства. Теплицкій

Ugezd et piscinam in eo loco, qui dicitur Lenih. . . Nicolaus dedit Vgezd. Radoma quoque dedit suum Vgezd. Zuebor etiam cum terra sua se tradidit. . . Bola ad unum aratrum. Tuscowe Oudalricus comes dedit vgezd unum. . . Willart Vgezd prahni. . . Midlevareh ad duo aratra, et tria vgezd. . . Jancic Tesik dedit vgezd. . . Conradus dedit ad quatuor aratra de suo vgezd.

1) Erben, Regesta, t. I, p. 162, nr. 366. (1178); do circuitum in suburbio Pragensi, qui matris meae fuerat. Повидимому, этотъ уѣздъ упоминается въ другой грамотѣ (Ibid., p. 189, nr. 393, 1187: Similiter de circuitu, qui vocatur S. Martini, et est canonicorum Wissegradensium in suburbio). См. подробности объ этомъ Fr. Vacek, Vývoj etc. въ Alétheia, ročn. II, str. 497.

2) Erben, Regesta, t. I, p. 328, nr. 707, (1226): fundum quendam Culchow — excepto solo quodam vico circa ecclesiam S. Nicolai sito, Vgezdez nomine dicto, qui specialiter ejusdem ecclesiae dos semper exstitit.

3) Ibid., p. 157, nr. 356, (1176): dux praedictus Sobezlaus — circuitum, qui vocatur Dobretin, a Koiata joculatore comparavit.

4) Erben, Regesta, t. I, p. 73, nr. 166, (cc. 1086): praedictae vero villae Opatowicz circuitus est a fluvio Labe usque ad Pirum, a Piro usque ad publicam viam, a publica via usque ad agros ejusdem villae.

5) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 77—84.

уѣздъ, жители котораго обязаны были охранять границы государства, принадлежалъ пану Грознатѣ, основателю Теплицкаго и Хотешовскаго монастырей [1]). Неизвѣстный по имени уѣздъ, расположенный на самомъ сѣверо-востокѣ Чехіи, купленъ былъ паномъ Збраславомъ, чашникомъ короля Вацлава, у жены пана Петра Скалицкаго за 170 гривенъ. Въ этомъ уѣздѣ находилось не менѣе 6 селъ [2]). Уѣзды, пожертвованные или проданные государями различнымъ церковнымъ учрежденіямъ, были также большихъ размѣровъ. Князь Собеславъ пожертвовалъ Оломуцкому епископству Либицкій уѣздъ, находившійся между рѣчками Каменицей и Дубравицей, а епископъ Іоаннъ за 300 гривенъ купилъ у моравскаго князя Оттона Кромежирскій и Іезутборицкій уѣзды, въ первомъ изъ которыхъ было 13, а во второмъ 5 селъ [3]). Король Владиславъ пожертвовалъ Вальдсасскому монастырю огромный уѣздъ, расположенный въ лѣсу, за рубежомъ Сѣдлецкаго края, между верховьями рѣкъ Огры и Гельстры [4]). Князь Собеславъ отдалъ Кладорубскому монастырю уѣздъ, заключенный между тремя

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 256, nr. 548, (1213): homines de Tepla et in toto circuitu circa silvam commorantes, quibus portam terrae, quam a suo fundatore possident, et munire et custodire sufficiat.

2) Emler, Regesta, t. II, p. 1218—1219, nr. 2786, (1238—1241): emi quendam circuitum ad uxorem domini Petri de Scalich pro centum LXX marcis . . . inde de hoc circuitu assigno uxori meae Domazlave tres villas Trebehosc, Stremen, Zasada . . . Fratri vero meo Hogero assigno de eodem circuitu Dechtow et duo Zabreze.

3) Erben, Regesta, t. I, p. 92, nr. 208, (cc. 1126): circuitum Lubac cum silva interjacente Cazlaversem et Brinensem provinciam. Ipse vero episcopus Johannes sua pecunia emit circuitum Cromezir ab Ottone — eumque solutis trecentis marcis sanctae suae ecclesiae impropriavit imperpetuum. Ibid., p. 96, nr. 214, (1131): Tempore ducis Ottonis secundi Johannes episcopus a praefato duce emit Cromesir — nec non et Jesutboricih curiam cum villis . . . Ibid., p. 109, nr. 245, (cc. 1144): circuitum de Lubac — cum aliis hominibus de Jesutboricensi circuitu.

4) Ibid., p. 137, nr. 315, (1165): in silva ultra provinciam Sedlec ambitum, quod sclavonice vgezd dicitur, a fonte rivi, qui vulgo dicitur Helstre . . .

рѣчками, съ лугами, водами и всѣми угодьями, находившимися въ немъ [1]). Еще ранѣе тому же монастырю король Владиславъ пожертвовалъ расположенный на западъ отъ Манетина уѣздъ, въ которомъ было 9 селъ, а его братъ — другой уѣздъ съ 6 селами [2]).

Физическія и юридическія лица, которымъ принадлежали уѣзды, пользовались правами исключительнаго владѣнія, въ силу чего имѣли возможность на освоенныхъ такимъ образомъ земляхъ основывать частновладѣльческія села. Въ предѣлахъ уѣздовъ, возникшихъ на земляхъ околицы и отличавшихся небольшими размѣрами, едва ли возможно было основать болѣе, чѣмъ по одному селу въ каждомъ уѣздѣ. Въ большихъ же уѣздахъ безъ труда умѣщалась цѣлая группа селъ, а потому они иногда назывались имѣніями (curiae) [3]). Подобные уѣзды и по пространственности, и по объединенію въ одну группу нѣсколькихъ селъ, вполнѣ походили съ внѣшней стороны на древнія околицы. Эти уѣзды-имѣнія являются, несомнѣнно, прототипомъ владарьствъ и однородныхъ съ послѣдними территоріальныхъ группъ, на которыя раздѣлялись имѣнія крупныхъ землевладѣльцевъ въ XIV—XV вѣкахъ [4]). Такъ какъ государи располагали услугами администраціи и бо́льшими средствами, чѣмъ отдѣльныя частныя лица, то поэтому они успѣли вокругъ своихъ городовъ, которые представляли собою уѣзды sui generis, освоить обширные участки земли. Первыми поселенцами на этихъ государевыхъ уѣздахъ были

1) Erben, Regesta, t. I, p. 156, nr. 354, (1176): qui circuitus primo trium fluminum ripas videlicet Zucha, Trnova et Mise, et ea, quae infra haec flumina sunt, claudens — cum pratis et aquis et omnibus, quae sunt infra eundem circuitum.

2) Ibid., p. 177, nr. 389, (1186): Tempore, quo regnavit frater meus Wladizlaus, contulit eidem ecclesiae circuitum, quod vulgo vocatur Vgezd, in quo sunt sitae novem villae . . . Patruus meus — contulit circuitum, in quo sunt villae sex . . .

3) См. выше, стр. 139, прим. 3.

4) См. выше, стр. 46—53.

военноплѣнные и вообще рабы. Поэтому неудивительно, что въ составѣ населенія городовъ и ихъ окрестностей рабы составляли значительную долю населенія [1]). Впослѣдствіи на территоріяхъ уѣздовъ подъ вліяніемъ различныхъ экономическихъ и политическихъ причинъ, однородныхъ во всѣхъ средневѣковыхъ обществахъ, стали охотно селиться люди вполнѣ свободные [2]).

Такъ какъ съ теченіемъ времени пустоши околицы были освоены, то это обстоятельство должно было повлечь неизбѣжно разложеніе околицы, какъ сплоченной территоріальной и правовой группы, и привести къ выдѣленію или обособленію села. Пересѣченная во всѣхъ направленіяхъ отмежеванными уѣздами, принадлежавшими сплошь и рядомъ лицамъ, которыя въ силу своего соціальнаго и государственнаго положенія вышли изъ состава и юрисдикціи околицы и по образу жизни сдѣлались людьми, чужими своимъ родичамъ, — околица, неизбѣжно, должна была въ территоріальномъ отношеніи распасться на свои составныя части. Съ момента этого обособленія селъ долженъ былъ восторжествовать принципъ нераздѣльности оставшихся пустошей [3]). Такимъ образомъ, въ ту самую пору, когда слагаются и формируются (до нѣкоторой степени по образцу околицы) территоріальныя дѣленія государевыхъ и частно-владѣльческихъ земель, околица, какъ территоріальный союзъ свободныхъ людей, сходитъ съ исторической сцены [4]). Такъ какъ село заступило мѣсто околицы, то жители села по праву стали называться сосѣдями (vicini).

---

1) Факты общеизвѣстны и указаны въ сочиненіяхъ проф. В. Томка, Г. Иречка, Юл. Липперта, Фр. Вацка и др., а потому нѣтъ надобности приводить ихъ здѣсь.

2) Подробности объ этомъ см. ниже, въ этой же главѣ.

3) См. выше, стр. 136.

4) Находясь подъ вліяніемъ Мейтценовской теоріи о маркѣ, г. Ю. Липпертъ не могъ оцѣнить и освѣтить роль и значеніе уѣзда въ исторіи Чехіи. Такъ, онъ то нагромождаетъ одно предположеніе

IV. На основаніи своихъ наблюденій и трудовъ предшественниковъ по разработкѣ исторіи аграрныхъ отношеній [1]), проф. Авг. Мейтценъ высказалъ нѣсколько положеній относительно расположенія въ славянскихъ селахъ жилищъ и способа раздѣленія полевой земли, положеній, которыя заслуживаютъ, несомнѣнно, серьезнаго вниманія ученыхъ, даже невполнѣ съ нимъ согласныхъ.

Славянскія села имѣютъ, по мнѣнію проф. Авг. Мейтцена, два опредѣленныхъ плана или типа. Одни изъ селъ — вѣерообразны и, по терминологіи Виктора Якоби, могутъ быть названы кружковыми селами (Rundlinge, Runddörfer), а другія, въ которыхъ дворы и жилища расположены по одной линіи или улицѣ, могутъ быть названы уличными (Strassendörfer). Въ селахъ перваго типа дворы окружали одну овальную или круглую площадь. Такъ какъ разрывъ между дворами оставленъ былъ только въ одномъ пунктѣ, то для въѣзда или выѣзда изъ села служила одна дорога, вслѣдствіе чего доступъ извнѣ легко было преградить, а на самой площади удобно было собирать скотъ. Жилища довольно близко примыкали другъ къ другу, а самыя дворовыя мѣста или усадьбы представляли собою клинообразную форму или нѣчто въ родѣ геометрической трапеціи. Въ

на другое (Socialgeschichte, Bd. I, S. 109—110), то впадаетъ въ крайности и односторонности. По его мнѣнію, отводъ земель подъ уѣзды производился государями съ цѣлью дать „выслугу“ свѣтскимъ лицамъ или пожертвованіе церковнымъ учрежденіямъ, при чемъ въ первомъ де случаѣ лица, пріобрѣтавшія уѣзды, получали полный dominium (Ibid., S. 268). Въ опроверженіе этихъ взглядовъ, остается сослаться на предшествующее изложеніе. Что же касается „выслуги“, то это было владѣніе, въ большинствѣ случаевъ условное (Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 146—148.

1) См. Aug. Meitzen, Codex diplomaticus Silesiae, Bd. IV (Breslau 1863), Einleituug, S. 27. Aug. Meitzen, Siedelung und Agrarwesen der West- und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen, Berlin 1895 (въ дѣйствительности сочиненіе вышло въ мартѣ 1896 года), Bd. I, S. 20—28.

селахъ другого типа дворы и жилища расположены были по обѣимъ сторонамъ улицы, не отличавшейся обыкновенно особенной протяженностью. Среди села на одной изъ сторонъ улицы находились церковь и церковный погостъ, а среди улицы въ томъ или другомъ мѣстѣ было расположено глинище, углубленіе котораго наполненное водой образовывало прудъ или водоёмъ, пригодный для водопоя скота. Дворовыя мѣста въ такихъ селахъ имѣютъ видъ прямоугольниковъ, обращенныхъ одной изъ своихъ короткихъ сторонъ къ линіи улицы [1]). Кружковыя села встрѣчаются въ большомъ числѣ во всѣхъ западно-славянскихъ земляхъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ Силезія, гдѣ села подобнаго типа встрѣчаются чрезвычайно рѣдко: изъ 400 селъ, расположенныхъ около города Бреславля, только три села, по словамъ проф. Авг. Мейтцена, имѣютъ видъ кружковыхъ селъ [2]). Хотя, по замѣчанію нѣмецкаго ученаго, въ Чехіи кружковыя села представляютъ господствующую форму поселеній и встрѣчаются „во всѣхъ издавна заселенныхъ частяхъ“ страны, безразлично и на горахъ, и на равнинѣ [3]), но на приложенной къ его трехтомному сочиненію картѣ (Uebersichts-Karte) подобныя села показаны только на окраинахъ Чехіи: 1) къ югу отъ линіи, которую можно провести отъ верховья рѣчки Радбузы до верховья рѣки Сазавы; 2) къ югу отъ самаго сѣвернаго изгиба рѣки Огры вплоть до рѣки Мши, выше ея сліянія съ Радбузой, т. е. въ западной части Жатецкаго, восточной Локетскаго и сѣверной Пильзенскаго края; 3) къ сѣверу отъ рѣки Лабы, въ мѣстности, лежащей между Новымъ Быджовомъ и Кралево-Градцемъ. Изъ разсмотрѣнія спеціальной карты Королевства Чешскаго, изданной въ Вѣнѣ Военно-географиче-

1) Aug. Meitzen, Siedelung und Agrarwesen, Bd. I, S. 52—53.
2) Aug. Meitzen, Codex Silesiae, Einleitung, S. 104. Aug. Meitzen, Siedelung und Agrarwesen, Bd. II, S. 259.
3) Aug. Meitzen, Einleitung, S. 63, 65—66, 105 (N. 1).

скимъ Институтомъ въ 1847—1860 гг., нетрудно, однако, убѣдиться, что въ Чехіи, наряду съ кружковыми и уличными селами, встрѣчаются села такого типа (Haufendorf), который признанъ проф. Авг. Мейтценомъ въ качествѣ спеціально свойственнаго германцамъ [1]). Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ 13-ый листъ вышеупомянутой карты, на которомъ нанесены окрестности Праги: если въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этимъ городомъ можно указать села всѣхъ трехъ типовъ, то это доказываетъ, что нельзя особенно полагаться ни на карту, приложенную проф. Мейтценомъ къ его сочиненію, ни на его категорическое утвержденіе, что кружковыя села представляютъ господствующую въ Чехіи форму поселенія [2]).

Еще въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка Викторъ Якоби высказалъ мысль, что древнѣйшія поселенія славянъ имѣли видъ кружковыхъ селъ [3]). Это положеніе дало поводъ къ созданію теоріи о происхожденіи селъ подобнаго рода путемъ постепеннаго распаденія одной задруги. Какъ кажется, впервые эта мысль была высказана г. І. Пейскеромъ въ его статьѣ о „задругѣ въ Прахенскомъ краѣ“, напечатанной въ 1888 году въ чешскомъ журналѣ Athenaeum, — и встрѣтила энергичный отпоръ со стороны проф. Авг. Мейтцена [4]). Доводы нѣмецкаго ученаго и собственныя наблюденія привели г. І. Пейскера къ другому взгляду, который онъ не замедлилъ высказать въ одной изъ своихъ статей: „Заманчиво, — говоритъ онъ о кружковыхъ селахъ, — предполагать

1) Aug. Meitzen, Siedelung und Agrarwesen, Bd. I, S. 47—48.

2) См. Special-Karte des Königreiches Böhmen. Astronomisch-trigonometrisch vermessen, topografisch aufgenommen, reduzirt, gezeichnet und gestochen von dem K. K. Militärisch-geografischen Institute in Wien (Herausgegeben in den Jahren 1847—1860), B. Nr. XIII, Umgebungen von Prag (Maasstab 1 : 144000).

3) Aug. Meitzen, Einleitung, S. 29. Victor Jakobi, Forschungen über das Agrarwesen des altenburgischen Osterlandes, 1845.

4) Aug. Meitzen, Siedelung und Agrarwesen, Bd. III, S. 367.

a priori, что эти села произошли вслѣдствіе распаденія отдѣльнаго двора (Einzelhof), въ силу выдѣленія другихъ задругъ изъ празадруги. Если бы было такъ, — продолжаетъ онъ, — то удалось бы графически реконструировать этотъ отдѣльный дворъ сложеніемъ полевыхъ полосъ (parcel), принадлежащихъ теперешнимъ дворамъ, въ бо́льшія полосы того двора, который съ теченіемъ времени распался на нѣсколько современныхъ. Однако, изъ многочисленныхъ попытокъ Мейтцена и моихъ, — прибавляетъ г. І. Пейскеръ, — ни одна не имѣла успѣха: всюду мы встрѣчались съ четырьмя или болѣе единицами, которыя нельзя было свести къ меньшему числу, а потому послѣднее число является первоначальнымъ“ [1]). Такимъ образомъ, необходимо принять къ свѣдѣнію эти выводы изслѣдователей, изучающихъ исторію аграрныхъ отношеній, и отказаться отъ мысли видѣть въ планѣ кружковыхъ селъ какое-либо указаніе на происхожденіе подобныхъ селъ отъ одной только задруги [2]).

Въ пользу того положенія, что кружковыя села произошли вслѣдствіе одновременнаго поселенія нѣсколькихъ задругъ, свидѣтельствуетъ также справедливое соображеніе, высказанное Авг. Мейтценомъ. Указывая на то обстоятельство, что свободная площадь въ серединѣ села соотвѣтствуетъ по своей величинѣ бо́льшему или меньшему числу дворовъ, расположенныхъ вокругъ нея, нѣмецкій ученый вполнѣ основательно приходитъ къ заключенію, что при основаніи руководились опредѣленнымъ планомъ, и что одновременно

---

1) I. Peisker, Východisko Meitzenova líčení agrárních dějin, str. 58.

2) На этомъ основаніи слѣдуетъ признать ошибочнымъ мнѣніе г. Фр. Вацка, высказанное имъ въ слѣдующихъ словахъ (Vývoj etc. въ журналѣ Alétheia, ročn. I, str. 15—16): Vědomost o rodovém zřízení ve starším stadii jeho vážena jest především z typu vsí českých, tak zvaných okrouhlic. Zejména disposice příbytků ve vsi a způsob, jakým pozemky jsou krájeny ukazují na původní spojitost obyvatelů. Statky veské seskupují se vůkol okrouhlé návsi, jež bývala někdy společným nádvořím všech usedlostí.

осѣдало нѣсколько хозяйственныхъ единицъ: 8, 6 или по меньшей мѣрѣ 4 [1]). Весьма возможно, что главы этихъ первоначальныхъ задругъ были связаны узами кровнаго родства, а одинъ изъ ихъ числа былъ старшимъ и игралъ роль жупана (senior villae), какъ это долго удерживалось въ практикѣ управленія Лужицкихъ селъ, благодаря окаменѣнію соціальнаго строя въ силу нѣмецкаго завоеванія [2]). Выдѣляющіяся изъ первоначальныхъ задругъ новыя задруги основывали свои дворы внѣ окружности площади, по большей части въ заднихъ частяхъ села [3]). Основатели села могли придавать поселенію описанный своеобразный видъ по соображеніямъ хозяйственнымъ или стратегическимъ [4]). Весьма возможно, что послѣднія соображенія даже имѣли особенную силу. Во всякомъ случаѣ, есть нѣкоторое основаніе думать, что фактъ особеннаго распространенія кружковыхъ селъ въ славянскихъ земляхъ, расположенныхъ на западъ отъ рѣки Лабы, находится въ зависимости отъ того обстоятельства, что западнымъ славянскимъ племенамъ приходилось вести непрерывную борьбу за свое существованіе и отражать настойчивое и систематическое нападеніе нѣмцевъ. Съ другой стороны, подобный планъ села былъ вполнѣ пригоденъ при основаніи поселенія въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, такъ какъ

---

1) Aug. Meitzen, Siedelung und Agrarwesen, Bd. II, S. 260.

2) См. выше, стр. 122—123, прим. 1.

3) См. планъ подобнаго села въ 1-омъ томѣ сочиненія Авг. Мейтцена, стр. 52. См. также Aug. Meitzen, Bd. II, S. 413; Bd. III, S. 362—363.

4) E. Schulze, Die Kolonisierung und Germanisierung der Gebiete zwischen Saale und Elbe, S. 30—31: Die Gehöfte liegen fächerförmig um einen ring — oder hufeisenförmigen Platz, der ursprünglich nur einen Zugang hatte und so einen leicht absperrbaren Pferch für das Vieh bildete . . . Man begreift, wie Dörfer dieser Bauart neben andern Vorteilen besonders auch die Möglichkeit einer raschen und verhältnissmässig leichten Verteidigung gewährten. Aug. Meitzen, Siedelung, Bd. II, S. 413: Bei beiden kann der nahen Grenze wegen mit Grund, wie bei den Elbslaven, auf die Ansicht leichterer Vertheidigung geschlossen werden.

представлялъ надежную защиту для людей и скота (отъ нападенія хищныхъ звѣрей). Самый фактъ одновременнаго поселенія нѣсколькихъ задругъ свидѣтельствуетъ о томъ, что кружковыя села возникали въ тревожное время или въ мѣстностяхъ, не отличавшихся безопасностью. Напротивъ, села другихъ типовъ, въ планѣ которыхъ не усматривается стремленія замкнуться отъ внѣшняго міра, основывались въ болѣе спокойное время и въ болѣе счастливыхъ мѣстностяхъ, т. е. по времени своего возникновенія относятся къ порѣ упроченія въ странѣ безопасности и культуры. Такія болѣе открытыя села (Strassendörfer, Haufendörfer) легко могли возникнуть путемъ постепеннаго распаденія или раздѣленія одной празадруги, одного двора. Однако, и эти села могли произойти въ силу одновременнаго или постепеннаго поселенія нѣсколькихъ задругъ или семействъ.

Проф. Авг. Мейтценъ, имѣвшій возможность пересмотрѣть огромное число чешскихъ кадастровыхъ картъ (свыше 3000 листовъ), пришелъ къ заключенію, что полевые участки въ коренныхъ чешскихъ селахъ по большей части расположены также точно, какъ въ силезскомъ селѣ Домновицѣ [1]). Въ этомъ селѣ еще въ началѣ XV вѣка, какъ видно изъ поземельной описи 1410 года, были въ полной силѣ славянскіе порядки и обычаи. Въ началѣ XIX вѣка въ селѣ было 3379 морговъ, составлявшихъ 1244 куска. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти куски (почти 1200) по размѣрамъ были чрезвычайно невелики: одни были мѣрою

1) Aug. Meitzen, Einleitung, S. 28, N. 1: habe ich in Prag eine grosse Anzahl Böhmischer Katasterkarten — durchgesehen und registrirt, und kann hier vermerken, dass ich in den Ebenen überall gewannähnliche, wenn auch sehr unregelmässige Feldeintheilungen mit der Dorflage von Domnowitz oder einem blossen Häuserhaufen — gefunden habe. . . Указавъ на то, что въ селѣ Домновицѣ пашня раздѣлена на огромное число большихъ и малыхъ полосъ, проф. А. Мейтценъ счелъ необходимымъ прибавить слѣдующее замѣчаніе (Einleitung, S. 110): Dasselbe Bild habe ich in Böhmen in noch viel grösserer Ausbreitung als in Schlesien gefunden.

до 1/2 морга, а другіе заключали въ себѣ 20—30 кв. футовъ. Полосы шли то вдоль, то поперекъ, во всевозможныхъ направленіяхъ. Въ общемъ черезполосица была столь велика, что даже заинтересованныя лица невсегда были въ состояніи указать, кому изъ нихъ принадлежитъ тотъ или иной кусокъ поля [1]). Такъ какъ, согласно свидѣтельству поземельной описи 1410 года, въ селѣ Домновицѣ было тогда 8 дѣдинъ [2]), то проф. Авг. Мейтценъ постарался возстановить 8 этихъ первоначальныхъ хозяйственныхъ единицъ. Въ самомъ дѣлѣ, не составляло большого труда 21 дворовое мѣсто современныхъ хозяйственныхъ единицъ свести къ 8 первоначальнымъ дворамъ, которые нѣкогда окружали круглую сельскую площадь. Какъ только эта предварительная работа была закончена, то для возстановленія полевыхъ участковъ, которые относились къ 8 первоначальнымъ единицамъ, необходимо было сложить по принадлежности участки, относящіеся къ современнымъ единицамъ. Разсматривая видъ и размѣръ установленныхъ по такому методу 8 первоначальныхъ единицъ, проф. Авг. Мейтценъ находилъ, что „раздѣленіе земли — менѣе произвольно, чѣмъ это могло казаться.“ По его мнѣнію, кадастровая „карта и опись вполнѣ убѣждаютъ въ томъ, что обработка расширялась понемного, и для каждой хозяйственной единицы были отводимы отдѣльные куски поля, примѣнительно къ условіямъ плодородія почвы.“ „При раздѣленіи кона или расчистки (Gewanneintheilung), — продолжаетъ онъ, — сказывалась мысль объ отводѣ каждому участнику по возможности равной доли поля какъ по качеству, такъ и по площади.“ По словамъ нѣмецкаго ученаго, „тамъ, гдѣ почва столь различнаго качества, какъ въ Домновицѣ, эта цѣль лучше можетъ быть достигнута посредствомъ отвода

1) Aug. Meitzen, Einleitung, S. 63.

2) Codex Diplomaticus Silesiae, t. IV, p. 255: Domnowitz hat VIII czeczynen.

для каждой (хозяйственной) единицы соотвѣтствующихъ поверхностей приблизительно одинаковаго плодородія въ различныхъ частяхъ сельской запашки, чѣмъ посредствомъ устройства правильныхъ коновъ (durch regelrechte Gewanne), такъ какъ послѣдніе на такой почвѣ были очень многочисленны и очень малы“ [1]). Не смотря на то обстоятельство, что въ селѣ Домновицѣ насчитывалось огромное множество маленькихъ кусковъ поля, все таки на поверхности сельской запашки можно указать болѣе 10 большихъ участковъ, имѣющихъ по большей части квадратную форму. Въ каждомъ изъ этихъ участковъ находились доли всѣхъ 8 первоначальныхъ дѣдинъ [2]).

Вообще у славянъ, по мнѣнію проф. Авг. Мейтцена, наблюдается раздѣленіе запашки на неправильные, причудливо закругленной формы, то большіе, то малые куски. Это одинаково относится къ прибалтійскимъ славянамъ, чехамъ и полякамъ. Подобное же раздѣленіе наблюдается въ нѣкоторыхъ селахъ Австріи, Каринтіи, Верхней Франконіи и Россіи [3]). Это раздѣленіе встрѣчается безразлично въ селахъ разныхъ типовъ [4]).

Проф. Авг. Мейтценъ не считаетъ возможнымъ причислять славянскія села съ такимъ раздѣленіемъ запашки, какое наблюдается въ селѣ Домновицѣ, къ числу клиновыхъ или коновыхъ селъ (Gewanndörfer). Какъ извѣстно, въ этихъ послѣднихъ селахъ вся запашка раздѣляется на ограниченное число клиновъ или коновъ, въ каждомъ изъ которыхъ всякій сельскій хозяинъ имѣетъ свою долю или полосу бо́льшей или меньшей величины, въ зависимости

1) Aug. Meitzen, Einleitung, S. 66—68. Сравни Ders., Siedelung etc., Bd. III, S. 358—367.

2) Aug. Meitzen, Siedelung, Bd. II, S. 260.

3) Aug. Meitzen, Siedelung etc., Bd. II, S. 261, 391, 413—414.

4) Aug. Meitzen, Einleitung, S. 29—30. См. также его же, Siedelung etc., Bd. II, S. 413, а въ атласѣ, приложенномъ къ сочиненію, карты подъ №№ 102, 106, 119 и соотвѣтствующія страницы 3-яго тома.

отъ размѣра надѣла. Подобное раздѣленіе запашки нѣмецкій ученый считаетъ характернымъ и типичнымъ для германцевъ [1]). Тѣмъ не менѣе, онъ самъ указываетъ, что въ коновыхъ или клиновыхъ селахъ болѣе древней формаціи клины или коны были небольшихъ размѣровъ, а слѣдовательно многочисленны, и неправильной формы, а равно отмѣчаетъ неизбѣжность перехода отъ неправильныхъ къ правильнымъ клинамъ или конамъ, не забывая при этомъ привести факты, свидѣтельствующіе о вмѣшательствѣ въ дѣло урегулированія представителей крупнаго землевладѣнія [2]). Послѣ этого представляется мало понятнымъ, какая же существенная разница была между раздѣленіемъ запашки въ германскихъ неурегулированныхъ селахъ и въ селѣ Домновицѣ, гдѣ было также, не смотря на обиліе малыхъ кусковъ, 10 большихъ коновъ или клиновъ [3])? Тѣмъ не менѣе, проф. Авг. Мейтценъ раздѣленіе запашки въ славянскихъ селахъ называетъ не клиновымъ или коновымъ, а только клино- или коноподобнымъ (gewannähnliche) [4]). Не ограничиваясь этимъ, онъ полагаетъ, что въ силезскихъ селахъ, въ которыхъ запашка раздѣлена была на болѣе или менѣе правильные коны или клины, это произошло подъ вліяніемъ введенія нѣмецкихъ порядковъ [5]). И это категорическое утвержденіе нѣмецкаго ученаго мирно уживается съ его признаніемъ, что запашка нѣкоторыхъ русскихъ селъ, расположенныхъ около Ярославля и Москвы, раздѣлена была также на правильные коны или клины [6]).

Общая теорія проф. Авг. Мейтцена о коновыхъ селахъ (Gewanndörfer) встрѣтила въ ученой литературѣ вполнѣ осно-

---

1) Aug. Meitzen, Siedelung etc., Bd. I, S. 122.
2) Ibid., S. 107, 112—117.
3) См. выше, стр. 149.
4) Einleitung, S. 28, N. 1.
5) Ibid., S. 31—36, 43—46, 53—60, 103, 105, 109, 111.
6) Einleitung, S. 106—107. Siedelung und Agrarwesen, Bd. II, S. 181—182, 220—221; Bd. III, 321 ff.

вательные упреки и возраженія со стороны многихъ авторитетныхъ ученыхъ. Такъ, напр., проф. М. Ковалевскій указалъ на то, что данная теорія основывается на цѣломъ рядѣ предположеній, недостаточно обоснованныхъ проф. Авг. Мейтценомъ и его предшественниками, начиная съ Олуфсена [1]). Значительно ранѣе, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ Мейтценова сочиненія, другой ученый справедливо отмѣтилъ, что разсужденія проф. Авг. Мейтцена представляются раціоналистическими и построены на признаніи цѣлесообразности тамъ, гдѣ таковой, несомнѣнно, не было и даже быть не могло. Въ частности самое происхожденіе коновъ можетъ быть объяснено, по его мнѣнію, совершенно иначе. Предназначенныя для посѣва хлѣба расчистки (jeder Schlag) возникали въ древности вслѣдствіе приложенія коллективнаго труда многихъ, а потому каждому товарищу отводилась въ расчисткѣ полоса или нива, соотвѣтствующая по величинѣ размѣру его участія въ общемъ пріобрѣтеніи. По мѣрѣ расширенія сельской запашки, увеличивалось количество подобныхъ коллективныхъ расчистокъ, и послѣднія превращались въ коны или клины: всѣ товарищи имѣли полосы или нивы въ различныхъ конахъ или клинахъ. Такимъ образомъ, коновое раздѣленіе запашки было послѣдствіемъ медленнаго увеличенія площади культурныхъ земель [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно согласиться съ тѣмъ, что раздѣленіе запашки на коны находилось въ зависимости отъ бо́льшаго или меньшаго плодородія почвы и проистекало отъ желанія достигнуть уравненія всѣхъ хозяйственныхъ единицъ села отводомъ надѣловъ не только одинаковыхъ по площади, но и по плодородію. Какъ бы ни была раз-

---

1) Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства, т. II, Москва 1900, стр. 136 слѣд.

2) G. F. Knapp, Siedelung und Agrarwesen nach A. Meitzen см. Allgemeine Zeitung, 1896, № 249, Beilage, S. 1—6.

лична по своему плодородію почва на территоріи села, но при основаніи его нетрудно было отыскать цѣльные и замкнутые участки, совершенно тождественные и по площади, и по качеству, въ числѣ, соотвѣтствующемъ количеству первоначальныхъ хозяйственныхъ единицъ. Если бы поселенцы придавали такое огромное значеніе разницѣ въ плодородіи различныхъ коновъ, а потому считали необходимымъ раздѣлъ каждаго изъ нихъ на полосы, то такая аграрная практика удержалась бы и въ послѣдующую пору, когда началось въ Средней Европѣ усиленное распахиваніе земель. Между тѣмъ, какъ извѣстно, мансы или гуфы колонистовъ представляли собою отдѣльные участки: черезполосица была явленіемъ, совершенно чуждымъ въ ихъ селахъ. Наконецъ, эта предполагаемая по теоріи уравнительность, повлекшая къ раздѣлу каждаго кона на полосы, основывается на предпосылкѣ, что вся сельская запашка въ теченіе короткаго промежутка времени была разработана, или что, по крайней мѣрѣ, основатели древняго села въ виду качественнаго различія почвы приступили къ дѣлу расчистки, руководствуясь систематическимъ и довольно остроумнымъ планомъ. Если же они были бы такими теоретиками, то не могли бы упустить изъ виду тѣ затрудненія и техническія неудобства, съ которыми приходится считаться хозяевамъ при существованіи черезполосицы [1]).

Обладая извѣстнымъ остроуміемъ и настойчивостью, можно, конечно, придумать объясненія въ пользу раціоналистическаго истолкованія происхожденія черезполосицы, наблю-

1) Подобными теоретическими уравнительными соображеніями руководились иногда въ дѣйствительности при введеніи искусственнаго раздѣленія запашки. Въ качествѣ примѣра можно указать слѣдующій текстъ: reze tego pierwszego polia są na troie rozdzielone. A to dlia tey przyczyny, aby się nie yednemu wszytko, alie wszytkim wszytkiego, tak złego, yako i dobrego gruntu dostało. См. Акты Виленской Археографической Коммиссіи, т. XIV, str. 102—103, № 8, (1566).

даемой въ раздѣленіи запашки коновыхъ или клиновыхъ селъ. Можно, однако, думать, что историки воздержатся отъ этой неблагодарной задачи тѣмъ болѣе, что въ пользу теоретическаго объясненія, предложеннаго г. Кнаппомъ, рецензентомъ капитальнаго труда проф. Мейтцена, въ настоящее время могутъ быть указаны свидѣтельства такъ называемаго Судебника царя Ѳеодора Ивановича [1]). Въ 174 статьѣ этого Судебника дѣло идетъ о расчисткѣ, разработанной трудомъ товарищей (складниковъ), но впослѣдствіи заброшенной и поросшей молодымъ лѣсомъ („тѣхъ молодей прежнихъ выпашень"). Какъ оказывается, расчистка эта считалась общимъ достояніемъ всѣхъ товарищей: никто изъ нихъ не имѣлъ права ни рубить молодой лѣсъ, ни пахать расчистки безъ предварительнаго раздѣла между участниками и отвода каждому доли по жеребію („межъ себя безъ делу и безъ жеребія"). Если же кто изъ товарищей вырубитъ молодь и распашетъ полосу, на его долю непришедшуюся („безъ делу"), а доставшуюся другому товарищу, который лѣса не рубилъ („иной складникъ не секъ"), а оставилъ его нетронутымъ („хоти онъ и ставилъ тогоже лѣсу"), то урожай, полученный на такой полосѣ, подлежитъ раздѣлу пополамъ („выть ему таковажъ въ хлебе") [2]).

---

1) Этотъ Судебникъ составленъ былъ въ 1589 г. и представляетъ переработку стараго царскаго Судебника, дополненную 69 новыми статьями. Онъ былъ отысканъ недавно г. С. К. Богоявленскимъ въ собраніи Ѳ. Ѳ. Мазурина. См. Извѣстія XI археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, № 11, стр. 161 и (М. Ѳ. Владимірскаго-Буданова) Обзоръ исторіи русскаго права, 3 изд., стр. VI—VII.

2) Полный текстъ этой статьи съ поправками, предложенными проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ, слѣдующій: „А у которыхъ селъ и деревень есть молоди, — и тѣхъ молодей прежнихъ выпашетъ (выпашень?) и тѣхъ лѣсовъ складниками (складникамъ) межъ себя безъ делу и безъ жеребія ни сетчи, ни пахати; а кои складникъ безъ делу молоди высечетъ или пашетъ, а иной складникъ не секъ, а выть ему таковажъ въ хлебе, хоти онъ и ставилъ тогоже лѣсу". См. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 555—556.

Эта статья, драгоцѣнная для изслѣдователей аграрнаго строя не только славянскихъ народовъ, но и всѣхъ народовъ, прошедшихъ первую стадію земледѣльческаго быта, — съ полной опредѣленностью вскрываетъ процессъ происхожденія коновъ и необходимость раздѣленія ихъ на полосы (sortes).

Въ сущности особенно важнаго значенія не имѣетъ рѣшеніе вопроса, были ли упомянутые въ статьѣ складники члены товарищества, какъ на этомъ настаиваетъ проф. М. А. Дьяконовъ, или члены общины, какъ думаетъ русскій маститый ученый проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ [1]), такъ какъ въ дѣйствительности было, несомнѣнно, и то, и другое. Впрочемъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ при разработкѣ расчистокъ принимали участіе всѣ хозяева села, представители первоначальныхъ хозяйственныхъ единицъ. Каждый изъ нихъ потому являлся владѣльцемъ извѣстной доли всей сельской запашки. Самая эта доля была реальна, потому что слагалась изъ полосъ или нивъ, находившихся во всѣхъ клинахъ или конахъ. Этой сельской доли не слѣдуетъ смѣшивать съ поземельными единицами, возникавшими повсюду въ связи съ государственнымъ и землевладѣльческимъ обложеніемъ, такъ какъ въ основѣ сельской доли и поземельныхъ единицъ лежало различное содержаніе: первая имѣла естественное, а вторыя — искусственное происхожденіе. Будучи по своей природѣ поземельной единицей, вполнѣ тождественной съ древне-германскимъ мансомъ или гуфомъ, „выть“ и соха Московскаго государства заключала въ себѣ извѣстное число четей, каждая изъ которыхъ представляла площадь мѣрою полъ десятины [2]).

---

1) См. Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 556 и рецензію проф. М. А. Дьяконова въ Журналѣ Минист. Юстиціи, 1900 г., мартъ, стр. 315.

2) На выть обыкновенно считали во всѣхъ трехъ поляхъ не одинаковое число четей и десятинъ. Ѳедотовъ-Чеховскій, Акты, относящіеся до гражданской расправы древней Россіи, Т. I,

Полосы, на которыя раздѣлялись коны, были одинаковой величины для удобства раздѣла между товарищами, участвовавшими въ разработкѣ расчистки. Если всѣ товарищи принимали одинаковое участіе, то каждому доставалось одинаковое количество полосъ или полоса, равная по величинѣ всѣмъ другимъ; если же не всѣ товарищи приложили одинаковое количество труда, то раздѣлъ, неизбѣжно, долженъ былъ произойти пропорціонально степени участія каждаго, secundum dignationem, какъ выразился Тацитъ въ 26 главѣ своего сочиненія о Германіи. Во всякомъ случаѣ, полосы не могли по величинѣ совпадать съ четями и моргами, такъ какъ въ основаніи дѣленія на полосы и дѣленія на чети и морги лежали совершенно различныя соображенія [1]). Реальную долю каждаго жителя села община должна была приводить въ соотвѣтствіе съ поземельной единицей финансоваго происхожденія. Такимъ образомъ, практика перемѣра или сопоставленія реальныхъ и естественныхъ долей съ

Кіевъ 1860, стр. 233, № 83: „Пашни въ селѣ въ Борисовскомъ 470 (?) десятинъ въ одномъ поле, а въ дву по тому же . . . въ селѣ Борисовскомъ 80 вытей, а положено на выть пашни по пяти десятинъ“. Тамъ же, стр. 244, № 86: „мѣрили Кижскаго погоста деревни въ четвертное число по 14 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ“. (Въ первомъ изъ этихъ текстовъ размѣръ выти опредѣленъ по нормѣ одного поля). Тамъ же, стр. 335, № 102: „45 десятинъ, а четвертною пашнею 90 чети“. — Въ Западной Руси соотвѣтствующая „выти“ поземельная единица называлась „куницей“ и „волокой“. На волоку приходилось 30 и болѣе морговъ. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою Коммиссіею, Т. XIV, Вильна 1888, стр. 3, № 1, (1501): „въ которыхъ то селахъ вымѣрено крунту пашного куницъ двѣстѣ семь и морговъ пять“ и т. д. Тамъ же, стр. 101, № 8, (1566): licząc w każdą włokę po morg. 30. Довнаръ-Запольскій, Документы Московскаго Архива Минист. Юстиціи, Т. I, стр. 223, № XVII, (1566): „становячи вровнѣ кождую волоку по морг. 33.“

1) Любопытно отмѣтить, что это несовпаденіе сказывалось даже при искусственномъ раздѣленіи запашки въ тѣхъ случаяхъ, когда по теоретическимъ соображеніямъ каждое изъ 3 полей раздѣляли на клины или коны. Такъ, напр., озимое поле одного изъ селъ Кретынскаго войтовства раздѣлялось на три кона: каждая изъ

поземельными единицами, приведеніе первыхъ къ знаменателю послѣднихъ была неизбѣжна во всѣхъ коновыхъ или клиновыхъ селахъ, пока въ нихъ искусственнымъ образомъ, благодаря вмѣшательству землевладѣльцевъ, коновыя полосы не были приведены къ опредѣленному числу четей, морговъ и т. д., или пока не произошло полное размежеваніе всей сельской запашки, соединенное съ уничтоженіемъ самихъ коновъ. Равнымъ образомъ перемѣръ былъ необходимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ или покупатель реальной и естественной доли въ селѣ имѣлъ основаніе сомнѣваться въ соотвѣтствіи его доли опредѣленной поземельной единицѣ финансоваго происхожденія или ея части, либо находилъ, что его доля не соотвѣтствуетъ размѣрамъ доставшихся ему полосъ. Тогда имѣлъ мѣсто перемѣръ „повытно по купчимъ“, какъ сказано въ 159 статьѣ Судебника царя Ѳеодора Ивановича. Въ этой статьѣ предусматривается желаніе новаго жильца, новаго члена сельской общины, провѣрить правильность соотвѣтствія его доли полосамъ, находившимся на пространствѣ всей сельской запашки, сѣнокоса и другихъ угодій, а въ зависимости отъ этого степень его участія въ финансовомъ обложеніи („повытно по купчимъ“). Если при этомъ обнаруживалось, что въ какомъ-либо конѣ часть полосы новаго жильца захвачена его сосѣдомъ, то захваченный кусокъ („умѣръ“) возвращается здѣсь же и полностью, а виновный въ захватѣ лишается права свозить удобреніе съ этого участка. Если же захвачена была часть усадебной земли, то новому жильцу предоставлялось право взять соотвѣтствующій („противъ тово“) участокъ земли изъ состава полосы захватчика

---

20 полосъ (reze, резы) перваго кона заключала въ себѣ 1 моргъ $16^{1}/_{5}$ прутовъ, каждая изъ 20 полосъ второго кона — 8 морговъ 4 прута (въ текстѣ ошибочно указано 8 морговъ 12 прутовъ), каждая изъ 20 полосъ третьяго кона — 7 морговъ $24^{3}/_{10}$ прута. То же самое было и въ конахъ другихъ двухъ полей. См. Акты Виленской Археографической Коммиссіи, т. XIV, № 8, стр. 103—105, (1566).

въ любомъ конѣ, но воспрещено было требовать выдѣла соотвѣтствующаго участка въ конѣ, отведенномъ подъ хмельникъ и садъ [1]).

V. Безпорядочное или, какъ его называетъ проф. Авг. Мейтценъ, коноподобное (gewannähnliche) раздѣленіе запашки, которое наблюдается въ силезскомъ селѣ Домновицѣ и въ другихъ славянскихъ селахъ, не исключая и русскихъ [2]), произошло отъ того, что иныя расчистки совершены были трудомъ не всѣхъ жителей, а стараніями нѣкоторыхъ изъ нихъ или даже одного. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ 12 большихъ коновъ села Домновицы, въ которыхъ находились полосы всѣхъ хозяевъ, были, несомнѣнно, древнѣйшими расчистками, произведенными общими силами всѣхъ 8 первоначальныхъ хозяйственныхъ единицъ села. Остальныя расчистки средней и малой величины были распаханы общими силами нѣсколькихъ товарищей или единоличными усиліями наиболѣе предпріимчивыхъ и зажиточныхъ членовъ общины [3]).

То же самое, несомнѣнно, было и въ чешскихъ селахъ, такъ какъ и ихъ запашки были раздѣлены на коны [4]). Не смотря на скудость историческихъ источниковъ древней исторіи Чехіи, можно указать все-таки нѣсколько свидѣтельствъ, подтверждающихъ правильность высказаннаго по-

---

1) „А пріѣдетъ въ деревню новой жилецъ, и захочетъ землю делити во вьсу землю и деревню въ поляхъ, наволокахъ и во всѣхъ всякихъ земляхъ и угодья(хъ), — делити землю, и пожни, и угодья и путики повытно по купчимъ; и где другъ-друга умирить, туто умѣръ взяти безубыточно; а съ полосъ назму не вести; и где умѣрить подворною землею, противъ тово имати земля любая, где захочетъ, опричь хмельника и садовые земли.“ См. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 554. См. также рецензію проф. М. А. Дьяконова, стр. 312—313. У этихъ авторовъ см. ихъ толкованія этой 159 статьи.

2) См. выше, стр. 148—150.

3) См. ниже, стр. 159, а также выше, стр. 137—138.

4) См. выше, стр. 147.

ложенія, основаннаго на данныхъ современнаго аграрнаго строя. Нѣкоторые жители села Порѣшицы Беровнскаго края имѣли конъ около села Тынчанъ, которое принадлежало Милевскому монастырю [1]). Такъ какъ этотъ конъ лежалъ далеко отъ села Порѣшицы (разстояніе между селами по прямой линіи не менѣе 5 километровъ), то товарищи, съ согласія землевладѣльца, продали его аббату Милевскаго монастыря за 600 ден., а своему землевладѣльцу (Островскому монастырю) дали обязательство устроить вблизи села новую расчистку на лучшей почвѣ и потому болѣе доходную [2]). Что въ данномъ случаѣ заинтересованы были главнымъ образомъ нѣкоторые жители села (quidam rustici), это видно изъ противоположенія ихъ всей сельской общинѣ [3]). Однако, такъ какъ эта сдѣлка нарушала соотношенія между долями нѣсколькихъ членовъ общины и единицей финансоваго обложенія, то землевладѣлецъ принялъ необходимыя мѣры, взявъ съ продавцевъ обязательство устроить новый конъ вблизи села. Въ этомъ также была заинтересована вся община (plebs de Pozcepic). Если въ грамотѣ это прямо не указано, то самое умолчаніе произошло отъ того, что грамота составлена была отъ лица аббата Островскаго монастыря. Тѣмъ не менѣе, нахожденіе въ числѣ свидѣтелей грамоты всей сельской общины доказываетъ, что и она одобрила сдѣлку подъ извѣстнымъ обязательствомъ со стороны продавцевъ кона принять мѣры противъ нарушенія установившагося уже соотношенія между долями и поземельными единицами податнаго или финансоваго происхожденія. Съ

1) Erben, Regesta, t. I, p. 231, nr. 507, (1207).

2) Ibid., p. 355, nr. 753, (cc. 1229): Quidam rustici nostri de villa Porezic, cum haberent agrum juxta Tynzcan, villam abbatis de Myleuzco, qui eis minus utilis erat, eo quod remotus valde esset, impetrata a nobis licentia, vendiderunt ipsum agrum memoratae ecclesiae abbati pro sexcentis denariis, tali conditione, ut pro ipsis rubos exstirparent et agros sibi viciniores meliores et utiliores excolerent, quatinus per hoc nobis et ecclesiae nostrae nichil deperiret.

3) Ibid.: et plebs de Pozcepic.

другой стороны, пока пустошей вокругъ села было много, община ничего не могла имѣть противъ распахиванія ихъ и устройства новыхъ коновъ [1]). Во времена сѣдой древности и даже на зарѣ чешской исторіи только въ исключительныхъ случаяхъ отдѣльныя лица самостоятельно производили расчистку и распашку въ лѣсныхъ дебряхъ. Какъ видно изъ преданія, записаннаго Косьмой Пражскимъ въ самомъ началѣ XII вѣка, то обстоятельство, что расчистка (novale unum) Премысла преувеличенно малаго размѣра [2]) не была полосой или частью какого-либо кона, а составляла самостоятельное цѣлое, — вызывало всеобщее удивленіе [3]). Съ теченіемъ времени подобныя индивидуальныя расчистки перестали быть исключительнымъ явленіемъ. Какъ видно изъ завѣщанія священника Збигнѣва, ему въ селѣ Унетицѣ (оно расположено вблизи Праги, къ сѣв.-западу отъ послѣдней, и имѣетъ видъ уличнаго села) принадлежало 5 коновъ (campi), которые достались ему по наслѣдству отъ родителей, а отчасти были его личнымъ пріобрѣтеніемъ. Что эти коны были расчистками [4]), это видно изъ ихъ расположенія около лѣсовъ, по имени которыхъ они назывались. Эти коны раздѣлялись или, вѣрнѣе сказать, состояли изъ нѣсколькихъ полосъ. Въ четырехъ наслѣдствен-

---

1) См. выше, стр. 131—133, 137, 141.

2) Если бы новь имѣла 12 шаговъ или локтей въ длину и ширину, то загоны при пахотѣ быками имѣли бы невозможно малую длину: длина загоновъ (30—115 саж.) колеблется, конечно, въ зависимости отъ качества почвы и другихъ условій. Во всякомъ случаѣ, хозяева избѣгаютъ слишкомъ короткихъ загоновъ, такъ какъ чѣмъ короче загонъ, тѣмъ большая потеря времени на поворотахъ. См. Ѳ. А. Баталинъ, Справочная книга русскаго сельскаго хозяина, С.-Петербургъ 1892, стр. 31 и Aug. Meitzen, Siedelung etc., Bd. I, S. 87.

3) Cosmae chronica, I, 5, p. 12: villa nomine Stadici. Hujus in territorio est novale unum, in longitudine et in latitudine XII passuum, quod mirum in modum, cum sit inter tot agros in medio positum, ad nullum tamen pertinet agrum.

4) См. выше, стр. 137.

ныхъ уѣздахъ Збигнѣва, находившихся въ селѣ Унетицѣ, было 27 полосъ (agri)[1]). Эти коны, принадлежавшіе Збигнѣву въ одномъ селѣ, едва ли превосходили по размѣрамъ ту расчистку, на которой въ Лѣвомъ Градцѣ сидѣлъ задушный человѣкъ завѣщателя: по большей части это былъ плугъ земли, обычный надѣлъ одной крестьянской семьи[2]). Въ самомъ дѣлѣ, наслѣдственные коны Збигнѣва были обрабатываемы тремя крестьянскими зависимыми семьями[3]). Во всякомъ случаѣ, расчистки въ селѣ Унетицѣ были почти такого размѣра, какъ тотъ конъ, который принадлежалъ нѣкоторымъ жителямъ села Порѣшицы и расположенъ былъ около села Тынчанъ, насколько можно объ этомъ судить по опредѣленію стоимости половины кона то въ 150 ден., то въ 100 ден.[4]).

Какъ видно изъ свидѣтельства Косьмы Пражскаго, обычнымъ въ древности и въ его время явленіемъ было опредѣленное отношеніе каждаго куска поля къ тому или другому кону: каждая полоса тянула (pertinet) къ извѣстной совокупности такихъ же однородныхъ полосъ, т. е. къ

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 98, nr. 219, (cc. 1132): Suberam quoque patris mei ac matris meae, quorum nomina sunt haec: Bohun, Bozena, meamque eis subjugavi. Primum Roven, silvam cum campo; Huatym cum campo, et ecce meta . . . silva Scepene cum campo, silva Scala cum campo; decem et VIII agri, et IX, quem a fratre emi . . . Et ad hoc unus campus, quem a Mylhost mercatus sum.

2) Ibid., p. 98—99: In Levo Gradech terra ad aratrum . . . Et Ostog proanimatus in ea sedens et solvens XII denarios unoquoque anno Wneticensi ecclesiae. Status autem campi istius est juxta Suadow et juxta Colasey et juxta Hriunatecz.

3) Ibid., p. 99: In villa Vnetich . . . et ecce familia tota: Radata cum uxore et tres filii, et una filia, Milhost, Bogdan, Rados, Bratromila, Johannes cum uxore et filia, Srinek, Modlis cum uxore et filia, Milohna.

4) Ibid., p. 99: Juxta orreum est medietas campi, pro quo frater meus debet dare CL, et alter est Bresti similiter medius, pro quo debet dare C denarios, hoc est Popousca. На этомъ конѣ посаженъ былъ зависимый человѣкъ, пришедшій изъ Ново-Болеславля: Milong proanimatus cum uxore et filiis et filiabus de Novo Bolezlau . . . Онъ платилъ 6 ден., а Остой, имѣвшій плугъ земли, 12 ден.; слѣдовательно, его надѣлъ былъ въ два раза меньшаго размѣра и заключалъ въ себѣ площадь полъ плуга.

одному кону [1]). Подобное раздѣленіе сельской запашки сохранилось въ селахъ и послѣ распространенія въ Чехіи такъ называемаго нѣмецкаго права. Въ селѣ Угоницѣ, расположенномъ на разстояніи 3 часовъ пути отъ Праги, къ юго-западу отъ этого города [2]), недалеко отъ села Унетицы (15 килом. по прямой линіи), было $20^1/_2$ лановъ. Въ этомъ селѣ, имѣющемъ видъ поселенія уличнаго типа [3]), подъ пашню занята была въ началѣ XV вѣка половина всей территоріи села: кромѣ 8 луговъ, подъ лѣсомъ было 15 лановъ и 7 югеровъ. Лѣсъ оставленъ былъ на горахъ и ихъ склонахъ, а подъ пашню разработана вся пригодная земля, лежащая между горами, въ долинахъ. Такихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, было 12. Такъ какъ эти куски лѣса, каждый изъ которыхъ занималъ площадь 1—$1^1/_2$ лана [4]), разбросаны были, несомнѣнно, по всей территоріи села, то расчистки или коны были, какъ видно, невелики и вполнѣ по наружному виду напоминали расчистки села Унетицы [5]). Въ началѣ XV вѣка въ селѣ было 24 крестьян-

1) См. выше, стр. 159, прим. 3.

2) Watterich von Watterichsburg, Handwörterbuch der Landeskunde des Königreiches Böhmen, Prag 1845, S. 160.

3) См. Special-Karte, B. № XIII.

4) Въ селѣ Угоницѣ, какъ и въ сосѣднихъ селахъ Уѣздцѣ и Бубовицѣ, на ланъ считали 64 югера. См. Decem registra, p. 234—235: laneorum quolibet 64 strichones secundum mensuram terre debitam et mensuram capiente. Emler, Regesta, t. III, p. 774, nr. 2000, (1333): kteřížto lánové mají držeti ozimneho osetí šedesát čtyř strychy.

5) Decem registra, p. 230—231: Villa Vhonycz. Item ibidem sunt $20^1/_2$ laneus solventes . . . Item ibidem sunt 15 lanei de silva et 7 jugera. Item mons dictus Modra hora continet in se 48 jugera. Item mons Luczna hora continet centum jugera minus uno. Item mons Hanebnyk continet centum jugera minus 2-bus. Item mons Thurnowa continet 66 jugera. Item mons Vgezd continet 94 jugera. Item mons Zahradka continet 82 jugera. Item mons We Swyslech continet 64 jugera. Item mons od Hostyna continet 84 jugera. Item mons Kachowka continet 96 jugera. Item mons Zaworna continet 96 jugera. Item Mons Na Sennem continet 81 juger. Item mons Na Kosty con-

скихъ хозяйства, между которыми земля было распредѣлена слѣдующимъ образомъ: два хозяйства имѣли по кварталу или 1/4 лана, шесть хозяйствъ по 1/2 лана, одно хозяйство — 2/3 лана, одно хозяйство — треть лана и 1 1/2 квартала, одно хозяйство — 3 квартала, одно хозяйство — 3 1/2 квартала, восемь хозяйствъ — по цѣлому лану, одно хозяйство — 1 ланъ 5 югеровъ, одно хозяйство — 1 1/2 лана безъ 5 югеровъ, одно хозяйство — 1 1/2 лана, одно хозяйство — 2 лана [1]). Надѣлы мѣрою 1 ланъ, 1/2 лана, кварталъ или 1/4 лана, полъ квартала или 1/8 лана, при опредѣленіи въ составѣ этой единицы 64 югеровъ или стриховъ, вполнѣ точно выражаются цѣлыми числами югеровъ, а именно: 64, 32, 16 и 8. То же самое относится и къ тѣмъ надѣламъ, которые состояли изъ цѣлыхъ лановъ или изъ этихъ частей лана. Подобные надѣлы, независимо отъ того, лежалъ ли каждый изъ нихъ въ одномъ кускѣ или слагался изъ нѣсколькихъ кусковъ, могли состоять изъ полосъ, измѣряемыхъ

---

tinet 70 jugera. — Всего выходитъ 968 югеровъ или 15 лановъ и 8 югеровъ. Такимъ образомъ, разница противъ итога, даннаго въ описи, получается незначительная (1 югеръ).

1) Decem registra, p. 232: Et supradictos laneos — tenent laici infrascripti:

Item Wenczeslaus Wrbsky habet 1 laneum et 5 str.
Item Stephanus habet 1/2 lan.
Item Chwal habet 1 laneum.
Item Procopius habet 1 lan.
Item Anthonius habet 1/2 lan.
Item Walentinus habet 1/2 lan.
Item Mach thabernator habet 2 laneos.
Item Blasias habet 1 laneum.
Item Jakass habet 2 part. lan.
Item Matieg habet 1 laneum.
Item Anka vidua habet 1 lan.
Item Laurencius clericus habet 1 laneum.
Item Marzyk Zastyera habet 1 1/2 laneum minus 5 strichon.
Item Blazek habet 1 lan.
Item Wanyek Rzehaconis habet 1 1/2 laneum.
Item Myran habet 1 part.
Item Tresknarz habet 1 1/2 quartale et terciam partem lan.
Item Matieg habet 1/2 lan.
Item Henricus habet 3 quart.
Item Jan habet 1 laneum.
Item Adalbertus habet 1 lan. minus 1/2 quartali.
Item Barthon habet 1 quart.
Item Ambrosius habet 1/2 lan.
Item Marzyk Rzehaconis habet 1/2 laneum.

цѣлыми единицами югеровъ. Надѣлъ же, равный $^2/_3$ лана, заключалъ въ себѣ $42^2/_3$ югера. Эти дроби создавали, несомнѣнно, затрудненіе при установленіи соотношенія между долей или надѣломъ каждаго хозяйства и поземельной единицей финансоваго обложенія, каковый былъ ланъ. Если бы надѣлы были размежеваны искусственно, то въ селѣ подобныхъ надѣловъ не могло бы существовать: въ самомъ дѣлѣ, стоило только землевладѣльцу распорядиться о прирѣзкѣ къ подобному надѣлу $5^1/_3$ югеровъ земли или уменьшеніи его на $2^2/_3$ югера, чтобы всякія затрудненія были вполнѣ устранены. Ни того, ни другого нельзя было однако сдѣлать, такъ какъ село было старое, а всѣ земли, пригодныя для земледѣлія, уже $2^1/_2$ вѣка были распаханы [1]). Землевладѣльцу и составителю описи приходилось въ такомъ случаѣ мириться съ фактами, установившимися въ древности, и кое-какъ пригонять искусственную поземельную единицу для опредѣленія площадей крестьянскихъ надѣловъ. Эти послѣдніе слагались изъ полосъ совершенно различной величины.

---

1) Это видно изъ того, что въ серединѣ XII вѣка, когда князь Владиславъ пожертвовалъ это село Страговскому монастырю, въ немъ было 21 крестьянское хозяйство. См. Emler, Regesta, t. II, p. 1155, (cc. 1143): dedit etiam villam Vgonenici cum familia hac: Bel ipse quintus, Radat, Poztan ipse quintus, Krisan ipse VIII-us, Modlibog ipse III-us, Hropon, Radosta, Dobrotag, Bohdan ipse III-us, Rosana ancilla ipsa III-a, Lizzec ipse V-us, Borek ipse II-us, Vacemil, Dalata ipse V-us, Dewec, Premil ipse V-us, Beska ipse III-us, Mileissi, Nubil ipse III-us, Pomnen, Kratky ipse III-us. Сравни Erben, Regesta, t. I, p. 108, nr. 241, (cc. 1143). Если сравнить имена зависимыхъ людей села Угоницы въ серединѣ XII вѣка и въ началѣ XV вѣка, то можно убѣдиться, что древній чешскій именословъ былъ языческо-славянскаго характера. — По замѣчанію Эмлера, для исправленнаго изданія этого источника, изъ котораго взятъ вышеприведенный текстъ, послужилъ отрывокъ описи XIV вѣка, сохранившійся въ рукописи, находящейся въ архивѣ Страговскаго каноникатa (e primitivo hujus fragmenti fonte, videlicet urbario seculi XIV, quod in archivo canoniae Strahoviensis servatur). Можетъ быть, это и была та „старинная опись“, на которую ссылается составитель извѣстной поземельной описи Страговскаго монастыря? Однако, изданный отрывокъ не имѣетъ характера описи. См. выше, стр. 32.

Такія полосы находились во всѣхъ расчисткахъ, а площадь многихъ изъ нихъ не выражалась при измѣреніи цѣлыми единицами югеровъ. По этой причинѣ составитель описи, опредѣлявшій размѣръ лѣсныхъ участковъ югерами, не могъ примѣнить подобный способъ исчисленія при опредѣленіи площадей крестьянскихъ надѣловъ. Изъ-подъ искусственныхъ опредѣленій составителя поземельной описи кое-гдѣ проглядываетъ реальная дѣйствительность. Въ самомъ дѣлѣ, если обратить вниманіе на то обстоятельство, что надѣлъ крестьянина, имѣвшаго $1^1/_2$ квартала и третью часть лана, можетъ быть выраженъ при превращеніи въ ланы однимъ дробнымъ числомъ ($^1/_4 + {}^1/_8 + {}^1/_3 = {}^{17}/_{24}$), въ которомъ знаменатель соотвѣтствуетъ количеству крестьянскихъ хозяйствъ въ селѣ, то въ числителѣ нельзя не видѣть указанія на количество долей, принадлежавшихъ этому крестьянину, при условіи равенства таковыхъ для всѣхъ хозяйствъ. Конечно, самое совпаденіе чиселъ знаменателя и крестьянскихъ хозяйствъ есть, можетъ быть, только счастливая случайность, но это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ ею воспользоваться. Если послѣ всего этого отдѣльныя опредѣленія размѣровъ крестьянскихъ хозяйствъ, какъ онѣ даны въ поземельной описи, выразить числами указанныхъ долей, то получится такое распредѣленіе всей сельской запашки села Угоницы: два хозяйства имѣли по 6 долей, шесть хозяйствъ — по 12 долей, одно хозяйство — 16 долей, одно хозяйство — 17 долей, одно хозяйство — 18 долей, одно хозяйство — 21 долю, восемь хозяйствъ — по 24 доли, одно хозяйство — 24 доли и 5 югеровъ, одно хозяйство — 36 долей безъ 5 югеровъ, одно хозяйство — 36 долей, одно хозяйство — 48 долей. Такимъ образомъ, въ селѣ было 492 доли. Такъ какъ вся крестьянская запашка представляла площадь $20^1/_2$ лановъ или 1312 югеровъ, то на каждую долю въ селѣ приходилось $2^2/_3$ югера. Зная размѣры этой сельской доли, а равно количество причитающихся на каждое хо-

зяйство подобныхъ долей, крестьяне безъ труда могли опредѣлить площади своихъ надѣловъ. Геометріи они, конечно, не знали, ни веревки, ни цѣпи не употребляли для обмѣра поверхностей. Въ этихъ орудіяхъ высшей культуры не встрѣчалось никакой надобности: земли измѣрялись количествомъ высѣваемаго зерна. Югеръ или стрихъ земли представлялъ площадь, на которой можно было посѣять мѣру зерна яроваго и озимаго хлѣба или только послѣдняго, въ зависимости, конечно, отъ мѣстнаго обычая, опредѣляемаго характеромъ преобладающаго сѣвооборота [1]). Опытный глазъ сельскаго хозяина безошибочно опредѣлялъ площадь такого посѣвнаго югера. Если крестьянинъ находилъ, что его полосы въ совокупности или та, либо другая полоса въ отдѣльности, оказываются неполномѣрными, онъ могъ потребовать правильной разверстки или перемѣра.

Разсматривая опредѣленія размѣровъ крестьянскихъ надѣловъ села Угоницы, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что составитель описи вынужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи югеровъ при исчисленіи площадей двухъ крестьянскихъ надѣловъ. Въ обоихъ случаяхъ онъ упоминаетъ о 5 югерахъ, которые были прибавкою къ одному надѣлу и излишкомъ въ другомъ надѣлѣ. Эти 5 югеровъ были, очевидно, для него камнемъ преткновенія и совершенно не укладывались въ рамки искусственной поземельной единицы финансоваго обложенія. Для крестьянъ села Угоницы въ данномъ случаѣ дѣло представлялось совершенно

---

1) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 42—43. См. также выше, стр. 161, прим. 4. Подробности и опредѣленіе площади югера см. въ третьемъ томѣ этого сочиненія, въ главѣ о лановой системѣ. Здѣсь необходимо только замѣтить, что стрихъ въ источникахъ XIII—XIV вв. называется иногда модіемъ и шеффелемъ. Однако, ошибочно было бы опредѣлять размѣръ чешской единицы сыпучихъ тѣлъ, на основаніи данныхъ римской или нѣмецкой метрологіи. Основой для исчисленія вмѣстимости чешской мѣры было количество зерна, получаемаго при обмолотѣ копны хлѣба (50 сноповъ).

въ иномъ видѣ. У нихъ было ясное представленіе о сельской долѣ, равной въ данномъ случаѣ $2^2/_3$ югера. Эта доля подлежала раздѣлу вплоть до восьмушки, а именно: полъ доли равнялось $1^1/_3$ югера, четверть — $^2/_3$ югера, восьмушка — $^1/_3$ югера. Эта треть югера, соотвѣтствующая восьмушкѣ сельской доли, была минимальной полосой села Угоницы.

Эта восьмушка сельской доли (или осьмакъ) была реальной полосой и входила въ качествѣ составной части въ крестьянскія опредѣленія размѣра ихъ надѣловъ. Въ самомъ дѣлѣ, крестьянинъ, имѣвшій 24 доли и 5 югеровъ, имѣлъ въ сущности 25 долей и $2^1/_3$ югера. Этотъ излишекъ былъ немного меньше цѣлой доли (на $^1/_3$ югера или осьмакъ) и слагался, очевидно, изъ слѣдующихъ частей доли: половины ($1^1/_3$ югера или 4 осьмака), четверти ($^2/_3$ югера или 2 осьмака) и восьмой. Другими словами, этотъ крестьянинъ имѣлъ 25 долей и 7 осьмаковъ. Далѣе, хозяйство, имѣвшее, какъ видно изъ вышеприведеннаго списка, 36 долей безъ 5 югеровъ, владѣло въ дѣйствительности 34 долями и однимъ осьмакомъ [1]).

Конечно, не во всѣхъ селахъ доля была одинаковаго размѣра, а въ зависимости отъ этого различна была вели-

---

1) Весьма возможно, что впослѣдствіи $^1/_3$ югера называлась провазцемъ. По крайней мѣрѣ, г. В. Брандль цитируетъ по рукописи (MS. LA. f. 9. p. 408) такой текстъ: jitro nebo strych drží tři provazce (Glossarium, str. 325). Необходимо, однако, прибавить, что Палацкій еще въ 1842 году, т. е. за 30 лѣтъ ранѣе выхода въ свѣтъ словаря г. В. Брандля, опубликовалъ юридическія и судебныя выписки изъ старыхъ земскихъ книгъ, въ которыхъ сохранилось опредѣленіе размѣра югера: 1400. Primo Stephani, A. 29. Item prowazec 52 loket Pragens. nebo 26 kročejí. Item jitro neb strich drží tři prowazce (Archiv český, d. II, p. 358—359). Слѣдуетъ впрочемъ повторить, что въ старину не примѣнялось измѣреніе веревкою (funiculo) или цѣпью. Проф. К. Лампрехтъ напрасно удивляется тому обстоятельству, что въ его источникахъ не встрѣчается указанія на пользованіе веревкою для измѣренія земли: Die hier erwähnte Seilmessung, welche sonst so verbreitet ist, habe ich merkwürdigerweise an der Mosel sonst nur noch an einer, zudem kaum noch der Moselgegend angehörigen Stelle gefunden (Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, Bd. I, 1, S. 343).

чина половинъ, третьяковъ, четвертей, осьмаковъ этихъ долей. Въ селѣ Нѣмчицѣ (къ сѣверу-востоку отъ Колина на разстояніи 10 килом. по прямой линіи) Куримскаго края, гдѣ еще въ началѣ XV вѣка дѣйствовало чешское право [1]), составитель описи, опредѣляя размѣры крестьянскихъ надѣловъ, за единицу принялъ ланъ, который въ сосѣднихъ селахъ (Овчарахъ и Хращанахъ) заключалъ въ себѣ 72 югера, согласно указанію эмфитевтическихъ грамотъ, выданныхъ этимъ селамъ [2]). Исполняя свою трудную задачу и переводя сельскія доли на ланы, онъ встрѣтилъ много затрудненій, преодолѣть которыя ему не удалось, хотя на этотъ разъ онъ югерами опредѣлялъ излишки и недочеты, получавшіеся противъ опредѣленій, данныхъ имъ въ ланахъ и частяхъ ихъ [3]). Одинъ крестьянинъ имѣлъ 1 ланъ 24 югера, т. е. 5 кварталовъ и 6 югеровъ, но составитель описи употребилъ иную формулу и записалъ такъ: „Вацлавъ имѣетъ 1 ланъ и третью часть лана“ [4]). Опредѣленіе количества долей, приходившихся на надѣлъ крестьянина, имѣвшаго $1^1/_3$ лана, не представляетъ труда, если извѣстно, что въ селѣ въ данное время было 18 хозяйственныхъ единицъ [5]). Въ самомъ дѣлѣ, если каждое изъ наличныхъ въ началѣ XV вѣка крестьянскихъ хозяйствъ села является преемникомъ тѣхъ первоначальныхъ хозяйствъ, коллективнымъ трудомъ которыхъ была распахана вся сельская запашка, то въ надѣлѣ каждаго наличнаго хозяйства должны были все-таки заключаться первоначальныя доли и ихъ части, не взирая

---

1) Decem registra, p. 251: Habent jus boemicale.

2) Decem registra, p. 240, ad an. 1371: quemlibet laneum septuaginta duo jugera continentem. Ibid., p. 249, ad an. 1366: de villa Chrassczan prope Owczar septuaginta duo jugera pro laneo computando.

3) Ibid., p. 251: Et predictos laneos tenent laici infrascripti secundum maius et minus.

4) Ibid., p. 251: Item Waczlaw habet 1 laneum et terciam partem lanei. Сравни: Item Mach habet 5 quartalia et 3 jugera.

5) См. ихъ перечень въ описи.

на то обстоятельство, что съ теченіемъ времени первоначальные надѣлы могли подвергаться отчужденіямъ, раздѣламъ, а иногда сліянію въ силу дѣйствія наслѣдственнаго права. Такъ какъ первоначальныя расчистки или, правильнѣе говоря, полосы послѣднихъ въ интересахъ финансоваго обложенія сводимы были въ плуги или рала земли, т. е. единицы совершенно однороднаго характера съ позднѣйшими ланами [1]), а подобная операція установленія величины плуга не могла совершаться безъ принятія во вниманіе реальныхъ поземельныхъ единицъ, каковыми являлись доли и ихъ части, то отсюда слѣдуетъ, что въ плугѣ земли или позднѣйшемъ ланѣ всегда заключалось столько долей, сколько въ селѣ было хозяйственныхъ единицъ. Другими словами, крестьянинъ села Нѣмчицы, имѣвшій 1 1/3 лана, являлся обладателемъ 24 долей, такъ какъ на ланъ приходилось 18, на полъ лана — 9, а на треть — 6 долей. Такимъ образомъ, въ этомъ селѣ, гдѣ на ланъ считали 72 югера, сельская доля равнялась 4 югерамъ, а восьмая часть ея или осьмакъ — 1/2 югера. Хотя доля въ селѣ Нѣмчицѣ выражалась въ кругломъ числѣ югеровъ, а потому съ удобствомъ подвергалась раздѣлу, но это могло облегчать только разсчеты и раскладки, совершавшіеся въ обиходѣ крестьянъ. Источникомъ же затрудненій для составителя описи было то обстоятельство, что въ практикѣ финансоваго обложенія установилось раздѣленіе лана на четверти или кварталы, а на это послѣднее подраздѣленіе лана приходилось дробное число долей, а именно: на кварталъ 4 1/2, на три квартала — 13 1/2 и на пять кварталовъ — 22 1/2 доли. Кромѣ того, отдѣльные надѣлы состояли не только изъ цѣлыхъ долей, но и частей послѣднихъ. Такимъ образомъ, пригоняя опредѣленія площадей надѣловъ къ лановой системѣ, составитель описи довольно часто долженъ былъ показы-

1) Доказательства см. ниже, въ этой же главѣ.

вать въ югерахъ излишки и недочеты (secundum maius et minus), по сравненію съ ланомъ и его подраздѣленіями на кварталы, напр.: крестьянинъ, имѣвшій $66^1/_2$ югеровъ, по его терминологіи, имѣлъ 1 ланъ безъ $5^1/_2$ югеровъ, а по способу крестьянскаго исчисленія — 16 долей и 5 осьмаковъ и т. д.[1]). Если составитель описи совершенно отступилъ отъ своей обычной формулы при опредѣленіи размѣра надѣла крестьянина Вацлава, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ крестьянинъ владѣлъ 24 долями, изъ которыхъ 18 равнялись одному лану, а 8 долей составляли треть лана, тогда какъ крестьянинъ Махъ имѣлъ надѣлъ (23 доли 2 осьмака), который нельзя было выразить въ обычныхъ частяхъ лана[2]).

Эта возможность (благодаря установленію размѣра доли въ отдѣльныхъ селахъ) объяснять странности и отступленія поземельныхъ описей отъ обычныхъ пріемовъ опредѣленія площадей крестьянскихъ надѣловъ свидѣтельствуетъ въ пользу того положенія, что въ основѣ крестьянскаго исчисленія величины надѣловъ и раздѣленія сельской запашки лежала долевая система. Въ пользу существованія этой системы говорятъ также факты и данныя, установленіе которыхъ является заслугой изслѣдователей аграрнаго строя арійскихъ народовъ вообще и славянъ въ частности. Практика долевой разверстки земель столь глубоко была внѣдрена въ бытѣ народа, что къ ней прибѣгали даже въ пору распространенія такъ называемаго нѣмецкаго права. Отдавая жителямъ Старой Веси нѣсколько коновъ другого села, Оломуцкій епископъ предписывалъ имъ раздѣлить эту землю равномѣрно, сообразно величинѣ надѣла каждаго изъ нихъ. Кромѣ того, было прибавлено, что если впослѣдствіи самъ епископъ или его преемники предоставятъ

1) Decem registra, p. 251: Item Martinus Kral habet 1 laneum minus $5^1/_2$ jugere.

2) См. выше, стр. 167, прим. 4.

кому-либо въ селѣ ланы на феодальномъ правѣ, то подобные владѣльцы получаютъ право на соотвѣтствующую долю этихъ земель, если пожелаютъ исполнять тѣ барщинныя работы, которыя были опредѣлены за пользованіе долями предоставленныхъ коновъ [1]). Итакъ, доли въ такой же мѣрѣ являются фактомъ, свидѣтельствующимъ о существованіи въ старину коллективныхъ формъ землевладѣнія, какъ „сгонная“ и коллективныя барщина, о которой часто упоминается въ чешскихъ источникахъ предгуситскаго времени [2]).

Находившіяся въ разныхъ конахъ полосы, изъ которыхъ слагалась сельская доля, довольно часто представляли собою площади еще меньшаго размѣра, чѣмъ $^1/_2$ или $^1/_3$ югера. Въ самомъ дѣлѣ, югеръ на поляхъ господской запашки раздѣлялся обыкновенно на 16 частей, каждая изъ которыхъ отдѣлялась отъ сосѣдней особенно глубокою бороздою, вслѣдствіе чего самыя эти подраздѣленія югера назывались бороздами. Въ селѣ Окнахъ Болеславскаго края владѣльцы одного лана должны были пахать господское поле трижды по 16 бороздъ [3]). Въ селѣ этомъ было 16 хозяйственныхъ единицъ, имѣвшихъ $11^1/_2$ лановъ земли, а именно: восемь по $^1/_2$ лана, два — по $^3/_4$ лана и шесть — по 1 лану. Если владѣлецъ одного лана долженъ былъ вспахать 48 бороздъ, то всѣ жители села Окновъ пахали

1) Emler, Regesta, t. II, p. 806, nr. 1874, (1301): agros de Wolatyn circa Antiquam villam sitos — qui estimantur se extendere ad tertium medium laneum vel amplius, damus nostris hominibus de Antiqua villa laneos seu agros habentibus — ut inter se predictos agros distribuant et dividant equa lanse, ita videlicet, quod uni laneario sicut alteri, et similiter uni curticulario sicut alteri cedat pars sua de agris Wolatyn supradictis . . . si nos vel successorem nostrum aliquos laneos Antique ville contigerit infeudare, quod is, qui infeudatus fuerit, si agrorum illorum de Wolatyn partem habere voluerit. . .

2) Тексты см. въ главѣ третьяго тома о „барщинѣ и ея организаціи.“

3) Zlomek urbáře kláštera Hradištského, p. 16: Item Sczepan $^1/_2$ lan. solvit XII gr. secundo tantum — VIII sulcos trina vice arare. . .

слѣдовательно 552 борозды. Такъ какъ въ общемъ итогѣ описи показано, что жители села ежегодно пахали 34½ югера господскаго поля, то отсюда слѣдуетъ, что на одинъ югеръ считали 16 бороздъ [1]). Участокъ поля о 12 бороздахъ (три четверти югера) назывался загономъ. Въ этомъ можно убѣдиться изъ описанія села Грушованъ Литомерицкаго края. Въ этомъ селѣ была установлена барщина пропорціонально размѣру крестьянскихъ надѣловъ: владѣльцы одного лана пахали трижды по 10 загоновъ, владѣльцы полулана — по 5 загоновъ, владѣльцы квартала — по 2½ загона [2]). Слѣдовательно, владѣлецъ осьмушки лана или половины четверти долженъ былъ пахать по 1¼ загона. Такъ какъ въ описи его барщинная пахота опредѣлена въ размѣрѣ одного загона и трехъ бороздъ [3]), то отсюда слѣдуетъ, что четверть загона приравнена была къ тремъ бороздамъ, а цѣлый загонъ равнялся 12 бороздамъ [4]), т. е. ¾ югера. Въ чешскихъ источникахъ XIV вѣка загоны назывались иногда гонами. Въ поземельной описи

---

1) Ibid., p. 16—17: Item tenentur per annum 34½ jugera arare. Прилагая эту формулу соотношенія между бороздами и югерами, можно убѣдиться въ ея правильности. См. описанія селъ Гошковицы, Мукарова и Яблонца (Ibid., p. 3, 8, 17). Необходимо, однако, замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ общій итогъ не совпадаетъ съ частнымъ, но разница всегда получается столь ничтожная, что можетъ быть отнесена на счетъ довольно обычныхъ при цифровыхъ данныхъ ошибокъ, встрѣчающихся въ поземельныхъ описяхъ.

2) Decem registra, p. 43—44: Topenka má lán . . . vorati třikrát do roku, každé vorání 10 záhonuov. . . Pavel ½ lánu . . . vorati třikrát do roka — každé vorání má zvorati 5 záhonuov. . . Mírek čtvrt . . . vorati třikrát do roka — každý vorání 2½ záhona. Та же норма существовала и въ селѣ Врутицѣ (Ibid., p. 49).

3) Ibid., p. 43: Kovář puol čtvrti . . . vorati: každé vorání po trojí roli záhon a tři brázdy.

4) Необходимо прибавить, что четвертая часть квартала, т. е. половина осьмушки, называлась въ описи Хотешовскаго монастыря четвертушкой (čtvrtečka). Если владѣлецъ осьмушки пахалъ въ теченіе года 45 бороздъ, то владѣлецъ половины осьмушки долженъ былъ пахать 22—23 борозды. Это теоретическое опредѣленіе подтверждается текстами: Paněvá vdova má čtvrtečku. Vorati jednú v

Пражскаго архіепископства указано, что въ нѣкоторыхъ селахъ Таборскаго края владѣльцы лана должны были пахать по 4 гона [1]). Это опредѣленіе барщины въ нѣкоторыхъ селахъ, принадлежавшихъ Пражскому архіепископству, вполнѣ совпадаетъ съ опредѣленіемъ барщинной пахоты въ селахъ Болеславскаго края: если гонъ дѣйствительно равнялся 3/4 югера, то въ обѣихъ мѣстностяхъ владѣльцы лана должны были пахать въ теченіе года по 3 югера господскаго поля.

Такъ какъ чешскій югеръ по своей величинѣ равнялся 1/4—1/3 русской десятины, т. е. былъ немного менѣе нѣмецкаго югера, равнаго въ среднемъ трети русской десятины [2]), то полоса, извѣстная въ источникахъ подъ именемъ борозды, представляла площадь, равную 38—50 кв. саж. [3]). Подобныя полосы, напоминающія полосы села Дом-

---

rocě dwa záhony bez dvú brazd (Ibid., p. 50); Váša švec má tři čtvrtečky. Má vorati třikrát v rocě; každé vorání dva záhony bez brázdy (Ibid., p. 49). Загоны, какъ небольшіе участки земли, упоминаются при перечисленіи земель Предгорскаго двора, находившагося около Кутной Горы (Archiv český, t. XIV, str. 420—421). По замѣчанію Авг. Мейтцена, загонами въ Ярославской губерніи называются полосы, на которыхъ можно сдѣлать 4 поворота плугомъ, т. е. полосы шириною въ 8 бороздъ (Siedelung und Agrarwesen, Bd. III, S. 354). — Тяжесть барщинной повинности крестьянъ селъ Грушованъ, Врутицы и другихъ Литомерицкихъ, засвидѣтельствованная въ той части описи Хотешовскаго монастыря, которая написана чешскимъ языкомъ, — доказываетъ позднѣйшее происхожденіе этой части описи (См. выше, стр. 45—46).

1) Decem registra, p. 114: de quolibet laneo tenentur arare 4 agros, qui vulgariter dicuntur hony. Въ такомъ размѣрѣ барщинная пахота производилась жителями слѣдующихъ селъ: Ровны, Хреловицы, Липицы, Пышкова, Битетицы и Бачовицы (Ibid., p. 114, 116—119, 123). Эти села принадлежатъ къ составу имѣній Червеной Рѣчицы и Пильгримова (Palacký, Popis, str. 285—286).

2) Относительно опредѣленій размѣра чешскаго югера см. подробности въ главѣ третьяго тома о „лановой системѣ.“

3) Въ „бороздахъ“, которыхъ приходилось 16 на югеръ, невозможно видѣть борозды въ нашемъ смыслѣ слова. Въ самомъ дѣлѣ, если плугомъ на господской запашкѣ проводили наибольшую по длинѣ линію, загонъ въ 115 саж., то при наименьшемъ числѣ

новицы и отчасти ту полосу, на которой пахалъ Премыслъ, когда къ нему, по народному преданію, явились послы Любуши, — произошли вслѣдствіе раздѣла такихъ небольшихъ расчистокъ или коновъ. Эти коны назывались въ латинскихъ актахъ различно (agri, petiae), а у чеховъ извѣстны были подъ именемъ нивъ. Каковы часто бывали ихъ размѣры даже на господскихъ поляхъ, можно видѣть изъ того, что 25 нивъ составляли площадь двухъ помѣщичьихъ лановъ [1]).

Существованіе слишкомъ малыхъ полосъ, изъ которыхъ слагались доли и надѣлы крестьянъ, справедливо считается съ точки зрѣнія раціональнаго полеводства большимъ зломъ. Прекрасно сознавая это, землевладѣльцы въ тѣхъ случаяхъ, когда устройство быта зависимыхъ людей вполнѣ отъ нихъ зависѣло, отводили подъ надѣлы зависимыхъ людей по возможности по нѣсколько цѣлыхъ коновъ. Подобная практика существовала въ Чехіи еще въ первой половинѣ XII вѣка. Надѣлъ Остоя, жившаго въ Лѣвомъ Градцѣ и принадлежавшаго къ числу зависимыхъ людей Збигнѣва, состоялъ изъ одного уѣзда, въ которомъ было три кона (соотвѣтственно трехпольному сѣвообороту, по кону на каждое поле) [2]). Надѣлъ Милонга, другого зависимаго человѣка, состоялъ всего изъ двухъ кусковъ, при чемъ въ одномъ

такихъ линій, 5 и 6 бороздахъ, въ $9^1/_2$ и 8 вершк. ширины на сажень, площадь югера опредѣлилась бы мѣрою (115×3) 345 кв. саж. Такъ какъ въ дѣйствительности (при подъемѣ поля сохою) на сажень ширины приходится до 10 бороздъ, то площадь югера, въ зависимости отъ этого, пришлось бы признать равною 173 кв. саж.

1) Emler, Regesta, t. III, p. 8, nr. 22, (1311): et viginti quinque petias terre aratorie, que vlgariter nywi vocantur, ibidem in Morowan ad nostras araturas spectantes, que faciunt duos laneos. Ср. K. Lamprecht, Deutsches Wirtschaftsleben, Bd. I, 1, S. 339.

2) Erben, Regesta, t. I, p. 98—99, nr. 219, (cc. 1132): In Levo Gradech terra ad aratrum . . . Et Ostog proanimatus in ea sedens . . . Status autem campi istius est juxta Suadow et juxta Colasoy, et juxta Hriunatecz.

было земли въ полтора раза болѣе, чѣмъ въ другомъ, какъ можно судить по цѣнѣ этихъ кусковъ [1]). Три семьи зависимыхъ людей Збигнѣва, проживавшихъ въ селѣ Унетицѣ, получили по три полосы въ каждомъ изъ трехъ полей (озимое, паръ и яровое). Какъ видно изъ грамоты, два первыхъ кона лежали смежно и составляли одно поле, границы котораго указаны въ грамотѣ [2]). Каждый изъ двухъ другихъ коновъ составлялъ отдѣльное поле. Такъ какъ во всѣхъ трехъ поляхъ или въ четырехъ конахъ было 27 полосъ, то на долю каждой изъ трехъ семей зависимыхъ людей, жившихъ въ селѣ Унетицѣ (отсюда исключается семья Милонга, имѣвшаго обособленный надѣлъ), приходилось по 9 полосъ, по три въ каждомъ полѣ. Пятый конъ, купленный у Мильгоста, составлялъ помѣщичью запашку, какъ видно изъ того, что при упоминаніи о немъ перечисляется въ грамотѣ движимое имущество, живой инвентарь имѣнія. Водяная мельница также оставалась въ распоряженіи землевладѣльца [3]). Такимъ образомъ, надѣлъ каждой семьи зависимыхъ людей села Унетицы состоялъ изъ 9 полосъ, расположенныхъ въ 4 конахъ.

Правильное истолкованіе аграрныхъ порядковъ, существовавшихъ въ селѣ Унетицѣ, приводитъ къ убѣжденію, что въ частновладѣльческихъ селахъ раздѣленіе запашки было иногда совершенно иное, чѣмъ въ селахъ древняго происхожденія, основанныхъ свободными людьми на территоріи околицы. Въ подо̃ныхъ господскихъ селахъ бывали правильные коны, раздѣленные на ограниченное число полосъ.

---

1) См. выше, стр. 160, прим. 4.

2) Erben, p. 98: Primum Roven, silvam cum campo; Huatym cum campo, et ecce meta: magna via, quae vadit Pragam, atque Calysce; Bridce rupis, aspiciens aliam rupem ultra rivum, qui Statynice vocatur.

3) Ibid., p. 98: Et ad hoc unus campus, quem a Mylhost mercatus sum; emissarius cum equis, boves, vaccae, scrofae cum porcis, anseres cum gallinis, pavones cum pavonissis. Molendinum in supradicto rivo.

Послѣднія же были несравненно большаго размѣра въ этихъ селахъ, чѣмъ въ поселеніяхъ свободныхъ людей. По всей вѣроятности, полосы этихъ селъ были приблизительно такого же размѣра, какъ тѣ нивы, которыхъ 25 приходилось на два лана [1]). Если Збигнѣвъ, устраивая надѣлы зависимыхъ людей, постарался избѣжать излишней черезполосицы, то также точно могли поступать, очевидно, и другіе землевладѣльцы, когда на территоріи своихъ уѣздовъ основывали села, поселяя своихъ рабовъ и открывая доступъ свободнымъ переселенцамъ, такъ называемымъ гостямъ (hospites).

Такимъ образомъ, отсутствіе черезполосицы и наличность въ славянскихъ селахъ правильнаго коноваго раздѣленія запашки не слѣдуетъ объяснять вліяніемъ такъ называемаго нѣмецкаго права. Изслѣдователи, настойчиво и категорически защищающіе эту мысль, стоятъ, несомнѣнно, на ложной дорогѣ и позволяютъ себѣ слишкомъ тенденціозно истолковывать историческіе факты [2]).

VI. Такъ какъ надѣлы крестьянъ слагались изъ многочисленныхъ полосъ, входившихъ въ составъ многихъ коновъ ,то представленіе о площади земли, которую въ теченіе годоваго сѣвооборота можно обработать плугомъ или сохою, могло возникнуть первоначально только на территоріи уѣздовъ, на частновладѣльческой запашкѣ, которая, какъ было указано, иногда представляла собою цѣльные и большіе куски земли.

Славяне пахали землю плугомъ и сохою. Принимая во вниманіе, что, по указанію сельско-хозяйственной практики, сохою или косулею въ теченіе одного и того же времени нетрудно вспахать такую же площадь земли, какъ и одно-

1) См. выше, стр. 173, прим. 1.
2) См. выше, стр. 150.

коннымъ плугомъ [1]), можно прійти къ заключенію, что подъ именемъ плуга или рала извѣстна была площадь одного и того же размѣра. Это теоретическое соображеніе подтверждается свидѣтельствами русской древнѣйшей лѣтописи. Судя по величинѣ обложенія, плугъ и рало были однородными единицами финансоваго обложенія [2]). Такимъ образомъ, величина древнѣйшей поземельной единицы финансоваго характера не зависѣла вовсе отъ типа того орудія, которымъ пахали землю. Оставляя поэтому въ сторонѣ вопросы о типѣ славянскихъ земледѣльческихъ орудій (плуга и рала) и самобытномъ славянскомъ происхожденіи плуга [3]), необходимо обратить вниманіе на то обстоятельство, сколько впрягали въ соху и плугъ животныхъ при вспахиваніи

---

1) Ѳ. А. Баталинъ, стр. 32.

2) Лѣтопись по Лаврентіевскому списку, изд. 1872 г., стр. 23: посла къ Радимичамъ, рька: „кому дань даете?“ Они же рѣша: „Козаромъ“. И рече имъ Олегъ: „не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте“, и вѣдаша Ольгови по щьлягу. Тамъ же, стр. 63: рече Вятичемъ: „кому дань даете?“ они же рѣша: „Козаромъ по щьлягу отъ рала даемъ“. Тамъ же, стр. 80: и Вятичи побѣди, и възложи на ня дань отъ плуга, якоже и отець его има.

3) Посвящая одинъ изъ своихъ этюдовъ по соціальной исторіи Чехіи разъясненію исторіи славянскаго плуга (Geschichte des slavischen Pfluges), г. І. Пейскеръ при этомъ старается доказать, что нѣмцы заимствовали плугъ у славянъ. Справедливыя указанія на слабыя стороны аргументаціи г. Пейскера см. въ статьѣ проф. Осв. Бальцера (O zadrudze słowiańskiej, str. 202—204). Мысль, высказанная г. І. Пейскеромъ о заимствованіи нѣмцами плуга у славянъ, многократно и ранѣе высказывалась (См. Е. И. Забѣлинъ, Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, т. II, Москва 1879, стр. 19—20). Между прочимъ, любопытно отмѣтить, что Яковъ Гриммъ считалъ слово плугъ славянскаго происхожденія (Geschichte der deutschen Sprache, Bd. I, Lpz. 1848, S. 55—56). Съ другой стороны, многіе нѣмецкіе ученые, начиная съ Виктора Гена и включительно до проф. Авг. Мейтцена, доказываютъ, что плугъ славянами заимствованъ у нѣмцевъ (Siedelung etc., Bd. I, S. 282). Такъ какъ считается неоспоримой истиною, что славяне и нѣмцы принадлежатъ къ одной расѣ, то едва ли правильно поступаютъ тѣ ученые, которые, забывая объ общеарійскомъ наслѣдіи, склонны при объясненіи многихъ историческихъ явленій и фактовъ прибѣгать къ соблазнительной и ненадежной теоріи заимствованій.

поля. Повидимому, отъ запряжки или силы тяги зависѣло опредѣленіе площади сохи или плуга. На эту мысль наводятъ свидѣтельства лѣтописца Гельмольда. Какъ извѣстно, въ своей хроникѣ онъ даетъ два различныя опредѣленія плуга: въ 12-ой главѣ первой книги онъ указываетъ на то, что славянскій плугъ обрабатывается парою быковъ или одной лошадью, а въ 87-ой главѣ, говоря о введеніи въ странѣ полабскихъ славянъ епископской десятины въ томъ же размѣрѣ, какъ она взималась у поляковъ и поморянъ, утверждаетъ, что для обработки плуга необходимо два быка и столько же лошадей [1]). Какъ видно изъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ польскихъ источниковъ, плугъ невсегда былъ одинаковой величины. Вполнѣ согласно съ указаніемъ Гельмольда, въ Польшѣ различали большой плугъ отъ малаго. Хотя послѣдній назывался раломъ и былъ, судя по размѣру обложенія, въ два раза меньшаго размѣра, чѣмъ первый, называемый плугомъ, но есть основаніе думать, что въ данномъ случаѣ различіе имѣло своимъ источникомъ не типъ земледѣльческаго орудія, а то обстоятельство, что въ соху или рало въ Польшѣ впрягали одну лошадь, а въ плугъ двѣ. Въ пользу такого толкованія свидѣтельствуетъ современная сельско-хозяйственная практика и тотъ фактъ, что въ древней Руси не различали плуга отъ рала, когда этими терминами обозначали поземельную единицу финансоваго обложенія [2]).

---

1) Helmoldi Chronica Slavororum, L. I, c. 12: Sclavicum vero aratrum par boum aut unus conficit equus. Ibid., l. I, p. 14: Est apud Obotritos pontificale tributum — de quolibet scilicet aratro, quod duobus bobus aut uno constat equo. Ibib., L. I, p. 87: ut solverent reditus episcopales, qui solvuntur apud Polanos atque Pomeranos, hoc est de aratro tres modios siliginis et duodecim nummos monete publice. Modius autem Sclavorum vocatur lingua eorum curitce. Porro Sclavicum aratrum perficitur duobus bobus et totidem equis. — Упомянутая въ этомъ свидѣтельствѣ славянская мѣра сыпучихъ тѣлъ (curitce) есть не что иное, какъ „корецъ“, извѣстный въ Польшѣ, Чехіи и Южной Россіи.

2) Въ синодальномъ постановленіи епископовъ Гнѣздненской епархіи (17 сент. 1262 г.) было это выражено такъ: pro unoquoque

Такъ какъ въ свидѣтельствахъ Гельмольда и польскихъ источниковъ плугъ и рало въ качествѣ поземельныхъ единицъ неодинаковаго размѣра назывались однимъ и тѣмъ же латинскимъ терминомъ (aratrum), то отсюда слѣдуетъ, что при истолкованіи латинскихъ источниковъ, относящихся къ исторіи той или другой страны, необходимо обращать вниманіе на существовавшую въ этой странѣ практику вспахиванія земли.

Въ Чехіи пахали поле, запрягая пару быковъ или лошадей [1]). Для вспахиванія земли употреблялись плуги и сохи, называемыя „наральниками“ [2]). Придавая особенную важность надлежащему вспахиванію, землевладѣльцы обзаводились хорошими орудіями, въ числѣ которыхъ, наряду съ сохами или ралами (vomeres), находились большіе колесные плуги съ двойными лемехами. Въ подобные плуги впрягали 4—8 быковъ или лошадей [3]). Разумѣется, плуги крестьянъ были не столь усовершенствованы. Такъ какъ на господской запашкѣ крестьянамъ часто приходилось пахать не своимъ плугомъ, а господскимъ, требовавшимъ

---

aratro parvo, quod Radlo dicitur, lapidem cerae, pro magno autem, quod Plug nominatur, duos lapides cerae persolvat (G. Tzschoppe und G. Stenzel, Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte etc. in Schlesien und der Ober-Lausitz, Hamburg 1832, S. 173, N. 3). Въ грамотѣ князя Премысла II, выданной въ 1288 г., относительно десятины было такое опредѣленіе: de quolibet aratro, quod Radlo dicitur, quatuor scotos et dimidium, et de magno hoc est de Plugowe X scotos (Aug. Meitzen, Codex dipl. Silesiae, t. IV, Einleitung, S. 110, N. 2. Сравни также Ibid., S. 88, N. 1).

1) Cosmae chronica, 1, 6, p. 12: Ibi dux vester duobus variis bubus arat. Emler, Regesta, t. II, p. 398—399, nr. 956, (1275): quinque jumenta usui araturae debita addidi tria — recipet octo equas.

2) Zlomek inventáře kláštera Brevnovského z let 1390—1394. Věstník král. české spol. náuk, roč. 1888 r., třída filos.-histor., str. 305: Item aratra cum omnibus pertinenciis suis tria. Ibid., p. 290: Item 8 vomeres minores, qui dicuntur naradlnyky. Item duplicia ferramenta pro aratro minori. Ibid., p. 291—292: et 9 ferramenta pro aratro, 3 vomeres. . . Item tria aratra et sex rotule pro aratris.

3) Ibid., p. 292: Primo 8 boves ad arandum . . . et aratrum cum attinenciis. Ibid., p. 303: Item sex equi aratiles.

двойной тяги или запряжки, то вслѣдствіе этого иногда необходимо было соединять двѣ полныхъ крестьянскихъ поземельныхъ единицы въ одну рабочую барщинную единицу [1]). Эта барщинная практика, засвидѣтельствованная фактами XIV вѣка, доказываетъ, что крестьяне еще въ ту пору, располагая ограниченнымъ количествомъ упряжнаго скота, пахали сохою или легкимъ плугомъ. Нѣтъ основанія предполагать, что въ старину было иначе. Конечно, крупные землевладѣльцы имѣли возможность пріобрѣтать или сооружать дорогія и усовершенствованныя орудія, но крестьяне придерживались старины, пахая свои нивы и полосы сохой или двуконнымъ плугомъ. Такимъ образомъ, въ Чехіи, какъ и въ древней Руси, не должны были различать плуга и рала, какъ поземельныхъ единицъ. Это были единицы одного и того же размѣра, а потому съ полнымъ основаніемъ въ латинскихъ источникахъ для наименованія ихъ употреблялось одно и то же слово (aratrum). Въ справедливости этого можно убѣдиться изъ того, что даже господскія запашки раздѣлялись на рала, хотя, какъ было выше указано, землевладѣльцы пахали плугами, а сохи держали, повидимому, для такъ называемаго двоенія и троенія поля [2]).

Въ чешскихъ грамотахъ при упоминаніи о зависимыхъ людяхъ чрезвычайно часто находятся указанія на ихъ на-

1) Registrum bonorum Rosenberg., p. 12, nr. 85: Item duo reut simul debent terna vice arare per III dies. . . Item in eadem villa — reut minores . . . isti reut omnes XIII solvunt equaliter minuta omnia, prout in alia linea longiori solvunt, nisi quod in aratura debent se ex istis tres simul componere et simul arare. Decem registra, p. 129: Item tenentur arare de laneis 8 cum quatuor aratris super estivalibus et super yemalibus cum quatuor aratris unum diem.

2) Decem registra, p. 184: Item sunt ibidem (Nezamyslicz) 4 radla ad abbatem pertinentia; item ecclesia parochialis et duo radla. Archiv český, d. I, p. 154, nr. 18, (1428): w Lewinëwsi také dvuor s poplužim a se dwëma rádloma role. Въ словарѣ В. Брандля (стр. 291) приведенъ такой текстъ: solvunt IV radla ad abbatem pertinentia.

дѣльную землю, измѣряемую плугами или ралами [1]). Также точно опредѣлялся обыкновенно размѣръ господской запашки [2]). Опредѣленіе площади земли числомъ плуговъ или ралъ было такъ обычно, что иногда не считали необходимымъ въ грамотахъ называть ихъ, а ограничивались только обозначеніемъ ихъ количества римскими цифрами [3]). Что такъ именно слѣдуетъ истолковывать значеніе этихъ римскихъ цифръ, въ томъ нетрудно убѣдиться при сличеніи текстовъ двухъ грамотъ, относившихся къ однимъ и тѣмъ же селамъ, но по времени изданія къ двумъ разнымъ столѣтіямъ [4]).

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 52—53, nr. 124, (cc. 1057): rusticus cum terra ad aratrum. . . Dlaskovicih Rozroy rusticus cum terra ad duo aratra. Hotissove hospitalis terra ad aratrum etc. Ibid., p. 70, nr. 161, (1078): tria aratra cum aratoribus duobus. Ibid., p. 76, nr. 173, (cc. 1087): terram ad quatuor aratra cum ministerialibus . . . V Topolanech de terra ad duo aratra cum ministerialibus. Ibid., p. 77—79, nr. 175, (cc. 1088): Na vrutici terra ad duo aratra etc. etc. Ibid., p. 89—91, nr. 202, (1115): Gneunici, in qua dedi terram ad decem aratra etc. etc. Ibid., p. 86, nr. 193, (1107): V topolanech terram ad duo aratra cum pomerio, et de familia dedi Lubos cum filio Bran, et Zbor cum filiis Zmil et Wracen. Dedi etiam V gneuatini terram ad unum aratrum, familiamque totam Quasich cum filiis Mut, Sobiteh et Cromes. . . V topolanech de terra ad unum aratrum cum ministeriali Juric, cum filiis Preda et Tessic. Frater meus germanus, nomine Preduoy, addidit in ibidem de terra ad duo aratra et familias Budik cum filio Zuda, et Misleta cum filiis Prizney et Lowich.

2) Erben, Regesta, t. I, p. 94. nr. 211, (1130): et terram in villa, quae dicitur Kbel, ad unum aratrum sufficientem cum VI bobus et semine. Ibid., p. 100, nr. 220, (cc. 1135): Tribune terra ad tria aratra cum duobus aratris, VI vaccae etc. Ibid., p. 195, nr. 432, (1197): et aratrum de terra, quod in Ouence ad usus fratrum segregavit. Ibid., p. 227, nr. 497, (cc. 1206): duodecim araturas cultae terrae de pecunia mea instruam. Ibid., p. 448, nr. 968, (1239): in villa Ostrow ducenta jugera, in villa Tyzowa ad duo aratra de terra contulimus. Ibid., p. 456, nr. 981, (1239): de aratris nobis pertinentibus in villa Thuleschic.

3) Erben, Regesta, t. I, p. 96, nr. 214, (1131): Nemilaz terra sufficiens uno aratro. Tasalech I, Virouaz II, Velpridech II, etc. etc.

4) Erben, Regesta, t. I, p. 96, nr. 214, (1131): Hae villae subjectae sunt praepositurae sancti Wenceslai. Cladorubech I. . . Semitesicih II. . . Lusici tota exceptis duabus. Ibid., p.

Всѣ эти факты доказываютъ, что измѣреніе земель плугами или ралами было весьма распространено въ Чехіи [1]). Въ древнѣйшихъ селахъ, основанныхъ свободными людьми, подобнаго измѣренія земли не могло возникнуть на сельской запашкѣ, раздѣленной на коллективные коны, отдѣльныя полосы которыхъ принадлежали различнымъ лицамъ. Въ такихъ селахъ надѣлы состояли изъ опредѣленнаго числа сельскихъ долей. Поэтому неудивительно, что въ древнѣйшихъ грамотахъ при обозначеніи размѣра сдѣланнаго тѣмъ или другимъ свободнымъ человѣкомъ пожертвованія или отчужденія не было необходимости опредѣлять площадь участка: ограничивались неопредѣленнымъ указаніемъ, что отчуждается вся земля, принадлежащая данному лицу въ извѣстномъ селѣ [2]). Конечно, въ такихъ селахъ крестьянамъ приходилось устанавливать соотношеніе между надѣлами,

---

388, nr. 825, (1234): Insuper terras tres dominae marchionissae in Cladorub, et unam in Senitessich, et ad duo aratra in Lyssan, et in Nelessouich ad duo, in Celehhowicz ad unum.

1) Мнѣніе г. І. Шусты, который утверждаетъ, что слово aratrum въ древнѣйшихъ грамотахъ употреблялось не для обозначенія участка земли, а означало только земледѣльческое орудіе съ принадлежностями, слѣдуетъ признать ошибочнымъ. Совершенно напрасно онъ ссылается на грамоту Брячислава и другія грамоты, такъ какъ никто не думалъ утверждать, что слово aratrum всегда означаетъ участокъ земли. Разумѣется, это слово употребляли также и для обозначенія самаго орудія. Хотя данное слово употреблялось въ двухъ значеніяхъ, но въ каждомъ текстѣ всегда до очевидности ясно, въ какомъ смыслѣ его слѣдуетъ понимать. Только вслѣдствіе недостаточнаго вниманія къ источникамъ изслѣдователь можетъ позволить себѣ такое заявленіе, которое дѣлаетъ г. І. Шуста: Aratrum v době té neznamená popluží, jak často se vykládá, nýbrž pluh s potakem. См. Otroctví a velkostatek v Čechach, str. 89, pozn. 7.

2) Erben, Regesta, t. I, p. 90, nr. 202, (1115): Hual presbyter dedit similiter totam hereditatem suam, scilicet in villa Glinen. . . Hochauicih totum, quicquid habuit Izbud. Emler, Regesta, t. II, p. 1154, nr. 2635, (cc. 1143): Johannes Pragensis episcopus dedit patrimonium suum totum, quod habuit in villa Lochinicih, et quod ibidem emit a cognatis suis nomine Misten et filiis suis, et ab aliis cognatis. . . Cirnoticih, quantum habuit. . . Hudonicih, quod habuit. . . Idem episcopus Lubouici wzi dedit, quicquid habuit. Особенное вни-

состоявшими изъ извѣстнаго числа сельскихъ долей, и плугомъ, который былъ единицей финансоваго обложенія. Разумѣется, государственная власть не сама изобрѣла эту единицу финансоваго обложенія. Она нашла ее на территоріи уѣздовъ и въ хозяйственной практикѣ тѣхъ членовъ околицы, которые имѣли средства и возможность производить самостоятельно расчистку земель. Выше было указано, что такія лица избѣгали черезполосицы и отводили подъ свои запашки и надѣлы зависимыхъ людей по возможности сплошные куски земли. Въ равной степени слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что государи, поселяя вокругъ своихъ городовъ рабовъ и военноплѣнныхъ, — имѣли полную возможность воспрепятствовать возникновенію черезполосицы и осуществить раздѣленіе полевой запашки, болѣе соотвѣтствующее хозяйственнымъ интересамъ [1]). Такимъ образомъ, на государевыхъ и частновладѣльческихъ земляхъ находились въ наличности всѣ условія для того, чтобы представленіе о количествѣ земли, обрабатываемой въ теченіе годичнаго сѣвооборота посредствомъ одного плуга, получило вполнѣ реальную форму. Какъ было на это указано выше, воспользоваться этой реальной единицей для обложенія черезполосныхъ общинныхъ земель было довольно трудно прежде всего потому, что надѣлы крестьянъ слагались изъ многочисленныхъ и неодинаковой величины полосъ. Кромѣ того, надѣлы свободныхъ крестьянъ, какъ можно думать, были въ большинствѣ случаевъ меньшаго размѣра, чѣмъ надѣлы зависимыхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, свободные люди, производя

маніе слѣдуетъ обратить на то обстоятельство, что эти неопредѣленныя обозначенія стоятъ въ грамотахъ рядомъ съ опредѣленіями величины надѣловъ и земель извѣстнымъ количествомъ плуговъ.

1) Erben, Regesta, t. I, p. 48, nr. 115: Insuper de urbibus Zatec et Boleslaua. . . Per rura quoque ad praedictas urbes pertinentia, ubicunque dominica exercentur aratra, decimum manipulum. . . Quae vero sunt harum urbium tam in longitudine, quam in latitudine dimensa in hospitum rusticorumque turma. . .

свои коллективныя расчистки, доводили свои надѣлы до нормы такого количества земли, обработка которой могла доставить необходимыя средства для существованія семьи. Такимъ образомъ, если плугъ земли считался нормальнымъ надѣломъ зависимаго человѣка [1]), уплачивавшаго землевладѣльцу часть дохода деньгами и натурою, то нормальный надѣлъ свободнаго человѣка долженъ былъ быть по большей части меньшаго размѣра.

Какъ бы то ни было, для избѣжанія значительной части затрудненій при пользованіи плугомъ земли, какъ единицей финансоваго обложенія сельскихъ земель, было необходимо опредѣлить, сколько югеровъ должно въ ней заключаться. Къ сожалѣнію, въ источникахъ нѣтъ прямыхъ указаній подобнаго рода. Имѣющіяся же указанія свидѣтельствуютъ о томъ, что плугъ по величинѣ былъ равенъ позднѣйшему лану. Въ самомъ дѣлѣ, если бы было иначе, то плуги или рала не были бы обложены въ началѣ царствованія Іоанна Люксембургскаго совершенно по одной и той же нормѣ: по фертону или 16 грошей съ каждой поземельной единицы [2]). Основаніемъ для такого обложенія служило то соображеніе, что однимъ плугомъ и одной запряжкой скота можно обработать такое же количество земли, какое приходилось на одинъ ланъ. Въ какой степени этому обстоятельству придавали много значенія, видно изъ того, что даже впослѣдствіи владѣльцы 2 лановъ уплачивали иногда

---

1) См. выше, стр. 172, 180 (прим. 1.), 186 слѣд.

2) Emler, Regesta, t. II, p. 974, nr. 2245, (1310): quilibet laneus — unum fertonem argenti . . . de agris autem, qui per laneos distincti non sunt, de aratro unum fertonem nobis ipsius collectae nomine solvere tenebuntur. Съ толкованіемъ г. Юл. Липперта, который въ плугахъ видитъ нераздѣленные и находящіеся въ общемъ владѣніи земельные надѣлы (mit ungetheilten, d. h. der Idee nach in Gemeinschaft benutzten Grundstücken), нельзя согласиться (Socialgeschichte, Bd. I, S. 193). Выше было уже указано, что часто плуги или рала были отводимы въ одномъ сплошномъ кускѣ поля или состояли изъ полосъ, нарѣзанныхъ въ 3—4 конахъ.

берну въ томъ же размѣрѣ, какъ и владѣльцы одного лана, если не располагали болѣе, чѣмъ однимъ плугомъ и соотвѣтствующимъ количествомъ скота [1]). Въ пользу равенства плуговъ и лановъ свидѣтельствуетъ также то обстоятельство, что въ селѣ Незамыслицѣ 2 плуга или рала составляли надѣлъ приходской церкви [2]), ибо обычнымъ надѣломъ (dos) приходскихъ церквей была земля двухъ лановъ [3]). Такимъ образомъ, если позднѣйшіе ланы, какъ извѣстно, въ каждой мѣстности состояли изъ неодинаковаго числа югеровъ, то нѣтъ основанія предполагать, что плуги или рала повсемѣстно были одной величины. Однако, для каждой мѣстности существовала установленная норма плуга или рала, опредѣляемая подобно нормѣ лана извѣстнымъ числомъ югеровъ, примѣнительно къ мѣстнымъ особенностямъ.

Такъ какъ плугъ земли, бывшій довольно часто нормальнымъ надѣломъ крестьянина [4]), приравнивался по вели-

---

1) Emler, Regesta, t. III, p. 392, nr. 1602, (1324): Collectam regis, que berna dicitur, excipimus, que si per dimidiam marcam indicta fuerit, extunc quilibet colens duos laneos cum uno aratro solvere tenebitur mediam marcam, et similiter qui unum laneum coluerit cum uno aratro, mediam marcam solvet, aut de medio laneo fertonem. Si vero indicta fuerit berna de aratro per fertonem, extunc omnis colens cum aratro solvere tenebitur fertonem, et de medio laneo medium fertonem.

2) Decem registra, p. 184: Item ecclesia parochialis et duo radla. Сравни слѣдующіе тексты: Item ecclesia parochialis et due arature (Ibid., p. 180); ecclesia parochialis et due arature (Ibid., p. 189); ecclesia parochialis et curia cum duabus araturis (Ibid., p. 207). Филіальныя церкви имѣли меньшіе надѣлы (dos): Item ecclesia eiusdem ville habet medium laneum liberum, nisi bernam solvit (Ibid. 198).

3) Emler, Regesta, t. II, p. 571, nr. 1320, (1284): preter duos laneos, qui ad plebanum pertinent pleno jure. Ibid., p. 707, nr. 1650, (1294): super duos, quos antea habuerat, mansos dotales. Ibid., p. 692, nr. 1610, (1293): exceptis etiam XV jugeribus, quae Conradus, plebanus de Qualsing, ultra unum laneum ad dotem ecclesiae suae pertinentem titulo minus gratuito dinoscitur possedisse.

4) См. выше, стр. 172, 180. Сравни также Fr. Vacek, Vyvoj etc. въ Alétheia, ročn. IV (1900), p. 251: Základem výměry čili jednotkou desátkové poplatnosti bylo hospodářstri o jednom rádle (aratura). Z toho, trvám, souditi lze, že ve druhé polovici X. století největší počet veských usedlostí byl o jednom rádle.

чинѣ позднѣйшему лану, то отсюда проистекала своеобразная путаница въ терминологіи: довольно часто ланами назывались славянскія поземельныя единицы. Въ общей замѣткѣ, относящейся къ селу Уѣздцу и находящейся въ поземельной описи Хотешовскаго монастыря, показаны „земли“ въ количествѣ $8^1/_2$, а въ подробной замѣткѣ счетъ идетъ на ланы, которыхъ оказывается такое же количество [1]). Наоборотъ, въ общей замѣткѣ, относящейся къ селу Лугову, показано въ наличности 16 лановъ, а при подробномъ перечисленіи указано значительно меньшее число „земель“ [2]). Въ описаніи села Грушованъ наряду съ ланами показаны и земли [3]). Въ поземельной описи Градищскаго монастыря иногда безразлично употребляются для наименованія надѣловъ одного и того же села термины: то ланъ и дѣдина, то ланъ и загонъ [4]). Въ другихъ поземельныхъ описяхъ ланы отождествлялись съ дворами, дѣдинами и „землями“ [5]). Вполнѣ согласно съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, одна грамота начала XIV вѣка называетъ поэтому надѣлы „чешскими ланами“ [6]).

---

1) Decem registra, p. 28: Vgezd villa Minor habet $8^1/_2$ terram. . . Velek $^1/_2$ lan. — Waczlaw $^1/_2$ lan. etc.

2) Ibid., p. 41: Luhow villa habet 15 laneos cum laneo, qui solvit plebano. . . Stuble 1 ter. — Petr 1 ter. — Nemecz Brozowsky $1^1/_2$ ter. — Swach 1 ter etc.

3) Ibid., p. 42: Šimon $^1/_2$ ter. 12 gr. — Brožek $^1/_2$ lána 12 gr. . . Jecha $^1/_2$ ter. 12 gr. . . Topenka 1 ter. 24 gr.

4) Zlomek urb. klašt. Hrad., p. 4, 13—14: Villa Dobra woda. Item Michal de hereditatibus solvit. . . Item Radym de $^1/_2$ laneo et de V quart. solvit. — Villa Wapno. I. Item Petr 1 zahon. . . VI. Item Yan 1 lan. solvit ut Petr I. VII. Item Toma 1 zah. . . XI. Item Sczepan 1 lan. . . XII. Item Waczlaw 1 lan.

5) Reg. bon. Rosenberg., p. 53, nr. 449: Villa Horka continet XII laneos vel curias. Ibid., p. 53, nr. 451: Villa Lhota videlicet Przniesecna — solvit de $8^1/_2$ curia sive laneo. Ibid., p. 54, nr. 457: Yableczna continet VIII curias seu laneos et quartam. Decem registra, p. 194: Villa Schenow habet haereditates 22, id est laneos, minus 5 quartalibus.

6) Emler, Regesta, t. III, p. 406, nr. 1053, (1325): residuam vero partem ville, que XV terras sive laneos boemicos continet censuales.

Разумѣется, подобное отождествленіе крестьянскихъ надѣловъ съ позднѣйшими ланами имѣло мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти надѣлы были полномѣрны, т. е. заключали въ себѣ плугъ земли, или когда въ сельской запашкѣ было столько же плуговъ, сколько впослѣдствіи считалось въ ней лановъ. Послѣднее явленіе и отчасти первое наблюдается въ селахъ Гривчицѣ, Радоницѣ и Угоницѣ Раковницкаго края, какъ видно изъ сопоставленія данныхъ грамоты, относящейся къ серединѣ XII вѣка, и поземельной описи, составленной въ началѣ XV вѣка. Кромѣ того, благодаря этому сопоставленію данныхъ, относящихся къ однимъ и тѣмъ же селахъ, но въ два различные момента времени, раздѣленные промежуткомъ двухъ съ половиною вѣковъ, — получается возможность установить рядъ наблюденій, указывающихъ на то значеніе, которое принадлежало количеству хозяйственныхъ единицъ села въ дѣлѣ опредѣленія числа поземельныхъ единицъ финансоваго характера.

Въ селѣ Гривчицѣ, гдѣ согласно указанію грамоты было 20 плуговъ или полномѣрныхъ надѣловъ, по свидѣтельству описи, числилось $23^1/_2$ лана[1]). Такимъ образомъ, въ этомъ селѣ сельская запашка за $2^1/_2$ вѣка увеличилась весьма мало (на $3^1/_2$ лана или плуга). Такъ какъ въ началѣ XV вѣка въ селѣ насчитывалось 37 хозяйственныхъ единицъ, владѣвшихъ различными по величинѣ надѣлами (отъ 1 квартала до $1^1/_2$ лана)[2]), то это обстоятельсто наводитъ на мысль, что и въ серединѣ XII вѣка далеко не всякая хозяйственная единица владѣла полнымъ плугомъ. По крайней мѣрѣ, подобной устойчивостью отличались аграрные порядки въ селѣ Угоницѣ. Въ этомъ селѣ въ

1) Emler, Regesta, t. II, p. 1155, nr. 2635, (cc. 1143): Griwtich XX terrae. Decem registra, p. 273: Villa Hrzywczicz. Item ibidem sunt $23^1/_2$ laneus solvens.

2) Decem registra, p. 274.

XII вѣкѣ была 21 семья зависимыхъ людей, а по описи начала XV вѣка находилось $20^1/_2$ лановъ [1]). Продолжая сопоставленіе данныхъ грамоты и описи нельзя не обратить вниманія на чрезвычайное ихъ совпаденіе, которое во всякомъ случаѣ доказываетъ чрезвычайную устойчивость единицъ землевладѣнія. Хотя въ серединѣ XII вѣка въ селѣ Угоницѣ было 21 семейство зависимыхъ людей, а спустя $2^1/_2$ вѣка 24 семьи, но эта разница произошла, очевидно, вслѣдствіе раздѣла двухъ или трехъ первоначальныхъ хозяйственныхъ единицъ. Едва ли можно объяснить случайностью слѣдующія два совпаденія: 1) въ грамотѣ насчитывается малосемейныхъ зависимыхъ людей 8 человѣкъ, а по описи такое же количестно было владѣльцевъ надѣлами мѣрою кварталъ и $^1/_2$ лана; 2) по описи значится 10 нормальныхъ надѣловъ (по 1 лану), а въ грамотѣ показано такое же количество нормальныхъ семействъ, состоявшихъ изъ 4—5 душъ [2]). Эти совпаденія представляютъ нѣкоторое основаніе думать, что село Угоница, пожертвованное въ серединѣ XII вѣка государемъ Страговскому монастырю, незадолго до того возникло и было поселеніемъ, основаннымъ въ лѣсной пустоши, остатками которой являлись многочисленныя лѣсныя рощи, находившіяся на территоріи села [3]). Въ пользу сравнительно позднѣйшаго происхожденія свидѣтельствуетъ отчасти уличный типъ села. Сообразно большему или меньшему числу душъ въ семьѣ опредѣлялось участіе въ расчисткѣ каждой семьи и слѣдовательно количество ея долей: малосемейные получили по полъ плуга, а многосемейные представители хозяйственныхъ единицъ по плугу земли, а иной разъ и больше. Подобное

---

1) Emler, Regesta, t. II, p. 1155 (текстъ см. выше, стр. 163, прим. 1). Decem registra, p. 230: Villa Vhonicz. Item ibidem sunt $20^1/_2$ laneus solventes.

2) См. подробную замѣтку, относящуюся къ селу Угоницѣ (Decem registra, p. 232).

3) См. выше, стр. 161, прим. 5.

же соотвѣтствіе между числомъ семействъ зависимыхъ людей и количествомъ позднѣйшихъ лановъ, соотвѣтствіе, внушающее мысль о томъ, что количество первоначальныхъ хозяйственныхъ единицъ имѣло вліяніе на установленіе количества позднѣйшихъ лановъ [1]), — наблюдается также и въ селѣ Радоницѣ. Въ половинѣ XII вѣка въ этомъ селѣ 8 домохозяевъ добровольно поступили въ ряды зависимыхъ людей Страговскаго монастыря, а, кромѣ того, тамъ же проживало 10 семействъ издавнихъ зависимыхъ людей [2]).

---

1) Сравни выше, стр. 164, 167—168.

2) Emler, Regesta, t. II, p. 1155, nr. 2635, (cc. 1143): In eadem villa voluntarie sese servitio subdiderunt: Gradata, Zudar, Bohdan, Bozepor, Gogol hortulanus, Witkon, Bohuta, Zobestay. Hii vero sunt bubulci: Budata ipse est quintus, Peztek ipse III-us, Vteh ipse III-us, Zirak ipse quintus, Luton ipse tertius, Golissa, Mikec, Bula ancilla, Nadey, Bohdan. Хотя эти зависимые люди названы въ текстѣ bubulci, но этотъ терминъ, очевидно, въ данномъ случаѣ однороденъ съ терминомъ familia, употребленнымъ въ этой же грамотѣ по отношенію къ зависимымъ людямъ села Угоницы. Это сказывается въ совершенно тождественномъ способѣ перечисленія и тѣхъ, и другихъ, т. е. въ поименованіи лицъ, стоявшихъ во главѣ семьи, съ обозначеніемъ числа членовъ каждой изъ нихъ (Ср. соотвѣтствующій текстъ, напечатанный выше, стр. 163, прим. 1). Фр. Вацекъ къ числу издавнихъ зависимыхъ людей села Радоницы совершенно ошибочно причисляетъ тѣхъ людей (servi), которые приписаны были къ господскому хутору (curia). Наоборотъ, 10 вышеперечисленныхъ семействъ онъ считаетъ именно приписанными къ хутору (Fr. Vacek, Vývoj etc. въ Alétheia, ročn. IV (1900), str. 207). Въ пользу такого толкованія можетъ свидѣтельствовать только терминъ bubulci. Противъ него, кромѣ соображенія, указаннаго уже выше, свидѣтельствуетъ самый контекстъ. Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего находится описаніе хутора, а именно (p. 1154—1155): Curiam suam Radunice cum omnibus appendiciis suis, videlicet villis, servis, ancillis et aliis diversis eorum pertinentibus. Nomina vero servorum haec sunt: Buss, Milon, Blas, Onata, Wsan, Ban, Drugan, Jacub, Bohdan, Ostoy pastor equarum, Celek sutor, Modlat, Nedoma, Lubata, Radosta faber, Dedon, Ztras, tornatores picariorum sunt, — а затѣмъ уже описаніе села въ текстѣ, приведенномъ въ началѣ этого примѣчанія. При перечисленіи этихъ 17 человѣкъ кое-гдѣ даны указанія на ихъ занятія и спеціальности (pastor equarum, sutor, faber, tornatores picariorum), указанія, свидѣтельствующія о томъ, что это были рабы (servi, ancillae), жившіе не въ селѣ, а поселенные на хуторѣ. Тѣ же изъ нихъ, при именахъ которыхъ отсутствуютъ указанія на за-

Такимъ образомъ, въ селѣ Радоницѣ было всего 18 семействъ зависимыхъ людей, а соотвѣтственно съ этимъ въ началѣ XV вѣка числилось по описи Строговскаго монастыря 18 лановъ, распредѣленныхъ между 22 домохозяевами, надѣлы которыхъ были различной величины (отъ 1 квартала до 5½ кварталовъ) [1]).

нятіе ремесломъ, были, несомнѣнно, обязаны исполнять полевыя и другія работы на господскомъ хуторѣ. Они получали небольшіе клочки поля, имѣли отдѣльныя хаты и были впослѣдствіи извѣстны подъ именемъ подсосѣдковъ (subsides). Въ справедливости такого толкованія можно убѣдиться изъ сопоставленія данныхъ, извѣстныхъ изъ грамоты, съ данными поземельной описи Страговскаго монастыря. Какъ видно изъ этого послѣдняго источника, въ началѣ XV вѣка въ селѣ Радоницѣ было три человѣка, имѣвшихъ менѣе квартала земли, одинъ пастухъ, 8 подсосѣдковъ и двѣ хаты, покинутыя подсосѣдками (Decem registra, p. 260—261: Item ibidem sunt 3 homines censuales nomine Witko, Pelanek et Marsso. Witko habet ½ quartale agrorum et debet loco census falcastrare unum pratum. . . Item Pelanek cum Marssone, quilibet ipsorum habet per ½ quartale agrorum; et debent falcastrare duo prata. . . Item ibidem est unus pastor nomine Peczak. . . Item nota, quod ibidem sunt 7 subsides, et quilibet ipsorum habet 2 strichones de agris monasterii. . . Item ibidem est homo unus nomine Marzyk subses, non laborat prout alii, sed racione laboris. . . Item ibidem adhuc restant due gaze deserte subsidiales, et quelibet gaza habet 2 strichones de agris monasterii). Это количество подсосѣдскихъ хозяйствъ близко подходитъ къ числу рабовъ-холоповъ хутора, особенно если обратить вниманіе на то, что ремесленники могли уйти изъ села въ города, сдѣлавшіеся центрами торговли и промышленности. Въ описи двѣ подсосѣдскія хаты показаны покинутыми. Весьма правдоподобно, что такое опустѣніе началось издавна и не было новымъ явленіемъ для начала XV вѣка, а потому тѣ три хозяина, которые имѣли по ½ квартала, были только преемниками опустѣвшихъ и заброшенныхъ подсосѣдскихъ участковъ. Въ какой степени рабы-холопы и ихъ преемники подсосѣдки были необходимы для веденія хозяйства на господскихъ хуторахъ, это видно изъ того, что панъ Ульрихъ Лихтенбергъ при основаніи торговаго села Ронова ставилъ непремѣннымъ условіемъ устройство 24 подсосѣдскихъ участковъ. Emler, Regesta, t. IV, p. 823, nr. 2124, (1307): viginti quatuor subsides in medio laneo collocabit, quorum quilibet alterum dimidium juger possidebit.

1) Decem registra, p. 260: Item ibidem sunt 18 lanei solventes. Перечень крестьянъ и ихъ надѣловъ см. Ibid., p. 261. Въ грамотѣ, приложенной къ описи, указаны тѣ же 18 лановъ, но поименованы не 22, а 28 крестьянъ (Ibid., p. 262, ad an. 1374). Если это не

Самое соотвѣтствіе между числомъ семействъ зависимыхъ людей и количествомъ позднѣйшихъ лановъ (при условіи равенства плуга и лана) свидѣтельствуетъ о томъ, что площадь сельской запашки опредѣлялась количествомъ столькихъ плуговъ или ралъ, сколько въ данномъ селѣ было семействъ или хозяйственныхъ единицъ. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что каждая хозяйственная единица имѣла по плугу земли. Иногда такъ именно и было въ дѣйствительности[1]), когда семьи-задруги, основавшія поселеніе, располагали одинаковымъ количествомъ рабочей силы. Когда же семьи-задруги считали въ своемъ составѣ различное число членовъ, то, соотвѣтственно неодинаковому участію въ дѣлѣ устройства расчистокъ или коновъ, малосемейные получали значительно менѣе плуга земли, а многосемейные представители задругъ получали иной разъ и болѣе двухъ плуговъ[2]). Государи, церковные и свѣтскіе землевладѣльцы, поселяя на территоріи своихъ уѣздовъ рабовъ и зависимыхъ людей, предоставляли каждой семьѣ плугъ земли[3]), а потому вполнѣ освоились съ мыслью, что слѣдуетъ считать плугъ или рало (объектъ обложенія) и семью (субъектъ обложенія) однородной и тождественной единицей обложенія. Когда же подобную норму пришлось приложить къ тѣмъ селамъ, которыя основаны были въ старину на территоріи околицы (и только впослѣдствіи попали въ зависимость)

ошибка, происшедшая по винѣ переписчика, повторившаго нѣсколько разъ одни и тѣ же имена (Wancony, Wienkoni, Waniconi, Wanconi; Jesskoni, Jesskoni, Jessconi et Jessiekoni; Wytkoni, Witkoni) и притомъ во второй половинѣ списка, то эту разницу между показаніями грамоты 1374 года и описи можно объяснить только тѣмъ, что въ грамотѣ почему-либо считали необходимымъ отъ одной хозяйственной единицы поименовать двухъ или трехъ лицъ, напр.: братьевъ, унаслѣдовавшихъ надѣлъ отъ отца и ведущихъ сообща хозяйство, или отца со взрослыми сыновьями.

1) См. выше, стр. 162, 187, а также, ниже.

2) См. выше, стр. 186, 162 и ниже.

3) См. выше, стр. 173—174, 180, 184 (прим. 4).

или по отношенію къ тѣмъ селамъ, которыя возникли въ силу одновременнаго и коллективнаго поселенія нѣсколькихъ семействъ на земляхъ того или другого уѣзда, то землевладѣльцы предоставили самимъ крестьянамъ устанавливать соотношеніе между единицами обложенія и реальными надѣлами, по ихъ усмотрѣнію, но подъ однимъ только условіемъ, чтобы количество податныхъ или оброчныхъ единицъ соотвѣтствовало числу находившихся въ селѣ хозяйственныхъ единицъ. Подобная естественная для землевладѣльцевъ постановка обложенія должна была побудить жителей села, если ихъ сельская запашка не соотвѣтствовала по размѣрамъ необходимому количеству плуговъ [1]), увеличить и расширить запашку. Совершенно независимо отъ того, дѣйствовали ли они при этомъ коллективно, или каждый независимо, расширеніе запашки могло произойти только въ мѣрѣ пропорціональной той рабочей силѣ, которой располагала каждая хозяйственная единица. Если даже надѣлы крестьянъ ранѣе и были одинаковаго размѣра, то съ момента наступленія зависимости они неизбѣжно должны были оказаться различныхъ размѣровъ. Устанавливая соотношенія между единицами финансоваго обложенія, каковыми являлись плуги или рала, и надѣлами, слагавшимися изъ реальныхъ полосъ и долей, крестьяне должны были разъ навсегда условиться, сколько сельскихъ долей должно соотвѣтствовать плугу и ралу. Какъ только это было опредѣлено, становилось вполнѣ яснымъ, въ какой мѣрѣ каждая хозяйственная единица должна участвовать въ несеніи общаго обложенія.

VII. Для наименованія крестьянскихъ надѣловъ еще въ XIV вѣкѣ употреблялись различные термины. Какъ

1) См. выше, стр. 158—159, 186—189.

видно изъ поземельныхъ описей, крестьянскіе надѣлы назывались дѣдинами (hereditates), землями (terrae), полями (agri), дворами (areae, curiae) и загонами (zahon). Первые два термина были наиболѣе употребительны. Остальные термины встрѣчаются въ одной какой-либо поземельной описи, но это не свидѣтельствуетъ о томъ, что они были мѣстнаго происхожденія.

По указаніямъ описи Островскаго монастыря, въ селахъ Сазавѣ, Олешенѣ и Брезовѣ (Куримскаго края), расположенныхъ на правомъ берегу рѣки Вльтавы, къ югу отъ Збраславля, крестьянскіе надѣлы назывались полями или конами [1]). То же самое относится къ селамъ Пхерамъ и Гумнамъ (Раковницкаго края), лежащимъ къ югу отъ Слана, и къ селу Мезну Будеёвскаго края [2]). Въ селѣ Сазавѣ распредѣленіе земли было таково: 3 человѣка имѣли по 1/2 поля, 3 человѣка — по 1 полю, 2 человѣка — по 1 1/2 поля. Въ селѣ Олешенѣ 4 человѣка имѣли по 1/2 поля, 4 человѣка — по цѣлому полю и одинъ — 2 поля. Въ селѣ Брезовѣ каждый изъ 9 человѣкъ имѣлъ по цѣлому полю и одинъ — 2 поля. Въ селѣ Пхерахъ 4 человѣка имѣли по 1/2 поля, 10 человѣкъ — по цѣлому полю и одинъ — 1 1/2 поля. Въ сосѣднемъ селѣ Гумнахъ 2 человѣка имѣли по 1/2 поля, 9 человѣкъ — по цѣлому полю и одинъ — 1 1/2 поля. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ селахъ не показано дѣленія на кварталы или четверти и на югеры. Надѣлы всѣхъ крестьянъ слагаются изъ цѣлыхъ полей и ихъ половинъ. Подобное раздѣленіе сельской запашки напоминаетъ то аграрное устройство, которое существовало въ селѣ Унетицѣ, принадлежавшемъ священнику Збигнѣву [3]). По всей вѣроятности, эти села обязаны были своимъ происхожденіемъ иниціативѣ землевладѣльцевъ, которые каждому поселенцу предоставляли подъ расчистку отдѣльный

1) См. выше, стр. 173.
2) Decem registra, p. 55, 60, 70, 72.
3) См. выше, стр. 159, 173—174.

кусокъ земли или полосы въ нѣсколькихъ конахъ, когда поселенцы осѣдали цѣлыми группами. Для опредѣленія размѣра этихъ полей могутъ послужить данныя, получаемыя изъ сравненія обложенія полей вышеперечисленныхъ селъ съ обложеніемъ лановъ въ сосѣднихъ селахъ. Въ селахъ Брезовѣ и Олешенѣ обложеніе одного поля опредѣлялось такой нормой: 20 грошей, 3 курицы, 10 яицъ, 30 копенъ жатвы [1]). Въ селѣ Сазавѣ обложеніе въ общемъ было установлено по нормѣ нѣсколько меньшей [2]). Въ селѣ Округломъ, сосѣднемъ съ селами Брезовой и Олешеномъ, съ каждаго лана поступало 40 грошей и жатвы (барщинной работы) 32 копны [3]), а въ селѣ Петровѣ, сосѣднемъ съ селомъ Сазавой, съ каждаго лана — 32 гроша, 3 курицы, 10 яицъ, 32 копны барщинной жатвы [4]). Сопоставляя эти данныя, можно прійти къ заключенію, что въ селахъ Брезовѣ, Олешенѣ и Сазавѣ поле (ager) по величинѣ равнялось половинѣ позднѣйшаго лана или стариннаго плуга. Напротивъ, въ селахъ Пхерахъ и Гумнахъ поле по размѣру не уступало лану. Въ самомъ дѣлѣ, въ селѣ Пхерахъ съ поля уплачивали по 35 грошей, а въ селѣ Гумнахъ — по 50 грошей, тогда какъ въ сосѣднемъ съ ними селѣ Винарицѣ съ каждаго лана платили по 45 грошей [5]). Такъ какъ въ селѣ Гумнахъ поле (ager) приравнивалось лану, то вполнѣ понятно, почему составитель описи въ подробной замѣткѣ, относящейся къ этому селу, употреблялъ одинъ терминъ

---

1) Decem registra, p. 60: Jessek de 1 agro 20 gr., 3 pullos, 10 ova, messis 30 cappecia. — Swach Plast de 1 agro 20 gr., 3 pullos, 10 ova, messis 30 cappecia.

2) Ibid., p. 61: Ondraczek de 1 agro 14 gr., messis 24 cappecia et 1 diem.

3) Ibid., p. 59: Hostan de 1 laneo censuat 40 gr., messis 32 cappecia.

4) Ibid., p. 61: Maress de 1 laneo 32 gr., 3 pullos, 10 ova, messis 32 cappecia.

5) Ibid., p. 70—71: Tikanecz de 1 agro 35 gr. — Haness (in villa Owna) de 1 agro 50 gr. — Rzehac (in villa Vinarzczie) de 1 laneo 45 gr.

вмѣсто другого [1]). Эти крестьянскіе надѣлы, называемые въ описи полями, находились въ наслѣдственномъ владѣніи крестьянъ, какъ видно изъ одного замѣчанія составителя поземельной описи: послѣ перечисленія всѣхъ крестьянъ села Мезны и указанія размѣра ихъ надѣловъ онъ прибавилъ, что съ каждой полной хозяйственной единицы уплачивается берны по 20 гр., и назвалъ такую единицу дѣдиною [2]). Такъ какъ въ трехъ названныхъ селахъ Куримскаго края изъ общаго числа 27 крестьянъ: 7 человѣкъ имѣли по 1/2 поля или 1/4 лана, 16 человѣкъ — по 1 полю или 1/2 лана, 2 человѣка — по 1 1/2 поля или 3/4 лана и 2 человѣка — по 2 поля или 1 лану, то отсюда слѣдуетъ, что большинство крестьянъ (почти 60 %) владѣло надѣломъ мѣрою 1/2 лана. Въ селахъ Пхерахъ и Гумнахъ изъ общаго числа 27 крестьянъ: 6 человѣкъ имѣли по 1/2 поля или 1/2 лана, 19 человѣкъ по полю или лану, 2 человѣка — по 1 1/2 поля или лана, а слѣдовательно огромное большинство крестьянъ (70 %) владѣло надѣлами мѣрою 1 ланъ.

Какъ видно изъ поземельной описи имѣній пановъ Розенберговъ, села, въ которыхъ крестьянскіе надѣлы назывались дворами, составляли двѣ группы: 1) одни села (Баньовъ, Жеховъ, Нижній Борекъ, Барчовъ, Верхній Борекъ и Третужель) расположены были къ сѣверу отъ Миличина, на границѣ Беровнскаго и Таборскаго края [3]); 2) другія села (Яблечна, Присѣчница, Привѣтица, Загорье, Льготка, Требинъ, Слупекъ, Медовый Уѣздъ, Горки, Вольдухи, Щаглавы, Милиновъ, Олешна, Стрижовица, Хузовъ и Хлуманки) расположены были отчасти на границѣ Беровнскаго и Пильзенскаго края, въ бассейнѣ правыхъ при-

1) Decem registra, p. 71: Hradecz de 1 1/2 laneo nichil solvit.

2) Ibid., p. 72: Nota, quod quilibet eorum debet solvere de una hereditate per 20 gr. steuram et non plus.

3) Reg. bon. Rosenberg., p. 49, nr. 422, 423; p. 48, nr. 418, 419; p. 49, nr. 425; p. 48, nr. 421.

токовъ рѣки Беровнки, а отчасти на рѣчкѣ Уславѣ, къ югозападу отъ города Пильзня [1]). Необходимо отмѣтить, что надѣлы (areae) въ селахъ первой группы по латыни названы не такъ, какъ надѣлы (curiae) въ селахъ второй группы.

Наименованіе крестьянскихъ надѣловъ дворами обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что села слагались изъ ряда отдѣльныхъ дворовъ, стоявшихъ другъ отъ друга на нѣкоторомъ довольно отдаленномъ разстояніи. Каждое село представляло собою соединеніе нѣсколькихъ немногочисленныхъ крестьянскихъ хуторовъ [2]). Подобнаго рода поселенія были весьма обычны въ западныхъ и южныхъ краяхъ Чехіи [3]). Въ данномъ случаѣ Чехія отнюдь не выдѣлялась изъ ряда другихъ славянскихъ земель, такъ какъ такія поселенія были распространены среди славянъ въ глубокую старину [4]) и сохраняются до настоящаго времени у южныхъ славянъ, а особенно у сербовъ [5]). Весьма возможно, что каждый дворъ въ вышеназванныхъ селахъ представлялъ собою задругу [6]).

Что въ селахъ первой группы, расположенныхъ около мѣстечка Миличина, терминъ дворъ (area) употреблялся для

---

1) Ibid., p. 54, nr. 457; p. 53, nr. 451; p. 21, nr. 174, 175, 171, 172, 173; p. 53, nr. 447, 449; p. 52, nr. 443; p. 53, nr. 450, 456 (p. 21, nr. 176); p. 21, nr. 169, 168, 167, 166.

2) См. Special-Karte, B. № XXVI. Umgebungen von Tabor.

3) Johann Sommer, Das Königreich Böhmen, Bd. VI, S. 201—204; Bd. IX, S. 250—251, 254, 258—259, 260, 266—267.

4) Procopii Caesariensis De Bello Gothico, III, 14: οἰκοῦσι δὲ ἐν καλύβαις οἰκτραῖς διεσκηνημένοι πολλῷ μὲν ἀπ' ἀλλήλων· ἀμείβοντες δὲ ὡς τὰ πολλὰ τὸν τῆς ἐνοικήσεως ἕκαστον χῶρον . . . Σπόρους γὰρ τὸ παλαιὸν ἀμφοτέρους ἐκάλουν, ὅτι δὴ σποράδην, οἶμαι, διεσκηνημένοι τὴν χώραν οἰκοῦσι· διὸ δὴ καὶ γῆν πολλήν τινα ἔχουσι· Šafařik, Sl. starožitnosti, Přilohy, S. 966.

5) V. Houdek, O spůsobu stavby dědin moravských въ журналѣ Časopis vlasten. spolku Muzejního v Olomouci, 1889, číslo 21, S. 15—17. K. J. Jireček, Srbsko, země i lid. Osvěta, 1875, str. 420.

6) См. выше, стр. 119—120.

наименованія поземельныхъ участковъ крестьянъ, а не ихъ только усадебныхъ мѣстъ и построекъ, это видно прежде всего изъ того, что владѣльцы дворовъ не были смѣшиваемы съ подсосѣдками. Такимъ образомъ, въ селѣ Верхнемъ Боркѣ было 7 дворовъ и одинъ подсосѣдокъ, а въ селѣ Третужелѣ 2 лана, 4 двора и одинъ подсосѣдокъ [1]). Кромѣ того, это обнаруживается и тѣмъ, что дворы обложены были иногда по болѣе высокой, иногда по менѣе высокой нормѣ, чѣмъ ланы, но во всякомъ случаѣ выше, чѣмъ подсосѣдскіе участки, платившіе по 10 грошей. Такъ, напр., въ селѣ Третужелѣ съ каждаго изъ двухъ лановъ поступило по одной маркѣ, два же двора платили по 79 грошей каждый, а каждый изъ двухъ другихъ дворовъ уплачивалъ землевладѣльцу по 38 грошей [2]). Неравномѣрность платежей, поступавшихъ съ дворовъ, находилась въ зависимости отъ ихъ величины. Два двора села Третужеля, очевидно, довольно значительно превосходили по своимъ размѣрамъ величину лана, а два другіе двора того же села были въ два раза меньшей величины, по сравненію съ первыми. Заслуживаетъ особеннаго вниманія то обстоятельство, что ни въ одномъ селѣ изъ расположенныхъ около Миличина дворы не были одинаковаго размѣра, насколько о размѣрахъ ихъ можно судить по высотѣ обложенія. Въ самомъ дѣлѣ, въ селѣ Нижнемъ Боркѣ, гдѣ было 6 дворовъ, каждый изъ пяти взносилъ ежегодно по 67 гр., а шестой — 70 гр. [3]). Въ селѣ Жеховѣ 4 двора уплачивали по копѣ, а пятый 64 гроша, но, кромѣ того, тамъ же два двора изъ числа упомяну-

1) Reg. bon. Rosenberg, p. 48, nr. 419: Borek superior continet VII areas . . . Ibidem unus subses solvit X gr. Ibid., p. 49, nr. 425: Villa Trzietozel continet II laneos et III areas . . . Item subses solvit annuatim X gr.

2) Ibid., p. 49, nr. 425: Lanei solvunt annuatim per unam marcam, due aree solvunt per LXXIX gr. annuatim et due per XXXVIII gr.

3) Ibid., p. 48, nr. 416: Villa Borek inferior continet VI areas; quelibet solvit annuatim per LXVII gr., ex hiis una solvit LXX gr.

тыхъ обязаны были доставить землевладѣльцу по 6 куриць или 3 гроша и работать при уборкѣ сѣна 6 дней, каковая работа оцѣнивалась въ 6 грошей, т. е. два двора, по сравненію съ другими, были обложены значительно выше (на 9 грошей) [1]). Въ селѣ Баньовѣ (если оставить въ сторонѣ равную для всѣхъ барщину) два двора уплачивали по 30 гр., а третій — 32 гр. [2]). Въ селѣ Барчовѣ 4 двора взносили ежегодно по 50 гр., а два двора — по копѣ или 60 грошей [3]). Во всѣхъ этихъ 4 селахъ, въ каждомъ изъ нихъ отдѣльно, крестьянскіе надѣлы были приблизительно одинаковой величины, такъ какъ разница въ платежахъ выражалась количествомъ 2—10 гр., при обложеніи каждаго двора суммою 30—70 грошей. Судя по этимъ же даннымъ обложенія, крестьянскіе надѣлы села Баньова были въ два раза меньшей величины, чѣмъ надѣлы въ остальныхъ трехъ селахъ. Однако, не во всѣхъ селахъ наблюдается эта приблизительная уравнительность крестьянскихъ надѣловъ, которые въ селѣ Баньовѣ достигали размѣра полулана, а въ другихъ — цѣлаго лана, какъ это видно изъ сопоставленія обложенія дворовъ этихъ селъ съ обложеніемъ двухъ лановъ села Третужеля (приблизительно по 60 гр. отъ двора). Выше было указано, что въ селѣ Третужелѣ одни дворы были больше другихъ въ два раза. Еще большее разнообразіе наблюдается въ селѣ Верхнемъ Боркѣ, въ которомъ изъ семи дворовъ четыре ежегодно уплачивали по 67 гр., дворъ Збинка 115 гр., т. е. въ полтора раза болѣе, одинъ дворъ —

---

1) Reg. bon. Rosenberg., p. 49, nr. 423: Villa Zgiechow continet V areas, quarum IIII censuant per 1 sexag., quinta vero unam marcam gravem. Item ex illis II aree solvunt per VI pullos vel per III gr. pro pullis et laborant in feno per VI dies vel dant per VI gr.

2) Ibid., p. 49, nr. 422: Villa Banow continet III areas, quarum due censuant annuatim per XXX gr. et tercia solvit XXXII gr.

3) Ibid., p. 48, nr. 418: Villa Barczow continet VI areas, quarum IIII censuant annuatim per L gr., due vero solvunt per 1 sexag.

30 гр. и послѣдній седьмой дворъ — 16 гр.[1]). Такимъ образомъ, въ этомъ селѣ 4 надѣла по размѣрамъ равнялись лану[2]), одинъ надѣлъ равнялся 1½ ланамъ, одинъ — полулану и послѣдній — кварталу или четверти лана. Всѣ эти Миличинскія села были невелики: въ селѣ Баньовѣ было три хозяйственныхъ единицы, въ селѣ Жеховѣ — пять, въ селахъ Барчовѣ, Нижнемъ Боркѣ и Третужелѣ — по шести, а въ селѣ Верхнемъ Боркѣ — семь[3]). Отмѣчая то обстоятельство, что въ селѣ Баньовѣ, имѣвшемъ наименьшее число дворовъ, наблюдается и наименьшая разница въ обложеніи надѣловъ[4]), а въ селахъ Третужелѣ и Верхнемъ Боркѣ, въ которыхъ было наибольшее число дворовъ, наоборотъ замѣчается чрезвычайная разница въ обложеніи дворовъ, свидѣтельствующая о соотвѣтствующей неравномѣрности крестьянскихъ надѣловъ, — нельзя не обратить вниманія на это соотношеніе явленій. Установленіе этого положенія приводитъ къ мысли, что первоначально всѣ эти села были также малы, какъ село Баньовъ, и заключали въ себѣ 3—4 двора[5]). Въ самомъ дѣлѣ, въ селахъ Жеховѣ, Барчовѣ и Верхнемъ Боркѣ эти первоначальныя хозяйственныя единицы можно усматривать въ тѣхъ четырехъ дворахъ, которые въ каждомъ изъ этихъ селъ были обложены по одной нормѣ. Съ другой стороны, въ селѣ Третужелѣ сказывается вліяніе новыхъ порядковъ въ фактѣ устройства двухъ лановъ[6]). Если надѣлъ Збинка въ селѣ

1) Reg. bon. Rosenberg., p. 48, nr. 419: Borek superior continet VII areas, quarum III solvunt annuatim per LXVII gr. Item area Sbinconis II sexag. minus V gr. Item una ½ sexag. Item ultima XVI gr.

2) Сравни также слѣдующій текстъ (Ibid., p. 48, nr. 417): In Jurzetinek est una curia, que continet unum laneum minus III jug., solvit annuatim 1 sexag.

3) См. примѣчанія на предыдущихъ двухъ страницахъ.

4) Въ этомъ селѣ указанная разница выражалась въ суммѣ 2 гр., тогда какъ въ другихъ селахъ, за исключеніемъ Третужеля и Верхняго Борка, она достигала 7—10 гр.

5) См. выше, стр. 145—146.

6) См. выше, стр. 196, прим. 1.

Верхнемъ Боркѣ былъ полуторнаго размѣра, а два другихъ надѣла были значительно меньшаго размѣра, по сравненію съ другими, то это можно объяснить тѣмъ, что Збинекъ или кто-либо изъ его предшественниковъ выдвинулся изъ общей массы и успѣлъ произвести своими средствами самостоятельную расчистку, а два другіе надѣла принадлежали крестьянамъ, которые позднѣе поселились и не успѣли довести собственными силами размѣры своихъ надѣловъ до общей надѣльной нормы, существовавшей въ этомъ селѣ. Имѣя основаніе возникновеніе неравномѣрности въ данномъ случаѣ считать позднѣйшимъ явленіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ можно въ этомъ видѣть указаніе на то, что первоначальныя хозяйственныя единицы этихъ всѣхъ селъ владѣли равными по величинѣ надѣлами, потому что равномѣрно участвовали въ устройствѣ расчистокъ или коновъ. Въ пользу этого объясненія свидѣтельствуетъ довольно близкое сосѣдство Миличинскихъ селъ съ селами, въ которыхъ сельская запашка была раздѣлена на коны, разработанные общими или коллективными силами[1]).

Какъ видно изъ сборника формулъ XIV вѣка, такіе же надѣлы, какіе существовали въ селахъ около Миличина, были извѣстны подъ именемъ крестьянскихъ дворовъ (curiae rusticales). Въ самомъ дѣлѣ, вблизи Миличинскихъ селъ находились села Яворье и Лищенецъ, въ первомъ изъ которыхъ было 6 дворовъ, а во второмъ — 5 дворовъ[2]). Пріурочивать къ Миличинскимъ селамъ аграрные порядки,

1) Это были села Тынчаны и Порѣшица (см. выше, стр. 158, 160), расположенныя къ западу отъ Миличина, на разстояніи 20 километровъ отъ Миличинскихъ селъ по прямой линіи.

2) H. Jireček, Codex juris bohemici, t. II, pars II, p. 288. Formae literarum apud tabulas, nr. 15: in Wyrssowicz (Wršowice), quidquid ibi habent, in Jaworzie VI curias rusticales, in Lesczinye V curias rusticales cum agris, pratis, silvis etc. Изъ этихъ селъ Лищенецъ лежитъ къ сѣверу отъ Миличинскихъ селъ, а Вершовица и Яворье къ западу отъ нихъ, одно къ сѣверу отъ Сѣдлеца, а другое къ югу.

существовавшіе въ селахъ Порѣшицѣ и Тынчанахъ, можно еще и потому, что между этими послѣдними селами расположенъ былъ хуторъ или выселокъ Звѣстовица, уплачивавшій землевладѣльцу по одной копѣ ежегодно, т. е. обложенный по той же приблизительно нормѣ, какая дѣйствовала и въ Миличинскихъ селахъ [1]).

Если составитель поземельной описи владѣній пановъ Розенберговъ, говоря о хозяйственныхъ единицахъ Миличинскихъ селъ, употребляетъ неоффиціальный терминъ, то это объясняется тѣмъ, что въ этихъ селахъ усадьбы-дворы не подлежали раздѣлу и въ представленіи современниковъ составляли одно цѣлое съ относящимися къ нимъ полями. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ одномъ текстѣ, относящемся къ Миличинскимъ дворовымъ селамъ, нѣтъ указанія на существованіе половины или четверти двора, а всегда дѣло идетъ о цѣлыхъ дворахъ. Такимъ образомъ, если съ теченіемъ времени дворъ-задруга разростался и выдѣлялъ изъ своего состава одну или нѣсколько единицъ, то каждая изъ этихъ послѣднихъ или вовсе выселялась изъ села, или въ томъ же селѣ ставила (съ помощью родной задруги) свой отдѣльный дворъ и разработывала необходимое для себя количество земли. Отсюда проистекали два наблюдаемыя въ Миличинскихъ селахъ явленія: съ одной стороны, наличность небольшой группы (4—5) дворовъ, имѣвшихъ равномѣрные надѣлы, а, съ другой стороны, наличность дворовъ, имѣвшихъ меньшаго размѣра надѣлы, чѣмъ большинство остальныхъ дворовъ села. Неразрывность двора-усадьбы (area) и надѣла дала возможность установить рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ въ пользу того, что крестьянскіе надѣлы въ Миличинскихъ селахъ по своимъ размѣрамъ не отличались отъ надѣловъ крестьянъ въ селахъ

---

1) Reg. bon. Rosenberg., p. 51, nr. 441: Item in Zwiestowicz est una curia, que solvit 1 sexag.

Куримскаго и Раковницкаго края, принадлежавшихъ Островскому монастырю [1]).

Далеко не во всѣхъ селахъ, надѣлы которыхъ были названы составителемъ Розенбергской описи оффиціальнымъ терминомъ (curiae), наблюдаются явленія, свидѣтельствующія о древности ихъ происхожденія. Какъ было указано, одни изъ этихъ селъ расположены были на границѣ Пильзенскаго и Беровнскаго краевъ, между рѣчкой Клабавой и Збировскимъ потокомъ, а другія лежали къ юго-западу отъ города Пильзня, на рѣчкѣ Уславѣ. Такъ какъ первыя села расположены вокругъ мѣстечка Мыта, то ихъ условно и для краткости можно назвать Мытскими; вторыя же села позволительно назвать Уславскими въ виду ихъ расположенія на рѣчкѣ Уславѣ.

Къ числу Мытскихъ селъ (въ порядкѣ ихъ расположенія отъ сѣвера къ югу) относятся слѣдующія села: Яблечна, Присѣчница, Привѣтица, Загорье, Требинъ, Слупекъ, Медовый Уѣздъ, Вольдухи и Горки. Изъ этихъ селъ только немногія могутъ быть названы небольшими, такъ какъ въ нихъ считалось отъ двухъ до шести дворовъ, а именно: Привѣтица, Загорье и Требинъ [2]). Большинство же этихъ селъ имѣло отъ восьми до двѣнадцати дворовъ, какъ-то: Яблечна — 8 Присѣчница — 8½, Уѣздъ Медовый — 10, Слупекъ — 12, Горки — 12 дворовъ [3]).

---

1) См. выше, стр. 194.

2) Reg. bon. Rosenberg., p. 21, nr. 174: Villa Prziuieticz continet II curias; censuant annuatim per LXXX gr. — Ibid., nr. 175: Villa Zhorz continet III curias; solvunt annuatim per ½ sexag. — Ibid., nr. 172: Villa Trziebin continet VI curias censuantes annuatim per XL gr.

3) Reg. bon. Rosenberg., p. 54, nr. 457: Yableczna continet VIII curias seu laneos et quartam. Quilibet censuat annuatim per LXVIII gr. et per XX ova, item LXVI pullos et XVI schocas lini vel pro quolibet IIII halenses. — Ibid., p. 53, nr. 451: Villa Lhota videlicet Przieseczna exspiravit libertas solvit de 8½ curia sive laneo per LVIII gr. — Ibid., p. 53, nr. 447: Villa Vgezd continet X curias; quelibet solvit annuatim per XL gr. — Ibid.. p. 21, nr. 173: Villa Slupek con-

Наконецъ, въ селѣ Вольдухахъ было 36 дворовъ [1]). Надѣлы во многихъ изъ этихъ селъ были равны по величинѣ ланамъ, а потому въ замѣткахъ описи, относившихся къ селамъ Яблечной, Присѣчницѣ и Горкамъ, назывались безразлично дворами и ланами (curiae sive lanei) [2]). Таковы же, повидимому, были крестьянскіе надѣлы въ селахъ Требинѣ, Слупкѣ и Медовомъ Уѣздѣ, какъ можно заключать изъ того, что въ этихъ селахъ съ каждаго двора землевладѣлецъ получалъ по 40 гр. [3]), т. е. не болѣе той суммы, которая уплачивалась съ каждаго лана въ сосѣднемъ селѣ Голубковѣ [4]). Если село Загорье дѣйствительно находилось, какъ полагаетъ издатель описи, около села Привѣтицы, то въ немъ дворы-надѣлы были не болѣе полулана каждый, такъ какъ въ селѣ Привѣтицѣ съ каждаго двора платили по 80 гр., а въ селѣ Загорьѣ — по 30 гр. [5]). Обиліе домохозяйствъ почти во всѣхъ этихъ селахъ указываетъ на позднѣйшее ихъ происхожденіе. Въ слѣдующей главѣ будутъ приведены доказательства въ пользу того, что одни изъ этихъ селъ возникли въ началѣ XIII вѣка, а другія даже въ серединѣ XIV вѣка. Теперь же достаточно отмѣтить, что въ названіяхъ трехъ изъ этихъ Мытскихъ селъ (Lhota videlicet Prziesecznа, Yableczna, Vgezd) сказывается исторія ихъ происхожденія. Очевидно, почти всѣ они (за

---

tinet XII curias censuantes annuatim per XL gr. — Ibid., p. 53, nr. 449: Villa Horka continet XII laneos vel curias. Solvunt annuatim per $^1/_2$ marcam, per IIII pullos. Ibidem de quolibet laneo pro silvis jacentibus per II gr. annuatim dabunt.

1) Reg. bon. Rosenberg., p. 52, nr. 443: Villa Wolduch continet XXXVI curias et araturam, quarum quelibet curia censuat annuatim LXXI gr., per II strichones siliginis et per II strichones avene. Item VI aree solvunt per 1 fertonem. — Усадьбы (aree), упомянутыя въ этомъ текстѣ, были дворы и участки подсосѣдковъ.

2) См. соотвѣтствующіе тексты въ предыдущихъ примѣчаніяхъ.

3) См. соотвѣтствующіе тексты.

4) Reg. bon. Rosenberg., p. 21, nr. 170: Villa Holubcow continet XX laneos; censuant annuatim per XL gr.

5) См. соотвѣтствующіе тексты.

исключеніемъ селъ Привѣтицы и Загорья, имѣвшихъ 2—3 двора) были льготами, т. е. поселеніями, основанными на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, на территоріи ихъ уѣздовъ. Этимъ ихъ недавнимъ происхожденіемъ объясняется вполнѣ удовлетворительно то обстоятельство, что крестьянскіе надѣлы въ данномъ случаѣ имѣли размѣры лана или плуга[1]).

Что касается Услявскихъ селъ, къ числу которыхъ относятся слѣдующія (при перечисленіи ихъ въ направленіи отъ города Пильзня къ мѣстечку Бловицѣ, т. е. съ сѣвера къ югу), а именно: Щаглавы, Олешна, Милиновъ, Незвѣстица, Хузовъ, Льготка, Стрижовица, Хлуманки, — то по характеру своему они ближе подходятъ къ Миличинскимъ селамъ, чѣмъ къ сосѣднимъ Мытскимъ селамъ. Дѣйствительно, половина ихъ имѣла 2—5 дворовъ, какъ-то: Стрижовица — 2 двора, Хлуманки и Незвѣстица — по 4 двора и Щаглавы — 5 дворовъ[2]). Остальныя села также уступали по размѣрамъ Мытскимъ селамъ, какъ видно изъ слѣдующаго: село Олешна имѣло 6 дворовъ, село Льготка — 6½ дворовъ, село Хузовъ — 8 дворовъ, село Миленовъ — 10 дворовъ[3]). Какъ видно изъ текстовъ, относящихся къ селамъ Незвѣстицѣ и Олешнѣ, ланъ и дворъ въ этихъ селахъ считались единицами тождественными. Въ

---

1) См. выше, стр. 190.

2) Reg. bon. Rosenberg., p. 21, nr. 168: Villa Strzizowicz continet II curias, quarum una censuat XCV gr. et alia solvit LXXX gr. Item subses solvit XIIII gr. — Ibid., p. 21, nr. 166: Villa Chlumani continet IIII curias; censuant annuatim incluso labore per LXXXVIII gr. — Ibid., p. 21—22, nr. 178: Villa Nezwiesticz — continet IIII curias; censuant annuatim LXXX gr. Ibidem quilibet laneus pro labore per VIII gr. . . Ibidem 1 laneus de LX strichonum mensura minus II censuat annuatim ut supra. — Ibid., p. 53, nr. 450: Villa Sczahlaw continet V curias censuantes annuatim per CVIII gr.

3) Reg. bon. Rosenberg., p. 21, nr. 169: Villa Olessna continet VI curias; censuant annuatim per unam marcam gravem. Ibidem in medio laneo admensurato ex novo in Hagek annuatim accreverunt XII gr. (Здѣсь, конечно, ошибка: стоитъ XII вмѣсто XXXII). — Ibid., p. 21, nr. 171: Villa Lhotka continet $6^1/_2$ curiam censuantes annuatim per XLIII gr. — Ibid., p. 21, nr. 167: Villa Chussow con-

первомъ изъ этихъ селъ на ланъ приходилось 60 югеровъ или стриховъ [1]). Норма платежей въ Услaвскихъ селахъ была неодинакова. Въ селѣ Незвѣстицѣ съ каждаго двора или лана взималось въ пользу землевладѣльца по 80 гр. Въ приблизительно такомъ же размѣрѣ установлены были платежи въ селахъ Щаглавахъ, Хузовѣ, Стрижовицѣ и Хлуманкахъ. Всѣ эти села расположены въ долинѣ рѣки, а потому почва ихъ сельскихъ запашекъ отличалась, несомнѣнно, большимъ плодородіемъ, чѣмъ въ тѣхъ селахъ, которыя основаны были на возвышенностяхъ, окружавшихъ рѣчную долину. Около села Щаглавъ почва славилась особеннымъ плодородіемъ, а потому неудивительно, что здѣсь платежи были особенно высоки (по 108 гр. съ двора) [2]). Такъ какъ села Олешна, Льготка и Миленовъ были расположены на возвышенностяхъ, не отличавшихся плодородіемъ почвы, то въ этихъ селахъ взималось приблизительно около копы съ каждаго двора [3]). Такимъ образомъ, въ этихъ послѣднихъ селахъ норма платежей была такова же, какъ въ сосѣднемъ селѣ Волковѣ, гдѣ съ каждаго лана поступало по 58 гр. [4]), а слѣдовательно дворы этихъ селъ по размѣ-

---

tinet VIII curias; censuant annuatim per LXXIIII gr. — Ibid., p. 53, nr. 456: Villa Milenow continet X curias. Solvunt annuatim per 1 sexag. Prius habebatur ad bona Wildstein. — Ibid., p. 21, nr. 176: Villa Milenow continet XIII laneos; censuant per unam sexag. Summa $6^1/_2$ sexag. unius census. Какъ видно изъ втораго текста, относящагося къ селу Миленову, согласно съ указаніемъ общаго итога, съ каждаго лана уплачивалось по $^1/_2$ копы, а указанная сумма платежа въ размѣрѣ копы опредѣлена была согласно указанію позднѣйшей записи не съ лана, но со двора и притомъ, очевидно, со включеніемъ платежа, слѣдуемаго землевладѣльцу за освобожденіе отъ барщинной работы подобно тому, какъ это было оговорено въ записи, относящейся къ селу Хлуманкамъ.

1) См. соотвѣтствующіе тексты выше, стр. 203, прим. 2—3.

2) См. выше, стр. 203, прим. 2. — J. Sommer, Das Königreich Böhmen, Bd. VI, S. 80.

3) См. выше, стр. 203, прим. 3.

4) Reg. bon. Rosenberg., p. 21, nr. 177: Villa Wlkow continet $6^1/_2$ laneum; solvunt annuatim per LVIII gr. Item 1 laneus iterum solvet 1 sexag.

рамъ не отличались отъ лановъ села Волкова. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что небольшія села, въ каждомъ изъ которыхъ было не болѣе 5 дворовъ, были основаны въ долинѣ рѣчки Уславы, тогда какъ села Олешна, Льготка и Миленовъ, въ каждомъ изъ которыхъ было болѣе 6 дворовъ, основаны были на холмистой мѣстности, гдѣ почва была худшаго сравнительно качества. Едва ли это было случайнымъ совпаденіемъ. Очевидно, первоначально были распаханы земли по долинѣ рѣчки Уславы жителями селъ, о древнемъ происхожденіи которыхъ свидѣтельствуетъ также самая малочисленность домохозяйствъ. Новыя же села тогда пришлось основывать на возвышенностяхъ. О болѣе позднемъ ихъ происхожденіи свидѣтельствуетъ, между прочимъ, названіе одного изъ нихъ Льготкой, а другихъ именами прилагательными (Миленовъ, Хузовъ и Волковъ), дающими основаніе предполагать пропускъ подразумѣваемаго извѣстнаго термина (уѣздъ), указывающаго на колонизацію крупныхъ землевладѣльцевъ [1]).

Отождествленіе дворовъ и лановъ, замѣчаемое въ Миличинскихъ, Мытскихъ и Уславскихъ селахъ, вполнѣ удовлетворительно объясняется практикою обложенія и часто являлось послѣдствіемъ ея [2]). Что же касается отмѣченнаго выше различія въ наименованіи дворовъ (areae, curiae), то оно обусловливалось главнымъ образомъ тѣмъ, что отдѣльныя части поземельной описи владѣній пановъ Розенберговъ были составлены различными лицами [3]), вслѣдствіе чего не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія этой путаницѣ въ терминологіи. Кстати, необходимо также прибавить, что изъ отсутствія въ другихъ частяхъ описи указаній на существованіе дворовъ нельзя дѣлать вывода объ исчезновеніи дворового устройства въ другихъ селахъ, при-

1) См. выше, стр. 137, 139—140.
2) См. выше, стр. 190—191.
3) См. выше, стр. 32—33.

надлежавшихъ панамъ Розенбергамъ, такъ какъ уже установлены факты, свидѣтельствующіе о склонности составителя описи называть ланами славянскіе крестьянскіе надѣлы въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе были полномѣрны, т. е. заключали въ себѣ плугъ земли. О распространеніи дворового устройства въ чешскихъ селахъ свидѣтельствуютъ различные сборники формулъ XIV вѣка[1]). Къ сожалѣнію, вслѣдствіе искаженія собственныхъ именъ въ латинской передачѣ, а равно вслѣдствіе извѣстной повторяемости топографическихъ наименованій съ большимъ трудомъ удается пріурочить свидѣтельства этихъ формулъ къ существующимъ нынѣ поселеніямъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи указаній, находящихся въ этихъ сборникахъ, возможно установить существованіе дворового устройства въ селахъ сѣверной Чехіи. Какъ видно изъ одной запродажной грамоты, крестьянскіе дворы находились въ селахъ Желизахъ, Худолазахъ, Веселой и Боровой Броцненскаго имѣнія[2]). Всѣ эти села расположены на правомъ берегу Лабы, къ сѣверу отъ города Мельника, по лѣвую сторону отъ дороги, идущей теперь изъ этого города въ мѣстечко Дубу. Названіе двухъ изъ этихъ селъ льготами свидѣтельствуетъ о ихъ происхожденіи на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Другая запись, сохранившаяся въ томъ же сборникѣ формулъ, устраняетъ всякое сомнѣніе на этотъ счетъ[3]). Точно

1) Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе сборники: 1) formae literarum apud tabulas confici solitarum; 2) formae querelarum; 3) formae literarum judicialium, — напечатанные Герм. Иречкомъ въ его изданіи Codex juris bohemici, t. I, pars II, p. 285—311, 312—330, 334—351.

2) Codex juris bohemici, t. I, pars II, p. 294: Epyk de Hradku protestatus est — quod hereditates suas in Brocznye, curiam araturae cum curiis rusticalibus in Chudolaziech, quicquid ibi habuit, in Zalezlech quicquid habuit, in Borowa Lhota villam, in Wessela Lhota villam — vendidit domino Arnesto Pragensis ecclesiae archiepiscopo.

3) Ibid., p. 306—307: dominus Epiko de Hradek — domino Arnesto, sanctae Pr. eccl. archiep., bona infrascripta, videlicet villas Borová et Veselé novae plantationis, quod vulgariter dicitur Hlota integras, et partes villarum videlicet in Chodolaz et in Zalesl ac in Brocen. . .

также крестьянскіе дворы, какъ единицы землевладѣнія, показаны въ селѣ Хвойнѣ или Хвойнецѣ, лежащемъ къ сѣверу отъ города Устья, въ мѣстечкѣ Копистахъ, лежащемъ къ сѣверу отъ города Моста, т. е. вблизи сѣверной чешской границы, въ мѣстечкѣ Годковицѣ Болеславскаго края и въ селѣ Рачинавеси, находящемся къ югу отъ Рудницы Раковницкаго края [1]). Равнымъ образомъ крестьянскіе дворы показаны въ селѣ Бездружицѣ, находящемся на западѣ Пильзенскаго края, вблизи баварской границы [2]).

Села, въ которыхъ нормальные крестьянскіе надѣлы назывались загонами, лежали въ мѣстности, расположенной по теченію рѣчки Забродки, притока Изеры, къ сѣверу отъ мѣстечка Мниховскаго Градища. Такъ какъ эти села съ двухъ сторонъ были окружены поселеніями дворового устройства, а именно: на востокѣ отъ нихъ находилось мѣстечко Годковица, а на западѣ лежали села Броцненскаго имѣнія, — то самый фактъ этого сосѣдства наводитъ на мысль, не являются ли загоны единицами землевладѣнія, однородными съ дворами. Терминъ загонъ въ смыслѣ большой поземельной единицы, бывшей надѣломъ крестьянина, встрѣчается только въ отрывкѣ описи Градищскаго монастыря. Въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, этотъ загонъ не имѣетъ по существу ничего общаго съ тѣми загонами и гонами, которые представляли собою площадь $^3/_4$ югера [3]). Села, въ которыхъ

---

1) Ibid., p. 341: Dorothea de Dolan citavit dominum Jankonem de Dieczin (Děčin) pro hereditatibus in Chwoynie villa integra curiis rusticalibus cum censu cum agris. . . Ibid., p. 342: Elzka relicta olim Friczkonis de Copisty — in hereditatibus in Copisti municione curia araturae 53 curiis rusticalibus cum censu. . . Ibid., p. 349: in Hodkovicz oppidum 25 sex. gr. census cum curiis rusticalibus. . . Ibid., p. 295: in Rachinyewsy VIII curias rusticales censuantes annue X sexag.

2) Ibid., p. 344: in hereditate sua in Bezdruzicych duabus agriculturis, villa integra curiis rksticalibus cum censu, in Potynie (Potín) villa integra. . .

3) См. выше, стр. 171—172. — Въ настоящее время въ Моравіи, по свидѣтельству Беды Дудика, 2 гона составляютъ цѣлый югеръ. См. Dějiny Moravy, d. IV, str. 144.

находились загоны, были слѣдующія: Главица, Вапно, Козьмица, Стражище, Мукаровъ, Невекловица, Могельница и Буковина [1]). Загоны дѣлились на 4 части, называемыя кварталами или четвертями. Надѣлы крестьянъ, состоявшіе изъ извѣстнаго числа четвертей, упоминаются въ селахъ Могельницѣ, Невекловицѣ, Стражищѣ, Козьмицѣ и Главицѣ [2]). Такъ какъ такіе только надѣлы показаны по описи въ селахъ Мужскомъ, Льготицѣ и Нижней Крупѣ, изъ которыхъ два первыя лежали около Градища, а послѣднее — вблизи села Буковины, то невозможно рѣшить, существовала ли въ нихъ лановая или загонная система [3]). Дѣленіе загоновъ на половины и четверти сближаетъ эти поземельныя единицы съ ланами. Загоны были, очевидно, такого же размѣра, какъ и ланы, а потому составитель описи постоянно одинъ терминъ употреблялъ вмѣсто другого [4]). Вслѣдствіе равенства лановъ и загоновъ и къ тѣмъ, и къ другимъ единицамъ примѣнялись однѣ и тѣ же нормы обложенія. Въ селахъ Буковинѣ и Могельницѣ полные крестьянскіе надѣлы были обложены по болѣе высокой нормѣ, чѣмъ въ другихъ селахъ: денежнаго платежа съ каждаго загона въ первомъ селѣ поступало ежегодно по 46 гр., а во второмъ селѣ — по 64 гр. [5]). Въ селѣ же Ивинѣ, которое находилось между этими двумя селами, съ каждаго лана крестьяне ежегодно уплачивали по 48

---

1) Zlomek urbaře kláštera Hradištského, p. 14, 13—14, 11, 10—11, 8, 10, 9, 20—21.

2) Ibid., p. 9—11, 14.

3) Ibid., p. 4, 4—5, 18. То же самое распространяется на села, въ которыхъ по описи показаны только платежи. Это были слѣдующія села: Вышковъ, Ростковъ, Коцновица, Іезво и Стакоры. Ibid., p. 7, 10, 11—12, 19—20, 21.

4) См. выше, стр. 185, прим. 4.

5) Zlomek urb. kl. Hradišt., p. 20: Sebera 1 zah. solvit XXIII gr., secundo tantum etc. — Ibid., p. 9: Item Czastek 1 zah. solvit XXXII gr. secundo tantum etc.

гр. [1]). Въ остальныхъ же селахъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ этихъ трехъ, съ каждаго загона взимали приблизительно по 32 гроша, а именно: въ Главицѣ — по 22½—32 гр., въ Вапнѣ — по 28 гр., въ Козьмицѣ, Стражищѣ, Невекловицѣ и Мукаровѣ — по 32 гр. [2]). Норма обложенія въ общемъ понижалась по мѣрѣ удаленія этихъ селъ отъ монастыря къ сѣверу, вверхъ по теченію Забродки. Хотя въ селѣ Яблонцѣ, расположенномъ около села Козьмицы, съ каждаго лана поступало по 40 гр., но эта разница оказывается столь невелика, что можетъ быть объяснена скорѣе различіемъ въ плодородіи почвы, чѣмъ разницей въ размѣрахъ этихъ единицъ обложенія [3]). Всѣ вышеуказанныя данныя даютъ основаніе утверждать, что ланы и загоны не различались по величинѣ. Въ этомъ отношеніи слѣдовательно загоны не отличались отъ дворовъ.

Отмѣчая нѣкоторое сходство загоновъ и дворовъ, нельзя не обратить вниманія на весьма существенное отличіе первыхъ отъ послѣднихъ. Какъ было указано, дворъ представлялъ нераздѣльную хозяйственную единицу, а загонъ, подобно лану и плугу, подлежалъ раздѣлу. Однако, въ большинствѣ случаевъ выходило такъ, что загонъ являлся нормальнымъ крестьянскимъ надѣломъ, одной хозяйственной единицей. Въ самомъ дѣлѣ, въ селѣ Вапномъ такой размѣръ имѣли всѣ домохозяйства, въ селѣ Невекловицѣ изъ 11 домохозяйствъ 9 имѣли по загону, въ селѣ Козьмицѣ изъ 6—5, въ селѣ Буковинѣ изъ 17—13, въ селѣ Мукаровѣ изъ 16—10, въ селѣ Стражищѣ изъ 10—6, въ селѣ Могельницѣ изъ 17—13 и въ селѣ Главицѣ изъ 7—3. Такимъ образомъ, изъ общаго числа 91 домохозяйствъ, находившихся во всѣхъ этихъ селахъ, 62 имѣли по

1) Ibid., p. 7: Item Kuness ½ lan. solvit XII gr. secundo tantum. . . Item Swach 1 lan. solvit XXIV gr. secundo tantum.
2) Ibid., p. 14, 13, 11, 10, 11, 8.
3) Ibid., p. 17.

загону, т. е. 2/3 всѣхъ крестьянъ были владѣльцами полномѣрнаго надѣла. Такъ какъ во всѣхъ этихъ селахъ 9 крестьянъ имѣли надѣлы, превышавшіе мѣру одного загона, то слѣдовательно 78 % всѣхъ крестьянъ были владѣльцами надѣловъ нормальныхъ и превосходившихъ нормальную мѣру. Такимъ образомъ, аграрные порядки, существовавшіе въ селахъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Мниховскаго Градища, были таковы же, какъ въ тѣхъ южныхъ селахъ, гдѣ сохранилось дворовое устройство. Это обстоятельство, а равно сосѣдство этихъ загонныхъ селъ съ сѣверными чешскими дворовыми селами [1]), приводитъ къ мысли, что загоны заступили мѣсто дворовъ. Мѣстность, въ которой находились загонныя села, принадлежитъ къ числу издавна заселенныхъ [2]). Пока на территоріи околицы и въ окрестностяхъ оставалось много пустошей, выдѣляющіеся изъ состава дворовъ члены безъ особаго затрудненія могли ставить отдѣльные дворы и распахивать необходимое количество земли. Съ теченіемъ же времени выдѣленіе и выселеніе, неизбѣжно, должно было пріостановиться, а это повлекло къ раздѣлу загона, надѣльной земли двора. Такъ какъ въ указанныхъ селахъ, принадлежавшихъ Градищскому монастырю, только едва четвертая часть всѣхъ крестьянъ владѣла неполномѣрными надѣлами, то это доказываетъ, что процессъ выдѣленія и разселенія прироста населенія пріостановился незадолго до времени составленія описи, т. е. въ самомъ концѣ XIV вѣка [3]). Можетъ быть, самая пріостановка разселенія находится въ связи съ мѣрами, принятыми Карломъ IV для охраны пограничнаго лѣса [4]).

---

1) См. выше, стр. 207.

2) H. Jireček, Sl. pr., d. I, str. 14. Jul. Lippert, Socialgeschichte, Bd. I, S. 15, 38. Ant. Frind, Die Kirchengeschichte Böhmens, Prag. 1864, Bd. I, S. 295—296.

3) См. выше, стр. 42.

4) H. Jireček, Codex juris bohemici, II, 2, p. 145, 146, 154. Majestas Carolina, § XLIX, L, LXII.

Разумѣется, въ мѣстностяхъ центральной Чехіи, заселенныхъ во времена глубокой древности и удаленныхъ на значительное разстояніе отъ пограничной полосы лѣсовъ, значительно ранѣе конца XIV вѣка долженъ былъ наступить моментъ, когда для постановки отдѣльныхъ дворовъ и распашки необходимаго для каждаго двора участка не оказалось пригодной земли. Тогда начались раздѣлы первоначальныхъ надѣловъ, заключавшихъ въ себѣ на королевскихъ и частновладѣльческихъ земляхъ, какъ было указано, обыкновенно плугъ земли. Конечно, эти раздѣлы не могли продолжаться до безконечности. Экономическія соображенія землевладѣльцевъ и матеріальные интересы самихъ крестьянъ должны были опредѣлить минимальные размѣры надѣловъ. Какъ видно изъ описей, такою мѣрою обыкновенно считали кварталъ или четверть [1]). Наблюдая тотъ фактъ, что въ каждомъ селѣ преобладаютъ надѣлы извѣстной мѣры, составители поземельныхъ описей закрѣпили этотъ преобладающій надѣлъ, какъ своего рода норму, наименованіемъ его иногда землею, но чаще всего — дѣдиною. Такимъ образомъ, оказывалось, что въ данномъ селѣ всѣ дѣдины или земли были одной величины, а въ дѣйствительности часть крестьянъ владѣла двумя и тремя подобными единицами, другая же часть половиною или другой долей подобной единицы. На установленіе размѣровъ этой условной единицы (для каждаго села въ отдѣльности) могли, помимо раздѣловъ, вліять такія обстоятельства, какъ отсутствіе необходимости для жителей свободныхъ селъ доводить размѣры своихъ надѣловъ до размѣра плуга [2]) или вполнѣ естественное даже нежеланіе всѣхъ вообще крестьянъ стремиться къ этому вслѣдствіе того, что почва не отличалась плодородіемъ и выгоднѣе было нахо-

1) Emler, Regesta, t. IV, p. 693, nr. 1733, (1346): totum suum laneum aut medium seu quartale et non minus vendere de nostra licentia poterit hominibus nobis aptis.

2) См. выше, стр. 183.

дить дополнительные источники дохода въ занятіи лѣснымъ и луговымъ хозяйствомъ.

Эти соображенія подтверждаются данными, извѣстными изъ поземельныхъ описей и относящимися къ селамъ, въ которыхъ сохранялось дѣленіе сельской запашки на „земли“ (terrae) и „дѣдины“ (hereditates). Такъ какъ въ описи Хотешовскаго монастыря надѣлы называются землями, а въ описяхъ Бревновскаго и Страговскаго монастырей — дѣдинами, то подобную терминологію можно было бы объяснить субъективными соображеніями составителей этихъ описей тѣмъ болѣе, что дѣдины и земли, какъ видно изъ описей, находились въ различныхъ краяхъ Чехіи. Съ другой же стороны, такъ какъ въ описяхъ Рудницкаго монастыря и Пражскаго архіепископства употребляются оба эти наименованія крестьянскихъ участковъ, то возникаетъ вопросъ, не существовало ли коренного различія между „землею“ и „дѣдиною.“ Въ самомъ дѣлѣ, если въ наименованіи участка дѣдиною подчеркивается наслѣдственность крестьянскаго владѣнія, то не слѣдуетъ ли въ „дѣдинѣ“ усматривать надѣлъ зависимаго дѣдича [1]), а въ „землѣ“ — надѣлъ поселенца-гостя или вообще зависимаго человѣка, поселившагося на территоріи уѣзда [2]). Однако, отъ подобнаго толкованія приходится отказаться. Какъ оказывается, въ селахъ Бушовицѣ и Нетешѣ надѣлы крестьянъ назывались дѣдинами [3]), хотя въ старину они заселены были поселенцами-гостями [4]). Съ другой стороны, въ селахъ Домусницѣ и Хрелиной, гдѣ были въ концѣ XIII вѣка дѣдичныя земли,

---

1) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 59—60. См. также выше, стр. 13—15.

2) См. выше, стр. 202—203, 205, 206.

3) Decem registra, p. 167: In villa Bussowicz sunt hereditates 10. — Ibid., p. 279: Villa Mnethyess. . . Item ibidem sunt 19 cum ½ hereditates solventes.

4) Erben, Regesta, t. I, p. 326—327, nr. 705, (1226): et terram ad aratrum duorum hospitum in Bussowic . . . dedit tres hospites in Mnetis.

все таки крестьянскіе надѣлы назывались „землями“ [1]). Слѣдовательно, люди XIII—XIV вв., употребляя для наименованія крестьянскихъ надѣловъ слова: дѣдина и земля, въ первомъ случаѣ имѣли въ виду подчеркнуть наслѣдственность владѣнія, а во второмъ — объектъ владѣнія, но по существу не отличали „дѣдины“ отъ „земли.“

Какъ видно изъ отрывка поземельной описи Пражскаго епископства, „земли“ находились въ селахъ Домусницѣ, Кобыльницѣ, Дѣтиницѣ, Каменскомъ, Хрелиной и Вележицѣ, расположенныхъ къ востоку отъ Младо-Болеславля [2]), а также въ селахъ Дальковицѣ, Несмѣрицѣ, Сутицѣ и Кебловѣ, лежащихъ около мѣстечка Степанова, на лѣвомъ берегу рѣки Сазавы [3]). На земляхъ, принадлежавшихъ Рудницкому монастырю, „земли“ находились въ селахъ Урбичанахъ, Шлапаницѣ, Долинѣ, Баковѣ и Будиницѣ, находящихся къ сѣверу отъ города Слана и къ юго-западу отъ мѣстечка Рудницы [4]). Въ недалекомъ разстояніи отъ вышеперечисленныхъ поселеній находились села, въ которыхъ сельская запашка также раздѣлялась на „земли“, а именно: Бриза, Водоходы и Мировица, принадлежавшія Пражскому архіепископству [5]). Къ сѣверу отъ Рудницы, около поворота или луки рѣки Лабы, находились села Пражскаго архіепископства, а именно: Гнѣвица, Добринъ, Жидовица, Чернавесь, Лунки, Кишковица и Вышетинъ, гдѣ также по описи показаны „земли“ [6]). Такимъ образомъ, мѣстечко

---

1) Decem registra, p. 1—2: Item in Domausticz sunt 9 terre. . . Notes, quod in Domusticz de terra aratili habentur CXXVII iugera hereditaria et de silva CXX iugera hereditaria. . . Item in Chrelina sunt quinque terre pauperum. . . Item in Chrelina sunt mensurata 110 iugera hereditaria et de silva 24 iugera eciam hereditaria.

2) Decem registra, p. 1—2. Emler, Regesta, t. II, p. 717, 719, nr. 1673, (cc. 1295).

3) Decem registra, p. 2—3.

4) Conscriptio bon. mon. Rudnicensis, p. 4—7, 16.

5) Reg. bon. archiep. Pragensis, p. 95—97.

6) Ibid., p. 92—97.

Рудница было со всѣхъ сторонъ окружено селами, въ которыхъ надѣлы назывались „землями.“ Другимъ такимъ центромъ былъ городъ Пильзень. Къ юго-западу отъ этого города, по обѣ стороны рѣчки Радбузы, находились слѣдующія села: Тлучна, Ныраны, Яновъ, Попово, Большія и Малыя Секыраны, Битовъ, Линье, Литица, Збухъ, Червеный Уѣздъ, Словица, Гориковица, Залужье, Котовица, Тынецъ, Згоръ, Водный Уѣздъ, Хотешовъ, Мантовъ, Лосина, Чернотинъ, Градецъ, Лисовъ, Стрѣлица, Лелово, Лажаны, Голишовъ, Крѣница, Претинъ и Швиговъ [1]). Къ юго-востоку отъ города Пильзня, на правомъ берегу рѣчки Услявы, находились села Сѣдлецъ и Льгота [2]), а вблизи отъ нихъ и къ югу отъ упомянутыхъ выше Мытскихъ селъ [3]) расположены были села Борекъ, Митовъ и Мишовъ [4]). Къ этой же Пильзенской группѣ можно причислить села Гановъ и Урбицу, расположенныя на югъ отъ Теплицы и на западъ отъ Бездружицы, гдѣ единицы землевладѣнія назывались дворами [5]). Къ сѣверо-востоку отъ Бездружицы, около Манетина, находилось село Уѣздъ, „земли“ котораго были названы въ грамотѣ чешскими ланами [6]). Въ сторонѣ отъ другихъ селъ лежало село Усушье къ сѣверу отъ мѣстечка Сѣдльчанъ и къ

---

1) Urbarium mon. Chotiessov., p. 28—35, 37—41. Мѣстонахожденіе селъ Ласитова, Боленика, Юхарца, Гнида и Лугова, въ которыхъ также находились „земли“ (Ibid., p. 27, 31, 37, 41), остается неизвѣстнымъ. Есть основаніе думать, что они были уничтожены въ смутное время XV вѣка (Aug. Sedláček, O lidu a vypálení vesnic v XV století, v Praze 1893, S. 1—3 въ изд. Věstník král. české společnosti náuk и отдѣльно).

2) Urb. mon. Chotiessov., p. 34, 39.

3) См. выше, стр. 201—203.

4) Reg. bon. archiep. Pragensis, p. 107, 109.

5) См. выше, стр. 207.

6) Emler, Regesta, t. III, p. 406, nr. 1053, (1325): villam Vgezd, bonis nostris in Maneting contiguam, propter impios inhabitatores ipsius fuisse ab antiquis temporibus onerosam . . . residuam vero partem ville, que XV terras sive laneos boemicos continet censuales . . . prius dictas XV terras sive laneos. . .

сѣверо-западу отъ извѣстныхъ уже дворовыхъ Миличинскихъ селъ [1]).

Названія многихъ изъ этихъ селъ, въ которыхъ сельская запашка раздѣлена была на „земли“, свидѣтельствуютъ о ихъ происхожденіи на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Къ числу такихъ селъ можно причислить прежде всего тѣ, которыя называются или назывались, какъ видно, льготами, а именно: Хрелина, Тлучна, Лосина, Лугова, Льгота, а затѣмъ еще большее количество тѣхъ, которыя называются или прежде назывались уѣздами, какъ-то: Кебловъ, Долинъ, Баковъ, Добринъ, Вышетинъ, Яновъ, Битовъ, Червеный Уѣздъ, Водный Уѣздъ, Хотешовъ, Мантовъ, Чернотинъ, Лисовъ, Голишовъ, Претинъ, Швиговъ, Митовъ, Мишовъ, Гановъ, Уѣздъ.

Находящіяся въ разныхъ поземельныхъ описяхъ указанія на существованіе дѣдинъ относятся преимущественно къ селамъ, расположеннымъ въ Раковницкомъ и Прахенскомъ краяхъ. Такимъ образомъ, рѣка Вльтава была какъ будто разграничительною чертою, на востокѣ отъ которой кое-гдѣ только попадались села, имѣвшія (согласно указаніямъ описей) дѣдины. Лѣвобережныя Вльтавскія села могутъ быть соединены въ двѣ большія группы. Въ составъ первой изъ нихъ, кромѣ двухъ селъ Литомерицкаго края (Доланки и Бушовица), входятъ слѣдующія села Раковницкаго края (при перечисленіи ихъ въ порядкѣ расположенія отъ сѣвера къ югу), а именно: Почаплы, Травчица, Гордлы, Гробецъ, Залужье, Козловица, Подолье, Хорватецъ, Стражковъ, Нетешъ, Чернушекъ, Ярпица, Требизъ, Кровица, Братковица, Набинъ, Каменица, Бучина, Земѣхы, Ольшаны, Голы, Сверкынье, Уѣздецъ (около Дрина), Кнеживки, Небушица, Либоцъ, Русинье, Рѣпы, Мотолы, Хейно, Требоница, Иночаны и Збузаны [2]). Всѣ эти села лежатъ на территоріи,

1) Urb. mon. Chotiessov., p. 29.
2) Conscriptio bon. mon. Rudnic., p. 14—16. Reg. bon. archiep.

ограниченной теченіемъ рѣкъ Огры, Лабы, Вльтавы и Беровнки. Другую группу составляли села (Прахенскаго края), расположенныя около мѣстечка Волыни, преимущественно на лѣвомъ берегу рѣчки Волынки, какъ-то: Струнковица, Збудовъ, Преховица, Литоховица, Початки, Зеховица, Нузинъ, Старово, Нишовица, Рачье, Каковица, Марцовица, Горосѣдло, Неспица, Ждаръ, Бутково, Рачовъ, Жиречъ [1]). Правобережныя Вльтавскія села, расположенныя вблизи рѣки Вльтавы, распадаются на три группы. Къ селамъ первой группы можно причислить тѣ, которыя находились около городовъ Праги и Мельника, а именно: Михле, Храбры, Сѣдлецъ и Слатина, а также Миковъ, Заборье и Дехтовъ [2]). Села этой группы, имѣвшія дѣдины, могутъ быть названы Полабскими, такъ какъ находились между Лабой и Вльтавою, за исключеніемъ трехъ послѣднихъ, расположенныхъ на правомъ берегу первой рѣки. Другую группу составляли слѣдующія села Прахенскаго края: Жебраковъ, Радвановъ, Забродье (около Прилѣпова), Предичко и Хращица [3]). Всѣ эти села, за исключеніемъ Хращицы, лежали на правомъ берегу рѣки Вльтавы, на разстояніи отъ нея около 5 килом., къ сѣверо-западу отъ Милевска. Третью группу правобережныхъ селъ составляли села, расположенныя на лѣвомъ берегу рѣки Лабы, между городами Чешскимъ Бродомъ, Лисой и Садской, а именно: Либлица, Бриство, Викань, Мраченица [4]). Въ сторонѣ отъ нихъ, къ сѣверо-востоку

Prag., p. 94—96, 98. Reg. bon. mon. Brzewnow., p. 156—168. Reg. bon. mon. Strahow., p. 236, 238—239, 278—280, 284. Reg. bon. praepositurae Prag., p. 305.

1) Reg. bon. praeposit. Prag., p. 302—304.

2) Reg. bon. mon. Brzewnow., p. 179, 175. Reg. bon. mon. Strahow., p. 286—287. Conscriptio bon. mon. Rudnic., p. 12—13.

3) Reg. bon. Brzewnow., p. 181—183.

4) Reg. bon. archiep. Prag., p. 106. Reg. bon. mon. Brzewnow., p. 175, 178, 176.

отъ Садской, находятся села Вестецъ и Весецъ, а на самомъ сѣверо-востокѣ Чехіи — село Шоновъ [1]).

Судя по названіямъ всѣхъ этихъ селъ, въ которыхъ согласно показанію описей находились дѣдины, только немногія изъ нихъ обязаны своимъ происхожденіемъ колонизаціи крупныхъ землевладѣльцевъ. Однако, къ числу таковыхъ можно отнести слѣдующія села, а именно: Стражковъ, Набинъ, Уѣздецъ, Збудовъ, Нузинъ, Рачовъ, Жиречъ, Миковъ, Дехтовъ, Жебраковъ, Радвановъ. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что всѣ прочія села основаны были свободными людьми на земляхъ свободной околицы, хотя въ большинствѣ случаевъ, по всей вѣроятности, таково и было ихъ происхожденіе.

Заслуживаетъ нѣкотораго вниманія то обстоятельство, что села, въ которыхъ сельская запашка, какъ было указано, состояла изъ „земель“ и дѣдинъ, — находились въ центрѣ государства, въ мѣстностяхъ, причисляемыхъ изслѣдователями къ числу заселенныхъ въ глубокой древности [2]). Впрочемъ, какъ свидѣтельствуютъ факты, извѣстные относительно селъ Унетицы, Угоницы, Бушовицы и Нетеша, даже древнѣйшія села обязаны были своимъ расширеніемъ хозяйственной предпріимчивости выдвигающагося класса крупныхъ землевладѣльцевъ [3]). Кромѣ того, основанныя даже ими села довольно часто не назывались ни льготами, ни уѣздами, какъ видно изъ свидѣтельства одной грамоты, относящагося къ селу Ушевицѣ (Пильзенскаго края), расположенному недалеко отъ Теплой [4]). Съ другой же стороны, можно считать несомнѣннымъ фактомъ, что всѣ села,

---

1) Reg. bon. archiep. Prag., p. 98—99. Reg. bon. mon. Brzewnow., p. 176, 194.

2) Jul. Lippert, Socialgeschichte etc., Bd. I, S. 46—47, 58, 108, 220. Fr. Vacek, Vývoj society etc. въ Alétheia, ročn. II (1898), str. 421.

3) См. выше, стр. 173—175, 188, 212.

4) Emler, Regesta, t. IV, p. 398, nr. 999, (1341): villam ipsorum dictam Auschowicz, silve predicte nimis prope ab antiquo locatam.

называемыя уѣздами и льготами, были поселеніями позднѣйшаго происхожденія, основанными на земляхъ, принадлежавшихъ крупнымъ землевладѣльцамъ [1]). Такимъ образомъ, изъ всѣхъ вышеназванныхъ селъ Раковницкаго края только немногія съ полной достовѣрностью могутъ быть отнесены къ числу позднѣйшихъ, но изъ числа вышеперечисленныхъ Пильзенскихъ селъ, расположенныхъ по берегамъ рѣчки Радбузы, значительное ихъ количество. Если, не смотря на указанное различіе происхожденія тѣхъ и другихъ селъ, распредѣленіе крестьянскаго землевладѣнія окажется и тамъ, и здѣсь одинаковое, то это будетъ доказывать, что установленіе размѣра крестьянскихъ надѣловъ невсегда находилось въ зависимости только отъ условій происхожденія поселеній.

Такъ какъ при описаніи селъ Уѣздца и Лугова довольно безразлично употребляются термины ланъ и „земля“ [2]), то это свидѣтельствуетъ о томъ, что составитель описи Хотешовскаго монастыря считалъ эти термины равнозначущими въ примѣненіи къ Пильзенскимъ селамъ [3]). Слѣдовательно, ланъ и „земля“ въ данномъ случаѣ были равны. Въ справедливости этого положенія можно убѣдиться изъ сопоставленія нормъ обложенія „земель“ и лановъ. Дѣйствительно, при сравненіи платежей въ селахъ Поповѣ, Секыранахъ, Яновѣ, Ниранахъ и Линьѣ, гдѣ показаны „земли“, съ платежами въ сосѣднемъ съ ними селѣ Прегышовѣ, гдѣ существовала лановая система, окажется высота обложенія одинаковая, хотя норма обложенія была различно выражена: въ первыхъ селахъ преобладаютъ денежные платежи, а въ

1) Ср. Jul. Lippert, Socialgeschichte etc., Bd. I, S. 109.
2) См. выше, стр. 185.
3) Urb. mon. Chotiessow., p. 40: ut quilibet eorum terram suam penes suum laneum proprium possit vendere secundum ius, sicut solus tenuit. Въ этомъ селѣ почти всѣ крестьяне имѣли по двѣ „земли.“

послѣднемъ натуральные [1]). То же самое наблюдается при сравненіи платежей, поступавшихъ съ каждой земли въ селахъ Залужьѣ, Котовицѣ, Гориковицѣ и Тынцѣ, съ платежами, взимаемыми съ каждаго лана въ селѣ Тушковѣ [2]), а равно — при сличеніи нормъ платежей съ каждой „земли“ въ селахъ Чернотинѣ и Лажанахъ и съ каждаго лана въ сосѣднемъ съ ними селѣ Лишинѣ [3]). На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, можно утверждать, что въ Пильзенскихъ селахъ „земля“ по величинѣ не отличалась отъ лана, а слѣдовательно являлась другимъ наименованіемъ плуга или рала, какъ поземельной единицы.

---

1) Urb. mon. Chotiessov., p. 32, 39, 28, 30, 28, 24. — При нѣкоторыхъ различіяхъ въ нормировкѣ платежей въ первыхъ селахъ, норма все-таки была одна и та же. Подробнѣе всего она выражена въ замѣткѣ, относящейся къ селу Линью: Villa Linie habet 20 terras; harum quelibet censuat annuatim 64 gr. . . Item dat 5 mensuras avene, 2 pullos, 30 ova, pro fumalibus 1 gr. de stuba, pro vino 3 gr. 4 hallenses. Item 6 messores ad curiam in Dobrzano, et ibidem arat trina vice per 16 sulcos, et omnes simul falcant, siccant et deducunt — fenum prati. Item faciunt tres vecturas pro edificiis et quelibet terra ducit currum lignorum (Ibid., p. 28—29). Ср. замѣтку о селѣ Прегышовѣ: 40 lanei preter laneum judicis feodalis, quorum quilibet solvit 24 gr. in Purificatione S. Marie ac totidem in festo S. Joh. Baptiste. Item quilibet laneus solvit — 8 mensuras siliginis, 8 mensur. avene, 4 mens. ordei, unam mensuram tritici, unam mensuram pisarum, 40 ova, 8 pullos, pro agno — 2 gr., unam scapulam, pro falcacione feni 1 grossum, pro fumalibus de qualibet stuba 1 gr. Item 6 caseos. Item quilibet laneus solvit pro taberna 1 gr. Item arat ter in anno per 18 sulcos, dat ter unum equum pro ducendis edificiis et ducit currum lignorum. . . (Ibid., p. 24).

2) Urb. mon. Chotiessov., p. 38, 39, 31, 24.

3) Ibid., p. 41, 34, 26. Необходимо впрочемъ замѣтить, что въ селѣ Лишинѣ почти всѣ натуральные платежи и барщины были переложены на деньги. Ibid., p. 26: villa Lessina habet 20 laneos, quorum quilibet solvit annuatim 90 gr. . . Item quilibet laneus solvit 8 mensuras ordei — et unam cuppam salis. Норма обложенія въ селѣ Чернотинѣ была такова: villa habet 17 ter., quelibet illarum censuat annuatim 1 marcam, videlicet 32 gr. in festo s. Georgii et totidem in festo s. Galli. Item 5 pullos, 8 messores, pro falcacione feni per 4 gr., pro fumalibus 1 gr. de stuba, ter arat, tres vectores (Ibid., p. 41).

Въ поземельной описи Хотешовскаго монастыря при описаніи многихъ селъ приведены данныя о распредѣленіи сельской запашки между жителями. Для сужденія о размѣрахъ крестьянскихъ надѣловъ въ Пильзенскихъ селахъ приведена здѣсь таблица, въ которой села, не исключая исчезнувшихъ или оставшихся неразысканными, перечислены въ порядкѣ ихъ расположенія въ текстѣ описи.

Названія селъ.	Размѣры надѣловъ:							
	квартлъ	полъ земли	3 квартала	земля	5 квартловъ	1½ земли	7 квартловъ	2 земли
Ласитовъ, иначе Боръ . .	—	15	—	6	—	—	—	—
Яновъ	—	10	—	2	—	—	—	—
Уѣздъ Малый (Каменный?)	—	15	—	1	—	—	—	—
Линье	—	32	—	3	—	—	—	—
Утушица (Усушье?) . . .	—	6	—	7	—	—	—	—
Словица	9	16	11	6	—	—	—	—
Червеный Уѣздъ	3	20	—	1	—	—	—	—
Ныраны	2	2	2	4	—	—	—	—
Тынецъ	—	9	—	3	2	1	—	—
Боленикъ	—	9	—	3	2	1	—	—
Гориковица	—	9	—	6	—	—	—	—
Юхарецъ	1	14	1	6	—	—	—	—
Збухъ	—	11	4	1	—	—	—	—
Попово	1	8	1	2	—	—	—	—
Верхн. Секыраны	1	13	1	3	—	—	—	—
Битовъ	—	4	2	4	2	—	—	—
Хотешовица	1	1	—	9	—	—	—	—
Мантовъ	—	11	—	2	—	—	—	—
Сѣдлецъ	1	8	—	1	—	—	—	—
Лосина	—	1	—	2	—	—	—	—
Лажаны (по списку b.) . .	—	16	—	7	—	—	—	—
Гановъ (по списку b.) . .	—	16	2	7	—	1	—	—
Згоръ	—	14	—	3	—	—	—	—
Вервица	—	3	—	9	—	—	—	—
Голишовъ	1	5	—	6	—	2	1	—
Гнидъ	—	13	1	5	3	—	—	—
Стрѣлица (по списку a.) .	1	9	1	3	—	1	—	—
Градецъ	1	2	—	5	—	—	—	—
Итого	22	292	26	117	9	6	1	—

Названія селъ.	Размѣры надѣловъ:							
	квартлъ	полъ земли	3 квартала	земля	5 кварталовъ	1½ земли	7 кварталовъ	2 земли
Переносъ	22	292	26	117	9	6	1	—
Залужье	—	6	—	1	—	1	—	—
Котовица	—	16	—	7	—	1	—	—
Нижн. Секыраны	—	4	—	2	—	—	—	—
Льгота Скашова	—	11	—	10	—	3	—	—
Лисовъ	2	13	—	4	—	—	—	—
Крѣница	—	—	—	—	—	1	—	5
Лелово	—	8	—	3	—	1	—	—
Претинъ	—	3	—	11	—	1	—	—
Лугова	—	—	—	12	—	1	—	—
Всего	24	353	26	167	9	15	1	5

Какъ видно изъ этой таблицы, только весьма немногіе крестьяне владѣли надѣлами мѣрою менѣе половины „земли“ (всего 4%) и болѣе цѣлой „земли“ (всего 5%). Затѣмъ изъ общаго числа всѣхъ крестьянъ этихъ селъ, опредѣляемаго въ количествѣ 600 человѣкъ, 167 крестьянъ имѣли по цѣлой „землѣ“ (27,8%), а 353 крестьянъ — по половинѣ „земли“ (58,8%). Такимъ образомъ, въ Пильзенскихъ селахъ преобладающимъ надѣломъ былъ половинный.

Въ этихъ Пильзенскихъ селахъ распредѣленіе крестьянскаго землевладѣнія было таковое же, какъ и въ Куримскихъ селахъ, гдѣ запашка дѣлилась на коны или поля [1]). Есть даже основаніе думать, что въ Пильзенскихъ селахъ аграрные порядки были чрезвычайно сходственны съ тѣми, которые существовали въ селѣ Унетицѣ и въ упомянутыхъ Куримскихъ селахъ [2]). На это довольно опредѣленно указываютъ тексты, относящіеся къ селамъ Юхарцу и Крѣницѣ. Въ первомъ изъ этихъ селъ одинъ крестьянъ владѣлъ двумя

1) См. выше, стр. 194.
2) См. выше, стр. 192.

третями „земли“, а другой крестьянинъ третью, расположенной въ серединѣ, между ними [1]). Во второмъ же селѣ разрѣшено было крестьянамъ, владѣвшимъ двумя „землями“, продавать одну изъ нихъ, находившуюся въ сосѣдствѣ съ оставшеюся въ его ѣладѣніи (terram suam penes suum laneum) [2]). Такимъ образомъ, къ этимъ Пильзенскимъ селамъ въ значительной степени можно отнести сказанное о селѣ Унетицѣ и селахъ Островскаго монастыря [3]). Съ другой же стороны, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Пильзенскія села были расположены въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ дворовыми Мытскими и Услабскими селами. Если въ первыхъ селахъ преобладающимъ надѣломъ была площадь, равная половина лана, а въ послѣднихъ надѣлы были въ два раза большіе, то эта разница удовлетворительно объясняется тѣмъ, что послѣднія села возникли въ XIII—XIV вѣкахъ, а первыя однимъ или двумя вѣками ранѣе, вслѣдствіе чего въ нихъ успѣли сказаться послѣдствія пріостановки дальнѣйшаго разселенія [4]).

Въ центрѣ государства, заселенномъ въ глубокой древности, сказалось и другое послѣдствіе пріостановки внутренней колонизаціи: въ моментъ составленія Рудницкой описи составитель ея наименовалъ „землею“ преобладающій въ селахъ надѣлъ [5]). Какъ было показано при разсмотрѣніи распредѣленія крестьянскаго землевладѣнія въ Пильзенскихъ селахъ, таковымъ преобладающимъ надѣломъ былъ участокъ, равный половинѣ лана или стариннаго плуга. Такимъ образомъ, вполнѣ понятно, что въ селѣ Баковѣ „каждая земля заключала 30 югеровъ“ [6]), а въ селѣ Шла-

1) Urb. mon. Chotiessow., p. 31: Welislaw 2 partes terre. — Jan mediam partem terre.

2) См. выше, стр. 218, прим. 3.

3) См. выше, стр. 192—193.

4) См. выше, стр. 210.

5) См. выше, стр. 211.

6) Conscriptio bon. mon. Rudnicensis, p. 7: Et est ibi in Bakow — quinque terre per 30 iugera strichonum.

паницѣ того же Раковницкаго края „земля“ равнялась площади 40 югеровъ [1]).

Каковы были „земли“ въ Раковницкомъ краѣ, таковы были и дѣдины. Указанія на размѣры этихъ послѣднихъ встрѣчаются въ поземельныхъ описяхъ въ ограниченномъ количествѣ: десять свидѣтельствъ въ описи Бревновскаго монастыря и одно въ описи Страговскаго монастыря. Размѣры дѣдинъ, какъ видно изъ этихъ свидѣтельствъ, опредѣляются указаніемъ количества югеровъ. Исключеніе представляетъ свидѣтельство, относящееся къ селу Слатинѣ, гдѣ площадь дѣдины опредѣлена указаніемъ количества прутовъ [2]). Такъ какъ посѣвный югеръ-стрихъ представлялъ собою площадь, одна изъ сторонъ которой заключала въ себѣ прутъ мѣры, то опредѣленія размѣра участковъ количествомъ мѣръ высѣваемаго зерна или количествомъ прутовъ являются только различными способами выраженія одного и того же понятія [3]). Само собою понятно, что дѣдины были неодинаковаго размѣра [4]). Разница въ величинѣ дѣдинъ бывала иногда чрезвычайно внушительная, напр.: въ селѣ Збузанахъ каждая дѣдина заключала въ себѣ 60 югеровъ, а въ сосѣднемъ селѣ Иночанахъ — только по 30 югеровъ [5]); въ селѣ Мраченицѣ около Садска

---

1) Ibid., p. 6—7: Item in Slapanicz sunt 38 terre, et quelibet terra solvit quinque fertones graves. . . Nota, quod in ista villa quodlibet jugus solvit 2 gr. Если съ каждой „земли“ взималось по 5 полновѣсныхъ фертоновъ, т. е. всего 80 гр., а съ каждаго югера — по 2 гр., то слѣдовательно „земля“ въ этомъ селѣ должна была заключать 40 югеровъ.

2) Reg. bon. mon. Brzewnew., p. 175: In villa Slatina sunt hereditates 11 et quelibet habet 50 virgas.

3) Подробности см. въ главѣ третьяго тома о „лановой системѣ.“

4) См. выше, стр. 211—212.

5) Reg. bon. mon. Brzewnow., p. 156—157: In villa Zbuzani sunt hereditates 7 — et quelibet hereditas capit 60 mensuras. — In villa Ginoczany sunt hereditates novem cum media censuales et quelibet capit 30 mensuras.

каждая дѣдина имѣла по 62 югера и въ селѣ Виканѣ — 54 югера, но въ сосѣднемъ съ ними селѣ Бриствѣ — только 36 югеровъ [1]). Иногда въ одномъ и томъ же селѣ дѣдины были неодинаковаго размѣра. Въ селѣ Братковицѣ было 14 дѣдинъ, изъ которыхъ каждая изъ 8 имѣла по 38 югеровъ, а каждая изъ другихъ 6 — по 14½ югеровъ [2]). Въ селѣ же Храбрахъ было 16½ дѣдинъ бо́льшей и меньшей величины [3]). Изъ числа правобережныхъ Вльтавскихъ селъ выдѣлялось село Вестце тѣмъ, что его дѣдины приближались по своей величинѣ къ средней мѣрѣ, ибо каждая дѣдина этого села имѣла по 40 югеровъ [4]). Приблизительно одинаковой величины были дѣдины въ селахъ Тманѣ, Братковицѣ (не всѣ, а первыя 8), Набинѣ и Каменицѣ, расположенныхъ въ Раковницкомъ краѣ, вдоль по теченію Злоницкаго потока: здѣсь каждая дѣдина имѣла 36—40 югеровъ [5]). Значительно меньшаго размѣра были дѣдины села Требиза, расположеннаго вдали отъ Злоницкихъ селъ, къ западу отъ нихъ [6]). Дѣдины села Кнеживокъ, находившагося вблизи города Праги, заключали въ себѣ, повидимому, немного болѣе 30 югеровъ, т. е. по размѣру подходили къ дѣдинамъ Злоницкихъ селъ [7]).

---

1) Ibid., p. 176: In villa Mraczenicze sunt 10 hereditates, quarum quelibet capit 62 mensuras. — Ibid., p. 178: In villa Wykan sunt 35 hereditates — et quelibet earum capit 54 mensuras. — Ibid., p. 175: In villa Brziestie sunt 28 et quelibet hereditas capit 36 strichones.

2) Ibid., p. 164: In villa Bratrowicz sunt hereditates 14, quarum 8 capiunt 38 strich et alie 6 capiunt 14 cum medio.

3) Reg. bon. mon. Strahow., p. 286: Villa Chaber. . . Item ibidem sunt 16½ hereditatns maioris et minoris mensure.

4) Reg. bon. mon. Brzewnow., p. 176: In villa Wesecz sunt hereditates 14 et quelibet hereditas habet et tenet 40 mensuras.

5) Reg. bon. mon. Brzewnow., p. 164: In villa Tman sunt hereditates 27 et quelibet capit 36 strichones pragenses. — Ibid., p. 165: In villa Nabdin sunt hereditates decem et quelibet earum capit 38 strich pragenses. . . Villa Kamenicze habet hereditates 15½ et quelibet capit 40 strichones.

6) Ibid., p. 162: In villa Trziebowiczie sunt hereditates 4 capientes mensuras 20.

7) Reg. bon. mon. Strahow., p. 238. Въ самомъ свидѣтельствѣ

Такъ какъ одни села имѣли бо́льшее, а другія меньшее количество дѣдинъ, а эти послѣднія были различной величины, то для опредѣленія средняго размѣра дѣдины необходимо принять во вниманіе также количество дѣдинъ извѣстной величины. Какъ видно изъ приведенной ниже таблицы, въ селахъ Раковницкаго края, расположенныхъ на лѣвомъ берегу рѣки Вльтавы, дѣдина въ среднемъ

Названія селъ.	Количество дѣдинъ	Размѣръ дѣд. въ югерахъ	Площадь сельской запашки
Збузаны	7	60	420
Иночаны	$9^1/_2$	30	285
Требезъ	4	20	80
Тманъ	27	36	972
Братковица	8	38	304
Братковица	6	$14^1/_2$	87
Набинъ	10	38	380
Каменица	$15^1/_2$	40	620
Итого	87	36,18	3148

имѣла 36 югеровъ, т. е. равнялась приблизительно половинѣ лана. Въ селахъ, расположенныхъ на правомъ берегу рѣки Вльтавы, дѣдины были бо́льшаго размѣра. Какъ видно изъ приложенной таблицы, дѣдина въ среднемъ здѣсь имѣла 47 югеровъ.

Названія селъ.	Количество дѣдинъ	Размѣръ дѣд. въ югерахъ	Площадь сельской запашки
Бриство	28	36	1008
Вестце	14	40	560
Мраченица	10	62	620
Викань	35	54	1890
Слатина (около Коричанъ)	11	50	550
Итого	98	47,22	4628

не указанъ размѣръ дѣдинъ села Кнеживокъ. Однако, если въ немъ было 17 дѣдинъ и 3 югера, если 12 дѣдинъ находились во владѣніи 8 человѣкъ, а на долю остальныхъ 4 крестьянъ (см. табл. на стр. 226) приходилось 155 югеровъ, то отсюда слѣдуетъ, что 5 дѣдинъ (безъ 3 югеровъ) заключали въ себѣ 152 югера, т. е. на каждую дѣдину приходилось немного болѣе 30 югеровъ.

Въ поземельной описи Страговскаго монастыря приведены данныя о распредѣленіи землевладѣнія въ селахъ Кнеживкахъ, Кревицѣ, Нетешѣ, Земѣхахъ, Мотолахъ и Храбрахъ, въ которыхъ сельская запашка слагалась изъ

Размѣры надѣловъ:	Названія селъ и количество хозяйственныхъ единицъ.						Число крестьянъ во всѣхъ селахъ Раковницкаго края.	Число крестьянъ во всѣхъ селахъ, не исключая с. Храбръ.
	Кнеживки	Кревица	Нетешъ	Земѣхы	Мотолы	Храбры		
Кварталъ	—	—	3	1	—	4	4	8
$1^1/_2$ квартала . .	—	—	—	—	—	2	—	2
2 квартала или $^1/_2$ дѣдина . .	—	2	1	—	—	1	3	4
3 квартала . . .	—	—	2	—	—	1	2	3
1 дѣдина	3	10	11	5	3	10	32	42
35 югеровъ . . .	1	—	—	—	—	—	1	1
40 югеровъ . . .	3	—	—	—	—	—	3	3
5 кварталовъ . .	—	—	—	1	—	—	1	1
$1^1/_2$ дѣдины . . .	4	—	3	1	—	1	8	9
2 дѣдины	—	1	—	1	—	1	2	3
3 дѣдины	1	1**)	1	—	—	—	3	3
Площадь сельской запашки .	17 дѣд. 3 юг.*)	15 дѣд. 3 кв.	21 дѣд. 1 кв.***)	10 дѣд.	3 дѣд.	$16^1/_2$ дѣд.	—	—
Количество крестьянъ	12	14	21	9	3	20	59	79

дѣдинъ [1]). Всѣ эти села, кромѣ послѣдняго, лежащаго на правомъ берегу рѣки Вльтавы, находятся въ предѣлахъ Раковницкаго края, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ тѣми

*) См. выше, стр. 224, прим. 7.

**) Это былъ надѣлъ представителя сельской юрисдикціи (judicis), имѣвшаго 3 дѣдины безъ одного квартала (Reg. bon. mon. Strahow., p. 279).

***) Въ общей замѣткѣ показано $19^1/_2$ дѣдинъ (Reg. bon. mon. Strah., p. 279: Item ibidem sunt 19 cum $^1/_2$ hereditates solventes). Въ данномъ случаѣ наблюдается одинъ изъ случаевъ несоотвѣтствія въ показаніяхъ общей и подробной замѣтки (См. выше, стр. 86).

1) Reg. bon. mon. Strahow., p. 238, 278—280, 284, 286—288.

селами, въ которыхъ дѣдина имѣла въ среднемъ 36 югеровъ. Такимъ образомъ, если это обстоятельство даетъ основаніе полагать, что въ этихъ селахъ средній размѣръ дѣдины былъ таковъ же [1]), то, съ другой стороны, данныя о распредѣленіи крестьянскаго землевладѣнія, существовавшемъ въ этихъ селахъ, можно пріурочить ко всѣмъ селамъ Раковницкаго края, сохранившимъ раздѣленіе запашки на дѣдины. Какъ можно видѣть изъ помѣщенной на предыдущей страницѣ таблицы, распредѣленіе землевладѣнія въ Раковницкихъ селахъ было слѣдующее: 1) большая часть крестьянъ (32 человѣка изъ 59) владѣла полною дѣдиною (54,2 %); 2) надѣлами, не превышающими половины дѣдины или въ данномъ случаѣ четверти лана, владѣли всего только 7 человѣкъ изъ общаго числа, т. е. почти 12 %; 3) надѣлами, превышающими $1^1/_2$ дѣдины или $^3/_4$ лана, владѣли 13 человѣкъ, т. е. 22 %. Слѣдовательно, основной слой сельскаго населенія въ селахъ Раковницкаго края, сохранившихъ еще въ XIV вѣкѣ славянскія правовыя основы (jus boemicale), составляли крестьяне, владѣвшіе надѣлами мѣрою полъ лана. Такимъ образомъ, въ Раковницкихъ селахъ распредѣленіе крестьянскаго землевладѣнія почти не отличалось отъ того распредѣленія, которое существовало въ Пильзенскихъ селахъ [2]).

Изученіе фактовъ, относящихся къ XIV вѣку, убѣждаетъ въ томъ, что вплоть до этого времени удерживалась старинная практика [3]) доводить размѣры крестьянскихъ надѣловъ до величины плуга или рала [4]), т. е. до величины лана. Однако, даже при существованіи въ зависимыхъ селахъ этого стремленія далеко не всякая хозяйственная единица, не всякій дворъ имѣлъ возможность участвовать въ коллективныхъ расчисткахъ въ такой мѣрѣ, въ какой это было

1) Относительно села Кнеживокъ см. выше, стр. 224, прим. 7.
2) См. выше, стр. 220—221.
3) См. выше, стр. 160, 180.
4) См. выше, стр. 190—191.

необходимо для пріобрѣтенія полномѣрнаго надѣла [1]). Если въ Раковницкихъ и Пильзенскихъ селахъ наблюдается совершенно иное распредѣленіе сельской запашки, чѣмъ въ другихъ селахъ, то произошло это въ Раковницкихъ селахъ, очевидно, вслѣдствіе пріостановки внутренней колонизаціи, пріостановки, которая повлекла за собою распаденіе дворовъ [2]). Что же касается Пильзенскихъ селъ, лежащихъ ближе къ окраинамъ, чѣмъ села Раковницкія, то такъ какъ они были основаны позднѣе послѣднихъ, въ нихъ долженъ былъ быть процентъ полномѣрныхъ надѣловъ значительно бо́льшій, чѣмъ оказавшійся на самомъ дѣлѣ. Если въ дѣйствительности этого не наблюдается [3]), то произошло это не безъ причины. Какъ извѣстно, Пильзенскій край, а также вообще западная и южная части Чехіи значительно уступаютъ по плодородію сѣверной и восточной частямъ страны [4]). Это различіе въ плодородіи почвы не могло не оказывать извѣстнаго вліянія на установленіе размѣра крестьянскихъ надѣловъ. Если земля была слишкомъ скудна, то крестьянамъ выгоднѣе было не доводить своихъ надѣловъ до величины плуга, а сподручнѣе было изыскивать дополнительныя средства къ жизни въ занятіи лѣснымъ хозяйствомъ и разведеніи скота, пока въ ихъ распоряженіи находились пустоши. Дѣйствительно, это соотношеніе между величиною надѣловъ и плодородіемъ почвы можно прослѣдить въ округѣ, гдѣ находились Пильзенскія села. Какъ видно изъ таблицы, приведенной на 220—221 страницахъ, четвертные и половинные надѣлы преобладали въ селахъ Верхнихъ Секыранахъ, Яновѣ, Каменномъ Уѣздѣ, Линьѣ, Червеномъ Уѣздѣ и Котовицѣ, расположенныхъ въ сѣверной части Хотешовскаго имѣнія, гдѣ почва по большей части была песчанна, а также въ селахъ Лисовѣ, Лажанахъ и Згорѣ,

1) См. выше, стр. 186.
2) См. выше, стр. 210—211.
3) Сравни стр. 221 и 227.
4) Sommer, Das Königreich Böhmen, Bd, VI (Pilsner Kreis) S. XVII, XXII.

расположенныхъ на югѣ, вблизи границъ Клатовскаго края, въ мѣстности, гдѣ почва была легка и камениста. Напротивъ, въ селѣ Хотешовѣ, гдѣ земля вполнѣ пригодна для посѣва пшеницы и удобна для садоводства, на 9 полныхъ надѣловъ приходилось всего только два малыхъ [1]).

Установленіе размѣра крестьянскихъ надѣловъ, несомнѣнно, находилось въ зависимости отъ многочисленныхъ и разнообразныхъ причинъ. Разобраться въ томъ, какая изъ нихъ въ каждомъ отдѣльномъ селѣ или въ цѣлой ихъ группѣ оказала наибольшее вліяніе, придется впослѣдствіи тѣмъ изслѣдователямъ, которые займутся критическимъ изученіемъ каждой отдѣльной поземельной описи. Богатая нива ждетъ дѣлателей! Въ какой степени необходимо при изученіи описей знакомство съ современнымъ состояніемъ поселеній и топографіей мѣстности, можно отчасти видѣть изъ предыдущаго изложенія. Кромѣ того, необходимо въ интересахъ дѣла сдѣлать еще одно замѣчаніе подобнаго же рода тѣмъ болѣе, что иначе останутся безъ разъясненія нѣкоторыя свидѣтельства, имѣющія немаловажное значеніе.

Засвидѣтельствованная многими фактами равномѣрность дѣдинъ каждаго отдѣльнаго села доказываетъ, что села Раковницкаго края произошли въ силу коллективнаго поселенія нѣсколькихъ семействъ, нѣсколькихъ дворовъ, равномѣрно участвовавшихъ въ дѣлѣ расчистки лѣсной пустоши. Если въ селахъ Братковицѣ и Храбрахъ было иначе [2]), то это обстоятельство не только не опровергаетъ общаго положенія, но является наилучшимъ его подтвержденіемъ. Въ настоящее время бо́льшая часть села Братковицы расположена на (сѣверномъ) лѣвомъ берегу Злоницкаго потока, а другая часть и при томъ меньшая на правомъ берегу. Что же касается села Храбръ, то оно въ настоящее время рас-

1) Sommer, Bd. VI, S. 107.
2) См. выше, стр. 224, прим. 2—3.

падается на два села: Нижніе и Верхніе Храбры [1]). Современный видъ этихъ поселеній вполнѣ согласуется со свидѣтельствами описи Бревновскаго монастыря и въ то же время уясняетъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ селѣ Братковицѣ 8 дѣдинъ имѣли по 38 югеровъ, а 6 дѣдинъ — по 14½ югеровъ, то это указываетъ на то, что село Братковица основано было двумя группами, изъ которыхъ одна поселилась на лѣвомъ берегу, а другая — на правомъ берегу одного и того же потока. Такъ какъ село Храбры слагалось изъ двухъ отдѣльныхъ поселеній, то вполнѣ понятно, почему дѣдины этого села были неодинаковой величины, однѣ бо́льшія, а другія меньшія [2]).

VIII. Пользованіе правомъ входа и въѣзда въ лѣса, гдѣ крестьяне рубили дрова для топлива, брали необходимый для построекъ строевой матеріалъ, жгли уголья, пасли свой скотъ, косили сѣно, а въ рѣчкахъ и озерахъ ловили рыбу и т. д. [3]), — является однимъ изъ остатковъ старинныхъ вещныхъ правъ околицы [4]) и свидѣтельствуетъ о господствѣ въ древности коллективныхъ формъ быта.

Такъ какъ право пользованія пустошами было широко распространено, то въ источникахъ встрѣчаются довольно часто свидѣтельства, относящіяся къ XIII—XIV вв. Въ нѣкоторыхъ королевскихъ грамотахъ сказано только о правѣ населенія тѣхъ или другихъ селъ брать въ лѣсу топливо и строевой матеріалъ, но безъ всякихъ оговорокъ и ссылки на старину, вслѣдствіе чего въ этихъ свидѣтельствахъ можно усматривать только указаніе на милость короля, а не подтвержденіе стариннаго права [5]). Однако, противъ такого

1) Special-Karte, B. № XIII. Umgebungen von Prag.
2) См. соотвѣтствующіе тексты выше, стр. 224, прим. 2—3.
3) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 172.
4) См. выше, стр. 126—127, 131—132, 136,
5) Emler, Regesta, t. III, p. 716, nr. 1835, (1331): debent

толкованія говоритъ прежде всего отсутствіе также указанія въ грамотѣ и на милость короля. Кромѣ того, судя по редакціи грамотъ, дѣло идетъ даже о какомъ-то принудительномъ для населенія пользованіи лѣсомъ (debent et possunt, poterunt et debebunt). Эти принудительнаго характера выраженія грамотъ вполнѣ опредѣленно свидѣтельствуютъ не только объ ограниченіи прежняго болѣе широкаго пользованія лѣсными пустошами, но и о введеніи регламентаціи даже въ той сферѣ пользованія, которая была оставлена. Очевидно, брать топливо и строевой матеріалъ для продажи на сторону и собственнаго употребленія разрѣшено было только въ извѣстномъ размѣрѣ. Въ справедливости такого толкованія можно убѣдиться изъ другой королевской грамоты, въ которой сдѣлана ссылка на старину: жители мѣстечка Копицы имѣли право заготовлять въ пограничномъ селѣ не только дрова, но и пользоваться всѣми выгодами лѣсного хозяйства [1]). Королевская грамота, выданная въ пользу Велеградскаго монастыря въ Моравіи, указываетъ, какъ велико было право пользованія крестьянъ лѣсными пустошами. Какъ оказывается, крестьяне этого монастыря брали, ничего при этомъ не уплачивая, изъ лѣса дрова и всякій строевой матеріалъ, за исключеніемъ впрочемъ бревенъ и пластинъ, идущихъ на постройку домовъ. Кромѣ того, крестьяне по старинѣ пасли въ королевскихъ лѣсахъ свой скотъ, собирали траву, косили сѣно на полянахъ и ловили зайцевъ. Правда, дрова и матеріалъ крестьяне рубили и

---

autem et possunt vigiles antedicti libere vendere, succidere et deducere lignorum silvae partem aliquam pro necessitate suorum et ipsorum famulorum eis servientium caltearum. — Ibid., t. IV, p. 114, nr. 288, (1336): silvis nostris, de quibus tantum pro igne et fabrica municionis, sic et pauperes nostri, habitatores bonorum predictorum pro igne et edificiis uti poterunt et debebunt.

1) Emler, Regesta, t. IV, p. 602, nr. 1490, (1344): possunt secare ligna in nemore nostro Boemicali et utifrui ad ipsorum omnem voluntatem et necessitatem, quemadmodum hoc ab antiquis temporibus hucusque per eos consuetum extitit observari.

вывозили изъ лѣса подъ наблюденіемъ королевскихъ лѣсничихъ, но послѣдніе не имѣли права воспрепятствовать крестьянамъ производить порубки. Что же касается строевого матеріала лучшаго качества, то отпускъ его производился за деньги [1]).

Это право пользованія, основанное на старинѣ, распространялось и на частновладѣльческія пустоши не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ на королевскія. Какъ извѣстно, около многихъ селъ находились лѣса, сохранившіеся вслѣдствіе того, что они вошли въ составъ такъ называемыхъ уѣздовъ [2]). Такъ какъ подобные лѣса считались неотъемлемой частью селъ, то это обстоятельство указываетъ на то, что они находились въ пользованіи крестьянъ [3]). Впослѣдствіи землевладѣльцы за право пользованія лѣсными угодьями взимали платежи, установленные въ небольшомъ размѣрѣ. Конечно, когда платежамъ подобнаго рода подвергались жители новыхъ селъ, основанныхъ на территоріи уѣздовъ, то эта практика

---

1) Emler, Regesta, t. IV, p. 27, nr. 80, (1334): Indulgemus insuper dicti monasterii hominibus, ut virgas, fustes, stricholczer et statuas, que nebensaul nuncupantur, pro structuris reparandis, ipsis necessariis, et expresse pro usu ligna arida in dictis nostris silvis succidant et ea de scitu forestariorum predictorum recipiant absque solucione pecunie cuiuscunque, sed si dicti homines robora et ligna stubarum de dictis nostris nemoribus habere voluerint, volumus, ut illa precio debeant comparare. Praeterea decernimus — ut nullus deinceps dicti castri purchravius vel suo nomine forestarius qualiscumque ipsum abbatem vel homines suos sepedictos in pecorum et aliorum animalium suorum pascuis, que in dictis nemoribus habere et querere consuerunt, interim quod hinule et capreole pullos suos pariendo non effuderint, necnoc et in recepcione graminum ac falcacione feni de pratis seu locis dictorum nemorum quibuscumque debeat impedire seu eciam in venacionibus leporum, quas ibidem fecerint, et aliis omnibus supradictis audeat aliqualiter exnunc inantea — molestare.

2) См. выше, стр. 131, 158 (прим. 2), 160 (прим. 1), 161 (прим. 5).

3) Emler, Regesta, t. III, p. 257, nr. 610, (1320): silve ipse unacum villis ipsis, scilicet Polishwicz, Nacanycz, Costelani, ad quas spectant ab antiquo. Сравни также: in bonis eius Costelan adjacentibus necnon in silvis ad Nechanicz et Polsnicz spectantibus (Ibid., p. 307, nr. 732).

оправдывалась и основывалась на соглашеніи сторонъ, но по отношенію къ жителямъ старыхъ селъ, попавшихъ только съ теченіемъ времени въ зависимость, введеніе платежей за пользованіе лѣсными пустошами являлось нѣкоторымъ злоупотребленіемъ [1]). Что первоначально не могло быть даже рѣчи о платежахъ за право пользованія лѣсомъ, на это указываютъ такіе факты, какъ возбужденіе крестьянами цѣлыхъ дѣлъ, подвергавшихся разбирательству иногда въ судебномъ порядкѣ, — въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ право пользованія подвергалось сомнѣнію или оспариванію съ чьей-либо стороны, не исключая лицъ, близкихъ къ землевладѣльцу [2]). Права́ пользованія пустошами были въ глазахъ землевладѣльцевъ до того неоспоримыми и крѣпкими, что при отчужденіи цѣлаго села или его части продавцы считали необходимымъ вставлять въ запродажныя грамоты соотвѣтствующія оговорки. Такимъ образомъ, крестьяне селъ Стырова и Борка должны были по старинѣ пользоваться различными льготами и пустошами на равныхъ условіяхъ и совмѣстно, хотя первое село переходило во владѣніе другого лица [3]). Хотя панъ Вышемиръ продалъ Теп-

1) Reg. bon. mon. Brzewnow., p. 191: Item notandum, quod quicumque in eodem districtu (Brumow) bonorum et villarum habet equos, quibus ad silvam pergit monasterii, de quolibet equo debet dare $^1/_2$ strich avene et 2 gr. et 1 pullum solvere. — Zlomek urb. klášt. Hradišt., p. 4: Ibidem de qualibet vacca, que doyna dicitur, 1 quart. avene et 1 pullum et de quolibet equo tantum. — Ibid., p. 6: Item de qualibet vacca in pascuis 1 quart. avene. — Ibid., p. 17: pro silva III quart. avene cum $^1/_2$ pullo; pro silva 1 mensur. avene cum 1 pullo. — Ibid., p. 20: et de pascuis de qualibet vacca $^1/_2$ quart. avene cum $^1/_2$ pullo, et pro silva vero, qui vaccas habuerit, 1 caseum et XX ova, semel tantum. — См. выше, стр. 201, прим. 3: de quolibet laneo pro silvis jacentibus per II gr. annuatim dabunt.

2) Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 51—52, 171. — Emler, Regesta, t. II, p. 338, nr. 834, (1273): Causum et questionem, que de silva domini Petri (Wissegradensis prepositi) mota est inter ipsum et homines nostros, domino decano et capitulo commisimus decidendam.

3) Emler, Regesta, t. III, p. 193, nr. 469, (1318): villam mee hereditatis dictam Stirow totam cum omnibus agris — cum pratis,

лицкому монастырю только двѣ съ половиною „земли“ своего села, но это отчужденіе не должно было служить препятствіемъ къ тому, чтобы крестьяне, сидѣвшіе на проданныхъ участкахъ, сохраняли право пользованія лѣсными пустошами наравнѣ съ односельчанами, оставшимися за прежнимъ владѣльцемъ [1]).

Всѣ эти факты доказываютъ, что общее (всѣхъ жителей села) пользованіе пустопорожними землями разсматривалось и со стороны землевладѣльцевъ, и со стороны крестьянъ, какъ необходимое дополненіе къ полевому хозяйству. Подобное явленіе прежде всего свидѣтельствуетъ о томъ, что долгое время, вплоть до середины XIV вѣка, хозяйственная дѣятельность чешскихъ крестьянъ не сосредоточивалась на одномъ полеводствѣ. Располагая правомъ входа и въѣзда въ лѣса, крестьяне не имѣли нужды распахивать большія площади земли и справедливо считали несовмѣстимымъ съ правильно понимаемыми экономическими разсчетами стремленіе доводить размѣръ своихъ надѣловъ до величины плуга или рала, особенно если почва не отличалась плодородіемъ, и если вслѣдствіе отдаленности отъ большихъ городовъ хлѣбъ не находилъ сбыта. Когда усилилась нѣмецкая колонизація въ странѣ, а одновременно съ этимъ возникло переустройство старыхъ селъ на новый ладъ, система хозяйства, неизбѣжно, должна была измѣниться: населеніе принялось за усиленное распахиваніе земель и постепенно стало изыскивать средства къ жизни исключительно въ занятіи полеводствомъ.

---

rivis, rubis et pascuis, viis quoque et aliis libertatibus et communitatibus, quas homines predicte ville ab antiquo habuerunt tempore cum villa Borek et nunc habent.

1) Emler, Regesta, t. III, p. 644, nr. 1650, (1330): in villa nostra, que Nova villa nuncupatur, jure hereditario duas terras cum media — omnem eciam libertatem, quam nostri pauperes in eadem villa predicta habuerint in pratis, pascuis, agris cultis vel incultis, in nostris silvis pro foco aut pro reparacione suorum edificiorum et curiarum, omni libertate eadem pauperes predictorum dominorum in prefatis terris residencium frui debent.

Однако, даже въ ту пору, когда съ полною очевидностью начали сказываться признаки новаго направленія, землевладѣльцы принимали мѣры, направленныя къ обезпеченію старинныхъ правъ крестьянъ по части пользованія лѣсными угодьями. Предоставляя какому-то Конраду право устроить новое село въ Полицкомъ лѣсу, около рѣчки Криницы, аббатъ Бревновскаго монастыря позволилъ разработать подъ пашню только такое количество земли, какое окажется возможнымъ при условіи неограниченія правъ жителей сосѣднихъ селъ [1]). Любопытно отмѣтить, что въ серединѣ XIII вѣка даже при основаніи новыхъ селъ устанавливаемы были права пользованія лѣсными угодьями вполнѣ согласно съ той практикой, которая въ качествѣ наслѣдія старины удерживалась еще въ старинныхъ селахъ. Отводя въ распоряженіе жителей одного села лѣсъ, пожертвованный ему королемъ, панъ Смилъ разрѣшилъ брать въ немъ топливо и матеріалъ на постройки, а равно дозволилъ другіе роды пользованія лѣсомъ. Имѣя же въ виду, что впослѣдствіи въ окрестностяхъ могутъ быть основаны другія поселенія, панъ считалъ необходимымъ прибавить, что жители этого села ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть лишены права пользованія лѣсомъ [2]).

Однако, съ теченіемъ времени практика измѣнялась не въ пользу крестьянъ, какъ и можно этого было ожидать. При введеніи такъ называемаго нѣмецкаго права въ селахъ

---

1) Emler, Regesta, t. II, p. 26, nr. 68, (1255): excepto hoc, quia tot mansus fundabit, quot fundare potuerit sine gravamine aliarum villarum Sihi adjacentium.

2) Emler, Regesta, t. II, p. 124, nr. 326, (1261): Silvam quoque, quam nobis — d. noster Przemizel serenissimus donavit, predicte ville denotamus, que nobis inperpetuum est collata pro omnibus usibus predicte ville, tam cremandis quam edificandis et in quoscumque usus redigendis, eciam si in infra descriptis metis ville imposterum locarentur, et cuicumque hominum in feodum sive in hereditatem a succedentibus principibus donarentur, tamen predicta villa a silva et usu ejus non possit frustrari. Termini autem huius silve sic limitantur . . .

Душникахъ, Дубнѣ и Розеёвицѣ, было оставлено за населеніемъ только право безплатнаго пользованія пастбищами, на которыхъ и раньше пасся скотъ, принадлежавшій жителямъ этихъ селъ, но при этомъ все-таки была сдѣлана оговорка, что право пользованія не исключаетъ правъ собственности и распоряженія, принадлежавшихъ землевладѣльцу и его преемникамъ [1]). Эта оговорка дѣлала весьма сомнительнымъ самое пользованіе крестьянъ старыми пастбищами, ставя таковое въ зависимости отъ благожелательства землевладѣльца и его преемниковъ: являясь своего рода jus in re aliena, право крестьянъ было крайне призрачно и не находило себѣ достаточной правовой защиты. Что подобныя нарушенія крестьянскаго права пользованія пустошами и угодьями были довольно обычны, это можно видѣть изъ того, какъ поступлено было съ жителями села Лишанъ, принадлежавшаго королю. У крестьянъ этого села были отняты, какъ видно изъ грамоты, нѣкоторые луга и пастбища вслѣдствіе того, что по сосѣдству устроены были другія поселенія. Такъ какъ платежи ихъ при этомъ были не уменьшены, то имъ грозило полное разореніе. Предвидя подобный исходъ и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо опасаясь, какъ бы и остальныя пастбищныя угодья не были также отняты, жители села рѣшились обратиться съ жалобами и просьбами къ самому королю. Послѣдній уменьшилъ нѣсколько норму платежей и повелѣлъ навсегда оставить въ пользованіи жителей села тѣ пастбища, которыя еще не были отобраны [2]).

---

1) Emler, Regesta, t. III, p. 291, nr. 696, (1321): Favemus ipsis etiam gratiose, quod pascua, quae hucusque pro suis animalibus consueverunt habere, inantea libera habeant, ita quod de eis nichil solvere teneantur, jure dominii et proprietatis ac conditionibus supra-scriptis in bonis praefatis nobis et heredibus ac successoribus nostris — perpetuo semper salvis.

2) Emler, Regesta, t. IV, p. 407, nr. 1017, (1341): quod pensantes onerosae agravationis incommoda, quibus pauperes nostri dilecti, rustici et incolae villae nostrae Lissany, aggravantur plurimum,

Конечно, если такъ поступали короли, высшіе защитники всѣхъ законныхъ правъ населенія, если даже они невсегда считали обязательнымъ для себя поддержку и сохраненіе правъ, основанныхъ на старинѣ, то землевладѣльцы еще менѣе склонны были признавать за населеніемъ его права пользованія пустошами и лѣсными угодьями. Ограниченіе этихъ правъ началось, какъ можно думать, съ введенія нѣкоторой регламентаціи права крестьянскаго пользованія пустошами и установленія платежей за самое пользованіе [1]). Кромѣ того, землевладѣльцы пользовались, несомнѣнно, всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы размежевать лѣсныя пустоши и земли отдѣльныхъ селъ, отводя для каждаго изъ нихъ только по небольшому сравнительно куску лѣса. Разумѣется, это часто приводило къ тому, что населеніе покидало родныя села и искало новыхъ мѣстъ для поселенія на земляхъ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые подобно пану Смилу для привлеченія поселенцевъ готовы были предоставить пришельцамъ права пользованія пустошами [2]). Переходъ отъ смѣшанной системы веденія хозяй-

---

in eo videlicet, quod propter locacionem aliarum villarum ipsis nonnulla prata et pascua sunt ablata, et etiam de hereditate ipsorum, licet parvi sint lanei, gravi censu sunt oppressi, ipsis de munificientia regia sincere disponentes, de quolibet laneo censuali de antiquo censu annuo duos strichones tritici et totidem avenae et duos pullos annis singulis solvendos relaxandos duximus . . . Volentes et statuentes, quod prata in Lischano a dicta villa alienari et abstrahi non debeant et circa ipsam perpetuo maneant, sicut fuerant hactenus, una cum uno laneo campi dicti mershor, quem dictis rusticis damus — in communem usum pratorum. — Село Лишаны находится къ сѣверу отъ Раковника, вблизи отъ границы Пильзенскаго края, въ лѣсистой мѣстности. Хотя въ грамотѣ надѣлы крестьянъ названы ланами, но, повидимому, въ данномъ случаѣ такъ названы „земли“. Имѣя возможность заниматься лѣснымъ хозяйствомъ, крестьяне села Лишанъ владѣли, очевидно, неполномѣрными надѣлами. Когда же пользованіе лѣсными угодьями было ограничено, то экономическій кризисъ явился какъ неизбѣжное послѣдствіе измѣнившихся условій жизни, особенно если платежи оставались тѣ же, какъ и ранѣе.

1) См. выше, стр. 231—233.

2) См. выше, стр. 235.

ства къ системѣ исключительно чистаго полеводства совершался медленно и, неизбѣжно, долженъ былъ сопровождаться отливомъ населенія изъ мѣстностей, издавна и потому болѣе густо населенныхъ, въ мѣстности и края, въ которыхъ землевладѣльцы не только не спѣшили по экономическимъ соображеніямъ создавать для населенія ограничительныя мѣры по части пользованія пустошами, но и готовы были предоставить права пользованія даже пришельцамъ, имѣя въ виду привлечь ихъ къ поселенію на пустопорожнихъ земляхъ, приносившихъ незначительный доходъ. Что размежеваніе лѣсныхъ пустошей и сельскихъ территорій дѣйствительно было причиною опустѣнія селъ и давало обильный матеріалъ для внутренней колонизаціи, это видно изъ сохранившихся грамотъ Вилемовскаго монастыря. Въ Бояновицкомъ уѣздѣ, принадлежавшемъ этому монастырю и расположенномъ къ югу отъ города Хрудима, находилось 24 небольшихъ села (villulae). Села эти были размежеваны и совершенно лишены права въѣзда и входа въ лѣса монастырскаго уѣзда, охрана которыхъ поручена была жителямъ села Крижановицы. Эти мѣры привели къ тому, что земли уѣзда были покинуты жителями и оставались въ теченіе многихъ лѣтъ вплоть до 1329 года почти вовсе безъ обработки. Только въ этомъ году монастырь вошелъ въ сдѣлку съ паномъ Генрихомъ Лихтенбергомъ, который взялся заселить опустѣвшій уѣздъ. Выступая въ качествѣ предпринимателя-колонизатора, панъ обязанъ былъ при этомъ не только не предъявлять никакихъ притязаній на право пользованія лѣсными угодьями, но отнюдь не нарушать границъ селъ, какъ онѣ были установлены ранѣе. Въ вознагражденіе за трудъ монастырь предоставилъ пану пожизненное пользованіе доходами, но съ нѣкоторыми ограниченіями [1]). Размежевывая лѣса и села, Вилемовскій монастырь

1) Emler, Regesta, t. III, p. 594—595, nr. 1518, (1329): districtum Boynouyensem ex toto desertum, a multis retroactis tempo-

достигалъ этимъ двухъ цѣлей. Прежде всего, благодаря этой мѣрѣ, лѣса оказывались въ полномъ распоряженіи монастыря, который свободно могъ вести обширное лѣсное хозяйство, а съ теченіемъ времени въ случаѣ надобности отводить мѣста для основанія новыхъ поселеній. Кромѣ того, эта мѣра сплошь и рядомъ освобождала монастырь отъ присутствія на его земляхъ нежелательныхъ жителей старыхъ селъ, взносившихъ умѣренные платежи, несоразмѣренные съ правами и притязаніями, освященными авторитетомъ старины [1]). Удаленіе крестьянъ не смущало Вилемовскій монастырь, такъ какъ было нетрудно въ рядахъ зажиточнаго класса населенія найти людей, которые на выгодныхъ для себя и монастыря условіяхъ брали въ пожизненную аренду опустѣвшія и покинутыя села [2]). Послѣ

ribus penitus incultum, suscepimus ad locandum et ad fructus uberiores reformandum — pactis et condicionibus subnotatis, videlicet quod districtus memoratus cum omnibus villulis subscriptis videlicet Boyanow, Polanka etc. etc. cum agris cultis et incultis etc., quantum mete predictarum villarum ambiunt et terminantur, dimissis silvis, que wlgariter Jaworny, Masanecz et Trawny nuncupantur, cum universis nemoribus, in quibus nichil juris nec communitatis habere volumus nec debemus. . . Habebunt igitur predicti domini in ipso districtu unam villam Crzissanowycz nuncupatam, in qua servi eorum residebunt custodiendo silvas et universa nemora memorata. . . Въ грамотѣ были перечислены слѣдующія села, а именно: Бояновъ, Полянка, Просѣчь, Masanczie, Красно, Брадло, Травно, Trawonecz, Годонинъ, Младоновица, Градище, Льготица, Либковъ, Лажаны, Вершовъ, Хлумъ, Коваровъ, Петрковъ, Слатинаны, Wyscow, Шишковица, Лучиборица, Голинъ, Horzowczie. См. Palacký, Popis etc., str. 182—185.

1) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 59. Сравни выше, стр. 101.

2) Emler, Regesta, t. II, p. 620, nr. 1440, (1288): ego Jistislaus miles — datis monasterio Wilhelmoviensi 10 marcis — suscepi ab ipso monasterio villam desertam, cui Ruzen vocabulum est, locacionis nomine, tempore dumtaxat vite mee — sub his pactis — videlicet, ut agros et campos eiusdem ville, qui excoli consueverunt, pro me excolam vel excoli faciam, nihil de silvis monasterii circa eandem existentibus exstirpando seu vendendo, sed pro edificiis ipsius ville et foco necessario lignis silvarum uti potero predictarum, post obitum autem meum villa prefata cum omni utilitate sua et bonis, que mobilia seu immobilia — in ipsa habuero, ad predictum monasterium — devolvantur.

смерти арендатора монастырь получалъ благоустроенное имѣніе и могъ съ успѣхомъ продолжать самостоятельное хозяйство, если находилъ это возможнымъ. Въ крайнемъ случаѣ отдавалъ полевыя земли крестьянамъ на условіяхъ наслѣдственной аренды, при чемъ о правѣ пользованія пустошами не могло быть никакой рѣчи, особенно если въ селахъ вводима была лановая система, какъ типическая форма исключительно полеваго хозяйства. Такъ именно поступилъ Вилемовскій монастырь, когда въ эпоху смутъ, наставшихъ послѣ смерти Премысла Отакара II, не могъ вести излюбленнаго имъ самостоятельнаго хозяйства въ селахъ Бучицѣ и Влачицѣ, расположенныхъ около города Часлава, къ сѣверо-востоку отъ послѣдняго [1]).

Нѣтъ основанія полагать, что Вилемовскій монастырь придерживался исключительной и своеобразной практики по отношенію къ лѣснымъ пустошамъ. Данныя, извѣстныя о селѣ Лишанахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что подобныя мѣропріятія, клонившіяся къ уничтоженію стариннаго крестьянскаго права пользованія пустошами, примѣнялись и на королевскихъ земляхъ [2]). Дѣйствуя такимъ именно образомъ, землевладѣльцы вообще и король въ частности расшатывали правовыя основы стараго земскаго строя и прокладывали путь новымъ началамъ быта, основаннымъ главнымъ образомъ на договорѣ и приводившимъ постепенно къ торжеству писаннаго права. Говоря о томъ, что король Вацлавъ приказалъ изъ чувства ложнаго стыда разогнать свой родъ (жителей села Стадицы), Далемилъ былъ вполнѣ правъ, упрекая пановъ за то, что они не воспрепятствовали королю совершить подобное явное нарушеніе обычая и оте-

---

1) Emler, Regesta, t. II, p. 500, nr. 1167, (1279): curias nostras ac villas sitas prope municipium Chaslaviense, que Butschitz et Vulatschiz appellantur, quarum terras qnondam solebamus excolere propriis laboribus et impensis, de omni voluntate dedimus et concessimus colonias aliis excolendas, et pro certo censu — possidendas...

2) См. выше, стр. 236.

чественной старины. Своимъ молчаніемъ паны подсѣкли основы своего правового положенія и матеріальнаго благосостоянія: видя полное отсутствіе протеста съ ихъ стороны, король началъ раздавать свои пустоши въ обработку нѣмцамъ-колонистамъ [1]). Согласно съ этимъ свидѣтельствомъ хроники Далемила, ограничительныя мѣры и размежеванія, направленныя къ уничтоженію стариннаго крестьянскаго права пользованія лѣсными пустошами, стали примѣняться въ первой половинѣ XIII вѣка. Если эти мѣры во второй половинѣ того же вѣка приводили къ опустѣнію селъ Вилемовскаго монастыря, а нѣсколько позднѣе довели жителей королевскаго села Лишанъ почти до полнаго разоренія, то также точно они должны были отразиться на судьбѣ жителей села Стадицы, прародины династіи Премысловичей. Хотя въ хроникѣ Далемила сказано, что король „приказалъ разогнать свой родъ", но это выраженіе никто не обязанъ понимать въ буквальномъ смыслѣ. Разумѣется, король принудилъ жителей села разойтись и выселиться, иначе говоря разогналъ ихъ, когда отдалъ въ распоряженіе нѣмецкихъ колонистовъ лѣсныя пустоши, окружавшія село [2]). Не ограничиваясь этимъ, король сталъ раздавать по преимуществу

---

1) Dalemilova kronika česká, LXXXI, 25—32 (Fontes rerum bohemicarum, d. III, str. 171): Jakž sě na královstvo zsvěti, je sě svým rodem styděti. Káza z Stadic rod svój rozehnati a tu všiu ves Němcóm dáti. Páni pod sobú větev podtěchu, že královi z toho nic neřečechu; neb uzřě, že péčě nejměti na pány, rozděli Němcóm své dědiny v lány. Этотъ текстъ любопытно сравнить съ находящимся въ прозаическомъ нѣмецкомъ переложеніи хроники (Die peheimische cronika, c. LV, str. 288): Vnd da der zcu konige wart gekorn, da begunde her sich syner geburt czu schemen, vnd hiesz czu Stadicz syn geschlechte vortreiben, vnd gab das dorff den Dewczen. Vnd da ym die hern das vorsahen, da teilte her alle syne dorffer vnder die Dewczen.

2) Исходя изъ того ложнаго положенія, что чешскіе крестьяне не имѣли права владѣнія землей (сравни выше, стр. 131—133), Юл. Липпертъ даетъ иное толкованіе свидѣтельства хроники Далемила. См. Socialgeschichte, Bd. I, S. 232, 206.

нѣмецкимъ колонистамъ свои лѣсныя пустоши въ другихъ мѣстахъ для основанія новыхъ поселеній. Такимъ образомъ, наступилъ моментъ, когда представители королевской власти могли вполнѣ сознательно прійти къ убѣжденію, что гораздо выгоднѣе въ экономическомъ и другихъ отношеніяхъ отводить участки земли для нѣмцевъ-колонистовъ, чѣмъ выдѣлять изъ состава (сохранившихся преимущественно на границахъ государства) лѣсныхъ пустошей обширные уѣзды въ пользу представителей церковнаго и свѣтскаго крупнаго землевладѣнія. Впрочемъ, необходимо прибавить, что по мѣрѣ уменьшенія лѣсныхъ пустошей, находившихся въ распоряженіи государей, рано или поздно должна была пріостановиться щедрая раздача ихъ, а это обстоятельство, неизбѣжно, приводило крупныхъ землевладѣльцевъ къ мѣрамъ стѣсненія и ограниченія крестьянскаго права пользованія пустошами. Теченіе экономической и соціальной жизни народа стало направляться по другому руслу.

Предыдущія страницы посвящены были изученію фактовъ и данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что развитіе соціальнаго и аграрнаго строя чешскаго села было самобытно, такъ какъ обусловливалось условіями и запросами жизни, зарождавшимися въ нѣдрахъ самого общества. Будучи начальнымъ пунктомъ развитія, коллективныя формы быта и землевладѣнія продолжали оказывать значительное вліяніе и на дальнѣйшій ходъ историческаго процесса въ такой степени, что порядки, установившіеся въ свободныхъ селахъ, основанныхъ на земляхъ околицы, послужили образцемъ для организаціи селъ, возникшихъ на земляхъ, принадлежавшихъ людямъ, вышедшимъ изъ состава союза околицы или совершенно ей чуждымъ. Другимъ важнымъ факторомъ историческаго развитія было уменьшеніе пустопорожнихъ земель, находившихся въ распоряженіи крестьянъ. Самое же уменьшеніе количества пустошей происходило отъ

двухъ причинъ, обнаружившихъ свое дѣйствіе въ два различные періода времени, но приводившихъ къ одному и тому же послѣдствію, т. е. къ необходимости перехода къ болѣе интензивной системѣ хозяйства. Прежде всего уменьшеніе пустопорожнихъ земель, находившихся въ распоряженіи крестьянъ, сказалось на территоріи околицы и должно было побудить свободныхъ людей къ выселенію на земли королевскихъ лѣсовъ и уѣздовъ, принадлежавшихъ крупнымъ землевладѣльцамъ, такъ какъ тамъ иногда можно было еще продолжать веденіе хозяйства на прежнихъ основаніяхъ и во всякомъ случаѣ не существовало препятствія для устройства надѣловъ полномѣрныхъ, т. е. заключающихъ въ себѣ площадь земли, равную плугу или позднѣйшему лану. Когда же землевладѣльцы въ началѣ XIII вѣка увидѣли, что ихъ пустопорожнія земли и уѣзды не могутъ расширяться въ той мѣрѣ, какъ это было ранѣе, тогда они стали прибѣгать къ созданію ограничительныхъ мѣръ, направленныхъ противъ крестьянскаго права пользованія лѣсными угодьями. Съ той поры настала эпоха новой колонизаціи, отличавшейся отъ древнѣйшей колонизаціи тѣмъ, что колонисты теперь стали распахивать подъ пашню всегда такое количество земли, какое только они были въ силахъ обработать, такъ какъ вполнѣ выяснилась необходимость веденія хозяйства на новыхъ основаніяхъ. Поселяясь на чужихъ земляхъ, крестьяне становились зависимыми людьми. Хотя зависимость эта облекалась въ мягкія формы, такъ какъ болѣе распространялась на землю, чѣмъ на личность, но тѣмъ не менѣе этимъ положено было прочное начало для постепеннаго закрѣпощенія массы населенія.

Глава третья.

Развитіе зависимыхъ отношеній.

При всемъ обиліи въ странѣ пустошей населеніе въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ издавна начинало испытывать тяжкія экономическія затрудненія по мѣрѣ того, какъ на территоріи околицъ стали образовываться уѣзды. Съ каждымъ десятилѣтіемъ эти затрудненія должны были умножаться въ прямой зависимости отъ увеличенія количества уѣздовъ. Когда на территоріи околицы или сёла почти всѣ пустоши были освоены, т. е. превратились въ уѣзды, для свободнаго населенія оставалось два выхода, одинаково приводящіе къ установленію зависимыхъ отношеній. Если кто-либо рѣшался выселиться, то долженъ былъ искать мѣста для поселенія или на земляхъ королевскихъ, или на территоріи частновладѣльческихъ уѣздовъ. Разумѣется, фактъ поселенія на чужой земли приводилъ къ установленію зависимыхъ отношеній, такъ какъ поселенецъ обязанъ былъ ежегодно уплачивать землевладѣльцу извѣстную денежную сумму и отбывать барщину [1]). Въ такомъ положеніи ока-

1) Erben, Regesta, t. I, p. 72, nr. 166, (cc. 1086): si quis liber in eorum possessiones transierit, et praedictas terras — possiderit, simili servitute sit adstrictus et servilia opera impendat.

зался Милонгъ, выходецъ изъ Ново-Болеславской области, поселившійся на землѣ, принадлежавшей Збигнѣву въ селѣ Унетицѣ [1]). Жители, непожелавшіе покидать родного села, по необходимости должны были признать себя добровольно зависимыми людьми тѣхъ лицъ, которыя успѣли захватить въ свое распоряженіе пустоши села или околицы: въ противномъ случаѣ они не могли продолжать веденіе хозяйства на прежнихъ основаніяхъ. Такъ, напр., когда король пожертвовалъ Страговскому монастырю принадлежавшія ему земли села Радоницы, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣлилъ территорію этого села изъ состава окрестныхъ и ближайшихъ пустошей и земель, т. е. ввелъ монастырь во владѣніе селомъ, то это немедленно привело къ тому, что 8 свободныхъ жителей этого села признали себя добровольно зависимыми людьми монастыря (voluntarie sese servitio subdiderunt) [2]). Въ селѣ Кочберѣ были почти всѣ пустоши освоены отдѣльными лицами, какъ видно изъ того, что два уѣзда, находившіеся на территоріи этого села, были одновременно пожертвованы Кладорубскому монастырю. Очевидно, это именно обстоятельство побудило нѣкоего Свебора пожертвовать монастырю не только свою землю, но и самого себя признать зависимымъ человѣкомъ, а другой свободный человѣкъ этого же села, жертвуя монастырю плугъ земли, по тѣмъ же соображеніемъ выговорилъ для своего сына право считаться министеріаломъ монастыря [3]). Такимъ образомъ, въ аграрныхъ условіяхъ коренились причины, которыя побуждали свободныхъ людей отказываться отъ свободнаго состоянія изъ-за экономическихъ выгодъ.

---

1) См. выше, стр. 160, прим. 4.

2) См. выше, стр. 188, прим. 2.

3) Erben, Regesta, t. I, p. 90, nr. 202, 1115: Item Dobrehc dedit terram ad aratrum in villa, quae vocatur Cohcber, et ea conditione, ut si filius voluerit abbati servire, serviat pro terra; et si noluerit abbati servire, solvat hospitalitatem et cetera. Nicolaus dedit Vgezd. Radoma quoque dedit suum Vgezd. Zuebor etiam cum terra sua se tradidit.

Нельзя отрицать, что существовали и другія обстоятельства, заставлявшія свободныхъ людей отказываться отъ правъ свободнаго состоянія. Эти обстоятельства коренились въ несовершенствѣ тогдашней государственной организаціи. Въ данномъ случаѣ можно указать на притѣсненія чиновниковъ и представителей аристократіи, а также, можетъ быть, — тяжесть налоговъ. Обиды и притѣсненія со стороны могущественныхъ лицъ, засвидѣтельствованныя въ источникахъ, отражались на судьбѣ не только свободныхъ людей, но также и зависимыхъ [1]). Для надлежащаго сужденія о значеніи безправія и насилія, какъ обстоятельствахъ, побуждавшихъ свободныхъ людей становиться въ зависимыя отношенія отъ представителей знати и церковныхъ учрежденій, необходимо обратить вниманіе на двѣ стороны дѣла. Во-первыхъ, даже въ смутную пору XII вѣка, когда авторитетъ государственной власти значительно пошатнулся, престолъ занимали государи, которые считали главнымъ своимъ долгомъ защиту крестьянъ отъ произвола. Въ этомъ отношеніи особенно прославились Собеславъ

---

1) Gerlaci annales, ad an. 1182 (Fontes rerum bohemicarum, t. II, p. 479): Porro pauperibus defendendis ita tradiderat cor suum, ut pro eorum defensione non vereretur incurrere offensam primatum terrae, abterrens eos ab huiusmodi ausibus, modo gladio spirituali, hoc est anathemate, modo gladio materiali, hoc est manu laica, quam interdum tanquam potens et princeps pro tempore, causa et persona exercebat. Dux Theobaldus — et ipse tam episcopi quam Friderici ducis, de cuius gratia per quartam partem principabatur, sic laxaverat lora villicis suis, quibus licebat, quidquid libebat. Quod episcopus diu non ferens terram ditionis suae sub interdicto posuit et eum cum suis ad satisfactionem coegit. Similiter et dux Fridericus cum ducissa Elisabeth per officiales suos similia, imo peiora praesumebat in ecclesia dei, quibus episcopus resistere — non valens, adiit imperatorem Fridericum et eius imploravit praesidium. — Cosmae chr. II, 17, p. 92: Qui statim unius viduae ad petitionem intermittit expeditionem, eamque iusto iudicio vindicavit de adversario. Quid ad haec vos, o moderni principes, dicitis, qui tot viduarum, tot pupillorum ad clamores non respicitis, sed eos tumido fastu superbiendo despicitis? — Erben, Regesta, t. I, p. 139, nr. 319, (1167): vim castellanorum ferre non valentes.

II (1174—1178) и епископъ-князь Генрихъ-Брячиславъ (1193—1197)[1]. Такимъ же духомъ проникнута была правительственная практика при Владиславѣ II (1140—1173), какъ видно изъ отзыва лѣтописца Винцента[2]. Съ другой же стороны, если зависимые люди даже епископа и члена княжескаго рода, не взирая на покровительство императора, оказанное своевременно, не ограждены были отъ обидъ и притѣсненій чиновниковъ[3], то какую защиту свободному человѣку могли доставить паны или монастыри? Въ грамотахъ встрѣчаются многочисленныя указанія на то, что села церковныхъ учрежденій были постоянно разоряемы своевольными панами. Село Тѣшковъ, пожертвованное королемъ Владиславомъ (1158—1173) Плаценскому монастырю, было совершенно разорено и приведено въ опустѣніе вслѣдствіе грабежей и насилій[4]. Имѣнія Литомышльскаго монастыря были такъ разорены панами, что монахи не могли прокормиться и не имѣли даже средствъ для пріобрѣтенія одежды и обуви[5]. Желивскій монастырь подвергался постояннымъ обидамъ со стороны одного моравскаго пана и долженъ

---

1) См. выше, стр. 246, прим. 1. — Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 55, 140 (прим. 1).

2) Vincentii canonici Prag. annales, ad an. 1147. Fontes rer. bohem., t. II, p. 418: Princeps autem Theobaldus terram a fratre suo sibi commissam, latrones, praedones, ecclesiarum vastatores, pauperum oppressores, quosdam suspendio, quosdam diversis poenis cruciando, interficiendo, felicet gubernabat.

3) Gerlaci annales, p. 481: dux Fridericus duobus postea supervixit annis, in quibus neque, quod promiserat, recte implevit, neque ab injuriis ecclesiae dei suos officiales coercuit.

4) Erben, Regesta, t. I, p. 315, nr. 684, (1224): villam Thyskow, quam gloriosus rex Wladizlaus — eidem contulit monasterio, jam per aliquot annorum curricula propter frequentes et diuturnos latrocinantium insultus incultam jacere, et in solitudinem redactam. . .

5) Ibid., p. 341, nr. 733, (1228): bona monasterii Luthomislensis — quae per discordiam nobilium terrae in tantum consumpta fuerant et distracta, ut eciam fratres — victum et vestitum penitus non haberent.

былъ искать защиты у самого короля[1]). Панъ Альбертъ Штернбергъ разорялъ имѣнія Оломуцкой церкви и Градищскаго монастыря буквально огнемъ и мечемъ. Хотя при этомъ страдали экономическіе интересы церквей, но жертвами насилія были зависимые люди[2]). При столкновеніяхъ и спорахъ Плаценскаго монастыря съ сосѣдними землевладѣльцами дѣло доходило до избіенія зависимыхъ людей монастыря[3]). Нѣтъ основанія полагать, что только церковныя земли подвергались погрому со стороны пановъ. Представители буйной и своевольной знати, раздѣляясь на враждующія партіи, не стѣснялись грабить и разорять имѣнія другъ друга[4]). Это была старая практика. При паденіи Славниковцевъ, братьевъ епископа Войцѣха-Адальберта, не было пощады ни полу, ни возрасту[5]). То же самое повторилось, когда князь Святополкъ повелѣлъ уничтожить могущественный родъ Вершовцевъ[6]). Всѣ эти

---

1) Erben, Regesta, t. I. p. 382, nr. 812, (1233): Monasterium Siloense, quod a progenitoribus meis ad honorem dei fundatum est, sed a filiis Wolframmi, nobilis nostri de Morauya, violenter est oppressum, de manibus eorundem liberare disposuimus.

2) Emler, Regesta, t. II, p. 531, nr. 1232, (1281): ego Albertus de Sternberg — ecclesias Olomucensem videlicet et Gradicensem — in ipsarum colonis, servitoribus ac possessionibus, spoliis ac captivitatibus, ignium cremationibus perturbavi enormiter atque lesi.

3) Ibid., p. 604, nr. 1406, (1287): quod cum lites — inter — d. Heinricum, abbatem de Platz, et conventum suum ex una, et Lupoldum et Oploth et amicos suos, et Bohun fratres et amicos suos ex parte altera, tam multiformes verterentur, ut etiam earundem litium malicia non solum rerum dispendia, verum eciam hominum mortes et excidia preconizarent. . .

4) Emler, Regesta, t. II, p. 549, nr. 1277, (1282). — Ibid., p. 567, nr. 1313, (1284). — Ibid., p. 565—570, nr. 1311—1312, 1316—1317, (1284).

5) Cosmae chronica, I, 29, p. 43—44: At illi ceu lupi inmanes urbis moenia irrumpentes, masculum et feminam usque ad unum interficientes, quatuor fratribus sancti Adalberti cum omni prole ante ipsum altare decollatis, urbem comburunt, plateas sanguine perfundunt. . .

6) Ibid., III, 24, p. 160: At illi invasores, velut urbium expugnatores immensas diripiunt gazas. . .

факты доказываютъ, что ни церковныя учрежденія, ни паны не могли доставить зависимому населенію, проживавшему на ихъ земляхъ, достаточной защиты, когда въ странѣ наступали внутреннія смуты или какія-либо замѣшательства. Напротивъ, изъ желанія повредить противнику враждовавшія стороны обращали оружіе противъ мирныхъ жителей. Даже при обычномъ спокойномъ теченіи событій малѣйшее столкновеніе между землевладѣльцами отражалось немедленно на судьбѣ зависимыхъ людей по пословицѣ: „паны дерутся, а у мужиковъ чубы болятъ“. Такимъ образомъ, если зависимое населеніе не пользовалось бо́льшей безопасностью и защитою, чѣмъ свободные люди, то для этихъ послѣднихъ покровительство церковнаго учрежденія или пана не являлось настолько привлекательнымъ, чтобы побудить ихъ къ отказу отъ правъ свободнаго состоянія. Во всякомъ случаѣ гадательная защита со стороны землевладѣльца не могла побудить свободнаго человѣка къ добровольному поступленію въ ряды зависимыхъ людей. Противъ насилія же со стороны могущественнаго сосѣда-землевладѣльца жители села могли найти совершенно достаточную защиту въ судѣ и у государя, если только въ странѣ не было смуты, а все шло обычнымъ порядкомъ.

Что касается тяжести налоговъ, какъ обстоятельства, побуждавшаго иногда свободныхъ людей вступать въ зависимыя отношенія отъ землевладѣльцевъ, то въ сущности и съ этой стороны дѣло сводится къ тому же матеріальному и экономическому стѣсненію крестьянъ, на которое было уже выше указано. Въ самомъ дѣлѣ, если бы крестьяне могли вести по старинѣ лѣсное и луговое хозяйство, распахивать столько земли, сколько для нихъ было необходимо, то бремя государственныхъ налоговъ и повинностей не оказалось бы для нихъ невыносимымъ. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что нормы платежей зависимыхъ людей не были въ XIII—XIV вв. ниже той суммы, которая поступала съ каждой полной единицы финансоваго обложенія при пере-

ложеніи на деньги всѣхъ королевскихъ и земскихъ повинностей [1]).

Наконецъ, указаніе автора „Исторіи Праги“ на возможность возникновенія зависимости подъ вліяніемъ условій родового строя свидѣтельствами источниковъ не подтверждается и остается соображеніемъ характера гипотетическаго [2]).

Если главной причиной развитія зависимыхъ отношеній было поселеніе на чужой землѣ или желаніе пользоваться освоенными землевладѣльцами пустошами, то ходъ и характеръ внутренней колонизаціи заслуживаютъ всесторонняго изученія.

I. Въ грамотахъ встрѣчаются ясныя указанія на то, что зависимое населеніе по своему составу было довольно разнообразно. Прежде всего въ этихъ свидѣтельствахъ подчеркивается то обстоятельство, что предки однихъ изъ зависимыхъ людей пользовались нѣкогда правами свободныхъ людей, а для потомковъ другихъ — положеніе зависимаго человѣка было нѣкоторымъ улучшеніемъ правового и соціальнаго состоянія ихъ предшественниковъ [3]). Такимъ образомъ, при-

---

1) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 57, прим. 2.

2) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 56. — Fr. Vacek, Vývoj society etc. Alétheia, ročn. I, str. 261—262.

3) Erben, Regesta, t. I, p. 110, nr. 246, (cc. 1144): homines sive sint liberi sive servi cujuscunque conditionis. — Ibid., p. 111, nr. 247, (1144): Omnem vero episcopii tui familiam, sive servi sint, sive coloni, sive scripticii utriusque sexus et omnis aetatis. — Ibid., p. 306, nr. 660, (1222): Emancipavimus etiam omnia praedia eis collata et conferenda, cum eorum colonis et inquilinis, et omni familia, sive sint liberi, sive sint servi, ab omni jure ad usus nostros vel nobilium a nobis inbeneficiatorum, vel ceterorum officialium spectante. — См. также послѣдній текстъ по другой редакціи (Emler, Regesta, t. II, p. 1161, nr. 2644, 1236). По мнѣнію г. Фр. Вацка, выраженія въ послѣднемъ текстѣ имѣютъ только фразеологическое значеніе: Avšak distinkce ta, aspoň v původním, latinském znění, jest spíše jen řečnická (colonus — inquilinus, liber — servus) nežli věcná a práv-

нимая во вниманіе эти свидѣтельства источниковъ, нельзя не видѣть того, что на установленіе юридическаго положенія зависимыхъ людей должна была повліять главнымъ образомъ та часть населенія, изъ рядовъ котораго преимущественно пополнялся слагавшійся новый классъ населенія.

По чешскому праву источники рабства были слѣдующіе: взятіе въ плѣнъ, приговоръ суда, задолженность, рожденіе отъ раба и т. д.[1]). Въ X—XI вв. только небольшое число военноплѣнныхъ оставалось внутри страны, а большинство ихъ поступало въ продажу, какъ можно заключать изъ того, что Чехія считалась рабовладѣльческимъ рынкомъ въ Средней Европѣ[2]). Князь Ольдрихъ приказалъ продать преимущественно въ Угрію нѣсколько тысячъ плѣнныхъ поляковъ, закованныхъ въ цѣпи[3]). Какъ видно изъ словъ аббата Канапарія и Брунона, написавшихъ житія св. Войтѣха-Адальберта, въ торговлѣ рабами дѣятельное участіе принимали іудеи[4]). Нѣкоторыхъ рабовъ они удерживали

---

nická (Alétheia, ročn. IV, str. 247). Однако, эта формула является, какъ видно, повтореніемъ формулъ, встрѣчавшихся въ грамотахъ XII вѣка; слѣдовательно, она имѣла реальное значеніе. Замѣчаніе чешскаго ученаго справедливо только отчасти, т. е. въ приложеніи къ текстамъ XIII вѣка, когда послѣдовало сліяніе всѣхъ классовъ сельскаго населенія въ однообразную массу.

1) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 44. — Ссылку на литературу, сдѣланную въ послѣднемъ сочиненіи, необходимо пополнить указаніемъ на изложеніе г. Фр. Вацка (Vývoj society etc. Alétheia, ročn. I, str. 167—171, 217—218).

2) Erben, Regesta, t. I, p. 27, nr. 58; (cc. 908): Sclavi vero, qui de Rugis vel de Baemanis mercandi causa exeunt, ubicunque juxta ripam Danubii. . . Si vero mancipia vel cavallos vendere voluerint, de una ancilla tremissam 1, de cavallo masculino similiter; de servo saigam unam, similis de equa.

3) Cosmae chronica, I, 40, p. 63: Nam antea pater sibi totam illam terram tradiderat in potestatem, fugatis cunctis de civitatibus Polonis, ex quibus multos comprehensos centenos et centenos ordinatim catenatos vendi jusserat in Ungariam et ultra.

4) Fontes rer. boh., t. I, p. 244: propter captivos et mancipia christianorum, quos mercator Judaeus infelici auro emerat emptosque tot episcopus redimere non potuit. — Ibid., p. 275: Mancipia christiana

въ своихъ домахъ для своихъ надобностей [1]), но бо́льшую часть сбывали, конечно, заграницу. Подъ вліяніемъ христіанства въ половинѣ XI вѣка отношеніе къ рабамъ измѣняется: съ ними перестаютъ обращаться, какъ съ безсловесными животными. Въ 1039 году, при торжественномъ вступленіи князя Брячислава въ Прагу послѣ окончанія удачнаго похода на Польшу, можно было видѣть огромную толпу плѣнниковъ въ кандалахъ и оковахъ. Въ числѣ ихъ находились даже лица, принадлежавшія къ клиру [2]). Многіе изъ этихъ плѣнниковъ были проданы, какъ скотъ въ разныя страны. Это обстоятельство вызвало справедливое негодованіе людей даже того времени и навлекло бы грозную кару на князя и Пражскаго епископа, если бы эти послѣдніе не поспѣшили отправить въ Римъ посольство для поднесенія папѣ богатыхъ даровъ и подкупа кардиналовъ [3]). Впрочемъ, не столько вліяніе папской куріи, сколько общее смягченіе нравовъ, выразившееся въ ту же пору въ замѣнѣ обращенія въ рабство изгнаніемъ изъ страны [4]), неизбѣжно должно

---

perfidis et Judaeis vendebant. — Въ выраженіяхъ грамотъ: venditio hominum, venditio culparum, — нѣтъ основанія усматривать присужденіе къ рабству; вопреки мнѣнію г. Фр. Вацка (Alétheia, roč. I, p. 219), эти выраженія правильнѣе можно истолковать, какъ общее указаніе на денежные штрафы за уголовныя преступленія. Десятину этихъ штрафовъ и торговыхъ пошлинъ государи жертвовали церковнымъ учрежденіямъ: Damus insuper de venditione hominum decimum denarium et decimum forum per omnia loca ad praedictas villas pertinentia (Erben, Regesta, p. 48, nr. 115, 1052).

1) Cosmae chronica, III, 57, p. 190: dux gratia dei instinctus christiana mancipia ab omnibus Judaeis redemit, et ut nullus ultra christianus serviret eis, interdixit.

2) Cosmae chronica, II, 5, p. 77: sequitur innumera nobilium virorum turma, astricti manicis ferreis et contriti colla bagis, inter quos, heu! male captus, adductus est meus atavus, consors in clero, presbiter officio.

3) Ibid., II, 7, p. 79: Magnum enim peccatum est aliena rapere, sed maius christianos non solum spoliare, verum etiam captivare et captivos ceu bruta animalia vendere, nimis est abhominabile.

4) Ibid., II, 4, p. 73: nolo, ut secundum ritum nostrae terrae huius rei violator in servitutem redigatur, sed potius nostri inmuta-

было привести къ тому, что прекратилась постепенно продажа рабовъ. Въ 1176 году изъ Австріи приведено было много плѣнниковъ, но ихъ не распродавали въ разные края, какъ было это ранѣе, а оставили ихъ въ странѣ для исполненія домашнихъ и хозяйственныхъ работъ. Однако, не смотря на это очевидное смягченіе прежняго варварскаго обычая обходиться съ военноплѣнными, какъ со скотомъ, поступокъ князя Собеслава II показался современникамъ несогласнымъ съ духомъ времени и долженъ былъ, по ихъ мнѣнію, навлечь на него отлученіе отъ церкви въ самой тяжкой формѣ [1]).

Такимъ образомъ, до самой середины XI вѣка большинство военноплѣнныхъ, обращенныхъ въ рабство, поступало въ продажу и находило сбытъ преимущественно въ Угріи, а сто лѣтъ спустя обращеніе съ плѣнниками, какъ рабами, было осуждено общественнымъ мнѣніемъ и являлось дѣяніемъ, навлекавшимъ на виновниковъ самую высшую церковную кару. Несомнѣнно, нѣкоторая часть рабовъ изъ числа военноплѣнныхъ оставалась въ странѣ. Однако, свидѣтельства источниковъ даютъ, какъ было указано, основаніе утверждать, что никогда въ Чехіи не оставалось много рабовъ подобнаго происхожденія. Что же касается людей, попадавшихъ въ рабство по несостоятельности или за тяжкія уголовныя преступленія [2]), то по самому существу дѣла

---

bilis decreti per angariam, qualiscunque sit persona, redigatur in Ungariam, et nequaquam liceat, ut pretio se redimat aut in hanc terram redeat.

1) Gerlaci annales, p. 471: Dici non potest, quot greges animalium diversi generis, quot persone diversi sexus et etatis abducte sint in Boemiam, quas redegerunt in famulos et famulas. Propter hoc factum tradunt ducem Zobeslaum ab Alexandro papa excommunicatum et sine reconciliatione mortuum, quod utrum ita fuerit, non affirmo, quia non recordor.

2) Erben, Regesta, t. I, p. 44, nr. 108, (1045): Quendam etiam hominem in Zlicina, Keien nomine, cum omni posteritate sua propter detestabile delictum suspendio judicatum, addita terra, quae posteritate suae sufficeret, servituti Brevnov. ecclesiae mancipavi; et

таковыхъ не могло быть огромное число. Въ самомъ дѣлѣ, преступность всегда является исключительнымъ явленіемъ. Что же касается задолженности, то она никогда не приводила въ Чехіи къ рабству въ полномъ смыслѣ этого слова: по выплатѣ долга или закупной суммы человѣкъ становился снова вполнѣ свободнымъ членомъ общества [1]). Иногда дѣло обходилось иначе: закупъ представлялъ въ замѣнъ себя другого человѣка, съ которымъ входилъ, разумѣется, въ соглашеніе на условіяхъ, обоюдно выгодныхъ для нихъ и также для землевладѣльца [2]). Это закупничество являлось такимъ образомъ временнымъ лишеніемъ свободы и болѣе напоминало по своему характеру формы зависимости, чѣмъ — рабства [3]). Самая малочисленность свидѣ-

---

alium virum Luben nomine, in Crepeniz propter furtivam venationem similiter patibulo judicatum, cum sex mancipiis eidem monasterio dedi, ita ut domino abbati et fratribus ejus singulis annis quilibet illorum XII denarios persolvat. — Codex juris bohemici, t. I, p. 57 (Statuta ducis Ottonis ad an. 1222, c. 25): De debito non debet aliquis vendi, nisi in tertio termino. — Ibid., p. 64 (Statuta ducis Ottonis, ad an. 1229, c. 32): Pro debito si quis citatus fuerit, et in primo termino non astiterit judicio, vendatur, nisi legitimum probare possit impedimentum. — Два послѣдніе текста недостаточно ясны. Можно сомнѣваться даже, слѣдуетъ ли упомянутую venditio понимать въ смыслѣ обращенія несостоятельнаго должника въ рабство? Сравни выше, стр. 251, прим. 4.

1) Erben, Regesta, t. I, p. 69, nr. 160, (1178): Quatuor piscatores, septem aratra cum aratoribus: hii omnio introducendi sunt precio, et pro capite singulorum dandum est pretium trecentorum denariorum ea conditione, ut si aliquando velit aliquis eorum de servitute exire, reddat pretium, quod datum pro se, et alius ex eo pretio introducatur eodem ordine.

2) Erben, Regesta, t. I, p. 48, nr. 115, (1052): Sina, qui dedit in loco sui Sinogorum Velpridek cum sex filiis. — Ibid., p. 139, nr. 319, (1167): pistorem nomine Jan, cuius filius Nemoy postea pro redemptione suimet emit servum nomine Valdic, cum uxore et filiis et filiabus. — Въ послѣднемъ текстѣ, повидимому, и самъ Янъ и его сынъ Нѣмой были людьми рабскаго происхожденія. Самая возможность для такихъ лицъ пріобрѣтать свободу проистекала вслѣдствіе распространенія и на рабовъ права закуповъ (бывшихъ до момента задолженности свободными) прибѣгать къ выкупной операціи.

3) Иначе смотритъ на дѣло г. І. Шуста. См. Otroctví a velkostatek v Čechách, str. 89.

тельствъ о подобныхъ сдѣлкахъ продажи (venditio) и купли или ссуды (redemptio) является доказательствомъ, что задолженность приводила рѣдко къ увеличенію числа рабовъ или зависимыхъ людей [1]).

Если нѣкоторые изслѣдователи при изложеніи исторіи рабства въ Чехіи высказываются въ томъ смыслѣ, что изъ рабовъ состояла значительная часть населенія, то объясняется это ошибочное мнѣніе двумя обстоятельствами. Въ сохранившихся грамотахъ XI—XII вѣковъ въ обиліи встрѣчаются свидѣтельства о рабахъ и людяхъ, поставленныхъ въ такія условія зависимости, которыя съ очевидностью указываютъ на ихъ рабское происхожденіе. Оставляя въ сторонѣ преднамѣренность и увлеченіе модными теоріями, хотя и то, и другое бываетъ причиною неправильнаго освѣщенія историческихъ явленій, необходимо отмѣтить, что нѣкоторые изслѣдователи какъ будто забываютъ, что сохранилась только незначительная часть грамотъ древнѣйшаго времени, а тѣ, которыя сохранились, выданы были преимущественно государями церковнымъ учрежденіямъ. При такихъ условіяхъ является дѣломъ вполнѣ естественнымъ, что въ грамотахъ почти не встрѣчается свидѣтельствъ о свободныхъ крестьянахъ. Ни одинъ государь никогда не могъ жертвовать монастырямъ и церквамъ ни свободныхъ людей, ни ихъ земель, такъ какъ подобныя дѣйствія были бы узаконеніемъ безправія. Ничего подобнаго нельзя ожидать отъ представителей высшей государственной власти, призванныхъ стоять на стражѣ законности и уваженія стародавнихъ правовыхъ обычаевъ. Съ другой стороны, изслѣдователи слишкомъ довѣряютъ терминологіи древнѣйшихъ грамотъ, забывая о томъ, что почти всѣ эти грамоты дошли въ позднѣйшихъ

---

1) Можно указать еще одинъ текстъ: terram ad tria aratra in Manihi secus praefatam civitatem, cum rusticantibus per me pecunia mea redemptis: Crina, Grid, Yban, Oley et Kualata (Erben, Regesta, t. I, p. 81, nr. 176, cc. 1088).

спискахъ и въ значительно подновленномъ или искаженномъ видѣ. Какъ извѣстно, въ латинскомъ средневѣковомъ языкѣ термины: servi, servientes, servitores, — употреблялись и для наименованія рабовъ, и для наименованія высшихъ разрядовъ зависимаго и феодальнаго населенія. Еще въ болѣе разнообразныхъ значеніяхъ употреблялись термины: servitus, servitium, familia и т. д. Упущеніе этого именно обстоятельства лежитъ въ основѣ статьи г. І. Шусты [1]) и сказывается отчасти въ сочиненіяхъ гг. Юл. Липперта и Фр. Вацка [2]).

Основную массу населенія еще въ XII вѣкѣ составляли свободные люди. Когда паны на сеймѣ отказались отправиться съ королемъ Владиславомъ въ походъ на Миланъ, то король обратился съ воззваніемъ къ населенію. Подъ королевскія знамена стала не только молодежь знатныхъ родовъ, но главнымъ образомъ поднялись крестьяне: по замѣчанію лѣтописца, покинувъ сельскія работы, они промѣняли мотыки и рала на щиты, копья и другіе воинскіе доспѣхи [3]). Замѣчаніе каноника Винцента о томъ, что руки селянъ болѣе приспособлены для пользованія орудіями земледѣльческаго труда, чѣмъ — оружіемъ, есть пристрастное замѣчаніе, если только не введено для красоты слога. Потомки этихъ крестьянъ, хотя успѣли потерять свободу, но не утратили, какъ видно изъ исторіи гуситскихъ войнъ, мужества и умѣнія обращаться съ оружіемъ, качествъ, унаслѣдованныхъ отъ воинственныхъ предковъ. Князь Собе-

1) См. выше, стр. 113—114.

2) Socialgeschichte etc., Bd. I, S. 223. — Vývoj society etc., Alétheia, ročn. I, str. 219 (pozn. 52), 220 (pozn. 53); ročn. IV, str. 150 (pozn. 230).

3) Vincentii annales, ad an. 1159, p. 428: Nec a rege suo Boemi audientes contra Mediolanum seviunt in arma et maxime nobilium ad hoc strennua fremit iuventus . . . armaque undique preparantur et reparantur arma, et non solum nobilium iuventus, sed et de populo plerique ruris opera reicentes manus suas plus ligonibus et vomeri aptas scutis, lanceis et ceteris aptant armis militaribus.

славъ, одинъ изъ преемниковъ короля Владислава, опирался въ теченіе всего своего правленія на крестьянство и обнаруживалъ явное недовѣріе и нерасположеніе къ знати, которая въ свою очередь насмѣшливо прозвала его „мужицкимъ государемъ.“ Крестьяне, одни пѣшіе, другіе конные, какъ кому позволяли средства, всегда участвовали во всѣхъ походахъ этого князя [1]). Очевидно, крестьяне являлись на зовъ своего князя не по принужденію, а вполнѣ добровольно, вслѣдствіе чего Собеславъ располагалъ всегда столь огромными силами, что встрѣчалось затрудненіе въ прокормленіи ихъ, если приходилось долго стоять на одномъ мѣстѣ, въ ожиданіи наступленія врага [2]). Что крестьянство еще въ концѣ XII вѣка являлось политической силой въ странѣ, это видно также изъ того, насколько рѣзко измѣнилось отношеніе къ этому классу населенія при княженіи Фридриха, занявшаго престолъ по низверженіи Собеслава. Время Фридриха было реакціей противъ системы правленія Собеслава. Однако, вскорѣ епископъ-князь Генрихъ-Брячиславъ нашелъ необходимымъ выступить въ защиту началъ, которыми руководился князь Собеславъ [3]). Когда же постепенно установился принципъ наслѣдованія престола по прямой линіи (отъ отца къ сыну), а Чехія сдѣлалась королевствомъ, государи подъ вліяніемъ чуждыхъ народу юридическихъ воззрѣній стали систематически расшатывать правовыя основы стариннаго быта, — тогда была предана забвенію

---

1) Gerl. ann., ad an. 1174, p. 468: Curae sibi fuit semper liberare pauperem a potente. . . Quibus defendendis ita tradiderat cor suum, ut propter pauperes non vereretur offendere nobiles, et appellabatur vulgo princeps rusticorum. Quotiescunque inmineret ei expeditio, cum primates sui essent hi in curribus et hi in equis, non confidebat, nisi et pauperes populi secum videret, alios super equis, alios pedestres, prout cuiusque facultas fuisset.

2) Ibid., ad an. 1178, p. 472—473: dux Zobeslaus adventum Friderici sciens, sed quando veniret nesciens, preocupat introitum terrae cum tanta multitudine militum et rusticorum, quanta in uno loco diu stare non posset.

3) См. выше, стр. 246, прим. 1.

правительственная система лучшихъ государей XII вѣка, стали развиваться съ поразительной быстротой зависимыя отношенія и одновременно съ этимъ началъ исчезать классъ свободныхъ крестьянъ [1]).

Что большинство зависимыхъ людей въ селахъ составилось изъ потомковъ свободныхъ крестьянъ, въ этомъ можно убѣдиться изъ разсмотрѣнія фактовъ, относящихся къ исторіи рабскаго населенія. Какъ оказывается, значительная часть рабовъ поселена была не въ селахъ, а въ городахъ. Здѣсь подъ надзоромъ государевыхъ владарей они должны были заниматься всевозможными ремеслами. Въ большихъ городахъ существовали отдѣленія или мастерскія, въ которыхъ и обучались какому-либо ремеслу рабы и ихъ потомки, не имѣвшіе надлежащей подготовки. Для женщинъ устроены были особыя отдѣленія, подчиненныя надзору опытной женщины (можетъ быть, изъ числа рабынь), называемой „бабой“ (avia) [2]). Какъ видно изъ учредительныхъ грамотъ, выданныхъ государями церковнымъ учрежденіямъ, посады городовъ были переполнены ремесленниками разнаго рода, одни изъ которыхъ находились въ полномъ распоряженіи господъ, а другіе уплачивали хозяевамъ часть вырабатываемыхъ ими произведеній [3]). Въ

---

1) См. выше, стр. 242—243.

2) Erben, Regesta, t. I, p. 33, nr. 78, (993): et XXX animatores eorumque posteritatem cum XXX areis ad diversas officinas dispositos. — Ibid., p. 51, nr. 124, (cc. 1057): Praeterea de omni arte a castris nostris et oppidis, ut ad principis decet ministerium, virum cum uxore, filiis et filiabus, usibus deputamus ecclesiae. Similiter conferimus puellas operatrices XXX. — Ibid., p. 79, nr. 175, (cc. 1088): De uno quoque castro ab avia mensale unum, et manuterium unum omni anno. — Ibid., p. 90, nr. 202, (1115): Dedi etiam geneceum undecim ancillarum. — Ibid., p. 100, nr. 220, (cc. 1135): De uno quoque castro a villicis per totam Boemiam pauperibus annuatim XII paria cottorum, XII paria pellium, XII paria tunicarum, caligarum, subtalarium, cirotecarum, XII cinguli cum cutellis vaginatis et marsupiis. De uno quoque castro ab aviis totius Boemiae XII paria camisiarum, braccarum, succorum.

3) Erben, Regesta, t. I, p. 78—79, nr. 175, (cc. 1088): In

селахъ также посажены были рабы-ремесленники. Конечно, ихъ здѣсь было сравнительно мало. Кромѣ того, самое занятіе ремесломъ не являлось для этихъ сельскихъ ремесленниковъ исключительнымъ дѣломъ: всѣ они надѣлены были землею, которую должны были обрабатывать. Обыкновенно каждый изъ нихъ имѣлъ плугъ земли. Можно думать, что города такъ были переполнены рабами-ремесленниками, что князья считали необходимымъ нѣкоторыхъ изъ нихъ разселить по селамъ и надѣлить землею. Подобная мѣра, неизбѣжно, должна была привести къ тому, что эти сельскіе ремесленники превратились въ пахарей, особенно если ихъ произведенія не находили въ средѣ сельскаго населенія вполнѣ успѣшнаго сбыта. Можетъ быть, такова и была цѣль указаннаго разселенія ремесленниковъ по селамъ [1]). Нѣкоторые рабы были сразу поселены въ

---

castro Kurim ministeriales, qui dicuntur luse, VI, quorum nomina sunt ista: Bogumil, Straz, Bosa, Tesen, Klimata, Martin; ibidem pistor Juan. . . In suburbio Satcensi Mezica (koselug) cum filiis Goten, Zeu, et Trebata casnik; Modlata ferrarius cum filiis Hotaca, Vaceta, qui solvunt ferramenta quater in anno. . . In Pragensi suburbio: Na zatone: Quas cum filiis Casca, Bogdal, Imram. W traunice custodes Kohaca, Bogdal, Dedumil, Kueten; campanarii Maliska, Lutos; Domamir faber, Odolen caldarius. Custodes . . . sutores Vit, Kraik menci, Celac; cervisiarii Sobik, Sesur, Caston; bucularii Malisa, Zkorac; drizeci Zlauik, Ztraneg, Scoroska, Modlibog, Bezded, Bozeta; fabri Macek, Crec, Waurik, Bogumil; pistores Quazic, Radouan, Palicka, Groznata, Bisek, Nesata, Piuona, Wratizir, Rak. — Ibid., p. 89, nr. 202, (1115): Item Pragae locum ad curiam. . . Pistores quatuor: Petrum, Bogumil, Hual, Louata. Cocos quatuor: Maka, Dalicha, Dobrata, Ratnik. Sutores subtalarium tres: Malucha, Nepriuad, Neugod. Unum pellificem: Besny. Piscatores quatuor: Milgost, Otek, Domaca, Chastolou. Quatuor, qui sal solvunt, singuli novem mensuras: Tesen, Preztan, Glupec, Bora. Figulum unum: Oslata. Tornatorem unum: Tehan. . . Tetik zelaznik.

1) Erben, Regesta, t. I, p. 52—53, nr. 124, (cc. 1057): Placuit etiam nobis ministerialium omnium nomina, in quibus villis commorentur, subnotare, ut posteri discant, quos et quare memoratae tradidimus ecclesiae. Igitur sive mellis solutores, sive campanarii, aut sutores albi et nigri, seu etiam qualiscumque artificii homines ad

селахъ для работъ въ виноградникахъ, садахъ и хмельникахъ [1]). Значительная ихъ часть была занята исполненіемъ домашнихъ работъ въ домахъ своихъ господъ. Состоя въ качествѣ прислуги, они не получали никакихъ надѣловъ [2]). На такомъ же положеніи находились слуги низшихъ разрядовъ, исполнявшіе работы по одной какой-либо отрасли обширнаго домашняго хозяйства князей и крупныхъ землевладѣльцевъ, а именно: носильщики, исполнители разныхъ порученій или разсыльные, звонари, сторожа, коровники,

---

usum saepe dictae ecclesiae sunt per nos mancipati. . . Na boste Mal carpentarius cum terra. . . Trrnovass terra fabri, cui nomen Cis. . . Lucovicih Plativoy sutor niger cum terra. . . Hotetove Zikac faber cum terra ad aratrum. . . Lubue Prauec carpentarius cum terra. — Ibid., p. 78—79, nr. 175, (cc. 1088): Jazenice terra ad aratrum cum fabro. . . Sinaz terra ad IV aratra cum lagenariis, quorum nomina sunt ista: Zdoben, Vasura, Zlugach. Jazenici terra ad V aratra cum scutellariis IV. . . Canaticih terra ad aratrum cum figulo. . . Draglicih Hual nozidlnik cum terra ad aratrum. . . Knouizi XI manses de terra cum ministerialibus — et cum aliis ministerialibus, qui vulgariter dicuntur rudnici: Bic, Krisan, Ceca. Lubosine — Ibidem becuar Letona cum terra ad aratrum. . . Degnicih de terra ad II aratra cum tornariis Bogdan, Premil. . . Modrituzeh terra ad duo aratra cum campanariis Glupen, Koiata. . . Obrine de terra ad duo aratra cum duobus picariis, qui dicuntur pkelnici, Seb cum fratre. . . Ninonicih terra ad aratrum cum caliciariis, qui sclavice dicuntur casnici: Lubos, Benik, Cagek. . . Butouicih terra ad aratrum cum caliciario Milon. . .

1) Erben, Regesta, t. I, p. 33, nr. 78, (993): villam etiam, quae Wolezlawin dicitur, cum omni familia ad vineas excolendas, terramque sufficientem. — Ibid., p. 51—52, nr. 124, (cc. 1057): Vineas quoque duas cum vinitoribus, qui sufficerent ad ipsas excolendas. — Ibid., p. 77—78, nr. 175, (cc. 1088): Sitinicih tota villa cum vineis, cum pomeriis — cum vinitoribus VII: Uissera, Straz etc. . . Noztuleh duo servi, quorum nomina sunt ista: Hrapa, Bogumil cum omnibus hortis. — Ibid., p. 90, nr. 202, (1115): In Ugerich vineam cum quinque cultoribus: Stras, Cabona etc. Unum amputatorem arborum: Louata. — Ibid., p. 94, nr. 211, (1130): Pomerium in suburbio, ubi habeant, si spaciari velint, cum duobus his servis: Jan et Bogumil.

2) Erben, Regesta, t. I, p. 48, nr. 115, (1052): Qui corti quotidie inserviant, Mladon, Priuich, Milowan, Milon. . . Cany cum filiis Jan, Prostey, Podpope, qui semper debent equum habere in corte. — Ibid., p. 90, nr. 202, (1115): Dedi — et curiales servos septem, quorum nomina haec sunt: Obida, Poteha etc.

свинопасы, овчары, конюхи, рыбаки, загонщики, истопники, комнатные служители или лакеи, чистильщики платья, пчеловоды и т. д. [1]).

Всѣ эти ремесленники и слуги были рабами. Это усматривается прежде всего изъ того, что князья, передавая ихъ въ распоряженіе церковныхъ учрежденій, не упоминаютъ о передачѣ ихъ жилищъ и надѣловъ. Такимъ образомъ, если таковые у нихъ и были, то на нихъ они никакихъ правъ не имѣли: господа, по своему усмотрѣнію, могли этихъ рабовъ перемѣстить въ другое село или городъ. Далѣе, если бы вышеперечисленные безземельные люди пользовались какими-либо юридическими правами, то ихъ не ставили бы въ грамотахъ наравнѣ со скотомъ [2]) и не оцѣнивали, какъ вещь [3]).

Въ лучшемъ положеніи находились тѣ рабы, которые поселены были на хуторахъ или экономіяхъ для производ-

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 47—48: Ad portandas lagunculas dedi Cussi cum tribus filiis, Pouta, Crisan, Martin. . . Ad agenda quaeque negotia: Quasina cum filiis Span, Milata, Kraiata, Klimata. . . Campanarium ecclesiae Setech. Custodes ecclesiae: Poztrizine Bezdruh cum filiis etc. etc. — Ibid., p. 69, nr. 160, (1078): Datae sunt et decem vaccae cum bubulco, centum porci cum subulco, ducentae oves cum duobus opilionibus et filiis eorum, quatuor vinitores cum filiis suis, quadraginta equae cum emissariis et cum duobus agazonibus. — Ibid., p. 89—90, nr. 202, (1115): Lagouicih tres piscatores: Scehan, Marsik, Blasius — insuper unus piscator, qui vulgariter pstruznik, et ibidem dimidium amnem dedi. . . Pastores equarum duos: Budam, Mara. Ululatores duos: Zeztrogor et Gluzam. Calefactorem stubae: Chastre . . . Camerarios duos: Domabor, Cik. Ablutorem vestimentorum: Ras. — Ibid., p. 139, nr. 319, (1167): Na dubraunici dedit equas indomitas cum pascuis et custodibus earum. . . Dedit etiam praedium Nedosine cum apibus, custode earum nomine Zouol, cum filiis et filiabus. Vgradisci dedit duos piscatores Wec et Zoretam, cum omni prole sua.

2) Erben, Regesta, p. 69, nr. 160, (1078): Datae sunt etc. (см. предыдущее примѣчаніе). — Ibid., p. 51, nr. 124, (cc. 1057): conferimus puellas operatrices XXX, jumenta centum cum pascuis, totidem oves, vaccas XXX, sues LXX.

3) Erben, Regesta, t. I, p. 79, nr. 175, (1088): A villico Pragense — In festo pentechosten ancilla sive sexingenti.

ства полевыхъ работъ на господской запашкѣ [1]), такъ какъ ихъ считали принадлежностью или составною частью имѣнія. Удаленіе ихъ влекло за собою пониженіе цѣнности имѣнія. Это обстоятельство, несомнѣнно, имѣлъ въ виду священникъ Збигнѣвъ, когда заклиналъ своихъ преемниковъ не трогать рабовъ, посаженныхъ въ селѣ Унетицѣ [2]). Этимъ рабамъ землевладѣльцы предоставляли небольшіе клочки поля, обработкою которыхъ они могли заниматься урывками, преимущественно въ праздничные дни, такъ какъ въ теченіе всей недѣли должны были работать на господской запашкѣ или въ господскомъ хуторѣ [3]). Какъ бы то ни было тяжело матеріальное положеніе приписанныхъ къ хуторамъ рабовъ, но во всякомъ случаѣ они имѣли хаты и клочки земли. Обрабатывая въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній одни и тѣ

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 47, nr. 115, (1052): Ad quod colendum servos destinavi: de Cresenic Stanek, de Lubossin Casta, de Podlissin Suerad, de Obodi Gostirad, de . . . Louata. . . Aratores ad praedictas villas dedi Miros, Cazen, Scek, Milon, Koluna, Mladek, Naglaz, Semzis, Coliga, Thema, Kadova etc. — Emler, Regesta, t. II, p. 1154, nr. 2635, (cc. 1143): Curiam suam Radunice cum omnibus appendiciis suis, videlicet villis, servis, ancillis et aliis diversis eorum pertinentibus. Nomina vero servorum haec sunt: Buss etc. etc. (См. выше, стр. 188, прим. 2).

2) Erben, Regesta, t. I, p. 99, nr. 219, (cc. 1132): Nullus eos destruere audeat, et si destruxerit, maledictus sit. Nescadam ad literas posui servum, si didicerit, liber sit, si non, servus.

3) См. выше, стр. 188, прим. 2. — Fontes rerum bohemicarum, t. I, p. 180 (Utrpení sv. Václava, l. XII): Nam sicut moris est hominibus regni illius sub servili conditione degentibus, quatinus nisi expleto senorum dierum spatio in dominorum suorum opere suimet liberam non habent facultatem operis; quidam vir praedicta conditione depressus senis diebus solito more dominis suis servitium solvens iam sabbato in agrum pro sui messione milii progressus, quantum valuit, per totam diem laboravit. Verum idem milium eo quidem die ex integro metere minime valuit, postero vero die, qui ob reverentiam dominicae resurrectionis dominicus appellatur, viri illius uxor ad metendum, quod residuum fuerat praefatae segetis, inconsulte egressa — nimis observanda lege sancitum metere coepit. — Это житіе св. Вацлава, составленное монахомъ Лаврентіемъ, извѣстно по рукописи XI или XII вѣка (Fontes rer. boh., t. I, str. XVI).

же полевые участки и пользуясь плодами своихъ трудовъ, эти рабы пріобрѣли право владѣнія и сдѣлались подсосѣдками (subsides, gazarii).

Изъ класса рабовъ отчасти пополнялся разнообразный служебный персоналъ, необходимый для управленія имѣніями. Эти люди, извѣстные подъ общимъ наименованіемъ министеріаловъ или слугъ, а иногда подъ частнымъ наименованіемъ, обусловленнымъ характеромъ ихъ служебныхъ обязанностей, получали всегда поземельные надѣлы. Такимъ образомъ, въ составъ этого класса лицъ, приставленныхъ къ той или другой отрасли помѣстнаго хозяйства крупныхъ землевладѣльцевъ, кромѣ министеріаловъ, могутъ быть зачислены звонари, винодѣлы, конюшеные, пчеловоды, повара, водопроводчики, рыбаки, носильщики, свиноводы, сторожа или караульщики. Каждый изъ этихъ министеріаловъ или слугъ обыкновенно имѣлъ одинъ плугъ земли [1]). Весьма возможно, что министеріалы имѣли и другіе доходы, благодаря завѣдыванію отдѣльными отраслями господскаго хозяйства. Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ нѣкоторымъ

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 52—53, nr. 124, (cc. 1057): W zassadi est campanarius datus cum terra, Kozel vinitor cum terra etc. etc. . . Bremass Jacub nutritor equorum cum terra ad aratrum. . . Trrnovass Tesek custos apum cum terra ad aratrum. . . Brisac — Bozni cocus cum terra. . . Drasovicih Radeh custos apum cum filio Zuoyen et cum terra omnibusque appendiciis. — Ibid., p. 77—79, nr. 175, (cc. 1088): Kohouicih de terra ad duo aratra cum coco nomine Koh. . . Vykouicih VII manses de terra cum ministerialibus, quorum nomina sunt ista: Radon, Zbor. Cekouicih III manses de terra cum cocis. . . Scitarih terra ad aratrum cum ministeriale nomine Radon. . . Woderadeh terra ad duo aratra cum ministerialibus aquariis, quorum nomina sunt ista: Sbima . . . Bazci terra ad VII aratra cum duobus cocis. . . Lobeci terra ad III aratra et tribus piscatoribus. . . Na gorunyne terra ad duo aratra cum piscatore Zbud. . . Draglicih Hual nozidlnik cum terra ad aratrum. . . Suinarih terra ad aratrum cum porcario, qui sclavice dicitur zuinar, nomine Vzdic. . . Na golini terra ad aratrum cum custode ecclesiae Cila. . . Bubneh VI manses cum custodibus ecclesiae. — Ibid., p. 118, nr. 265, (1146): et duos vinitores cum possessione sua. In Mothos Cecin hominem cum possessione sua, et X hominum servitia ad dotem ecclesiae pertinentia.

стѣсненіемъ въ пользованіи пустошами, отошедшими въ распоряженіе землевладѣльцевъ, побуждало свободныхъ людей поступать въ ряды министеріаловъ или слугъ [1]).

Въ древнѣйшихъ грамотахъ, наряду съ ремесленниками, безземельными слугами и министеріалами, упоминаются крестьяне (rustici) и пахари (aratores). Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ нихъ были людьми рабскаго происхожденія [2]), но большинство составилось изъ свободныхъ людей, вступившихъ въ зависимыя отношенія по экономическимъ соображеніямъ [3]). Можетъ быть, нѣкоторые изъ ремесленниковъ, владѣвшихъ въ селахъ надѣлами, были также потомками свободныхъ людей: дѣлаясь зависимыми людьми, они пріобрѣтали не только экономическія выгоды аграрнаго характера, но вмѣстѣ съ тѣмъ защищали себя отъ опасной конкуренціи со стороны ремесленниковъ-рабовъ, принадлежавшихъ сосѣднему землевладѣльцу.

Итакъ, если съ середины XI вѣка стали изсякать источники рабства, если бо́льшая часть рабовъ поселена была въ городахъ и тамъ въ XI—XII вв. занималась ремеслами, а, кромѣ того, весьма многіе рабы оставлены были въ домахъ господъ для исполненія различныхъ домашнихъ работъ и прислуживанія, то всѣ эти факты доказываютъ, что незначительная часть рабовъ проникала въ ряды сельскаго населенія. Здѣсь ими отчасти пополнился классъ мини-

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 90, nr. 202, (1115): Item Dobrehc dedit terram etc. (см. выше, стр. 245, прим. 3).

2) Erben, Regesta, t. I, p. 100, nr. 220, (cc. 1135): Tribune terra ad tria aratra cum duobus aratris, VI vaccae, X scrophae, aratores autem servi Dobrocek cum filiis et filiabus. Crinek cum fil. et filiabus. Krztata cum fil. et filiabus. Ropraht cum fil. et filiabus. Gostata cum fil. et filiabus.

3) Emler, Regesta, t. II, p. 1155, nr. 2635, (cc. 1143): In eodem villa voluntarie sese servitio subdiderunt (см. выше, стр. 188, прим. 2). — Erben, Regesta, t. I, p. 90, nr. 202, (1115): Item Dobrehc etc. Zuebor etiam cum terra sua se tradidit. См. также выше, стр. 244—245.

стеріаловъ или слугъ, но главнымъ образомъ они образовали классъ сельскихъ батраковъ или подсосѣдковъ, обрабатывавшихъ поля господскихъ хуторовъ или экономій. Съ другой стороны, такъ какъ еще въ серединѣ XII вѣка свободные люди составляли главную массу сельскаго населенія, то это обстоятельство даетъ основаніе думать, что почти всѣ зависимые люди XIII—XIV вв. были потомками свободныхъ людей, а самыя зависимыя отношенія стали усиленно развиваться подъ вліяніемъ экономическихъ причинъ со второй половины XII вѣка.

II. Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ оставались въ силѣ распоряженія и мѣры государей, направленныя къ сохраненію пограничнаго или „помежнаго“ лѣса. Такъ, напр., извѣстно, что король Владиславъ воспретилъ Литомышльскому монастырю основаніе селъ и заведеніе пашень въ уѣздѣ, отведенномъ въ пограничномъ лѣсу [1]). Король Премыслъ Отакаръ I, разрѣшая пользованіе лѣсомъ, безусловно запрещалъ производить расчистки въ пограничныхъ лѣсахъ [2]). Когда Теплицкій монастырь устроилъ село на земляхъ, сосѣднихъ съ королевскимъ лѣсомъ, то король

1) Erben, Regesta, t. I, p. 140, nr. 319, (1167): Statuimus etiam et firmiter observari praecepimus — ne unquam aliquibus hominibus in ipsa silva ponere, aut quippiam operis ad usus proprios elaborare consentiant, excepto hoc solo, si fratres ejusdem loci aliquid utilitatis voluerint et poterint in ipsa silva operari.

2) Ibid., p. 301, nr. 647, (1221): praedium quoddam, quod vulgariter Sahar (Záhoří) appellatur — ita tamen, quod ipsam silvam non extirpent ad terrae nocumentum. — Ibid., p. 215, nr. 470, (1203): ne quis conprovincialium liminarem silvam, praedio eorum continguam, ad aliquos usus praesumat succidere, quia ipsis tantum in usus posteritatis suae habendam concessimus. — Эту грамоту 1203 года Палацкій считалъ подозрительной; и съ его мнѣніемъ необходимо согласиться, такъ какъ въ грамотѣ дѣйствительно встрѣчаются необычныя для того времени выраженія. Однако, въ этой грамотѣ былъ слогъ новый, но сущность старая, какъ видно изъ грамотъ 1167 и 1221 годовъ.

Іоаннъ приказалъ вывести оттуда жителей, такъ какъ боялся, чтобы съ теченіемъ времени корчевка лѣса и распашка новыхъ полей не приняли слишкомъ большихъ размѣровъ. Уступая впослѣдствіи просьбамъ аббата, король разрѣшилъ однако присоединить пашни уничтоженнаго поселенія къ селу Ушевицѣ (Пильзенскаго края), которое существовало съ глубокой старины, хотя при этомъ приказалъ перенести на другое мѣсто, подальше отъ пограничнаго лѣса и это послѣднее село [1]). Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о томъ, что государи въ неприкосновенности лѣсныхъ дебрей усматривали довольно надежную охрану государства. Съ особенной силой этотъ взглядъ былъ развитъ въ законодательномъ памятникѣ, составленномъ при королѣ Карлѣ IV [2]).

Если вся полоса пограничныхъ лѣсовъ выключена была изъ состава тѣхъ земель, на которыхъ допущено было основаніе новыхъ поселеній, то это обстоятельство должно было вызвать еще въ глубокой древности стремленіе къ за-

---

1) Emler, Regesta, t. IV, p. 398, nr. 999, (1341): quandam villam dictam Kappels in bonis ipsius monasterii ad silvam regnum nostrum ambigentem locaverat, ex cujus locacione eandem silvam per successionem temporis timebamus succindi nimium, quare ipsam villam mandavimus, sicut factum est, amovere. Cum denique aliqui agri in dicta villa exculti, jam sint ibidem et diversi jaceant — villam ipsorum dictam Auschowicz, silve praedictae nimis prope ab antiquo locatam, de ipsa silva translocare valeant et debeant novam villam facere in medium. . . Auschowicz insimul per incolas et rusticos ville locande — colentur . . . quod novos agros in praejudicium dicte silve non faciant extirpando.

2) Majestas Carolina, § XLIX (Codex juris Bohem., II, 2, p. 145): De juribus silvarum nostrarum regni Boemiae, quarum densitas arborumque admiranda proceritas non inter minimas particulas regni gloriae est notanda. — Ibid., § L, p. 146: Silvarum nostrarum admirandam exteris pulchramque congeriem non tam volumus dissipari, quam etiam diligenti custodia ab omni prorsus succissione, nisi quam specialiter permiserimus, intendimus perservari; et intactam perpetuamque manere volentes. — Ibid., § LXII, p. 154: Etenim inter ceteras silvas nostras, illa cordi nostro debet esse praecipua et singulari diligentia custodiri, quae tam utili, tamque mirabili arborum congerie regnum nostrum Boemiae circuit. Cujus eminens protensusque ambitus praestat feliciter eidem regno propugnaculo perpetuo gloriosa.

селенію внутреннихъ областей государства и способствовать развитію внутренней колонизаціи. Вполнѣ поэтому естественно, что уже въ грамотахъ XI—XII вв. встрѣчаются многочисленныя свидѣтельства о поселенцахъ на чужихъ земляхъ. Эти поселенцы назывались гостями (hospites) или новоселами. Употребленіе этого термина оправдывается тѣмъ, что поселенцы приходили со стороны: осѣдая на чужой землѣ, они долго чувствовали себя какъ будто на чужбинѣ, въ гостяхъ — тѣмъ болѣе, что землевладѣлецъ и жители околицы съ своей стороны не могли не видѣть въ ихъ лицѣ пришлый и неустойчивый элементъ населенія. Вполнѣ согласно съ такимъ пониманіемъ этого термина, люди XIII—XIV вѣковъ сохранили его и употребляли преимущественно для наименованія нѣмецкихъ колонистовъ, поселявшихся на условіяхъ такъ называемаго нѣмецкаго права [1]).

Такъ какъ города или грады представляли собою уѣзды наиболѣе древняго происхожденія [2]), то на территоріи ихъ стали прежде всего осѣдать переселенцы-гости. Этому направленію внутренней колонизаціи способствовало также и то обстоятельство, что населеніе окрестностей городовъ состояло по преимуществу изъ людей рабскаго происхожденія [3]), которые не могли косо смотрѣть на пришельцовъ-чужаковъ, такъ какъ и сами были людьми, потерявшими кровныя и территоріальныя узы. Пріучившись въ волѣ господина видѣть единственный законъ, рабы и ихъ потомки не могли оспаривать дѣйствія и распоряженія князя во имя обычая, ибо такового у нихъ еще не существовало. Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ руководителями колонизаціи должны были оказаться государи.

---

1) Emler, Regesta, t. II, p. 697, nr. 1624, (1293): in villa Czrmnik — quatuor hospites. — Ibid., p. 709, nr. 1655, (1294): tres hospites agros censuales habentes. — Ibid., t. IV, p. 203, nr. 509, 1338: extunc pro dicto trium septimanarum labore a quolibet hospite. — Decem registra, p. 200, 201, 203, 210, 231, 237, 288.

2) См. выше, стр. 140—141.

3) См. выше, стр. 258—261.

Какъ видно изъ грамотъ, государи сумѣли вполнѣ воспользоваться вышеуказанными благопріятными обстоятельствами и сдѣлали города центрами переселенческаго движенія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ поля вокругъ княжескихъ городовъ Жатца и Болеславля, вдоль и поперекъ, были обрабатываемы толпами крестьянъ и поселенцевъ-гостей [1]). Всѣ окрестности города Литомерицы были усѣяны селами, заселенными поселенцами-гостями. Это были села, расположенныя къ сѣверо-востоку и юго-западу отъ этого города, а именно: Кресинъ, Брна, Требушинъ, Рѣптица, Тынецъ, Сѣдлецъ, Дубаны, Поползье, Слатина, Хучъ, Либешица и другія [2]). Отдѣльные

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 48, nr. 115, (1052): Insuper de urbibus Zatec et Boleslaua. . . Per rura quoque ad praedictas urbes pertinentia, ubicunque dominica exercentur aratra, decimum manipulum. . . Quae vero sunt harum urbium tam in longitudine, quam in latitudine dimensa in hospitum rusticorumque turma, decimam urnam mellis, tributique pacis decimum denarium persolvant. — См. справедливое замѣчаніе объ этой грамотѣ, высказанное г. Юл. Липпертомъ (Socialgeschichte etc., Bd. I, S. 209).

2) Erben, Regesta, t. I, p. 51, nr. 124, (cc. 1057): Igitur imprimis damus ei XIV villas, censualibus hospitibus ordinatas et ornatas, servientibus ac araturis et bubulcis, cum omnibus necessariis, silvis videlicet et pratis. Nomina autem villarum sunt haec: Cresici, Prrua, Ponouo, Zassade, Trebessici, Sepcici, Tince, Mallov, Breza, Pran, Lubessevici, Hucsci, Bussouici, Hocsov. — Эта грамота въ 1218 году была подтверждена королемъ Отакаромъ I. Въ подтвердительной грамотѣ вышеприведенный текстъ переданъ въ такой формѣ: villas XIV hospitibus integras; sex vero aratoribus cum omnibus necessariis, scilicet filiis ac aratris. Nomina autem villarum sunt haec: Cresici, Pirne, Popouo, Zazade, Trebesici, Repcice, Tinez, Zedlce, Dubech, Ptachichi, Lubessouichi, Huchi, Zlatina (Ibid., p. 53). Въ своей статьѣ: Kritická úwaha i wýklad základných listin kollegiatního chrámu Litoměřického, напечатанной сначала въ Čas. česk. Museum, 1836, III, str. 323—346, а потомъ перепечатанной во 2 томѣ сборника Radhost (str. 188—211), Палацкій доказываетъ (стр. 206 и слѣд.), что второй изводъ грамоты, обозначенный у него буквою B, древнѣе перваго, обозначеннаго буквою A. Принимая даже этотъ выводъ, необходимо указать, что Палацкій въ своей статьѣ ошибочно указываетъ села, населенныя гостями (str. 206—207). Онъ полагаетъ, что многія изъ перечисленныхъ въ грамотѣ селъ исчезли, а потому ограничивается только указаніемъ слѣдующихъ: Крешица, Перне, Рѣпчица, Тынецъ, Либешовицы. И то, и другое его указанія оши-

участки принадлежали гостямъ въ самомъ городѣ Литомерицѣ и въ сосѣднихъ селахъ Копистахъ, Тлучнѣ, Хотешовѣ [1]). Точно также поселенія „гостей“ находились около городовъ Праги, Болеславля, Хрудима и Часлава. Почти въ самой Прагѣ, подъ горой Петриномъ, и въ селахъ Голомъ и Гостынѣ, изъ которыхъ первое лежало къ юго-востоку, а второе — къ западу отъ Праги, по дорогѣ къ Чешскому Броду, — проживали „гости“ [2]). Вблизи Стараго Болеславля находились села Койетица и Вельтрусы, населенныя „гостями“ [3]). Села Прелучъ, Мокошинъ, Осица и Лихницы, въ которыхъ находились „гости“, расположены около города Хрудима: первыя два къ сѣверо-западу, почти на берегу Лабы, третье къ сѣверу, недалеко отъ Опатовицы, а послѣднее къ юго-западу, по дорогѣ къ городу Чаславу [4]). Около послѣдняго находится село Сенетинъ, населенное также, какъ видно изъ грамоты Собеслава, „гостями“ [5]).

бочны. Перечисленныя же въ текстѣ села находятся въ „спискѣ населенныхъ мѣстъ“ (Popis Палацкаго) на слѣдующихъ страницахъ: Křesin (44), Brna (48), Třebušin (44), Řeptiče (73), Tynec (73), Sedlec (44), Dubany (44), Poplzí или Poppels (44), Slatina (44), Chouč (50), Liběšice, Hudcov (50).

1) Erben, Regesta, t. I, p. 336, nr. 723, (cc. 1228): IX forum in Lutomeric, IV hospites et theloneum. — Ibid., p. 52—53, nr. 124, (cc. 1057): Kopisstech terra hospitalis ad aratrum. . . Na diem (Natleni B) hospitalis terra ad aratrum. Hotissove (Hotesove B) hospitalis terra ad aratrum.

2) Erben, Regesta, t. I, p. 99—100, nr. 220, (cc. 1135): Villa Holec cum aratro et cum hospitibus . . . sex hospites sub monte Petrino. — Ibid., p. 77, nr. 175, (cc. 1078): Gozteni tota villa praeter hospites abbatis Brewnoviensis.

3) Erben, p. 78, nr. 175, (cc. 1078): Coiaticich ab hospitibus per totam villam decima. — Ibid., p. 327, nr. 705, (1228): in Veltruz X hospites et terram ad duo aratra.

4) Erben, Regesta, t. I, p. 72, nr. 166, (cc. 1086): villam Osticz dictam cum universis hospitibus. . . Prelusc villam cum hospitibus . . . villam quoque Mokossin cum hospitibus. — Ibid., p. 338, nr. 725, (1228): Item Chruppi dimidiam villam, et in Wtelno ad aratrum et duos hospites Luchinici de Mylbezy.

5) Erben, Regesta, t. I, p. 94, nr. 211, (1130): redditum

Если даже признавать недостаточно доказаннымъ, что всѣ перечисленныя села входили въ составъ территоріи того или другого города по принадлежности на томъ основаніи, что нѣкоторыя изъ этихъ селъ отстояли на значительномъ разстояніи отъ городовъ, то все-таки останется неоспоримымъ фактомъ, что поселенцы-гости въ древнѣйшее время осѣдали охотно на княжескихъ земляхъ: въ самомъ дѣлѣ, всѣ вышеприведенныя данныя взяты изъ дарственныхъ грамотъ князей. Малочисленностью сохранившихся древнѣйшихъ грамотъ объясняется то обстоятельство, что приходится отказаться отъ мысли прослѣдить княжескую колонизацію въ той мѣрѣ, какой она заслуживаетъ. Тѣмъ не менѣе, можно утверждать, что князья принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы принадлежавшія имъ пустопорожнія земли стали источникомъ постояннаго и опредѣленнаго дохода. Пользуясь трудомъ рабовъ для развитія промышленности и работъ въ домѣ и на поляхъ собственной запашки, они открыли доступъ на свои пустопорожнія земли свободнымъ людямъ и достигли того, что вокругъ городовъ образовались благоустроенныя поселенія, удовлетворявшія вполнѣ тогдашніе хозяйственные запросы (villae, censualibus hospitibus ordinatae et ornatae). Какъ видно изъ сохранившихся источниковъ, „гости“ преимущественно селились около городовъ Болеславля, Жатца и Литомерицы и сравнительно въ небольшомъ числѣ осѣдали около другихъ городовъ. Это явленіе не было случайностью, и его нельзя не поставить въ связь съ тѣмъ, что почва около этихъ именно городовъ отличается значительнымъ плодородіемъ. Въ свою очередь это обстоятельство бросаетъ свѣтъ на характеръ княжеской колонизаціи. Если бы она отличалась принудительнымъ характеромъ, то наблюдалось бы обратное распредѣленіе

---

quendam, Senacin nomine dictum, cum tribus aratris et omnibus appendiciis, scilicet hospitibus, aedificiis, terris cultis et incultis, viis et inviis.

поселенцевъ-гостей: князья-землевладѣльцы старались бы отводить земли для поселеній „гостей“ около южныхъ городовъ, въ окрестностяхъ которыхъ почва была средняго или низшаго качества. Между тѣмъ, имѣя дѣло съ свободными людьми, они, очевидно, пошли на встрѣчу естественному стремленію колонистовъ расчистить и распахивать земли, отличавшіяся особеннымъ плодородіемъ. Когда же земли около городовъ Болеславля и Жатца были достаточно заселены, то волна колонизаціи, неизбѣжно, должна была направиться къ югу, на княжескія земли, расположенныя около городовъ Хрудима и Часлава.

Когда въ силу освоенія земель и государевыхъ пожалованій стало возникать крупное землевладѣніе, то представители этого послѣдняго съ удовольствіемъ принимали поселенцевъ-гостей и отводили имъ отдѣльные участки земли въ предѣлахъ своихъ уѣздовъ. Въ селѣ Гостынѣ (Куримскаго края) вмѣстѣ съ государевыми „гостями“ проживали „гости“ Бревновскаго монастыря [1]). Ярогнѣвъ, одинъ изъ Вершовцевъ, братъ Нѣмого, пожертвовалъ Доксанскому монастырю трехъ поселенцевъ-гостей въ селѣ Нетешѣ Раковницкаго края [2]). Конечно, нѣтъ основаній утверждать, что поселенцы-гости селъ Гостына и Нетеша не принадлежали ранѣе къ тѣмъ, которые поселились на государевой землѣ, а только впослѣдствіи были пожалованы монастырю и одному изъ Вершовцевъ, но, съ другой стороны, ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что они осѣли на земляхъ монастыря и пана, привлеченные близостью этихъ земель отъ ихъ родного села. Въ началѣ XII вѣка поселеніе свободныхъ людей на чужой землѣ сдѣлалось уже столь обычнымъ явленіемъ, что было бы даже какимъ-либо необычайнымъ

---

1) См. выше, стр. 269, прим. 2.

2) Erben, Regesta, t. I, p. 327, nr. 705, (1226): Jheroneus, frater Nemoy, dedit tres hospites in Mnetis. — См. Herm. Jireček, Sl. právo, d. II, str. 65.

и страннымъ дѣломъ, если бы поселенцы избѣгали церковныхъ и панскихъ земель. Напротивъ, формы и условія поселенія „гостей“ такъ уже установились, что свободные люди по экономическимъ соображеніямъ переводили свои собственныя земли въ разрядъ зависимыхъ и отказывались отъ титула собственности для пріобрѣтенія титула владѣнія на условіяхъ права министеріаловъ или „гостей“ [1]). Кромѣ того, въ XII вѣкѣ, въ эпоху развитія своеволія и злоупотребленій княжеской администраціи, поселенцы имѣли даже вѣскія основанія для того, чтобы избѣгать поселенія на государевыхъ и государственныхъ земляхъ [2]). Когда же съ середины XII вѣка стала распространяться практика выдачи иммунитетныхъ грамотъ, въ силу которыхъ населеніе земель, принадлежавшихъ крупнымъ землевладѣльцамъ, выходило изъ-подъ юрисдикціи государственныхъ чиновниковъ [3]), то это обстоятельство въ сильной степени должно было способствовать развитію колонизаціи церковныхъ и панскихъ земель. Владѣльцы иммунитетныхъ округовъ располагали полною возможностью согласовать практику управленія со своими экономическими интересами, тогда какъ на земляхъ государевыхъ и государственныхъ существовало со второй половины XII вѣка противоположное направленіе.

Практика заселенія земель постепенно укрѣплялась и совершенствовалась въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Это выразилось прежде всего въ томъ, что появились предприниматели (locatores), бравшіе на себя задачу основанія селъ и привлеченія поселенцевъ. Въ числѣ такихъ дѣятелей выступаютъ паны и вассалы или министеріалы. Вознагражденіе за трудъ устанавливалось сообразно размѣру услуги и положенію договаривавшихся сторонъ. Когда къ услугамъ

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 90, nr. 202, (1115). См. текстъ выше, стр. 245, прим. 3.

2) См. выше, стр. 246, прим. 1.

3) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 152—155.

предпринимателей обращались монастыри, то соглашеніе выражалось въ формѣ пожертвованія или прекарной сдѣлки. Панъ Славкъ, основатель Осецкаго монастыря, взялся въ тѣхъ селахъ, которыя ему удастся устроить въ лѣсу, расположенномъ около монастыря, завести на свои средства пашню подъ условіемъ пользованія половиною дохода [1]). Плаценскій монастырь владѣлъ селомъ Тѣшковымъ, которое пришло въ полное запустѣніе, такъ какъ жители его разбѣжались вслѣдствіе грабежа и нападеній разбойниковъ [2]). Рѣшено было обратиться къ услугамъ пана Ратмира, какъ человѣка, извѣстнаго своей опытностью въ дѣлѣ колонизаціи. Ему вмѣнено было въ обязанность призвать поселенцевъ, устроить села и охранять ихъ отъ лихихъ людей, а монастырь съ своей стороны предоставлялъ ему пожизненное пользованіе всѣми доходами. Сдѣлка эта была выгодна для монастыря не только потому, что послѣ смерти Ратмира монастырь получалъ обратно въ свое владѣніе вполнѣ благоустроенныя земли и села, но сверхъ того — село Уѣздъ, которое принадлежало предпринимателю [3]).

Эти факты доказываютъ, что паны сдѣлались въ теченіе XII вѣка опытными руководителями внутренней коло-

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 237, nr. 519, (1209): de villis, quascunque locare possit in silva ultra claustrum, taliter ordinavit, ut de expensa sua rura extirparentur, et omnes reditus eorum dimidii forent ecclesiae.

2) См. выше, стр. 247, прим. 4.

3) Erben, Regesta, t. I, p. 315, nr. 684, (1224): Nos (rex Otakarus) igitur de abbatis et fratrum ejus in Plaz consilio et unanimi consensu, fidelem baronem nostrum Ratimirum eligimus, qui ad locum memoratum (Thyskow) colonos vocare, villos locare, et inibi commorantes ab incursantium injuriis debeat defensare. Praedictus vero baro noster — complendum fideliter suscepit opus injunctum, ea tamen conditione, ut summam proventuum et utilitatem villarum, quas ibidem locare potuerit, quoad vixerit, plene et integraliter consequatur; ipso vero defuncto, tam possessio, quam possessionis utilitas ad possessores pristinos revertatur. Ne autem fraudis aut doli possit argui, villam suam Hugiezt post mortem suam eorundem fratrum usibus assignavit.

низаціи. Кромѣ того, по политическимъ соображеніямъ они сумѣли привлечь къ дѣлу устройства новыхъ селъ наиболѣе зажиточныхъ людей изъ свободной народной массы. Эти послѣдніе, являясь помощниками пановъ, получали отъ нихъ участки пустошей и становились ихъ вассалами или зависимыми шляхтичами (milites, clientes, servientes etc.). На этихъ данныхъ имъ участкахъ они старались устраивать села и собственныя запашки. Какъ видно изъ грамоты пана Грознаты, основателя Теплицкаго монастыря, одни изъ шляхтичей, сидѣвшихъ на земляхъ пана, пожертвованныхъ впослѣдствіи монастырю, устроили расчистки на своихъ хуторахъ, другіе основали цѣлыя села, а третьи не успѣли на отведенныхъ имъ участкахъ завести полевое хозяйство [1]). Эти села зависимыхъ шляхтичей иногда получали названія по ихъ именамъ [2]). Въ дѣлѣ устроительства селъ служилая шляхта обнаруживала столько предпріимчивости, что паны вознаграждали ее за вѣрную службу раздачей не только селъ, но и участковъ лѣсной пустоши, предназначенныхъ для будущихъ поселеній. Такъ, напр., панъ Койата однимъ изъ своихъ шляхтичей отказалъ по завѣщанію отдѣльныя села, двумъ же изъ нихъ, Зосимѣ и его брату Милоту, одно село, пашню котораго еще предстояло устроить, а одному шляхтичу — лѣсную пустошь [3]).

О развитіи панской колонизаціи и упадкѣ государевой

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 194, nr. 431, (1197): Milites mei, qui a me praedia mea tenent, ne aliquid contrarietatis deo et abbatiae, quam fundavi, moliantur: qui aratrum habet, abbas Theplensis duas marcas ei persolvat, ut aratrum recipiat; qui vero integram villam tenet, V marcas ab abbate percipiat, et cui voluerit, serviat. De villis autem, quas in silvis tenuerunt, nichil solvat ecclesia.

2) Ibid., p. 194: Cognatis meis, ut praefato loco fideliter assistant, haec dedi: Blehow Blehowi, Zdeslao et fratribus ejus duobus circuitum Stuolenez.

3) Erben, Regesta, t. I, p. 333, nr. 718, (1227): Blasio clienti Na wisocei. Klimente Scrrihlebce. Zezeme et Milote fratri ejus Hocen, Wizrece, ita ut diviso nemore cum sepulchrariis faciant sibi novalia. Nacasso Na lhote et nemus Na lubhave.

въ XII вѣкѣ можно судить по уменьшенію количества такъ называемыхъ данниковъ или плательщиковъ дани мира (tributum, tributum regis, tributum pacis).

Въ 1895 году впервые установлено было положеніе, что дань мира по своей природѣ и происхожденію не имѣетъ ничего общаго съ государственнымъ налогомъ, извѣстнымъ подъ именемъ берны. Вмѣстѣ съ тѣмъ было указано, что дань мира взималась со свободныхъ людей въ Чехіи, какъ у другихъ славянскихъ народовъ, въ размѣрѣ по 12 денаріевъ или солиду отъ рала или плуга ежегодно [1]). Въ томъ же смыслѣ позднѣе высказались гг. Юл. Липпертъ и Фр. Вацекъ [2]). Первый изъ нихъ находитъ, что уплата дани мира является отличительнымъ признакомъ крестьянъ, остававшихся свободными людьми [3]), а второй (правда, не безъ нѣкоторыхъ оговорокъ) постарался даже исчислить площадь земли, находившейся во владѣніи свободныхъ плательщиковъ дани мира [4]).

Въ постановкѣ вопроса о дани мира все совершенно вѣрно, кромѣ того, что она взималась со свободныхъ людей.

---

1) Антъ. Ясинскій, Паденіе земскаго строя (Кіевъ 1895), стр. 69—74, 181—182. См. критическій отзывъ проф. К. Я. Грота (СПБ. 1899): отдѣльный оттискъ изъ „Отчета о присужденіи премій профессора Котляревскаго въ 1898 году (Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. LXVI), стр. 39.

2) Socialgeschichte etc., Bd. I, S. 214, 291—292. Vývoj society etc. Alétheia, ročn. I, str. 262—266, 305—306, 462—463, 467; ročn. IV, 117—118.

3) Socialgeschichte, S. 214: Das sicherste Kennzeichen des frei gebliebenen Bauers war das Friedensschutzgeld, das er unmittelbar an den Landesherrn entrichtete.

4) Vývoj society, ročn. I, str. 266: Kdybychom mohli bezpečiti se na to, že z usedlosti o jednom rádle platilo se „míru“ 12 denárů, kterýžto peníz byval zprou poddanským úrokem z poradlí, jevil by se nám i počet usedlostí, poplatkem „míru“ zavázaných, to jest v celé zemi asi 30.104 paradlí. Pro nejistý základ nebudiž však počtu tomu přikládána veliká váha. См. иное исчисленіе въ сочиненіи Герм. Иречка (Sl. právo, d. II, str. 143).

Тексты трехъ сохранившихся грамотъ даютъ нѣкоторыя указанія для опредѣленія соціальнаго положенія плательщиковъ дани. Такъ какъ всѣ эти тексты были хорошо извѣстны историкамъ, что̀ однако не помѣшало неправильному освѣщенію вопроса о дани, то это обстоятельство свидѣтельствуетъ о необходимости особенно осторожнаго и внимательнаго ихъ изученія. Какъ видно изъ грамоты короля Вратислава, выданной Опатовицкому монастырю, всякій свободный человѣкъ, поселившійся на земляхъ селъ Осицы и Опатовицы, долженъ былъ наравнѣ со всѣмъ прочимъ населеніемъ исполнять всѣ службы и повинности, но за то освобождался отъ платежа дани, поступавшей въ пользу короля [1]). Такимъ образомъ, въ самомъ текстѣ вовсе не содержится указанія на то, что свободный человѣкъ уплачивалъ дань до момента своего поселенія на земляхъ Опатовицкаго монастыря. Дѣло идетъ объ уравненіи въ правовомъ и финансовомъ отношеніяхъ новыхъ поселенцевъ изъ числа свободныхъ людей съ населеніемъ, которое уже проживало въ селахъ Опатовицѣ и Осицѣ. Земли эти принадлежали королю до пожертвованія монастырю и входили въ составъ Опатовицкаго уѣзда [2]). Кромѣ людей рабскаго происхожденія, на этихъ пожертвованныхъ земляхъ, какъ и въ сосѣднихъ селахъ Отицѣ, Мокошинѣ и другихъ, были колоніи поселенцевъ-гостей [3]). Разумѣется, если дѣло шло

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 72, nr. 166, (cc. 1086): Sciendum quoque est, ut, si quis liber in eorum possessiones transierit, et praedictas terras, Opatouicz, Ossicz possiderit, simili seruitute sit adstrictus et seruilia opera impendat, et absque tributo regis permaneat.

2) См. выше, стр. 138.

3) Erben, Regesta, t. I, p. 72, nr. 166, (cc. 1086): villam Ossicz cum omnibus seruitute mancipatis et vinea, duosque vinitores Seba et Raczen cum posteris suis obtuli. Sciendum etc. (см. прим. на этой же стр.). Alteram quoque villam, Osticz dictam, cum universis hospitibus. . . Prelusc villam cum hospitibus . . . villam quoque Mokossim cum hospitibus, et villam inter Mokussin et Priluesc, Opatowicz dictam. — О самой грамотѣ см. Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 71, прим. 1.

объ уравненіи новыхъ поселенцевъ изъ числа свободныхъ людей съ прежнимъ населеніемъ, то въ разсчетъ могли быть приняты при этомъ отнюдь не люди рабскаго происхожденія, а только осѣвшіе уже поселенцы-гости, всѣ платежи которыхъ и повинности до того времени поступали въ казну государства, а теперь переходили въ распоряженіе монастыря. Если новые поселенцы-гости уравнивались со старыми, то какую могло имѣть цѣль замѣчаніе, что первые изъ нихъ не уплачиваютъ королю дани (absque tributo regis permaneat), кромѣ предусмотрительной заботы о защитѣ матеріальныхъ интересовъ монастыря? Въ самомъ дѣлѣ, чиновники государя, а въ частности владарь (villicus) могли требовать съ новыхъ поселенцевъ-гостей уплаты дани на томъ основаніи, что король при пожертвованіи земель отказался только отъ дани съ тѣхъ гостей, которые проживали уже въ имѣніи въ моментъ королевскаго пожалованія, а потому настаивать на томъ, что эта льгота, предоставленная монастырю, не распространяется на новыхъ поселенцевъ-гостей. Во всякомъ случаѣ это свидѣтельство объ освобожденіи поселенцевъ-гостей отъ платежа дани не даетъ основанія думать, что свободные люди уплачивали дань, какъ штрафъ или выкупную сумму за освобожденіе отъ воинской повинности, обязательной для всѣхъ свободныхъ людей. Напротивъ, по всему ходу изложенія въ грамотѣ дань представляется платежомъ „гостя“ въ пользу государевой казны, денежнымъ оброкомъ зависимаго человѣка. Вполнѣ ясно это усматривается изъ моравской грамоты 1078 года. Основывая Градищскій монастырь св. Стефана, князь Оттонъ и его супруга Евѳимія пожертвовали монастырю имѣніе Усобрно съ селами и лѣсъ Либошку. Въ Усобрнскомъ имѣніи, очевидно, проживали зависимые люди, платившіе дань и отбывавшіе барщину и службы. Монастырь св. Стефана въ силу дарственной грамоты, выданной княгинею, пріобрѣталъ право на полученіе по старинѣ (sicut antea) дани и всѣхъ барщинныхъ повинностей и службъ зависимаго на-

селенія [1]). Что же касается лѣса Либошки, то онъ расположенъ былъ на границѣ Чехіи и Моравіи, такъ какъ два села, находившіяся въ немъ, причислялись къ Чехіи, а третье — къ Моравіи. Повидимому, этотъ лѣсъ былъ частью тѣхъ огромныхъ лѣсовъ, которые простирались отъ Часлава до Брна. На это указываютъ топографическія названія, излюбленныя въ той мѣстности, а именно: здѣсь находился Либицкій уѣздъ, пожертвованный княземъ Собеславомъ Оломуцкому епископству [2]), а также Либетина дорога, граница вышеупомянутаго уѣзда [3]). Въ этихъ лѣсахъ проживали люди, обязанные охранять границы, производить засѣки, участвовать въ военныхъ предпріятіяхъ, укрѣплять грады и отправлять другія работы, необходимыя для государственнаго и общественнаго благоустройства вполнѣ согласно съ тѣмъ, какъ это было организовано и въ другихъ пунктахъ пограничнаго лѣса. При отчужденіи Либицкаго уѣзда государь отказался отъ нѣкоторыхъ службъ и повинностей людей, отправлявшихъ эту сторожевую службу, или, иначе говоря, значеніе сто́рожи этой было умалено [4]). Все то же самое, неизбѣжно, должно было повториться при

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 69, nr. 160, (1078): Praeterea data est curia, quae nominatur Vzobren, cum sibi adjacentibus villis sub omni tributo et consuetudine, sicut antea solvebat suae dominae. Data est silva, quae vocatur Lubozka. — Ibid., p. 134, nr. 304, (1160): Praeterea data est curia, quae nominatur Vsobren etc. etc.; data est et silva, quae vocatur Luboczca.

2) Erben, Regesta, t. I, p. 92, nr. 208, (cc. 1126). — Ibid., p. 109, nr. 245, (cc. 1144). Самые тексты см. выше, стр. 139, прим. 3.

3) Erben, p. 109, nr. 245: Sunt autem (circuitus metae) hae: Camenica ex una parte, ex alia via Lubetina.

4) Erben, p. 109, nr. 245: Erat autem circuitus ille (Lubac) datus — in silva — in cujus parte habitabant homines, qui vulgo ztras appelantur, quorum erat officium quandam viam custodire, ne cui per eam — pateret transitus terram Boemiae ingrediendo vel exeundo, ita ut, hoc obsequio dediti, — a nullo principe pro castrorum aedificatione vel imminenti expeditione inquietarentur. См. текстъ о Теплицкой сто́рожѣ выше, стр. 139, прим. 1.

отчужденіи лѣса Либошки. Въ грамотѣ 1078 года на это указаній не встрѣчается, но въ подтвердительной грамотѣ короля Владислава съ полной ясностью опредѣлены были отношенія монастыря къ новымъ поселенцамъ и людямъ, приписаннымъ къ существовавшей сторожѣ. Какъ оказывается, отношенія эти были нормированы неодинаково: первые изъ нихъ должны уплачивать дань и десятины монастырю св. Стефана, а всѣ тѣ, кто по приказу князя участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, чинилъ градъ или мостъ или исполнялъ какія-либо повинности, т. е. принадлежалъ къ служилому составу сторожи, — должны были теперь находиться въ распоряженіи главы монастыря и исполнять службу въ размѣрахъ, указываемыхъ послѣднимъ[1]). Такимъ образомъ, въ грамотѣ противополагались данники или плательщики дани служилому классу населенія, приписаннаго къ сторожѣ. Сдѣлавшись зависимыми людьми въ силу отчужденія земли, на которой они жили, представители этого класса не были освобождены отъ сторожевыхъ и военныхъ службъ и земскихъ работъ, но нормировка таковыхъ работъ и службъ предоставлена была монастырю. Сообразно всему характеру изложенія въ грамотѣ устанавливались въ данномъ случаѣ отношенія къ населенію, уже издавна проживавшему въ лѣсу. Ошибочно было бы видѣть противоположеніе данниковъ тѣмъ свободнымъ людямъ, которые могутъ поселиться[2]), такъ какъ въ силу факта поселенія всякій свободный человѣкъ становился въ ряды зависимыхъ, а, кромѣ того, селиться на чужой землѣ могли только свободные люди или выдавшіе себя за таковыхъ.

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 134, nr. 304, (1160): data est et silva, quae vocatur Luboczka, in Boemia duae villae, quas dedit rex primus Wratizlaus ecclesiae Vgerzco, Nedamirice, Nakel, ea conditione, ut. qui eam inhabitare deliberant, cum tributo beato Stephano decimas solvant; ceteris vero ad imperium ducis bella exercentibus, sive urbem aut pontem reparantibus, seu sub qualibet necessitate laborantibus, non aliud, quam quod praefatus pater coenobii jusserit, faciant.

2) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 73.

Какъ извѣстно, въ промежутокъ времени (около 50 лѣтъ), отдѣлявшій царствованіе короля Влатислава отъ княженія Собеслава II, поступленія дани уменьшились почти въ 17 разъ, а это доказываетъ, что число плательщиковъ дани быстро уменьшалось въ теченіе XII вѣка [1]). Если бы плательщиками дани были свободные люди, то этотъ фактъ указывалъ бы на соотвѣтствующее быстрое уменьшеніе числа свободныхъ людей. На самомъ же дѣлѣ, какъ видно изъ лѣтописей XII вѣка, ничего подобнаго не было: основную массу населенія вплоть до начала XIII вѣка составляли свободные люди [2]). Если бы въ теченіе 50 лѣтъ свободное населеніе уменьшилось въ 17 разъ, то это свидѣтельствовало бы о томъ, что историческое развитіе со времени смерти короля Вратислава шло революціонными толчками, а не протекало съ обычной постепенностью и медленностью. Далѣе, если бы дань уплачивалась нѣкоторой частью свободнаго населенія взамѣнъ отправленія личной военной службы и была бы своего рода выкупной суммой или штрафомъ, то она поступала бы подобно позднѣйшей бернѣ только въ военное время. Въ дѣйствительности же дань взималась ежегодно [3]). При такомъ же способѣ взиманія — дань представляла бы собою настоящій государственный налогъ, предназначенный для покрытія издержекъ военнаго времени. Такъ какъ впослѣдствіи берна, имѣвшая характеръ подобнаго налога, не взималась ежегодно, а по мѣрѣ надобности, то было бы явной несообразностью, если бы въ земскій періодъ, когда начала государственнаго быта были менѣе развиты, могла существовать такая правильная финансовая система, вполнѣ соображенная съ принципами равномѣрности и предусмотрительности. Самое существованіе подобнаго

1) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 72, прим. 2.
2) См. выше, стр. 256—257.
3) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 69, 72. — Herm. Jireček, Sl. právo, d. II, str. 142—143.

налога въ Чехіи выдѣляло бы эту страну въ ряду другихъ средневѣковыхъ государствъ. Остается прибавить, что едва ли возможно предполагать возможность существованія въ такое время, когда государственность только что зарождалась, порядковъ современнаго государственнаго быта!

Всѣхъ вышеуказанныхъ противорѣчій и до нѣкоторой степени несообразностей не окажется, если принято будетъ положеніе, что дань была платежомъ поселенца-гостя, осѣвшаго на государевой землѣ. Такъ какъ эти поселенцы становились подъ защиту короля, то отсюда само собою понятно наименованіе ежегоднаго денежнаго оброка данью короля или данью мира. Что же касается быстраго уменьшенія поступленія суммъ дани со времени короля Вратислава въ теченіе послѣдующихъ 50 лѣтъ, то этому не приходится удивляться, такъ какъ изъ сохранившихся грамотъ XI—XII вв. извѣстно, что государи щедрою рукою раздаривали земли, населенныя „гостями“, а чиновники угнетали и притѣсняли послѣднихъ[1]). Скорѣе вызываетъ удивленіе то обстоятельство, что при такихъ условіяхъ на государевыхъ или государственныхъ земляхъ могло удержаться къ серединѣ XII вѣка въ семнадцать разъ менѣе поселенцевъ-гостей, чѣмъ сколько ихъ насчитывалось при королѣ Вратиславѣ.

III. Основаніе новыхъ поселеній (locare, locatio) становилось возможнымъ вслѣдствіе того, что не было недостатка въ охотникахъ селиться на чужихъ земляхъ. Однако, землевладѣльцы должны были отыскивать такихъ охотниковъ и приглашать ихъ. Сверхъ того, необходимо было принимать мѣры къ охранѣ и защитѣ поселенцевъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ основанныя села быстро опустѣвали[2]).

---

1) См. выше, стр. 246, прим. 1.

2) Erben, Regesta, t. I, p. 76, nr. 173, (cc. 1087): in villa mea juxta Vsobren, quae nunc locatur. . . Addidi etiam silvam spa-

Вся эта обстановка колонизаціи свидѣтельствуетъ о томъ, что землевладѣльцы для привлеченія поселенцевъ склонны были предоставлять имъ всяческія выгоды и преимущества. Съ другой стороны, подъемъ новины въ лѣсной пустоши требовалъ затраты силъ и капитала. Необходимо было прежде всего вырубить лѣсъ и выкорчевать пни [1]). По указанію современной сельско-хозяйственной практики, для расчистки 1 десятины лѣса твердыхъ породъ, толщиною въ комлѣ болѣе 12 вершковъ, съ корчеваніемъ пней, даже при средней густотѣ лѣса, требуется 140 рабочихъ дней [2]). Кромѣ того, при первомъ вспахиваніи новины приходится запрягать въ плугъ по нѣсколько паръ быковъ [3]). При такихъ условіяхъ, обусловленныхъ сущностью дѣла, поселенцы осѣдали въ большинствѣ случаевъ не поодиночкѣ, а цѣлыми группами [4]). Далѣе, такъ какъ поселенцы въ теченіе первыхъ лѣтъ не могли расчистить достаточную площадь земли для своихъ посѣвовъ и часто не располагали достаточными средствами для содержанія себя и своихъ семействъ, то вынуждены были (если не всѣ, такъ нѣкоторые изъ нихъ) брать ссуду отъ землевладѣльца или предпринимателя-руководителя колонизаціи. Это послѣднее обстоятельство приводило къ тому, что нѣкоторые поселенцы

---

tiosam ipsi villae adjacentem cum omnibus proventibus, sive in agris locatis ibidem. . . Siboto, familiaris noster in villa sua, quam locavit ibidem. — Ibid., p. 227, nr. 497, (cc. 1206): Praeterea silvam ad fundandas villas fertilis fundi copiosam. — Ibid., p. 237, nr. 519, (1209): de villis, quascunque locare posset in silva. — Ibid., p. 315, nr. 684, (1224): qui ad locum memoratum colonos vocare, villas locare, et inibi commorantes ab incursantium injuriis debeat defensare.

1) См. выше, стр. 130 (прим. 3), 153 (прим. 2), 158 (прим. 2), 239 (прим. 2), 265 (прим. 2), 266 (прим. 1—2). — Osw. Balzer, O zadrudze słowiańskiej, str. 250—251. — K. Lamprecht, Deutsches Wirtschaftsleben, Bd. 1, 1, S. 124—125.

2) Ѳ. А. Баталинъ, Справочная книга русскаго сельскаго хозяина, стр. 193. Другія данныя см. ниже.

3) K. Lamprecht, Bd. 1, I, S. 124, N. 7.

4) Ср. выше, стр. 144—145, 153 (прим. 2), 158, 164, 186—191, 198—200.

становились въ положеніе закуповъ (pretio introducendi)[1]). Такимъ образомъ, основанію поселенія неизбѣжно долженъ былъ предшествовать договоръ или соглашеніе землевладѣльца съ поселенцами.

Этотъ договоръ обѣихъ одинаково заинтересованныхъ сторонъ извѣстенъ былъ подъ именемъ льготы. На условіяхъ этого договора основано было въ Чехіи и Моравіи множество новыхъ поселеній. Достаточно сказать, что и въ настоящее время въ этихъ странахъ около 500 селъ называются „льготами“ и „льготками“ [2]). Наименованіе договора льготою произошло вслѣдствіе того, что главнымъ условіемъ договора было вполнѣ понятное освобожденіе поселенцевъ отъ всѣхъ платежей и повинностей въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Это освобожденіе, эта льгота (libertas) была вознагражденіемъ за трудъ основанія села и расчистку полей и являлась главной приманкою для поселенцевъ [3]).

Это истолкованіе главнаго содержанія договора льготы основано на свидѣтельствѣ позднѣйшихъ грамотъ и притомъ такихъ, въ которыхъ дѣло идетъ объ основаніи селъ, имѣвшихъ раздѣленіе запашки на ланы. Это обстоятельство могло бы дать основаніе усматривать въ льготѣ нововведеніе, связанное съ проникновеніемъ въ страну нѣмецкаго права,

---

1) См. выше, стр. 254, прим. 1.

2) Отъ чешскихъ названій селъ: Lhota, Lhotka, na Lhotě, we Lhotě произошли, по мнѣнію г. Юл. Липперта, нѣмецкія: Welhotte, Nelhütte, Allhütte, Mehlhütte и т. д., встрѣчающіяся въ Чехіи. См. Herm. Jireček, Sl. právo, d. II, str. 293 и Jul. Lippert, Socialgeschichte etc., Bd. I, S. 278; Bd. II, S. 255.

3) Erben, Regesta, t. I, p. 585, nr. 1259, (1250): ut eadem villa Veličina Lhota nuncuparetur; et ut libertatem haberet villa haec annis triginta minus duobus. — Emler, Regesta, t. II, p. 180, nr. 463, (1264): De laneis quoque excolendis adhuc concedimus eis libertatem plenariam a festo b. Walburgis nunc proximo ad spacium octo annorum, quibus expletis, solvent de laneo quolibet iuxta formam pretactam. — Ibid., p. 260, nr. 669, (1269): civibusque in ea habitantibus per duodecim annorum spacium libertatem, ville autem adiacenti libertatem per spacium sedecim annorum — de villa autem expleta libertate ut de aliis villis persolvere tenebuntur.

если бы не было извѣстно, что ланами часто назывались поземельныя единицы славянскаго происхожденія [1]). Кромѣ того, было уже указано, что многія села, въ которыхъ существовалъ славянскій аграрный строй, назывались „льготами“ [2]). Панъ Ратмиръ взявшійся въ 1224 году за колонизацію окрестностей села Тѣшкова [3]), расположеннаго къ сѣверу отъ Мыта, производилъ таковую на условіяхъ предоставленія поселенцамъ льготы или освобожденія отъ платежей. На тѣхъ же началахъ продолжалось заселеніе этой мѣстности и во второй половинѣ XIV вѣка. Какъ видно изъ свидѣтельства Розенбергской поземельной описи, село Присѣдница, лежащее къ сѣверу отъ села Тѣшкова, основано было поселенцами, пользовавшимися льготою [4]). Далѣе, къ сѣверу отъ села Тѣшкова, между этимъ послѣднимъ и селомъ Присѣдницей, находится нынѣ село Льгота, а на сѣверѣ и западѣ отъ Присѣдницы существуютъ двѣ Льготки. Всѣ эти факты доказываютъ, что заселеніе окрестностей Мыта началось въ началѣ XIII вѣка и продолжалось въ теченіе слѣдующаго вполнѣ независимо отъ какого-либо вліянія на формы колонизаціи такъ называемаго нѣмецкаго права. Въ справедливости этого убѣждаетъ то обстоятельство, что въ окрестныхъ селахъ крестьянскіе надѣлы назывались дворами [5]).

Значеніе договора льготы недостаточно оцѣнено въ литературѣ вслѣдствіе того, что институтъ этотъ считается спеціально чешскимъ и въ крайнемъ случаѣ общеславянскимъ. Это мнѣніе высказано было Герм. Иречкомъ и повторено г. Юл. Липпертомъ. Говоря о льготѣ, первый изъ

---

1) См. выше, стр. 185, 202, 205, 208, 222.
2) См. выше, стр. 194, 202, 203, 208, 214.
3) См. выше, стр. 273.
4) Registrum bon. Rosenberg., p. 53, nr. 451: Villa Lhota videlicet Przieseczna exspiravit libertas solvit de $8^1/_2$ curia sive laneo per LVIII gr.
5) См. выше, стр. 202—203.

нихъ, не указывая своихъ основаній, высказывается такъ: „Подобный способъ договоровъ распространился въ сосѣднихъ странахъ, а именно: въ Угріи, гдѣ села, основанныя такимъ образомъ, называются Legoty, въ Силезіи — льготами, въ Польшѣ — волями, на Руси — выгодами и слободами“ [1]). Что же касается г. Юл. Липперта, то онъ, умалчивая почему-то о Руси, полагаетъ, что основаніе новыхъ поселеній на условіяхъ льготы извѣстно было въ Силезіи, Польшѣ и Угріи [2]).

Если льгота есть договоръ аренды, въ силу котораго поселенцы получали освобожденіе отъ платежей и повинностей въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ въ вознагражденіе за расчистку и культивированіе дѣвственной или запущенной земли, то необходимо признать, что такого рода договоры были въ средніе вѣка обычны и на западѣ, и на востокѣ Европы. Такъ какъ въ основѣ подобныхъ договоровъ лежали такія матеріальныя выгоды обѣихъ договаривающихся сторонъ, какъ желаніе землевладѣльцевъ получать ренту съ пустошей и стремленіе поселенцевъ осѣдать на наиболѣе выгодныхъ условіяхъ, то въ каждой странѣ необходимо должна была выработаться вполнѣ самостоятельно практика отдачи и принятія земель на арендныхъ условіяхъ. Нельзя, конечно, отрицать, что нѣкоторыя черты арендной практики бывали заимствованы однимъ народомъ у другого, но самая сущность договорныхъ отношеній слагалась въ каждой странѣ вполнѣ самостоятельно, ибо проистекала отъ совокупности одинаковыхъ соціальныхъ и аграрныхъ условій.

Не выходя изъ рамокъ настоящаго изслѣдованія, позволительно, однако, указать кое-какія данныя, свидѣтельствующія о существованіи однородныхъ съ чешской льготой

---

1) Herm. Jireček, Sl. právo, d. II, str. 293.

2) Jul. Lippert, Socialgeschichte etc., Bd. I, S. 277.

арендныхъ формъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ [1]), такъ какъ подобнаго рода справка будетъ способствовать пониманію исторіи чешской внутренней колонизаціи вообще и договора льготы въ частности.

Расчистка земли изъ-подъ лѣса была обычнымъ явленіемъ въ Каролингскую пору [2]). Какъ видно изъ Полиптика аббата Ирминона, во Франціи поселенцы также назывались гостями и пользовались обыкновенно льготою отъ платежей въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ [3]). Расчисткой дѣвственнаго лѣса усиленно занимались въ XI—XII вв. Расчищенный лѣсъ превращался въ культурный участокъ (applanamentum), благодаря труду поселенцевъ (applanare, complanare, platare). Поселенцы въ источникахъ назывались различно, но чаще всего гостями (hospes, habitator, convena, advena, colonus, pulvereus, albanus) [4]). Какъ оказывается, они селились почти всегда по соглашенію съ землевладѣльцами. Это соглашеніе было словесное, особенно когда землевладѣлецъ былъ увѣренъ въ выгодности сдѣлки, заключенной имъ съ поселенцами. Такъ какъ лѣсныя пустоши находились внѣ границъ старыхъ приходовъ, и церковная десятина поступала въ пользу церквей, основанныхъ въ новыхъ поселеніяхъ, то вполнѣ естественно, что во Франціи новыя церкви и мона-

1) Впрочемъ для болѣе широкой постановки вопроса едва ли настало время, такъ какъ соціальная и аграрная исторія отдѣльныхъ странъ и эпохъ недостаточно разработана. Такія книги, какъ E. Garsonnet, Histoire des locations perpétuelles et des baux a longue durée (Paris 1879), свидѣтельствуютъ объ этомъ наилучшимъ образомъ.

2) Jacques Flach, Les origines de l'ancienne France, t. I (Paris 1886), p. 397—399.

3) Polyptychum Irminonis Abbatis, VI, 57: Sunt in Spinogilo — mansi ingenuiles XXXII. Solvunt hostilicio solidos LXVIII, ad tertium annum multones XVIII, ad tertium annum vervices XIII etc. — Ibid., XX, 37: Ermenradus, colonus, tenet hospicium. Solvit ad tertium annum porcum 1 et vervicem 1, et denarios II. — См. Polyptyque, t. I, p. 38, 52, 105—107.

4) Karl Lamprecht, Beiträge zur Geschichte des französischen Wirthschaftslebens im elften Jahrhundert (Staats- und Socialwissenschaftliche Forschungen, Bd. I, H. 3), S. 28—29, 95—98.

стырскія обители сдѣлались центрами колонизаціи. Такимъ образомъ, въ XI вѣкѣ колонизація отмѣчена была церковнымъ характеромъ. Территорія обители или скита (salvitas, salvaterra, sauveté) обозначалась постановкою деревянныхъ крестовъ (intra cruces) [1]. Успѣху этой церковной колонизаціи въ значительной мѣрѣ способствовало предоставленіе территоріи скита правъ убѣжища и иммунитета. Слѣдуя примѣру церковныхъ землевладѣльцевъ, и свѣтскія лица принимали дѣятельное участіе въ этой колонизаціи [2]. Въ теченіе XI—XII вв. вся страна покрылась сѣтью новыхъ или свободныхъ селъ (villes neuves, villes franches) [3]. Поселенцы обыкновенно пользовались въ теченіе извѣстнаго времени освобожденіемъ отъ платежей и повинностей [4]. Впослѣдствіи новымъ или свободнымъ поселеніямъ выдаваемы были статуты или хартіи, особенно если они становились городами. Одно изъ такихъ новыхъ поселеній (villa nova), Бомонъ (Beaumont en Argonne) въ 1182 году получило отъ Вильгельма Шампаньскаго, архіепископа Реймсскаго, учредительную хартію, по образцу которой выдаваемы были хартіи многочисленнымъ поселеніямъ не только на сѣверо-востокѣ Франціи и въ Бельгіи, но и въ Германіи [5]. Прекарій,

---

1) Въ одной грамотѣ 1065 года встрѣчается ясное указаніе на постановку крестовъ: Quod petebant in tanta libertate concessi, ut in presentia multorum constituissent, quatinus juxta suprad. capellam loca quatuor terminarentur in quibus singulis crux lignea poneretur. — См. J. Flach, Les origines de l'ancienne France, t. II, (Paris 1893) p. 195, n. 1.

2) J. Flach, Les origines etc., t. II, p. 145—147, 150, 167—168, 183—191.

3) Въ одной королевской грамотѣ 1163 года находится такой текстъ: ad faciendum inibi novam villam quae villa franca regis dicitur. См. Ach. Luchaire, Histoire des institutions monarchiques de la France etc., t. II (Paris 1883), p. 133, n. 1.

4) J. Flach, Les origines etc., t. II, p. 165. — Karl Lamprecht, Beiträge zur Geschichte des französischen Wirthschaftslebens, S. 99.

5) Ach. Luchaire, Manuel des institutions françaises (Paris 1892), p. 404—405. — K. T. Inama-Sternegg, Deutsche Wirt-

manusfirma и половничество, всѣ эти три формы передачи земли въ чужія руки, отчасти существовали одновременно, отчасти выступали одна на смѣну другой. Прекарныя сдѣлки удержались наидолѣе на юго-востокѣ Франціи, а въ центральныхъ областяхъ онѣ выходятъ изъ употребленія въ первой половинѣ XI вѣка, уступая мѣсто договору, извѣстному подъ именемъ manusfirma. Такъ назывался договоръ аренды, заключенный на время трехъ поколѣній. Такъ какъ земля рѣдко возвращалась въ распоряженіе землевладѣльца, то подобные договоры въ дѣйствительности приводили къ созданію наслѣдственной аренды. Наконецъ, земля отдаваема была на условіяхъ половничества. Эта третья форма сдѣлокъ была распространена въ XI вѣкѣ по территоріи всей Франціи. Договоры половничества въ источникахъ назывались различно: campi pars (champart), agraria, terragium, complantus (complant). Послѣдній видъ половничества (complantus) первоначально былъ излюбленной формой аренды участковъ земли, отдаваемыхъ подъ устройство виноградниковъ, и въ силу его поселенцамъ предоставлялось освобожденіе отъ платежей въ теченіе 5—7 лѣтъ. Хотя по правилу земли, отданныя на условіяхъ половничества, по смерти предпринимателя-поселенца подлежали возврату въ руки землевладѣльца, но практика привела къ тому, что сначала допускались права пользованія жены поселенца, потомъ его перваго наслѣдника, а впослѣдствіи эти права распространены были на три поколѣнія, и даже пришелъ въ забвеніе самый принципъ временности арендnаго договора, какъ это случилось и съ другими формами арендныхъ сдѣлокъ [1]).

---

schaftsgeschichte, Bd. II (Lpz. 1891), S. 206. — K. Lamprecht, D. Wirtschaftsleben, Bd. I, 1, S. 700—701. — Rich. Schröder, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 3. Aufl., (Lpz. 1898), S. 447, 617, 675.

1) Karl Lamprecht, Beiträge zur Geschichte des französischen Wirthschaftslebens, S. 56—68.

Внутренняя колонизація въ Германіи отличалась чертами, которыя сближаютъ ее съ колонизаціей французской и чешской.

Уже варварскія правды говорятъ о выкорчеваніи лѣсовъ (culturam facere, exartum facere, exartare, mundare, novellare). Отъ VIII вѣка сохранилось еще болѣе указаній на подобныя культурныя предпріятія. Карлъ Великій, какъ видно изъ капитулярія de villis, предписывалъ избирать въ лѣсахъ мѣста, пригодныя для расчистокъ, и непрерывно поддерживать на нихъ обработку [1]). По его иниціативѣ, предприняты были большія колонизаціонныя работы въ лѣсахъ франконскихъ, саксонскихъ и аллеманскихъ [2]). Платежи за пользованіе королевскими лѣсами назывались различно, смотря по характеру хозяйства, а именно: terragium, agrarium, dema decima, pascuarium. Отъ расчистокъ поступала въ пользу короля обыкновенно седьмая часть дохода. Этотъ доходъ извѣстенъ былъ въ источникахъ подъ именемъ medem (modii regis, stuofa), если поступалъ съ полей, и tributum, если на расчисткѣ былъ устроенъ виноградникъ. Такимъ образомъ, поселенцы въ королевскихъ лѣсахъ становились въ отношенія, напоминающія формы позднѣйшаго половничества. Эта королевская колонизація съ успѣхомъ продолжалась по крайней мѣрѣ до исхода IX вѣка [3]). Когда же значительная часть лѣсовъ перешла въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ, то въ дѣлѣ колонизаціи приняли участіе и послѣдніе. Формы колонизаціи остались прежнія, но только съ поселенцевъ стали требовать пятую часть и даже

1) Capitulare de villis, c. 36: Ut silvae vel forestes nostrae bene sint custoditae; et ubi locus fuerit ad stirpandum, stirpare faciant et campos de silva increscere non permittant.

2) K. Th. Inama-Sternegg, Deutsche Wirthschaftsgeschichte, Bd. I, 208—212. — G. Landau, Die Territorien in Bezug auf ihre Bildung und ihre Entwicklung, (Hamburg 1854), S. 153—154.

3) K. Lamprecht, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, Bd. I, 1, S. 104—109. — Inama-Sternegg, Bd. I, S. 151—152.

половину всего дохода. Освоенный въ лѣсахъ участокъ назывался по-нѣмецки бифангомъ (Bifang), т. е. заимкой, а по-латыни различно, а именно: captura, septum, clausum, ambitus, comprehensio, stirpum, stirpaticum, sarta, exartus etc. etc. [1]). Эти нѣмецкія заимки, вполнѣ соотвѣтствующія чешскимъ уѣздамъ, подобно послѣднимъ, были различныхъ размѣровъ: однѣ изъ нихъ тянулись на нѣсколько миль, а другія представляли собою небольшіе лѣсные участки, принадлежавшіе отдѣльнымъ членамъ сельскаго общества, и являлись дополненіемъ ихъ запашекъ. Особенно велики были заимки королей, епископовъ и князей [2]). Въ Каролингскую пору заимки были по большей части мало заселены и расчищены, вслѣдствіе чего землевладѣльцы занимались скотоводствомъ и овцеводствомъ. Этотъ фактъ свидѣтельствовалъ о томъ, что внутренняя колонизація не достигла при Каролингахъ полной напряженности. Разцвѣтъ колонизаціи наблюдается только въ X вѣкѣ: поселенцы охотно принимаются за расчистку земель, принадлежавшихъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Однако, уже въ XI вѣкѣ временно переселенческое движеніе пріостанавливается, а потому землевладѣльцамъ приходится обратить особенное вниманіе на собственныя запашки и культуру (Beunde, Acht, Kunde, Konde) [3]). Успѣху колонизаціи въ IX—X вв. способствовала постановка вопроса о десятинѣ въ пользу новыхъ церквей, такъ какъ пустоши, находившіяся въ дикомъ лѣсу, не входили въ составъ территорій старыхъ церквей [4]).

---

1) G. Landau, Die Territorien, S. 153—159. — Wilh. Arnold, Ansiedelungen und Wanderungen deutscher Stämme, (Marburg 1881), S. 251—266. — Fr. Thudichum, Die Gau- und Markverfassung in Deutschland, (Giessen 1860), S. 174—175.

2) W. Arnold, Ansiedelungen etc., S. 266—267.

3) K. Lamprecht, Bd. I, 1, S. 123, 418—425; Bd. I, 2, S. 698—699.

4) Проф. К. Лампрехтъ (Bd. I, S. 116) приводитъ два интересные текста, уясняющіе практику распредѣленія церковныхъ десятинъ: sancitum est de villis novis et ecclesiis in iisdem noviter

Съ X вѣка новыя церкви становятся поэтому центрами колонизаціи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о заселеніи земель свѣтскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ какъ въ ихъ руки попадала часть церковной десятины въ силу того, что имъ принадлежало право патроната. Такимъ образомъ, неудивительно, что основанію поселеній въ большихъ заимкахъ обыкновенно предшествовала постройка церквей [1]). Что касается юридическихъ правъ поселенцевъ изъ числа свободныхъ людей, то таковыя опредѣлялись въ силу передачи землевладѣльцемъ земель на условіяхъ прекарнаго права. Прекарныя сдѣлки землевладѣльцевъ съ поселенцами одинаково были въ употребленіи на земляхъ и церковныхъ, и свѣтскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Первоначально прекаристъ имѣлъ право пользованія только пожизненное, но съ теченіемъ времени вошелъ въ обычай принципъ наслѣдованія: въ XII вѣкѣ почти всѣ прекаріи сдѣлались наслѣдственными арендами. За право пользованія и въ знакъ признанія высшихъ правъ собственника прекаристы уплачивали ежегодно чиншъ или оброкъ въ день св. Мартина. Наряду съ прекарной формой передачи земли существовала и бенефиціальная (beneficium lazgût, feodum servile) форма, которая, по мнѣнію проф. К. Лампрехта, дала толчекъ къ развитію позднѣйшихъ свободныхъ арендныхъ формъ [2]). Эти послѣднія возникаютъ въ XII вѣкѣ, когда съ новой силой возобновилась внутренняя колонизація. Развитіе ихъ проф. К. Лампрехтъ объясняетъ

---

constructis, ut decimae in ipsis villis ad easdem ecclesias conferantur (C. Aquigran. gen., c. 12); ut novalia nova, quae iuxta cultos agros fiunt, ecclesiae antiquae decimentur; et si ultra miliaria 4 vel 5 in saltu quaelibet digna persona aliquod novale colloboraverit ibidemque cum sui consensu episcopi ecclesiam construxerit, post consacrationem ecclesiae provideat presbyterum eiusque conductu de eodem elaboratu decimas eidem ecclesia conferat (Regino Caus. synod. 1, 44).

1) K. Lamprecht, Bd. I, 1, S. 115—119; Bd. I, 2, S. 699.

2) K. Th. Inama-Sternegg, Bd. I, S. 120—125, 214. — K. Lamprecht, Bd. I, 2, S. 898—899, 901—902.

упадкомъ господскаго барщиннаго хозяйства, упадкомъ, сказавшимся, между прочимъ, въ томъ, что землевладѣльцы съ XII вѣка стали раздавать свои запашки (Beunde) крестьянамъ на условіяхъ оброчнаго хозяйства [1]). По мнѣнію другого нѣмецкаго историка, распространенію новыхъ формъ арендnаго хозяйства, кромѣ того, содѣйствовала рецепція чужого права. Въ этомъ смыслѣ можно указать на заимствованіе формъ французской аренды, а особенно на вліяніе статута города Бомона. Нельзя также отрицать воздѣйствія института римскаго эмфитевзиса, знакомство съ которымъ проникало черезъ посредство каноническаго права [2]). Свободныя чиншевыя и арендныя формы во многомъ напоминаютъ тѣ формы передачи и принятія земли, которыя существовали до XII вѣка. Эти новыя формы представляли собою виды половничества. Аренда была срочная или наслѣдственная (Zeit-, Vital-, Erbpacht), что зависѣло отъ того, имѣли ли въ виду улучшеніе угодій и возвышеніе доходности, или передавали въ аренду уже обработанные участки земли. Когда отдавали въ аренду пустоши, которыя необходимо было предварительно расчистить, то поселенцамъ - арендаторамъ предоставляли освобожденіе отъ платежей въ теченіе извѣстнаго числа льготныхъ лѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, устанавливали въ теченіе первыхъ лѣтъ платежи по пониженной нормѣ [3]).

Происхожденіе свободныхъ формъ поземельной аренды во Франціи и Германіи, несомнѣнно, вытекало изъ наличности аграрныхъ и экономическихъ обстоятельствъ, опредѣлившихся подъ вліяніемъ внутренней колонизаціи и упадка господскаго хозяйства, а потому справедливо можетъ

---

1) K. Lamprecht, Bd. I, 1, S. 124, 455; Bd. I, 2, S. 888—889, 922, 930—931.

2) K. Th. Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, Bd. II (Lpz. 1891), S. 204—207.

3) K. Lamprecht, Bd. I, 2, S. 944, 966—967. — K. Th. Inama-Sternegg, Bd. II, S. 202—203, 236.

быть отнесено къ числу самобытныхъ историческихъ явленій. Съ другой стороны, нельзя отрицать, что на сложеніе свободныхъ формъ аренды имѣла значительное вліяніе римская юридическая традиція. Однако, даже если бы не было этой рецепціи чужого права, свободныя арендныя формы, несомнѣнно, возникли бы вполнѣ самобытно, какъ видно это изъ того, что онѣ существовали и на Руси, гдѣ также ихъ развитіе обуславливалось обстановкой внутренней колонизаціи.

Уже въ эпоху Русской Правды свободные люди селились на чужой землѣ и становились въ положеніе зависимыхъ людей. Такъ какъ эти поселенцы брали ссуду у землевладѣльца и часто получали отъ него мертвый и живой инвентарь для обработки своего участка, то ихъ называли закупами (pretio introducendi). Закупъ сохранялъ нѣкоторыя права свободнаго человѣка: 1) онъ имѣлъ право судебнаго иска въ общихъ судахъ противъ землевладѣльца, на землѣ котораго сидѣлъ; 2) могъ перейти на земли другого землевладѣльца, который соглашался уплатить за закупа ссуду, взятую послѣднимъ у прежняго землевладѣльца, а это свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ вообще сохранялъ право отходить отъ своего господина подъ условіемъ уплаты ссуды или долга; 3) если господинъ билъ его безъ вины, то долженъ былъ уплатить такой же штрафъ или пеню, какой установленъ былъ за оскорбленіе свободнаго человѣка [1]). Сидя на чужой землѣ, закупъ уплачивалъ зе-

1) Правда Русская (по Карамзинскому списку), ст. 70: Оже закоупный бѣжить отъ господина, то обелъ; идеть ли искать кунь, а явлено ходить къ князю, или къ судиямъ бѣжить обиды дѣля своего господина, то про то не робятъ его, но дати емоу правда. — Тамъ же, ст. 71: но еже далъ емоу господинъ плоугъ и борону — то емоу погоубившу (конь) платити. — Тамъ же, ст. 72: но еже погоубить на поли или во дворъ не вженеть и не затворить, гдѣ емоу господинъ его велѣлъ, или орудія своя дѣя погубить, то емоу платити. — Тамъ же, ст. 73: аще ли господинъ бьетъ закоупа про дѣло, то безъ вины есть; бьетъ ли не смысля, пиянъ, безъ вины, то якоже свободномоу платити, тако и въ закоупѣ.

млевладѣльцу оброкъ деньгами и частью урожая съ полей и луговъ. Хотя размѣръ платежей установленъ былъ по словесному договору, но землевладѣлецъ не могъ ихъ повышать произвольно. Если же онъ нарушалъ условіе, то обязанъ былъ не только возвратить переборъ, но уплачивалъ еще и пеню [1]). Вообще можно сказать, что закупъ временъ Русской Правды былъ половникъ, и его правовое положеніе мало отличалось отъ положенія тѣхъ свободныхъ людей, которые селились на чужой землѣ и назывались по Псковской Судной грамотѣ изорниками, огородниками и кочетниками, сообразно съ тѣмъ, занимали ли они пахатную землю, огородъ или рыбную ловлю. Эти поселенцы также обыкновенно брали у землевладѣльцевъ ссуду или покруту, а при отказѣ или уходѣ должны были ее возвратить. Права собственности на землю они не имѣли, а потому землевладѣльцы по своему желанію могли ихъ удалить,

---

1) Тамъ же, ст. 71: но еже далъ емоу господинъ плоугъ и борону, отъ него же копоу емлеть. — Тамъ же, ст. 73: Оже господинъ приобидить закоупа, оувѣдеть враждоу и оуверединъ цѣноу, а введеть копу его или отарицоу, то емоу все воротити, а за обидоу емоу платити 60 коунъ; аще ли прииметь на немъ кунъ, то опять емоу воротити куны, что боудеть приялъ, а за обиду емоу платити три гривны продажи. — Въ статьѣ 73 остается малопонятнымъ слово: „отарица“. Какъ извѣстно, отарой называется овечье стадо. По мнѣнію Даля, отарица могла означать мѣсячину, отсыпной хлѣбъ (Толковый словарь, т. II, стр. 733). Въ „Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка“ И. И. Срезневскаго, т. II, вып. II (С.-Петербургъ 1898), стр. 756—757 сдѣлано указаніе, взятое изъ „Отрывка путешествія Ходаковскаго по Россіи“, на то, что въ Минской губерніи отарицей назывался господскій оброкъ. Тамъ же приведенъ слѣдующій текстъ изъ Пандектовъ Никона Черногорца: „Жити посредѣ ихъ, рекоуще се твое, а се мое; кде же соуть отъ плевелъ сѣющаго діавола въздрастъша, въ общимь житіи глаголемое отарица“. — См. также толкованія всѣхъ статей Русской Правды о закупахъ и указанія на мнѣнія ученыхъ, высказывавшихся по вопросу объ этомъ классѣ населенія, въ слѣдующихъ трудахъ: И. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси (Москва 1879, изд. 2), стр. 13—16; М. Владимірскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, Вып. I (Кіевъ 1899, изд. 5), стр. 59—61; М. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 3, стр. 38 (прим. 2), 386—387, 390 (прим. 1).

„отрокъ дати“. Для отказовъ со стороны арендатора и землевладѣльца установленъ былъ одинъ срокъ въ году: Филиппово заговѣнье (14 ноября). Разумѣется, если поселенецъ не могъ возвратить взятой покруты, то долженъ былъ жить на чужой землѣ до самой смерти, если не желалъ лишиться своего движимаго имущества, которое въ случаѣ побѣга или самовольнаго ухода поступало въ продажу съ публичнаго торга для погашенія его долга землевладѣльцу. Въ случаѣ смерти поселенца-арендатора, не уплатившаго ссуды, взысканіе также обращалось на его имущество. Поэтому, неудивительно, что обыкновенно срочный арендный договоръ превращался въ пожизненный и даже наслѣдственный. Съ другой стороны, нѣтъ основанія предполагать, что крестьяне, жившіе на чужой землѣ безъ господской покруты, всегда пользовались своимъ правомъ отказа и постоянно переходили изъ одного имѣнія въ другое. Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ 75 статьи Псковской грамоты, наряду съ новыми, были и „старые изорники“. Тѣ и другіе, пока сидѣли на господской землѣ, уплачивали землевладѣльцу часть дохода: изорникъ 1/4 урожая, а огородникъ и кочетникъ — соотвѣтствующія „огородную“ или „рыбную“ части [1]). Указаніе Псковской грамоты размѣра платежей половниковъ подтверждается свидѣтельствомъ Новгородскихъ писцовыхъ книгъ, „по которымъ въ имѣніяхъ дѣтей боярскихъ крестьянинъ уплачивалъ 5-ю или 4-ю часть урожая, а если эта часть переводилась на деньги, то отъ 2 1/2 до 5 гривенъ (до 70 денегъ) съ обжи“ [2]).

1) Псковская Судная грамота (1397—1467), ст. 42, 51, 75—76, 84—86. — Ив. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, стр. 22—28. — М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, стр. 37—39.

2) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, стр. 150 (Новг. писц. кн. I, стр. 415). — На соху шло три обжи. „По писцовымъ книгамъ, на обжу высѣвалось отъ 2 до 4, рѣдко 5 коробовъ, обыкновенно же по 2 1/2 короба въ каждомъ полѣ или, переводя на современную мѣру, каждый дворъ засѣвалъ около 2 1/2 де-

Что касается выдачи ссуды поселенцамъ, то необходимо замѣтить, что практика эта широко была распространена и въ XVII вѣка. Это обстоятельство побудило одного изъ новѣйшихъ историковъ высказаться въ томъ смыслѣ, что „какъ при заведеніи хозяйствъ вновь, такъ и при расширеніи стараго призваніемъ новыхъ поселенцевъ, выдача ссуды является необходимымъ условіемъ и во всѣхъ такихъ случаяхъ всегда предполагается: безъ средствъ на выдачу ссуды нельзя и крестьянъ призывать“ [1]).

Необходимо, однако, замѣтить, что вышеприведенное замѣчаніе является слишкомъ категорическимъ выраженіемъ совершенно правильнаго наблюденія, сдѣланнаго на основаніи изученія такъ называемыхъ „порядныхъ“ XVII вѣка, т. е. договоровъ землевладѣльцевъ съ поселенцами. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ же ученый въ томъ же изслѣдованіи

сятинъ озимаго и столько же яроваго“ (П. Соколовскій, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“, С.-Петербургъ 1877, стр. 18—19).

1) М. Дьяконовъ, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, (С.-Петербургъ 1898), стр. 118—126, 122. — Въ дополненіе къ фактамъ, приводимымъ въ вышеуказанномъ сочиненіи, небезполезно будетъ привести текстъ изъ духовной Андрея Михайловича Плещеева, написанной въ 1490 году, слѣдовательно почти, современной Псковской Судной грамотѣ: „А что серебра моего въ селѣ Елизаровскомъ на крестьянехъ сорокъ рублевъ денегъ безъ полутретья рубли, и я того серебра не велѣлъ на крестьянехъ имати; на комъ что есть, тому то и есть. . . А что серебра моего въ селѣ Пріимковѣ двадцать рублевъ на крестьянехъ, и я того серебра и т. д. А что въ томъ селѣ Богородицкомъ серебра моего на крестьянехъ делного и ростового сорокъ рублевъ безъ полутретья рубли, и язъ тѣхъ денегъ на крестьянехъ не велѣлъ имати сыну своему; что на комъ есть, тому то и есть. . . А что моего серебра въ селѣ въ Лихаревѣ на крестьянехъ. . . (А. Ѳедотовъ-Чеховскій, Акты, относящіеся до гражданской расправы древней Россіи, т. I, стр. 270—271). Задолженность крестьянъ засвидѣтельствована въ грамотѣ Димитрія Михайловича, внука Андрея Михайловича Плещеева: „а что моего во крестьянехъ хлѣба и денегъ въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ, и приказщикомъ моимъ велѣти на нихъ имати истину въ полы, а росту и наспу не имати, и половина истины передъ ними. (Тамъ же, стр. 276). См. также Ив. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, стр. 31 (прим. 1), 39.

высказывается иначе: „Конечно, въ XVII вѣкѣ, какъ и въ XVI, — говоритъ онъ, — въ землевладѣльческихъ хозяйствахъ нерѣдко встрѣчались пустыя деревни или давно запустѣвшія крестьянскія хозяйства; встрѣчались и случаи заведенія новыхъ крестьянскихъ хозяйствъ на почвѣ еще дѣвственной, „на сукахъ“, „на сыромъ корнѣ“. Порядчики на такіе участки, — продолжаетъ онъ, — естественно нуждались въ особой поддержкѣ и покровительствѣ со стороны землевладѣльцевъ. Но эта поддержка выражалась большею частью не въ выдачѣ подмоги или ссуды, а преимущественно въ предоставленіи порядчикамъ льготъ отъ государственныхъ податей и повинностей и отъ землевладѣльческихъ сборовъ на опредѣленное число лѣтъ по условію или по усмотрѣнію землевладѣльца“ [1]). Дѣйствительно, въ XVII вѣкѣ находились предприниматели, которые брались за расчистку пустошей даже на условіяхъ уплаты довольно высокой пени въ случаѣ невыполненія договора. Въ 1688 году нѣкій Ефремъ Шерефединовъ взялся въ теченіе 10 лѣтъ расчистить 15 десятинъ лѣса въ сельцѣ Новоселкахъ и обязался уплатить помѣщикамъ въ случаѣ, если расчистка произведена не будетъ, 50 рублей денегъ [2]).

Льгота или слобода́, какъ опредѣленный институтъ, — явленіе на Руси давнее. Въ Новгородской лѣтописи подъ 1229 годомъ записано, что князь Михаилъ Всеволодовичъ предоставилъ крестьянамъ, сбѣжавшимъ на чужую землю,

---

1) М. Дьяконовъ, Очерки изъ исторіи сельскаго населенія, стр. 117.

2) Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи (изд. Ник. Калачова), т. II (С.-Петербургъ 1864), стр. 516—517, № 163: „и въ тѣ въ десять лѣтъ росчистить мнѣ Ефрему въ томъ же сельцѣ Новоселкахъ ихъ жеребьевъ лѣсу пятнадцать десятинъ подъ пашню . . . а будетъ я Ефремъ — въ тѣхъ урочныхъ годахъ въ ихъ жеребьяхъ пятнадцати десятинъ лѣсу на пашню не росчищу, и имъ — по сей записи взять на мнѣ Ефремѣ за нероспашку лѣсу пятдесятъ рублевъ денегъ.

но потомъ возвратившимся, льготу или свободу отъ платежа дани въ теченіе 5 лѣтъ [1]). Никоновская лѣтопись подъ 1284 годомъ разсказываетъ о томъ, что баскакъ Ахматъ устроилъ въ Курскомъ княжествѣ двѣ большія слободы, куда по его зову сошлись поселенцы отовсюду [2]). Такъ какъ договоры землевладѣльцевъ съ поселенцами были обыкновенно, особенно въ древнѣйшее время, заключаемы словесно, то въ источникахъ XIV—XV вв. сохранилось мало свидѣтельствъ о поселеніяхъ, основанныхъ на условіяхъ льготы. Однако, можно указать три жалованныя льготныя грамоты, выданныя Троицкому монастырю, и одну, выданную Кирилло-Бѣлозерскому монастырю, въ силу которыхъ государи предоставляли крестьянамъ, поселившимся на монастырскихъ земляхъ, освобожденіе отъ государственныхъ сборовъ и повинностей въ теченіе 10—15 лѣтъ [3]). Мона-

1) Ив. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, стр. 16 (Новг. лѣт., стр. 44): и вда свободу смердомъ на 5 лѣтъ даній не платити, кто сбѣжалъ на чужую землю, а симъ повелѣ, кто здѣ живетъ, како уставили предніи князи, тако платити дань".

2) Ив. Бѣляевъ, стр. 29 (Ник. лѣт., т. III, стр. 78): „и сотвори себѣ двѣ слободы великія въ княженіи Ольга Князя Рыльскаго и Воргольскаго и Святослава Князя Липецкаго; и созва отвсюду людей много, и бысть ему отъ него вся, еже что хотяще, и заборонь отвсюду велика. И тако умножишася людіе въ слободахъ тѣхъ, и быша тамо торги и мастера всякіе; и быша тѣ двѣ слободы, яко грады великіе".

3) Акты, относящіеся до юридическаго быта др. Россіи, т. I (С.-Петербургъ 1857), стр. 90—91, № 31, 1, (1391—1425): ему (игумену) далъ Федоръ Ивановичъ на Кисмѣ пустоши Мясищевъскіе и за Озереицемъ — и игуменъ кого къ собѣ на тѣ земли перезоветъ людей. . . А отъсидѣвъ сво . . . и ни потянутъ мнѣ въ дань своею братьею по силѣ. — Тамъ же, стр. 94—95, № 31, V, (1439): ихъ село въ Переяславскомъ стану, въ Верхъдубеньѣ, Сватъковское з деревнями . . . а кого соб перезовутъ люди изыныхъ княжнеи въ то село и въ деревнѣ и на пустоши — и тѣмъ людемъ пришлымъ ненадобѣ дань на десять лѣтъ, ни иная нѣкоторая пошлина потому же. . . А отсѣдятъ тѣ люди пришлые свой оурокъ, и ни потянутъ въ мою дань по силамъ, а судомъ впрокъ игумену и всѣми пошлинами. — Тамъ же, стр. 96, № 31, VI, (1441—1442): што есми имъ дала — свои пустоши Съземьскіе земли, и которыхъ

стыри съ своей стороны освобождали, несомнѣнно, новыхъ поселенцевъ, бравшихся за расчистку лѣсовъ, отъ всякихъ оброковъ и барщины. Такое же освобожденіе отъ государственныхъ сборовъ и повинностей для крестьянъ предоставляли государи въ XV вѣкѣ и частнымъ землевладѣльцамъ [1]). Однако, вполнѣ опредѣленныя свѣдѣнія о поселеніяхъ на условіяхъ льготы относятся ко времени, начиная съ половины XVI вѣка, когда землевладѣльцы стали заключать съ крестьянами письменные договоры [2]). Насколько въ XVI вѣкѣ усилилась внутренняя колонизація и расчистка пустошей, можно видѣть изъ того, что сельскія общества также перезывали крестьянъ и сажали ихъ на пустыхъ крестьянскихъ участкахъ и пустошахъ [3]). Такъ, напр., одинъ крестьянинъ „далъ на себѣ запись“ сельской общинѣ въ томъ, что „взялъ на льготу 12 долю обжи“ съ обязательствомъ по истеченіи льготнаго года платить повинности наравнѣ съ другими общинниками [4]). Въ средѣ крестьянъ находились въ XVI вѣкѣ даже лица, бравшіяся заселять опустѣвшія старыя деревни. Митрополитъ Даніилъ въ 1527 году заключилъ со своимъ крестьяниномъ договоръ,

---

людеи игуменъ з братьею перезоветъ на тѣ (пустоши) изыныхъ княженеи — и тѣмъ людемъ пришлымъ ненадобѣ моя дань княгини великие на пятнадцать лѣтъ. . . А отъседетъ свои оурокъ тѣ люди, и они потянутъ въ мою дань по силѣ. — Тамъ же, стр. 100, № 31, X, (1448): А кого къ себѣ перезовутъ на тѣ пустоши людеи — ненадобѣ никоторая моя дань, ни ямъ на десять лѣтъ. — Въ другихъ грамотахъ, напечатанныхъ Н. Калачовымъ подъ тѣмъ же № 31, упоминается также о призывѣ крестьянъ для поселенія на пустошахъ, но безъ обозначенія срока льготы. Можно думать, что на практикѣ установилась въ XV вѣкѣ десятилѣтняя льгота, вслѣдствіе чего составители грамотъ обходили молчаніемъ этотъ пунктъ, какъ само собою подразумѣваемый.

1) См. жалованную грамоту 1449 года, указанную Ив. Бѣляевымъ (Крестьяне на Руси, стр. 29: Акты Арх. Эксп., т. I, № 44).

2) О рядныхъ или порядныхъ грамотахъ и литературѣ, посвященной ихъ разработкѣ, см. въ книгѣ проф. М. Дьяконова: Очерки изъ исторіи сельскаго населенія, стр. 75 и слѣд..

3) Ив. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, стр. 41, 68.

4) Тамъ же, стр. 81—82.

въ силу котораго этотъ послѣдній былъ обязанъ „на селища и на пустоши и на лѣсъ людей призывать и деревни ставити, и слободу сбирати, и льготныя грамоты на урокъ давати, посмотря по мѣстомъ, какъ будетъ пригоже“ [1]). Государи не менѣе частныхъ землевладѣльцевъ и монастырей заботились о заселеніи принадлежавшихъ имъ земель, а потому предоставляли поселенцамъ условія льготы, сообразуясь съ обстоятельствами и мѣстными особенностями [2]). Такъ какъ поселенцы на чужихъ земляхъ были люди свободные, то отъ ихъ усмотрѣнія зависѣло заключить соглашеніе съ землевладѣльцами на тѣхъ или другихъ условіяхъ. По истеченіи льготнаго срока, они вообще обязаны были уплачивать всѣ государственные и вотчинные сборы и вообще включиться въ число тяглецовъ той вотчины или того села и деревни, въ которыхъ они поселились. Разумѣется, они сохраняли право перехода, если только въ соглашеніи это право не было ограничено особымъ пунктомъ. Въ случаѣ неисполненія договора поселенецъ обязанъ былъ уплатить условленную пеню. Однако, иногда ему предоставлялась возможность вмѣсто себя посадить другого жильца [3]).

---

1) Тамъ же, стр. 37. Акты Арх. Эксп., т. I, 74.

2) Акты, относящіеся до юридическаго быта др. Россіи, т. III (С.-Петербургъ 1884), стр. 65, № 286, (1555): и тѣ деи деревни и селища и починки писцы наши Иванъ Колычовъ съ товарищи дали на льготу, а въ книгахъ деи они написали: какъ тѣ деревни и селища и починки изо лготы выйдутъ, и съ тѣхъ деи деревень и съ селищъ и съ починковъ всякое наше тягло тянуть христьяномъ съ черными деревнями . . . и какъ деи тѣ деревни и т. д. изо лготныхъ вышли. . . Ѳедотовъ-Чеховскій, Акты, относящіеся до гражданской расправы др. Россіи, т. I, стр. 315, № 99, (1599): а велѣно крестьяномъ, которые учнутъ по Ветлугѣ рѣкѣ селиться на пустыхъ мѣстехъ, давати лгота противъ прежніе грамоты блаж. памяти Государя Царя и Великого Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи, смотря по пустошѣ и по угодью, чтобъ имъ въ тѣ во лготные лѣта дворы поставить и поля огородить и пашня разпахать.

3) Ив. Бѣляевъ, Крестьяне на Руси, стр. 82 (Акты юр.

Поселеніе свободныхъ людей на условіяхъ льготы извѣстно было также и въ Литовско-русскомъ государствѣ. Здѣсь льгота называлась иногда „жалобой“, а обыкновенно „волею“. Подобно тому, какъ въ Московскомъ государствѣ, и здѣсь поселенцы дѣлались арендаторами-половниками. Такъ какъ одни землевладѣльцы предлагали поселенцамъ большія вольности, а другіе меньшія, что̀ приводило къ запустѣнію имѣній и къ разоренію нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ и понижало вообще землевладѣльческую поземельную ренту, то землевладѣльцы отдѣльныхъ земель, изъ которыхъ слагалось государство, вырабатывали иногда общую норму поселенія вольныхъ людей, обязательную для всѣхъ. Въ 1531 году землевладѣльцы Витебской земли по добровольному соглашенію выработали своеобразный колонизаціонный законъ: 1) поселенцы должны были платить четвертую долю урожая или отбывать барщину по два дня еженедѣльно; 2) поселенцы „на сыромъ корени“ пользовались освобожденіемъ

№ 187): А какъ отъидетъ льготный годъ, и мнѣ всякая подать платити со крестьяны вмѣстѣ. А покину язъ впустѣ землю въ той Прилучной деревнѣ, не насѣю и жильца не посажу, и на мнѣ Григорьѣ по сей записи взяти старостѣ въ міръ рубль денегъ“. (Въ льготу взята была 12 доля обжи, т. е. около „четверти“ или $^1/_2$ десятины). — Тамъ же, стр. 84 (Акты Юрид., № 186): „порядилися въ крестьяне на деревню на Высокое, на обжу на льготу на четыре лѣта. . . А жити намъ во льготѣ — четыре годы, а въ тѣ льготные годы монастырскіе хлѣбные дани и денежныхъ оброковъ ничего не давати, и государевыхъ намъ податей въ тѣ во льготные лѣта — не платити, и монастырскаго никотораго дѣла не дѣлати . . . а какъ тѣ льготные годы отойдутъ; и намъ въ монастырь давати — со обжи пятой снопъ изо всякаго хлѣба. . . А послѣ льготныхъ лѣтъ своей намъ съ пахотные обжи платити всякіе государевы подати съ волостью вмѣстѣ. А не поставимъ мы на той пустоши по своему договору и по записи дву дворовъ крестьянскихъ или непойдемъ жити на Николину деревню на Высокое; и игумену съ братьею взяти на насъ за дворовое поставленье и за нераспашку десять рублевъ Московская по сей рядной записи. — См. также М. Дьяконовъ, стр. 152—153. — Прикрѣпленіе крестьянъ должно было повліять на измѣненіе практики въ XVII вѣкѣ (М. Дьяконовъ, стр. 95, 100).

отъ платежей 5 лѣтъ; 3) крестьяне, поселившіеся на опустѣвшихъ участкахъ, на которыхъ строеній и избъ не было, получали освобожденіе отъ платежей въ теченіе 2 лѣтъ; 4) принявшіе расчищенные и обстроенные участки льготой не пользовались; 5) по истеченіи льготы, поселенецъ долженъ былъ оставаться на участкѣ столько же лѣтъ, сколько онъ высидѣлъ на льготѣ, а потомъ имѣлъ право уйти или продолжать обработку [1]). На условіяхъ льготы или воли въ Литовско-русскомъ государствѣ устраивались не только новыя села, но и мѣстечки [2]). Остается прибавить, что въ Малороссіи въ гетманскую пору воля съ оттѣнкомъ французской salvitas была извѣстна подъ названіемъ „селитьбы“. Получивъ отъ гетмана или полковника универсалъ на мѣсто, панъ изъ малороссійской старшины или достаточный человѣкъ осаживалъ слободу. „Строились хаты и на хатахъ выставлялся сверху крестъ, на которомъ „осадчикъ“ обозначалъ, сколько лѣтъ льготы отъ повинностей за землю

---

1) Акты Южной и Западной Россіи, т. I, стр. 78—80, № 94, (1531): ижъ мають люди вольные за собою держати по Полоцкому: маемъ ихъ садить на четвертой доли, або мають тіе люди два дни у недѣли пригону служити. . . А жалобы маемъ давать кожный зъ насъ тымъ людемъ вольнымъ: который человѣкъ сядеть на пустыни на сыромъ корени, тому человѣку на пять лѣтъ жалобы, а хто сядеть на пустоши а хоромъ не будеть а ни роспашей, тому жалобы на двѣ лѣта, а хто сядеть у готовый домъ и къ роспашемъ, тому жалобы не маемъ давать. . . А который человѣкъ колко лѣтъ жалобы высѣдить, ино тотъ человѣкъ маеть только жъ лѣтъ господару своему доли четвертое давати, або два дни у недѣли пригону служить, тожъ ему пойти прочъ; а мы маемъ ихъ добровольно отпускати прочъ не чепячи ихъ ничимъ.

2) Акты Литовской Метрики (собр. Ѳ. Леонтовичемъ), т. I (Варшава 1896), стр. 152, № 697: И мы казали ему тыхъ мѣщанъ и иныхъ ззывати и тое мѣсто нашое осаживати и воли имъ давати, разумѣючи, какъ бы намъ не шкодно было, а волю выседѣвши и они маютъ намъ и поплатки мѣстскіи платити потому, какъ передъ тымъ съ тыхъ мѣстецъ поплатки мѣстскіи даиваны. — Архивъ Юго-Западной Россіи, часть VI, т. I, стр. 3, № 2: K Žytomiru ž sełо Rudniki; a w tow sele dewiat czoloweka, a wse nowyie ludi, tiahłye, ieszcze woli ne wysedeli; a kak wolu wysediat i oni budut podymsczynu dawati i na toloku budut choditi.

дается новымъ поселенцамъ. Вскорѣ набирались люди и осаживалась слобода. Въ пору общаго закрѣпленія крестьянъ въ Малороссіи многія изъ такихъ слободъ были укрѣплены со всѣми жителями за первоначальными осадчиками по ихъ заимкамъ“ [1]).

Итакъ, на Востокѣ и Западѣ Европы одинаково распространены были арендныя формы половничества. И тамъ, и здѣсь при отдачѣ въ аренду запустѣвшихъ или дѣвственныхъ участковъ арендаторы-половники, называемые часто „гостями“, получали освобожденіе отъ платежей и повинностей въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ. Однако, при всемъ сходствѣ арендныхъ формъ, въ нормировкѣ отношеній землевладѣльцевъ къ крестьянамъ замѣчается существенное различіе. Въ самомъ дѣлѣ, на Западѣ крестьяне дорожатъ правомъ пользованія землею и стараются срочную аренду превратить въ наслѣдственную, на Востокѣ же они высоко цѣнятъ свое право перехода и избѣгаютъ установленія крѣпости землѣ. Это различіе находится въ зависимости отъ того, сколько оставалось свободныхъ и покрытыхъ дѣвственнымъ лѣсомъ земель. При обиліи ихъ землевладѣльцы охотно даютъ новымъ поселенцамъ большіе льготные сроки и въ то же время стараются закрѣпить ихъ на своихъ земляхъ. Съ другой же стороны, когда пустоши подобрались, какъ это было во Франціи и Западной Германіи въ отмѣченные выше періоды, землевладѣльцы не имѣли нужды предоставлять поселенцамъ особенно значительныхъ льготныхъ сроковъ. Въ общемъ можно сказать, что льгота болѣе извѣстна была на Востокѣ, чѣмъ на Западѣ Европы.

Развитіе института льготы въ Чехіи и Моравіи является доказательствомъ, что въ XII—XIII вв. землевладѣльцы

---

1) К. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражданскаго права, ч. I (вотчинное право), стр. 401.

этихъ странъ чрезвычайно заботились о заселеніи своихъ земель и старались по возможности удержать населеніе въ предѣлахъ своихъ имѣній. Съ своей стороны, крестьяне въ виду этого обстоятельства имѣли основаніе дорожить своимъ правомъ перехода подобно тому, какъ это наблюдалось въ Россіи. Какъ было уже указано въ литературѣ, чешскіе крестьяне пользовались правомъ перехода, ограниченнымъ только въ томъ отношеніи, что желающіе воспользоваться этимъ правомъ должны были произвести разсчетъ съ землевладѣльцемъ и удовлетворить всѣ его законныя требованія, основанныя на договорѣ, заключенномъ ими при поселеніи на чужой землѣ [1]). Разумѣется, при введеніи въ селахъ такъ называемаго (quod vulgariter dicitur) нѣмецкаго права крестьяне сохраняли право не согласиться на новыя арендныя условія и могли покинуть свои участки [2]). Право перехода въ чешскихъ источникахъ называлось „выгостомъ“, т. е. выходомъ изъ числа поселенцевъ-гостей, отказомъ отъ аренднаго договора [3]). Самый этотъ терминъ

---

1) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 48—50. — Majestas Karolina, § LXXIV (Codex juris bohemici, II, 2, p. 160—161). — Emler, Regesta, t. III, p. 494, nr. 1270, (1327): Et si quis subsidum seu colonorum cuiuscumque nostrorum fidelium regni nostri Boemie et terre nostrae Moravie procerum, vel eciam claustralium ad praedictam civitatem nostram mansionaliter se transferre voluerit, per dominum suum, cui subsedit, cuiuscunque condicionis aut status existat, non debeat in eo nec valeat impediri.

2) Emler, Regesta, t. II, p. 351, nr. 851, (1274): te in eadem villa iudicem constituimus, ut ipsa bohemici iuris conditione mutata in omnibus, que ibidem iudicanda seu ordinanda fuerint, ius teutonicum studeas conservare, et ut iusticie et profectui ville eiusdem et hominum ibidem manentium melius valeas intendere. — Ibid., p. 674—675, nr. 1723, (1331): locavimus jure emphiotetico — judici — ac pauperibus nostris communiter omnibus — in eadem hereditate manere volentibus bona praedicta perpetuo possidenda.

3) Emler, Regesta, t. II, p. 205, nr. 531, (1266): Et quicunque ad civitatem se transferre voluerit pro manendo et solverit domino suo ius, quod vulgariter wayhost dicitur, ibit libere nec retardetur aut impediatur in aliquo per dominum, in cuius antea bonis mansit. — Палацкій ошибочно предлагалъ читать въ этомъ текстѣ: weglose

свидѣтельствуетъ о томъ, что поселенцы-гости оставались на земляхъ землевладѣльцевъ, сколько кому „поживется“. Иной разъ уходили вскорѣ по истеченіи льготнаго срока, а иной разъ доживали въ селѣ до смерти и передавали участки своимъ наслѣдникамъ. Иначе и быть не могло, такъ какъ отказъ поселенцамъ со стороны землевладѣльца и удаленіе ихъ съ расчищенныхъ земель приводило бы села къ запустѣнію и дѣлало бы институтъ льготы безсмысленнымъ явленіемъ. Поэтому можно только удивляться тому, какъ могъ г. Юл. Липпертъ, говоря о льготѣ, находить, что „сущность этого договора заключается не въ условленномъ освобожденіи отъ платежей, а въ опредѣленномъ срокѣ, въ теченіе котораго землевладѣлецъ предоставлялъ поселенцу право пользованія выкорчеванной землею и отказывался отъ своего права удалить его“ [1]). Подобное толкованіе договора льготы, — какъ видно уже изъ приведенныхъ соображеній и фактовъ, должно признать крайне одностороннимъ и явно тенденціознымъ.

IV. При разсмотрѣніи текстовъ, на основаніи которыхъ можно разсуждать о правовомъ положеніи сельскаго населенія, необходимо всегда принимать во вниманіе происхожденіе жителей села. Такъ какъ одни изъ нихъ были потомками свободныхъ поселенцевъ, а другіе происходили отъ рабовъ, посаженныхъ на землю, или министеріаловъ, получившихъ землю подъ условіемъ отправленія извѣстной службы, то это различіе происхожденія и соціальнаго положенія не могло не отразиться

(Паденіе земскаго строя, стр. 49, прим. 1). — Панъ Генрихъ Розенбергъ въ 1525 году писалъ аббату Ждарскаго монастыря объ отпускѣ крестьянина слѣдующее: a téhož Jiřika vám propuštím, i wejhost témuž sem dáti rozkázal, téhož se od vás naděje, kdyby se který váš pode mnú chtel osaditi. См. Archiv český, d. XII, str. 105.

1) Socialgeschichte etc., Bd. I, S. 265, 277.

на установленіи ихъ правъ. Оставляя безъ вниманія это различіе въ условіяхъ пріобрѣтенія поземельной осѣдлости разными классами сельскаго населенія, едва ли возможно составить правильное представленіе о правовомъ положеніи крестьянъ въ ту пору, когда поземельныя отношенія только начали слагаться и процессъ правового сліянія всѣхъ жителей села далеко еще не закончился. Придавая же значеніе отмѣченному различію, необходимо прежде всего установить тѣ признаки, при наличности которыхъ становится возможнымъ съ нѣкоторой увѣренностью опредѣлить первоначальный составъ населенія даннаго села.

Выше было указано на то, что часть рабовъ была поселена въ селахъ для производства полевыхъ работъ на господской запашкѣ. Эти приписанные къ хуторамъ или экономіяхъ рабы получали небольшіе клочки поля, на которыхъ могли заниматься собственнымъ хозяйствомъ [1]). Живя въ селахъ или вблизи ихъ, они ни по своему соціальному положенію, ни по своему матеріальному благосостоянію ничего не имѣли общаго съ прочимъ сельскимъ населеніемъ. Сопоставляя грамоту короля Владислава со свидѣтельствомъ поземельной описи, относящимся къ селу Радоницѣ, можно видѣть, что потомки этихъ рабовъ назывались впослѣдствіи подсосѣдками [2]). Что таково именно было происхожденіе большинства подсосѣдковъ, это обнаруживается прежде всего изъ того, что они проживали въ тѣхъ селахъ, гдѣ была господская запашка, и обязаны были работать на ней [3]).

---

1) См. выше, стр. 261—263.

2) См. выше, стр. 188, прим. 2.

3) Decem registra, p. 4, 6, 97, 100, 105, 123, 144, 156, 164, 236—237, 251—253, 260—261, 270—271, 284, 286, 287. — Такъ какъ въ поземельныхъ описяхъ рѣдко приводятся указанія, относящіяся къ самостоятельному господскому хозяйству (см. выше, стр. 46), то не во всѣхъ случаяхъ можно установить фактъ сосуществованія господскихъ запашекъ и подсосѣдковъ. Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что въ XIV вѣкѣ многія господскія запашки отданы были въ обработку крестьянамъ, а подсосѣдки обложены чин-

Какъ преемники рабовъ, посаженныхъ на землю (servi casati), подсосѣдки назывались иногда „халупниками“ (gazales)[1]). Кромѣ „халупъ“ (gaza), они имѣли огороды или небольшіе участки поля: обыкновенно не болѣе 8 югеровъ[2]). Какъ видно изъ тѣхъ поземельныхъ описей XIV вѣка, въ которыхъ подробно описаны повинности населенія, подсосѣдки отбывали чрезвычайно тяжелую барщину, совершенно несоразмѣрную съ величиною ихъ полевыхъ участковъ. Въ селѣ Збузанахъ находилось два подсосѣдскихъ участка, держатели которыхъ обязаны были являться на господскія работы по первому требованію хотя бы ежедневно[3]). Въ селѣ Виканѣ проживало 11 молотильщиковъ, обязанныхъ также по первому требованію являться для молотьбы хлѣба[4]).

шевымъ платежомъ: такъ, напр., въ селахъ, принадлежавшихъ Пражскому архіепископству, они платили обыкновенно по 4—8 грошей ежегодно (Decem registra, p. 92, 94, 98, 108, 110, 112, 123, 125, 126, 127, 129, 133).

1) Decem registra, p. 34: Isti omnes gazales vel subsides solvunt annuatim. — Ibid., p. 36: Isti predicti omnes gazales solvunt 10 hall.

2) Decem registra, p. 4: Item sunt ibi 16 subsides, quorum quilibet tenet per quinque jugera. — Ibid., p. 164: Item Oczas subses habet de hereditate ad 3 strich. — Ibid., p. 179: Item sunt ibidem tritularii 11, quorum quinque habent de hereditate ad unam mensuram et ortulos. — Ibid., p. 237: Et predicti subsides sunt octo et quilibet ipsorum habet 6 strichones agrorum. — Ibid., p. 253: Item ibidem sunt subsides in numero 9 et habent agros secundum maius et minus, et solvunt diversimode robotas. Et primo illi, qui habent 4 strichones de agris. . . Item ibidem est unus subses habens 2 strichones hereditatis . . . et consimiles robotas quilibet ipsorum habens 2 strichones. . . Item est etiam unus subses, habens 6 strichones hereditatis. — Ibid., p. 266—267: Subsides dicte ville (Stradomicz). Item Maress habet 1 strichonem de agris. . . Item Waluss de orto. . . Item Paulus habet ortum. . . Jan Lehon de orto. . . Item Wenczeslaus sutor de 5 strichonibus vel citra hereditatis. . . Item Stephanus habet 3 strichones hereditatis. — Ibid., p. 232: Subsides: Item Przyhoda habet 8 strich. etc.

3) Decem registra, p. 156: Item due hereditates robotarie tenentur laborare in curia Miressicz omni die, quidquit ipsis mandatur, suis expensis.

4) Ibid., p. 179: Item sunt ibidem tritularii 11. . . Item quando

Въ селѣ Паткѣ 4 подсосѣдка, имѣвшіе каждый по 4 югера, должны были 10 дней жать озимый хлѣбъ, убирать 10 полосъ овса, 6 дней исполнять другія работы, два раза ежегодно мыть и стричь господскихъ овецъ и убирать разъ или два раза коноплю [1]). Такова же была барщина подсосѣдковъ въ селахъ Радоницѣ и Страдоницѣ [2]). Чиншевые платежи подсосѣдковъ были выкупной суммой нѣкоторыхъ или всѣхъ барщинныхъ ихъ повинностей [3]). Впрочемъ иногда денежные платежи происходили вслѣдствіе отдачи опустѣвшихъ подсосѣдскихъ участковъ постороннимъ лицамъ на условіяхъ временной аренды [4]).

Такимъ образомъ, признакомъ рабскаго происхожденія жителей села можно считать, съ одной стороны, исключительное обложеніе барщинными повинностями или значительное преобладаніе послѣднихъ при ничтожныхъ денежныхъ платежахъ, а, съ другой стороны, отсутствіе нормальныхъ крестьянскихъ надѣловъ. Такъ какъ въ окрестностяхъ городовъ князья вели обширное самостоятельное сельское хозяйство и селили съ этой цѣлью рабовъ [5]), то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нѣкоторыя пригородныя села были первоначально сплошь заселены людьми рабскаго

---

necesse fuerit, debent tritulare, quando ipsis mandatur, prout alii tritulant.

1) Decem registra, p. 253: Et primo illi, qui habent 4 strichones de agris, debent metere per 10 dies quilibet ipsorum et 10 sulcos in avena. Item quilibet ipsorum debet laborare in obstaculo molendini per 3 dies et tres dies pro curia post conductum Pasche. Item debent et tenebuntur bis in anno oves lavare et tondere ad mandatum procuratoris. Item debent canapum extrahere semel vel bis, si opus fuerit. . .

2) Ibid., p. 261, 266—267.

3) Ibid., p. 261: Item ibidem est homo unus nomine Marzyk subses, non laborat prout alii, sed racione laboris solvit procuratori in Patek caprellum infra octavas pasche.

4) Ibid., p. 253: Item est eciam unus subses, habens 6 strichones hereditatis, nomine Hodek, et solvit annuatim 16 gr. . . et a rabotis est supportatus ex condicione, quia tenet ad voluntatem domini abbatis. См. также ниже, стр. 321—323.

5) См. выше, стр. 140—141, 259—262.

происхожденія. Какъ видно изъ поземельныхъ описей, слѣды этихъ условій основанія нѣкоторыхъ селъ, расположенныхъ вблизи города Праги, удерживались еще въ XIV вѣкѣ. Въ селѣ Бревновѣ изъ 20 жителей двое названы колонами и не взносили никакихъ денежныхъ платежей, потому что исполняли, очевидно, по старинѣ различныя барщинныя работы, а 18 другихъ человѣкъ уплачивали по 12—18 гр. ежегодно, но всѣ вообще должны были исполнять рядъ слѣдующихъ работъ, а именно: жать по 15 копенъ озимаго хлѣба, 4 дня убирать яровой хлѣбъ, косить и складывать сѣно и 3 дня выходить на охоту по первому требованію [1]). Въ селѣ Велеславинѣ изъ 16 жителей двое названы подсосѣдками; изъ нихъ же одинъ уплачивалъ ежегодно 16 грошей, а 6 другихъ жителей платили ежегодно по 8—16 грошей, но всѣ вообще должны были исполнять такія же работы, какъ и жители села Бревнова [2]). Въ селѣ Большанахъ изъ 11 жителей одинъ названъ подсосѣдкомъ и платилъ 14 гр., а 4 другихъ человѣка платили ежегодно 8—18 гр., но всѣ обязаны были три дня жать хлѣбъ, собирать и складывать сѣно и пахать господское поле 13 дней [3]). Въ селѣ Трисковицѣ былъ монастырскій хуторъ съ тремя запашками и рыбнымъ садкомъ, а, кромѣ того, три халупы молотильщиковъ хлѣба, обязанныхъ работать на хуторѣ [4]). Въ селѣ Щеховицѣ былъ небольшой хуторъ и проживало 18 человѣкъ, имѣвшихъ халупы съ усадьбами и обязанныхъ жать только одинъ день. Всѣ они платили 4—6 гр. ежегодно, кромѣ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ уплачивалъ 12 гр., а другой — 24 гр. [5]). Въ селѣ Трешовицѣ было два хутора и вино-

1) Decem registra, p. 155.
2) Ibid., p. 160—161.
3) Ibid., p. 189.
4) Ibid., p. 287.
5) Ibid., p. 287—288.

градникъ, доходы съ котораго поступали въ пользу монастырскаго кустоса. Тамъ же находилось 18 усадьбъ, жители которыхъ обязаны были исполнять многочисленныя и разнообразныя барщинныя работы, а именно: обрабатывать виноградникъ и убирать поля, расположенныя около монастыря и на Петринѣ, носить оффиціальныя письма и приказы аббата, возить монаховъ съ ихъ поклажей при поѣздкахъ не далѣе 7 миль, привозить въ монастырь вино и другіе припасы изъ Праги на своихъ телѣгахъ, вытягивать вмѣстѣ съ монастырскими слугами плоты, стричь и мыть овецъ два раза въ годъ и т. д. [1]).

Если подсосѣдки и жители пригородныхъ селъ, имѣвшіе только халупы и усадьбы были потомками рабовъ, посаженныхъ на землю, то подобное происхожденіе опредѣляло въ значительной степени ихъ правовое положеніе. Они были прикрѣплены къ землѣ и правомъ перехода не пользовались. Прикрѣпленіе это не упрочивало ихъ быта. Такъ какъ землевладѣльцы, не признавая за рабами личныхъ правъ, не могли признавать ихъ субъектами имущественныхъ правъ, то по своему усмотрѣнію они могли удалить посаженныхъ на землю рабовъ или перевести ихъ на земли другого имѣнія. Такъ, напр., Бревновскій монастырь прикрѣпленныхъ къ землѣ (asscriptos glebae) жителей селъ Будегостицы, Нетовицы и Жегровицы перевелъ на земли селъ Каменицы, Голъ, и Лоденицы. Какъ видно изъ подтвердительной грамоты короля Отакара I, эти подлежавшіе переводу люди были подарены монастырю княземъ Брячиславомъ I (1037—1055) и проживали въ селахъ, приписанныхъ къ государеву столу. Фактъ даренія этихъ людей монастырю, переводъ ихъ на другія земли и наименованіе ихъ крѣпостными, всѣ эти черты свидѣтельствуютъ о томъ, что въ данномъ случаѣ дѣло шло о рабахъ или людяхъ

---

1) Ibid., p. 291—292.

рабскаго происхожденія [1]). Съ теченіемъ времени положеніе подсосѣдковъ и халупниковъ вообще значительно улучшилось. Этому способствовало, съ одной стороны, смягченіе нравовъ подъ вліяніемъ христіанства [2]), а, съ другой стороны, матеріальныя соображенія землевладѣльцевъ: если бы они не признали за потомками рабовъ личныхъ и имущественныхъ правъ, то земли ихъ пришли бы въ запустѣніе и они лишились бы необходимыхъ для обработки ихъ запашекъ рабочихъ рукъ, такъ какъ бѣглецы изъ числа рабовъ были охотно принимаемы на земляхъ государя и частныхъ лицъ [3]). Эта эмансипація началась, какъ видно изъ указанной выше подтвердительной грамоты короля Отакара I, еще въ серединѣ XI вѣка и выражалась двоякимъ образомъ: однихъ рабовъ селили на правахъ чиншевыхъ или оброчныхъ крестьянъ, а за другими признали личныя и имущественныя права. Въ самомъ дѣлѣ, люди рабскаго происхожденія, переселенные изъ селъ Будегостицы, Нетовицы и Жегровицы, получили права свободныхъ людей, жившихъ на чужихъ земляхъ (libere deserviant), и сдѣлались наслѣдственными арендаторами монастырскихъ

---

1) Erben, Regesta, t. 1, p. 316—317, nr. 685, (1224): quosdam homines asscriptos glebae, quos bonae memoriae Brecislaus, seren. dux B., in tribus villis ad regiam mensam in victualibus dandis specialiter pertinentibus, videlicet in Budegostich, Nuthomicich et in Segrovicih — monasterio Brevnoviensi dedit perpetuo possidendos, ad vicina praedia ejusdem mon. — de villis supranominatis fecimus transire, firmiter statuentes, ut dicti homines posterique ipsorum ab omni lege provinciali totaliter exempti — domino abbati — libere deserviant. Ipsis quippe villis de novo fundatis propter majorem memoriam nova nomina taliter inposuimus: scilicet ut illa villa, quae sita est prope Budegostich, Camenice vocetur, et quae prope Nuthomicich, Sole dicitur, quae vero prope Segrovich, nomen Lodenice sortiatur.

2) См. выше, стр. 251—253.

3) Erben, Regesta, p. 302, nr. 651, (1222): ut homines ecclesiasticarum personarum et ecclesiarum, fugientes servitutem debitam ecclesiis, a villicis regalibus seu aliis laicalibus personis non recipiantur.

земель, какъ это видно изъ того, что не только они, но и ихъ потомки (dicti homines posterique ipsorum) были освобождены отъ подсудности княжескимъ чиновникамъ [1]). Эти заключенія, основанныя на свидѣтельствѣ грамоты, подтверждаются указаніями поземельной описи Бревновскаго монастыря. Дѣйствительно, въ селахъ Голѣ и Каменицѣ, основанныхъ при князѣ Брячиславѣ, надѣлы крестьянъ назывались дѣдинами [2]). Съ другой стороны, оставшіеся на своихъ мѣстахъ потомки рабовъ, также не замедлили сдѣлаться дѣдичами, т. е. наслѣдственными арендаторами своихъ участковъ. Какъ видно изъ поземельной описи Страговскаго монастыря, жители села Трешовицы, бывшіе потомками поселенныхъ на землѣ рабовъ, были извѣстны подъ именемъ „извѣчныхъ дѣдичей“ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ за потомками рабовъ признано было право перехода, т. е. они въ этомъ отношеніи уравнены съ зависимыми людьми свободнаго происхожденія [4]).

Такимъ образомъ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Ф. Вацка, что халупниковъ и подсосѣдковъ землевладѣльцы могли по своему усмотрѣнію удалить съ участковъ, на которыхъ они сидѣли [5]). Не говоря уже о томъ, что подобное право землевладѣльцевъ всегда оставалось только

---

1) См. выше, стр. 311, прим. 1.

2) Decem registra, p. 163, 165.

3) Ibid., p. 291: Item sunt 18 aree, quas homines ibi residentes tenent cum agris, et sunt diediczones perpetui.

4) Emler, Regesta, t. III, p. 494, nr. 1270, (1327). Текстъ см. выше, стр. 304, прим. 1. — Въ этомъ текстѣ дѣло идетъ о правѣ перехода подсосѣдковъ и колоновъ. Подъ наименованіемъ колоновъ были извѣстны потомки рабовъ, какъ это видно изъ того, что населеніе села Унетицы, въ которомъ проживали въ 30-хъ годахъ XII вѣка рабы Збигнѣва, сто лѣтъ спустя состояло изъ сервовъ и колоновъ. Erben, Regesta, t. I, p. 377, nr. 803, (1233): dictam villam Vnethych, servos et colonos propriis nominibus designans. См. выше, стр. 309.

5) Vývoj society etc. Alétheia, ročn. IV, str. IV, str. 113: Chalupníci drželi usedlosti z milosti pánovy a mohli kdykoli po vůli jeho vyzuti býti z pozemků.

теоріей, такъ какъ осуществленіе его было несогласно съ экономическими интересами, необходимо имѣть въ виду, что дѣйствительная жизнь не замедлила создать другой обычай, болѣе согласный съ выгодами населенія и землевладѣльцевъ. Однако, дѣдичи изъ числа потомковъ рабовъ, посаженныхъ на землю, едва ли имѣли право отчуждать свои участки въ другія руки. Если бы они имѣли право распоряженія землею, то ихъ участки не оставались бы опустѣлыми, какъ это наблюдалось въ дѣйствительности [1]). Правда, въ поземельной описи Страговскаго монастыря указана одна норма обычнаго древняго права, дѣйствовавшаго въ селѣ Трешовицѣ, которую проф. В. Томекъ склоненъ истолковывать въ томъ смыслѣ, что дѣдичи этого села имѣли право свободной продажи своихъ участковъ [2]). Норма эта выражена въ описи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „каждый продавецъ обязанъ дать аббату 2 гр. отъ каждой копы и равнымъ образомъ покупатель обязанъ также уплатить общинѣ 2 гр. отъ копы“. Въ данномъ случаѣ невозможно сближать эти платежи со вступными и выходными платежами, которые установлены были въ селахъ, устроенныхъ на началахъ такъ называемаго нѣмецкаго права. Природа этихъ платежей жителей села Трешовицы выясняется изъ прибавленнаго замѣчанія, что „общая сумма поступленія достигала $5^1/_2$ копъ безъ одного гроша“ [3]). Такимъ образомъ, въ селѣ этомъ ежегодно совершалось сдѣлокъ на сумму 165 копъ. Если бы объектомъ сдѣлокъ были усадьбы и поля жителей, то отсюда слѣдовало бы, что составъ жителей села измѣнялся постоянно въ теченіе самаго короткаго промежутка времени,

---

1) См. выше, стр. 188, прим. 1.

2) См. выше, стр. 15.

3) Decem registra, p. 292: Item tale jus est in Trzessowicz ab antiquo, quod quivis vendens dare domino abbati 2 gr. de qualibet sexagena et similiter emens tenetur eciam dare communitati 2 gr. de sexagena. Item summa tocius $^1/_2$6 sexag. absque gr.

такъ какъ въ селѣ этомъ было всего только 18 усадьбъ. Не считая возможнымъ видѣть въ платежѣ 2 гр. нѣчто тождественное съ извѣстными вспослѣдствіи вступными и выходными платежами, необходимо признать, что село Трешовица было торговымъ поселеніемъ, въ которомъ совершались различныя торговыя сдѣлки на довольно значительную сумму. Это обстоятельство не можетъ вызывать удивленія, если будетъ принято во вниманіе, что это село находилось недалеко отъ Праги, центра чешской торговли [1]).

Почти все сказанное о правовомъ положеніи подсосѣдковъ и халупниковъ относится къ министеріаламъ тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ вышли также изъ числа рабовъ [2]). Какъ видно изъ источниковъ, министеріалы высшаго и низшаго разряда также первоначально могли быть по усмотрѣнію землевладѣльца удаляемы съ земель, на которыхъ сидѣли. Въ ряды министеріаловъ низшаго разряда можно отнести населеніе замковыхъ земель, пограничныхъ сторожъ, а также людей, обязанныхъ находиться при дворѣ для отправленія низшихъ должностей. Всѣ эти министеріалы получали за свою службу участки земли на условіяхъ временнаго пользованія. Было уже указано, что при отчужденіи Либицкаго лѣса государь считалъ возможнымъ предоставить землевладѣльцу опредѣленіе размѣра сторожевой службы людей, приписанныхъ къ находившейся тамъ сторожѣ [3]). Конечно, если бы подобная служба считалась излишней, то въ дарственной грамотѣ 1078 года монастырю предоставлено было бы право удалить всѣхъ людей, приписанныхъ къ сторожѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было поступлено, когда въ 1169 году король Владиславъ пожертвовалъ Литомышльскому монастырю одну изъ замковыхъ

1) F. Vacek, Vývoj society etc. Alétheia, ročn. IV, str. 149.
2) См. выше, стр. 260—261, 263—264.
3) См. выше, стр. 278—279.

Литомышльскихъ земель [1]). Въ 1256 году король Отакаръ II отдалъ Бревновскому монастырю въ селѣ Куромертвицѣ поля какихъ-то людей, находившихся въ вѣдѣніи высшаго коморника, при чемъ, какъ сказано въ грамотѣ, отъ усмотрѣнія монастыря зависѣло удалить этихъ людей или даже вовсе прогнать, если на пожертвованныхъ поляхъ желательно было завести собственную запашку [2]). Эти люди, поля которыхъ король пожертвовалъ Бревновскому монастырю, были, конечно, министеріалы, обязанные отправлять службу въ урядѣ высшаго коморника, подъ юрисдикціей котораго они состояли. Всякое сомнѣніе на этотъ счетъ устраняется, благодаря тому обстоятельству, что, какъ извѣстно изъ другихъ грамотъ, село Куромертвица заселено было людьми, приписанными къ разнымъ придворнымъ урядамъ, напр.: тамъ проживали повара и другіе люди, подчиненные королевскому стольнику [3]).

Разсматривая указанныя свидѣтельства, пельзя не видѣть, что министеріалы имѣли право на землю, обусловленное отправленіемъ извѣстныхъ обязанностей или службъ. Но такъ какъ землевладѣлецъ въ каждый моментъ могъ отказаться отъ пользованія услугами и обязательствами министеріаловъ, то правовое положеніе ихъ было чрезвычайно

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 139, nr. 319, (1169): praedium meum Repine, et terram Lutomisle, dejectis inde hominibus. — Эту грамоту Палацкій считаетъ подозрительной (dubiae fidei). — О земляхъ, приписанныхъ къ городамъ и замкамъ, см. Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 112—115, 191—193.

2) Emler, Regesta, t. II, p. 37, nr. 95, (1256): in villa nostra Churomirtwi nomine, agros quorundam hominum, qui ad jus summi camerarii pertinebant. — Damus eis nihilominus liberam facultatem eosdem homines amovendi, et procul pellendi, si prefatam hereditatem pro se suis maluerint usibus applicare. — Это село, теперь уже не существующее, находилось вблизи Бревнова. См. W. Tomek, Dějepis města Prahy, d. III, (dr. vyd. 1892), str. 85.

3) Erben, Regesta, t. I, p. 569, nr. 1227, (1249): villam suam Churomirtwi nomine, undecim homines nostros, pertinentes ad beneficium dapiferorum mensae nostrae. — Emler, Regesta, t. II, p. 96, nr. 253, (1260): terram cocorum in villa Curomirtvi.

шаткое. Выходъ министеріаловъ изъ состава того или другого вѣдомства или освобожденіе ихъ отъ служебныхъ обязанностей приводило къ потерѣ права на землю, доходами которой они пользовались. Удаляя людей съ Литомышльской земли, король Владиславъ, можетъ быть, желалъ по прежнему пользоваться ихъ службами, а потому отвелъ имъ земли въ другомъ мѣстѣ, но въ то же время въ силу предварительнаго удаленія министеріаловъ имѣлъ въ виду избавить Литомышльскій монастырь отъ затрудненій, предвидя для послѣдняго невозможность войти въ соглашеніе съ населеніемъ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ даны были земли ранѣе. Что же касается министеріаловъ села Куромертвицы, то они, очевидно, отправляли такія службы, которыя могли оказаться необходимыми и для новаго собственника ихъ служебныхъ надѣловъ, а потому король Отакаръ II предоставлялъ на усмотрѣніе монастыря вступить съ населеніемъ пожертвованныхъ земель въ соглашеніе или удалить его. Такъ какъ пожертвованы были только земли, то это доказываетъ, что министеріалы достигли уже въ ту пору личныхъ правъ и по своей волѣ могли выйти изъ числа министеріаловъ, если не дорожили правомъ пользованія тѣми участками земли, которые имъ были даны.

Въ совершенно такомъ же положеніи были министеріалы высшаго разряда, обязанные отправлять военную службу и извѣстные подъ именемъ шляхтичей [1]), а также лица, составлявшія придворный штатъ чешскихъ пановъ [2]).

---

1) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 176—180.

2) Emler, Regesta, t. II, p. 1219, nr. 2786, (1238—1241): et hoc, quod emi in Trotina, quod dedi Sbich dapifero vero meo pro servitio ipsius temporaliter possidendum; id est si fratri meo Hogero servierit, si vero servire noluerit eidem. . . Ibid., p. 289, nr. 744, (1271): Item omnibus servientibus meis, quibus equos vel arma aut argentum dedi, ordino, ut nullus amicorum meorum eos debeat perturbare, et si uxori mee servire noluerint, recedendi quocumque velint habeant plenam libertatem.

Такимъ образомъ, землевладѣльцы всегда могли отнять у министеріаловъ ихъ служебные участки, особенно если тѣ не исполняли или не могли исполнять возложенныхъ на нихъ службъ. Однако, довольно рано дѣйствительная жизнь выработала обычай, благодаря которому упрочилось положеніе и министеріаловъ. Уже въ началѣ XII вѣка свободные люди, вступая въ составъ этого класса, выговаривали себѣ право удержанія служебныхъ участковъ на чиншевыхъ или оброчныхъ условіяхъ въ случаѣ, если они не пожелаютъ отправлять установленную службу [1]). Подобная нормировка отношеній, происшедшая въ силу желанія свободныхъ людей упрочить свое имущественное положеніе, являлась мѣрой, которой не замедлили воспользоваться всѣ вообще министеріалы, извѣстные въ источникахъ XIV вѣка подъ именемъ „направниковъ“ [2]).

Какъ видно изъ вышеприведенныхъ фактовъ, весь классъ служилыхъ людей или министеріаловъ, не взирая на то, что значительную часть его составляли люди рабскаго проис-

---

1) Erben, Regesta, t. I, p. 90, nr. 202, (1115). Самый текстъ см. выше, стр. 245, прим. 3. Совершенно произвольно г. Юл. Липпертъ усматриваетъ въ словахъ: solvat hospitalitatem et cetera указаніе на выкупъ (die hospitalität zu lösen, d. h. sich loszukaufen), уплатой котораго сынъ жертвователя пріобрѣталъ себѣ свободу, отъ которой отказался отецъ, сдѣлавшійся „гостемъ“ монастыря. Не говоря уже о томъ, что предполагаемое г. Юл. Липпертомъ согласіе жертвователя оставаться на принадлежавшей ему ранѣе землѣ въ качествѣ „гостя“ изъ текста не усматривается, и въ другихъ отношеніяхъ истолкованіе свидѣтельства грамоты представляется ошибочнымъ. Прежде всего, оно основывается на неправильномъ признаніи „гостей“ людьми, прикрѣпленными къ землѣ. Кромѣ того, при толкованіи hospitalitas, какъ выкупа, оставлено безъ объясненія слово: et cetera (См. Socialgeschichte etc., Bd. 1, S. 214). Вполнѣ справедливо г. Фр. Вацекъ указываетъ на то, что словомъ hospitalitas обозначался денежный платежъ „гостя“, а словомъ cetera — его барщинныя повинности (Vývoj society etc. Alétheia, ročn. IV, str. 116—117).

2) Decem registra, p. 167: Summa naprawnikonis $2^1/_2$ hereditas, quam tenet, de quibus debet servire monasterio, et si non servit, tunc debet solvere sicut alii homines de $2^1/_2$ hereditate.

хожденія, пріобрѣлъ съ теченіемъ времени не только права личной свободы, но и право имущественное на тѣ участки, которые предоставлены были въ ихъ пользованіе землевладѣльцами. Министеріалы, подобно другимъ классамъ зависимаго населенія, сдѣлались дѣдичами [1]).

Поселенцы, осѣвшіе на чужой дѣвственной почвѣ, должны были ранѣе подсосѣдковъ, халупниковъ и министеріаловъ пріобрѣсти прочное и наслѣдственное право аренды, потому что, благодаря имъ, землевладѣльцы стали получать поземельную ренту. Кромѣ того, обѣ заинтересованныя въ данномъ случаѣ стороны не могли не сознавать, въ какой ничтожной мѣрѣ льгота является вознагражденіемъ за трудъ, затраченный на расчистку лѣса. Эти теоретическія соображенія подтверждаются свидѣтельствами источниковъ. Какъ оказывается, въ тѣхъ селахъ, въ которыхъ проживали поселенцы-гости, надѣлы крестьянъ назывались дѣдинами, т. е. участками, находившимися въ наслѣдственномъ владѣніи [2]). Если бы уже въ началѣ XII вѣка поселенцы-гости не считались наслѣдственными арендаторами своихъ участковъ, то свободные люди, поступая въ ряды министеріаловъ, не выговаривали бы себѣ права въ любой моментъ перейти на положеніе поселенца-гостя [3]).

Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени всѣ классы сельскаго населенія пріобрѣли права наслѣдственной аренды, сдѣлались дѣдичами. Въ одной грамотѣ начала XII вѣка упоминается о дѣдичномъ правѣ, которое стало земскимъ обычаемъ въ Чехіи [4]). Не смотря на скудость источниковъ, возможно указать существенныя черты этого права. Хотя дѣдичи права отчужденія своихъ участковъ не имѣли, какъ

---

1) См. предыдущее примѣчаніе.
2) См. выше, стр. 212, прим. 3—4, стр. 213.
3) См. выше, стр. 317, прим. 1.
4) Erben, Regesta, t. I, p. 232, nr. 510, (1208): praedium nostrum in Hosniz, quod more terrae nostrae duo rustici dedin jure possederant.

видно это изъ многочисленныхъ оговорокъ и формулъ укрѣпленія, употребленныхъ въ подтвердительной грамотѣ землевладѣльца, когда дѣло шло о пожертвованіи земли двумя крестьянами села Бубенъ [1]), — но, съ другой стороны, землевладѣлецъ отнюдь не могъ насильственно удалить ихъ съ земли. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ почему-либо желалъ на счетъ пашни дѣдичей расширить собственную запашку, ему приходилось входить въ соглашеніе съ дѣдичами и прибѣгать къ выкупной операціи. Такъ, напр., были выкуплены дѣдины крестьянъ въ селѣ Хейномъ, въ которомъ еще въ началѣ XV вѣка удерживался въ чистотѣ славянскій бытъ [2]). Разумѣется, землевладѣлецъ въ качествѣ собственника дѣдичныхъ земель могъ ихъ продать, заложить, пожертвовать, т. е. распорядиться по своему усмотрѣнію, но безъ нарушенія правъ дѣдичей. При такихъ сдѣлкахъ мѣнялся субъектъ права собственности, а ограниченіе этой послѣдней (jus in re aliena) въ пользу дѣдичей сохранялось въ прежней силѣ [3]). Кромѣ отсутствія права отказать дѣдичамъ, другое существенное ограниченіе права собственности землевладѣльца заключалось въ томъ,

---

1) Emler, Regesta, t. III, p.15, nr. 37, (1311): donacionem terre factam per Ursum et alium Ursum pauperes nostros in Buben pro ecclesia et cymiterio construendis ibidem ad instanciam virorum religiosorum — ratam — habemus, et eam robur omnimodum, firmitatem et vigorem volumus retinere, promittentes nos contra eandem donacionem — ex quacumque causa per nos, alium vel alios de iure vel de facto venire . . .

2) Decem registra, p. 236: Item sunt hereditates villanorum, que prius censuabantur, sed pie memoriae dominus Sdenko cupiditate ductus pratorum et agrorum pro se et pro curia praefata a villanis exsolvit.

3) Erben, Regesta, t. I, p. 326, nr. 705, (1226): dedimus — et heredes manentes in Clobuch. — Ibid., p. 386, nr. 822, (1233): Wenczlaus rex — confert — villam Cetowich — et praedium in villa Tyran cujusdam heredis. — Emler, Regesta, t. II, p. 683, nr. 1586, (1295): medietatem villae nostrae Chyrschin, in qua heredes quidam et vigiles castri Prag. — eisdem episcopo et episcopatui — possidendam.

что онъ не могъ возвышать платежей и повинностей, разъ навсегда установленныхъ. Поэтому пробстъ Ульрихъ съ нѣкоторымъ сокрушеніемъ указывалъ на то, что онъ не можетъ повысить платежи жителей селъ Тремошны и Сѣнца, какъ ни были таковые платежи невелики, потому что жители утверждали, что они дѣдичи [1]). Правда, у землевладѣльцевъ были средства, при помощи которыхъ они могли достигнуть удаленія нежелательныхъ почему-либо дѣдичей [2]), но эти средства находились внѣ области правовыхъ отношеній [3]).

На основаніи всѣхъ вышеуказанныхъ фактовъ, нельзя согласиться съ г. Юл. Липпертомъ, когда онъ, для вящаго прославленія благъ, принесенныхъ въ Чехію нѣмецкими колонистами, настаиваетъ на томъ, что землевладѣльцы не только имѣли право возвышать платежи и повинности зависимаго населенія, но и по своему произволу сгонять ихъ

---

1) Emler, Regesta, t. II, p. 719, nr. 1675, (1295): ad maiorem censum locare nequivimus propter incolas ipsarum villarum, qui se heredes, quod proprio vocabulo deditz dicitur, affirmabant. — Упомянутыя здѣсь села находились къ сѣверу отъ города Пильзня (Ср. выше, стр. 214). Если даже въ словѣ affirmabant усматривать указаніе на то, что притязанія жителей на званіе дѣдичей были неосновательны, то отъ этого нисколько не измѣняется смыслъ свидѣтельства, изъ котораго видно, что современники право дѣдичей не соглашаться на переоброчку считали не подлежащимъ оспариванію. См. также Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 59.

2) См. выше, стр. 237—241.

3) Какъ видно изъ отрывка поземельной описи Пражскаго епископства, въ концѣ XIII вѣка многія дѣдичныя земли пустовали. Это обстоятельство объясняется размежеваніемъ лѣсныхъ пустошей и земель отдѣльныхъ селъ. Въ самомъ дѣлѣ, наряду съ опустѣвшими дѣдичными пашнями показаны почти всегда незначительныя площади лѣсовъ и зарослей. Decem registra, p. 1: Item in Domausticz sunt 9 terre — quod modo est desertum. Notes, quod in Domusticz de terra aratili habentur CXXVII jugera hereditaria et de silva CXX jugera hereditaria. Item de rubis habentur XII jugera. — Ibid., p. 2: Item in Chrelina sunt mensurata 110 jugera hereditaria et de silva 24 jugera eciam hereditaria.

съ земли, на которой тѣ сидѣли [1]). Въ защиту своего положенія онъ не могъ привести никакихъ убѣдительныхъ данныхъ, такъ какъ тексты о насильственномъ удаленіи населенія или не относятся къ крестьянамъ вообще и къ поселенцамъ-гостямъ въ частности, или совершенно превратно имъ истолкованы. При такомъ одностороннемъ и неправильномъ освѣщеніи историческихъ фактовъ оказывалось, что славянское право чешскихъ крестьянъ было ничто иное, какъ безправное ихъ состояніе. Можно только удивляться тому обстоятельству, что въ чешской ученой литературѣ эта тенденція чешскаго нѣмца не встрѣтила надлежащаго отпора и оцѣнки [2]).

Ограниченіе права собственности въ силу дѣйствія дѣдичнаго права побуждало иногда землевладѣльцевъ отдавать участки земли на условіяхъ временной аренды. Нѣкоторыя подобныя сдѣлки были уже отмѣчены [3]). Временная аренда находила примѣненіе особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда отдаваемы были въ чужія руки опустѣвшіе участки или части господской запашки. Подобныя земли назывались иногда „изгнаническими“ [4]), вѣроятно, потому,

---

1) Jul. Lippert, Socialgeschichte etc., Bd. I, S. 231—232, 265—266, 291; Bd. II, S. 395.

2) Замѣчанія о чешскомъ правѣ см. въ книгѣ „Паденіе земскаго строя“, стр. 148—151. — Для сравненія представляетъ интересъ текстъ, приводимый Герм. Иречкомъ изъ угорскихъ законовъ короля Коломана отъ 1100 года: Liber quoque hospes, sicut Sclavi vel caeteri extranei, qui in terris laborant aliorum, pro libertate tantum denarios dent; non alios etiam denarios insuper pro opere aliquo dare cogantur. De castellanis autem tam pro opere quam pro libertate denarii accipiantur (Sl. právo, d. II, str. 76), а также текстъ, приводимый г. От. Ед. Шульце изъ сборника Риделя (Cod. dipl. Brandenburg. A. I, S. 457): simpliciter locati secundum jus Slavicale, ita sane, cum cultores ville non satisfaciunt in curie nec sufficiunt, tunc mansi possunt auferri ab eis licite et locari aliis agricolis pro pactis sive hure (Ed. Otto Schulze, Niederländische Siedelungen, Hannover 1889, S. 139, N. 1; Die Kolonisierung und Germanisierung, Lpz. 1896, S. 184, N. 2).

3) См. выше, стр. 274 (прим. 1), 316 (прим. 3).

4) Decem registra, p. 94: Villa Wyssyetin habet exiles terras.

что землевладѣлецъ сохранялъ право удалить или изгнать населеніе, сидѣвшее на такихъ земляхъ. Части господской запашки или опустѣвшихъ участковъ, распредѣленныя между оставшимися въ селѣ жителями, назывались „прибавками“ (nádavky, additamenta) и никогда не сливались въ одинъ комплектъ съ наслѣдственными дѣдичными надѣлами [1]). Кто желалъ включить прибавочную часть въ составъ своего наслѣдственнаго участка, долженъ былъ купить ее у землевладѣльца [2]). Такъ какъ землевладѣльцы, повидимому, оцѣнивали опустѣвшіе участки особенно въ селахъ, сосѣднихъ съ городомъ Прагой, по крайне высокой цѣнѣ, то преимущественно находились охотники брать такіе участки на условіяхъ временной аренды, во временное пользованіе, т. е. пока не послѣдовалъ отказъ со стороны землевладѣльца [3]). Само собою понятно, что если такіе

1) Decem regisrra, p. 42: Item kto drží dědiny od popluží dvora Hrušovankého: Kocaurek $^1/_2$ čtvrt a nádavek 13 gr. — Duchek má čtvrt a nádavky 23 gr. — Ševík $^1/_2$ čtvrt a nádavek 13 gr. — Ibid., p. 45: Item v té vsi Hrušovanech jakož jesti $3^1/_2$ lana pustého, sú k tém lánóm také lauka, ty auředníci prodávají na posěkánie a někdy ke dvoru sami sěkají. — Ibid., p. 46: Item vod těch pěti čtvrtí pustých tito drží pod aurok nějake kusy malé, vostatek položeno ladem . . . — Decem registra, p. 279—280: Villa Mnethyess . . . Item ibidem sunt 19 cum $^1/_2$ hereditates solventes . . . Item ibidem sunt quedam additamenta agrorum, de quibus solvunt secundum maius et minus . . . Et predicti laici, qui tenent predicta additamenta agrorum, sunt inferius ex nomine descripti. Item de predictis additamentis agrorum debent metere specialiter per unum diem et per $^1/_2$ pullum dare . . . Item Marzik habet 1 hereditatem cum additamento . . . Item Crux habet $^1/_2$ hereditatem cum additamento, de quo solvit 4 pr. etc.

2) Ibid., p. 47: Jan rychtář $2^1/_2$ lána i s pústkú, kterúž sobě k dědictví přikúpil.

3) Ibid., p. 155: Item Bradacz habet aream gaze (in villa Brewnow) in curia sua sibi additam, de qua solvebantur 20 gr. et omnia jura alia sicut alii vicini, et hanc tenet ad voluntatem domini abbatis. — Ibid., p. 161: Item Budczek feodalis habet (in villa Weleslawin) quosdam agros prope piscinas sibi additos de gracia, quos tenet ad voluntatem domini abbatis . . . Item Wolek solvit Georgii 8 gr., Galli 8 gr., sed habet ipsum Waluss (feodalis) pro subside ad voluntatem domini abbatis. — Ibid., p. 288: Et dictos agros ad praesens

временные арендаторы возводили на предоставленныхъ имъ во временное пользованіе участкахъ дома или постройки, то это обстоятельство сущности отношеній не измѣняло: земля принадлежала землевладѣльцу, а постройки — арендатору [1]). Иногда угодья, отданныя на условіяхъ временной аренды, послѣ смерти арендатора оставляемы были за его дѣтьми или женой, но не jure hereditario, a de gracia землевладѣльца. Если послѣдній всегда имѣлъ право отказать арендатору въ продолженіи срока аренды, то, съ другой стороны, и арендаторъ, какъ свободный человѣкъ, также свободно могъ отказаться отъ аренды. Во всякомъ случаѣ арендаторъ не терялъ своихъ правъ на постройки, воздвигнутыя на арендуемомъ участкѣ: если отказъ послѣдовалъ со стороны землевладѣльца, то послѣдній долженъ былъ уплатить крестьянину стоимость построекъ по оцѣнкѣ, произведенной сосѣдями, а если самъ арендаторъ желалъ уйти изъ села, то могъ продать свои постройки человѣку, на вводъ котораго послѣдовало согласіе землевладѣльца и односельчанъ [2]).

* * *

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ развитія внутренней колонизаціи всѣ классы сельскаго населенія, какъ ни было

---

tenet Wenczeslaus dictus pycariator, laycus ibidem de Mothol, ad voluntatem domini abbatis. — Ibid., p. 159: Item in eadem villa (Ruzen) sunt hereditates 23, quarum duas tenent servitores, videlicet unam cocus Kozlowecz et secundam vector Martinus. Item Kozlowecz habet agros circa piscinam sibi additos ex gracia domini abbatis, quos tenet ad voluntatem eiusdem. — Ibid., p. 160: Item idem Pastorek (in villa Lybocz) habet agros circa piscinam de gracia sibi additos, quos tenet ad voluntatem domini abbatis. — Ibid., p. 237: Item ibidem (in villa Horomierzicz) sunt 2 lanei minus 1 quartali, quos tenet Ogerius, de quibus non solvit, sed custodit silvas et servit, et hoc ad voluntatem domini abbatis.

1) Decem registra, p. 293: Item ibidem (in Obora Pragensi) sunt 60 aree et sunt monasterii, domus vero hominum in eis habitancium. . .

2) Diplomatář kláštera blahoslavené Panny Marie kanovníků řádu sv. Augustina v. Roudnici (Věstník král. České Společnosti náuk, 1893,

различно ихъ происхожденіе, поставлены были почти въ одинаковыя матеріальныя и правовыя условія быта. Съ

číslo XVII), str. 48, nr. 31, (1404): Já Václav řečený Jarpic a já Záviše, dva vlastnie bratři — že otec náš držal a my po něm držímy póldruhého lána v Jarpicích ot kněze probošta a konventa — dědiny úročnie a hostinné, ne v kterú nápravu, ale v též úplnie právo v úroky a v roboty, jako jiní jich súsedé tej vsi, a že otec náš před námi slúžil, a my po něm slúžímy s té dědiny za ty úroky a roboty do své vuole takú službú, že na rybníky . . . A když by se tato naše služba knězi proboštovi nelíbila, nehodila anebo my svú vec jinak chtěli opatřiti, tehdy s toho puol druhého lána úroky, roboty, poplatky podle jiných súseduow mámy plniti a platiti. A pakli bychom to chtěli prodati, tehdy podle obyčeje hostinne dědiny súsedé maji duom shádati a ten, kdož by to chtěl kúpiti a knězi proboštovi se líbil a súsedóm hodil . . . neb ty dědiny klášterské sú hostinné, aniž my jich muožem prodati aneb směniti aniž v které dluhy zastaviti anebo u věno zapsati, neb mimo duom a svrchní nábytek tu žádného jiného práva nemámy. Protož také zdali by kdy kterého z nás žena na tom sedění anebo při těch dědinách ovdověla, tehdá věna svého nemá na těch dědinách klášterských svobodných, ale na tom domu a na svrchniem nábytku hledati. A doněvadž by tu seděla a přál jí toho kněz probošt, tehdy má to opatřiti, aby služba s těch dědin nebyla obmeškána. Pakli by toho nemohla opatřiti anebo nelíbilo se knězi proboštovi, tehdy ihned v úroky — ma vniknúti a ty platiti a plniti. Pakli by toho všeho nemohla stihnúti anebo nechtěla plniti, tehdy kněz probošt muož ten duom kázati súsedóm shádati, a ona beze všie otpory na tom shádání a na svrchniem nábytku své věno vezmúci má toho postihnúti . . . Въ этой любопытной грамотѣ дѣло идетъ о чиншевыхъ участкахъ, оставленныхъ поселенцемъ - гостемъ (dědiny úročnie a hostinné) и отданныхъ отцу Вацлава и Завиши (а потомъ и этимъ послѣднимъ) на условіяхъ отправленія опредѣленной службы вмѣсто уплаты чинша или оброка и отбыванія барщины (slúžímy s té dědiny za ty úroky a roboty). Что братья не были министеріалами, на это имѣется прямое указаніе въ грамотѣ: ne v kterú nápravu. Что они не были также обыкновенными поселенцами - гостями, на это указываютъ слѣдующія обстоятельства: 1) службу, установленную за отданные имъ участки, они не сами отправляютъ, а посылаютъ своего работника или хлопца (pacholka statečného); 2) заключая письменное соглашеніе, они привѣшиваютъ къ грамотѣ свою печать (svù sem pečet' k tomuto listu přověsil); 3) они носятъ прозвище или фамилію по названію села (Václav řečený Jarpic), подобно тѣмъ шляхтичамъ, которые по ихъ просьбѣ привѣсили къ грамотѣ свои печати (a k tomu prosil sem slovutných mužóv Jana z Račiněvsi, Umka z Chlumu seděnim na Veselí a Buška ze Svinné, aby také na paměť a na svedomie toho vyznánie své pečeti přivešili). Несомнѣнно, что Вацлавъ, его братъ и ихъ отецъ были шляхтичи или монастырскіе

одной стороны, свободные люди постепенно спускались въ ряды зависимаго населенія, сидѣвшаго на чужой землѣ, а, съ другой стороны, исчезло рабство, потомки же рабовъ не только пріобрѣли личныя права, но и сдѣлались дѣдичами или наслѣдственными арендаторами данныхъ имъ участковъ земли, т. е. возвысились до положенія свободныхъ людей, вступившихъ въ зависимыя отношенія отъ представителей крупнаго землевладѣнія. Это объединеніе или сліяніе всѣхъ классовъ сельскаго населенія сказалось въ томъ, что постепенно стали исчезать термины для обозначенія различныхъ классовъ зависимыхъ людей, и съ XIII вѣка послѣдніе начали называться просто крестьянами или мужиками (homines, pauperes) [1]).

министеріалы, получившіе сверхъ своего участка отъ монастыря $1^1/_2$ чиншевыхъ лана de gracia и ad voluntatem domini. Всѣ эти соображенія и данныя не позволяютъ согласиться съ мнѣніемъ г. Фр. Вацка, который на основаніи этой грамоты утверждаетъ, что поселенцы - гости сидѣли на своихъ участкахъ только до отказа со стороны землевладѣльца, а слѣдовательно не были дѣдѣчами (Alétheia, roč. IV, str. 116—117).

1) Ант. Ясинскій, Паденіе земскаго строя, стр. 44.

Заключеніе.

Изученіе историческихъ источниковъ предгуситскаго времени приводитъ къ убѣжденію, что соціальное развитіе въ Чехіи шло тѣми же путями и совершалось въ такой же обстановкѣ, какъ и въ другихъ странахъ средневѣковой Европы. Въ значительной степени это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что соціальныя и правовыя отношенія слагались подъ вліяніемъ одинаковыхъ потребностей и запросовъ, выдвигаемыхъ жизнью, и нормировались по указаніямъ обычнаго права, главныя основы котораго у всѣхъ арійскихъ народовъ были почти однородны. Сходство въ общемъ не исключаетъ различія въ частностяхъ. Мѣстныя особенности и отличительныя черты историческаго процесса обуславливались, конечно, прежде всего тѣмъ, что коллективныя формы землевладѣнія, этотъ исходный пунктъ развитія, были у народовъ каждаго племени невполнѣ тождественнаго характера. Кромѣ того, огромное вліяніе въ данномъ направленіи имѣютъ отношенія къ сосѣднимъ народамъ или внѣшнія политическія судьбы, могущія затормозить или ускорить нормальное развитіе политическаго и соціальнаго строя, климатическія и топографическія условія страны, а также степень даровитости народа. Необходимо признать, что всѣ эти данныя благопріятно сложились для чешскаго народа въ эпоху среднихъ вѣковъ, а потому его соціальный и аграрный строй стоялъ въ ту пору на томъ

же уровнѣ, какъ и въ сосѣдней Германіи. Между тѣмъ, до настоящаго времени приходится читать произведенія ученыхъ нѣмцевъ, которые стараются убѣдить своихъ читателей въ томъ, что крестьяне въ странахъ славянскихъ вообще и въ Чехіи въ частности были до появленія нѣмецкой колонизаціи безправными рабами, которыхъ землевладѣлецъ могъ согнать съ земли, когда ему заблагоразсудится. По мнѣнію этихъ ученыхъ, славянскіе крестьяне получали отъ землевладѣльцевъ только самое необходимое и лишены были надежды на лучшее будущее. Когда же появились нѣмецкіе колонисты, то началась новая эра: „чешское сельское населеніе, — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ по поводу нѣмецкой колонизаціи, — видѣло теперь и долгое время впослѣдствіи въ положеніи и процвѣтаніи нѣмцевъ-колонистовъ поощреніе для стремленій къ достиженію того же и для себя“. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было не учиться и не заимствовать культуру этимъ славянскимъ бѣднякамъ, когда нѣмецкіе колонисты, по мнѣнію того же ученаго, „не были лишенные родины изгнанники, но свободные земледѣльцы, превосходные пахари, люди съ сильными руками и здравыми понятіями, исполненные уже твердою увѣренностью въ счастливомъ устройствѣ собственной судьбы“ [1]).

Къ сожалѣнію, въ рядахъ славянскихъ ученыхъ доселѣ находятся люди, считающіе подобныя воззрѣнія близкими къ научной истинѣ. Предыдущія страницы посвящены опроверженію этого заблужденія. Слѣдующій же томъ этого сочиненія будетъ посвященъ изученію и оцѣнкѣ тѣхъ началъ и прославленныхъ благъ, которыя будто-бы внесены были въ Чехію нѣмецкими колонистами.

---

1) Adolf Bachmann, Geschichte Böhmens, Bd. I, (Gotha 1899), S. 470—475, 475, 473.

Поправки и дополненія.

Стран.

5. Въ примѣчаніи 3 слѣдуетъ читать: Polyptyque.
11. Въ прим. на 2 строкѣ слѣдуетъ читать: вниманія.
89. Въ прим. 2 слѣдуетъ читать: въ IV главѣ второго тома.
93. Въ прим. 3 на 1 строкѣ слѣдуетъ читать: въ главѣ IV второго тома этого изслѣдованія.
127. Въ прим. 3 слѣдуетъ читать: и въ IV-ой второго тома главахъ.
141. Въ прим. 2 слѣдуетъ читать: см. ниже, въ слѣдующей же главѣ.
153. Въ концѣ прим. 1 прибавить: Этотъ памятникъ былъ изданъ Комиссіей печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ (Москва 1900, 1—56 стр.). Къ изданію были присоединены: 1) предисловіе г. Богоявленскаго (III — XXIV стр.); 2) замѣчанія проф. В. О. Ключевскаго (XXV—XXXVIII стр.); 3) четыре фототипическія таблицы.
184. Въ прим. 4 на первой строкѣ слѣдуетъ читать: Vývoj.
232. Въ прим. 3 на послѣдней строкѣ слѣдуетъ читать: nr. 752.
273. На 7 строкѣ сверху слѣдуетъ читать: Тѣшковомъ.

Того же автора:

1. Исторія Великой Хартіи въ XIII столѣтіи. Кіевъ, 1888 г.
2. Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ. Кіевъ, 1889 г.
3. Московскій Государственный архивъ въ XVI вѣкѣ. Кіевъ, 1889 г.
4. Донесеніе о Московіи Марка Фоскарини. Кіевъ, 1890 г.
5. Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ (X—XIII вв.). Кіевъ, 1895 г.
6. Объ этнографическихъ и культурныхъ отношеніяхъ въ средніе вѣка. Вступительная лекція. Юрьевъ, 1897 г.
7. Чешское извѣстіе XIV вѣка о русскомъ металлическомъ производствѣ. Юрьевъ, 1898 г.
8. Содѣйствіе чеховъ успѣхамъ германизаціи на берегахъ Балтійскаго моря. Юрьевъ, 1898 г.
9. Причины паденія древней Ливоніи. Публичная лекція. Юрьевъ, 1898 г.
10. Объ охранѣ и заселеніи степной окраины Московскаго государства въ концѣ XVI и началѣ XVII вв. Кіевъ, 1900 г.